

**ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ**

А Л Ъ М А Н А Х И

**ИЗДАТЕЛЬСТВА
„ШИПОВНИКЪ“**

Книга 16.

**С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1911.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Андерсона и Г. Лойцянскаго, Вознесенскій пр., 53.

КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Содержаніе.

Л. Н. АНДРЕЕВЪ. Сашка Жегулевъ. Романъ въ 2-хъ частяхъ.

А. М. РЕМИЗОВЪ. Пѣтушокъ. Разсказъ.

Ю. ЖУЛАВСКІЙ. Конѣцъ Мессіи. Единственный разрѣшенный
авторомъ переводъ Ал. Вознесенскаго.

Леонидъ Андреевъ.

Сашка Жегулевъ.

Романъ въ 2-хъ частяхъ.

Л. Андреевъ—Сашка Жегулевъ. Право собственности внѣ Россіи закрѣплено за авторомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

Гг. переводчиковъ просятъ обращаться за разрѣшеніемъ на переводъ и за справками къ представителю автора, Deutsches Verlagshaus Bong et C-o, по слѣдующему адресу: Berlin, Potsdamerstr. 88.

ЧАСТЬ I.

САША ПОГОДИНЪ.

1. Золотая чаша.

Жаждетъ любовь утоленія, ищутъ слезы отвѣтныхъ слезъ. И когда тоскуетъ душа великаго народа,—мятется тогда вся жизнь, трепещетъ всякій духъ живой, и чистые сердцемъ идутъ на закланіе.

Такъ было и съ Сашею Погодинымъ, юношею красивымъ и чистымъ: избрала его жизнь на утоленіе страстей и мукъ своихъ, открыла ему сердце для вѣщихъ зововъ, которыхъ не слышать другіе, и жертвенной кровью его до краевъ наполнила золотую чашу. Печальный и нѣжный, любимый всѣми за красоту лица и строгость помысловъ, былъ испить онъ до дна души своей устами жаждущими и умеръ рано, одинокой и страшной смертью умеръ онъ. И былъ онъ похороненъ вмѣстѣ съ злодѣями и убійцами, участь которыхъ добровольно раздѣлилъ; и нѣтъ ему имени добраго, и нѣтъ креста на его безвѣстной могилѣ.

Кто закроетъ глаза убійцъ? До послѣдняго суда остаются открыты они и смотрятъ въ темноту покорно. Кто осмѣлится закрыть глаза Сашкѣ Жегулеву?

Но мать жива, и мать зоветъ его:

— Мой нѣжный Саша.

2. Дѣтство Саши.

Того, что называютъ яснымъ дѣтствомъ, кажется, совсѣмъ не было у Саши Погодина. Хотя былъ онъ ребенкомъ, какъ и всѣ, но того особаго чувства покоя, безгрѣшности и веселой бодрости, которое связано съ началомъ жизни, не хранила его память. Казалось, не родился онъ, какъ другіе, а проснулся: заснулъ старымъ, грѣшнымъ, утомленнымъ, а проснулся ребенкомъ; и все позабылъ онъ, что было раньше, но чувство тяжелой усталости и невѣдомыхъ тревогъ лежало бременемъ уже на первыхъ отроческихъ дняхъ его. Давно, еще въ Петербургѣ, когда былъ живъ отецъ, подошелъ Саша къ матери и странно серьезнымъ голосомъ пожаловался:

— Ахъ, мамочка, какъ я усталъ, если бы ты знала.

— Набѣгался, вотъ и усталъ,—сказала мать: она видѣла, какъ Саша съ другими дѣтьми только что носился дико по большому казенному двору и визжалъ отъ восторга,—поменьше шалить надо, тогда и не будешь уставать. Смотри, какъ измазался!

— Иѣтъ, я не отъ этого.

— А отчего же?—вотъ смѣшной!

-- Такъ. Я такъ усталъ! Какъ же ты не понимаешь: просто такъ.

Тутъ Елена Петровна первый разъ въ жизни, какъ ей показалось, взглянула сыну въ глаза и испугалась: „умреть онъ отъ scarlatины!“—подумала она, такъ какъ въ эту пору особенно боялась для дѣтей scarlatины. Но эпидемія прошла мимо, и вообще Саша былъ совершенно здоровъ, росъ крѣпко и хорошо, какъ и его младшая сестренка, нѣжный и крѣпкій цвѣточекъ на гибкомъ стебелькѣ,—а то темное въ глазахъ, что такъ ее испугало, осталось навсегда и не уходило. Какъ и сестренка, Саша былъ отчаянно и неудержимо смѣшливъ, и отецъ его, генераль, иногда нарочно пользовался слабостью: вдругъ за чаемъ, когда у Саши полонъ ротъ, скажетъ что-нибудь смѣшное: Саша крѣпится, надуетъ щеки, но не хватаетъ силъ—брызнетъ чаемъ на скатерть и бѣжитъ отсмѣиваться въ сосѣдную комнату. Генераль хохочетъ и дразнить, а Елена Петровна всматривается въ глаза вернушагося Саши и думаетъ: „ну, конечно, онъ будетъ убитъ на войнѣ“—въ это время Сашу какъ разъ отдали по желанію отца въ кадетскій корпусъ.

И вѣроятно отъ этого вѣчнаго страха, который угнеталъ ее, она не оставила Сашу въ корпусѣ, когда генераль умеръ отъ паралича сердца, немедленно взяла его; подумавъ же недолго, распродала часть имущества и мебели и уѣхала на жительство въ свой тихій губернский городъ Н., дорогой ей по воспоминаніямъ: первые три года замужества она провела здѣсь, въ мѣстѣ тогдашняго служенія Погодина. Женщина она была твердая, умная, и ей казалось, что въ мирной и наивной провинціи она вѣрнѣе сохранитъ сына, нежели въ большомъ, торопливомъ и развращенномъ городѣ.

Пріятный, нисколько не измѣнившійся Н. не обманулъ надеждъ и съ готовностью покрылъ ихъ своей ненарушимой тишиной. Пересталъ быть страшнымъ и Саша: въ своей мирной гимназической одеждѣ, безъ этихъ ужасныхъ погонь, онъ сталъ самымъ обыкновеннымъ мальчуганомъ; и отъ души было пріятно смотрѣть на его большой пузатый ранецъ и длинное до пятокъ ватное пальто. Какъ это ни странно, но, кажется, ни одна гадалка, ни одинъ прорицатель не могли бы такъ успокоить Елену Петровну, какъ это длинное не по росту, ватное, точно накрахмаленное пальто; взглянетъ изъ окна, какъ плетется Саша по немощеной улицѣ, еле двигаетъ глубокими галошами, подгибая ватные твердые фалды, и улыбнется:

— А я-то боялась... Какіе же могутъ быть ужасы? Вотъ бы посмотрѣлъ генераль!

Теперь ей казалось, будто и генераль—какъ она и послѣ смерти называла мужа—раздѣлялъ ея страхи, хотя въ дѣйствительности онъ не дослушалъ ни одной ея фразы, которая начиналась словами: я боюсь, генераль...

— А ты не бойся! — говорилъ онъ строго и отбивалъ охоту къ тѣмъ смутнымъ, женскимъ изліяніямъ, въ которыхъ страхъ и есть главное очарованіе и радость.

Были и еще минуты радостнаго покоя, тихой увѣренности, что жизнь пройдетъ хорошо, и никакіе ужасы не коснутся любимаго сердца: это когда Саша и сестренка Линочка ссорились изъ-за переводныхъ картинокъ или вопроса, большой дождь былъ или маленкій, и бываютъ ли дожди больше этого. Слыша за перегородкой ихъ взволнованные голоса, мать тихо улыбалась и молилась какъ будто не вполнѣ въ соотвѣтствіи съ моментомъ: Господи, сдѣлай, чтобы всегда было такъ!

Но ссорились дѣти очень рѣдко, были нѣжно влюблены другъ въ друга, цѣлые дни проводили въ тихой влюбленности. Когда-то сильная любовь отца и матери вторично переживала себя въ нихъ—но уже лишенная матеріальности, ставшая лишь отзвукомъ отдаленнымъ, прекраснымъ и чистымъ. И такъ странно перемѣшались черты: Линочка всѣмъ внѣшнимъ обликомъ своимъ и характеромъ повторяла отца-генерала; крѣпкая, толстенькая, съ румянымъ, круглымъ, весело-возбужденнымъ лицомъ и сильнымъ, командирскимъ голосомъ—была она вспыльчива, добра, въ страстяхъ своихъ неудержима, въ любви требовательна и ясна. Если она плакала, то это не были тихія слезы въ уголокъ, а громкій на весь домъ, побѣдоносный ревъ; и умолкала сразу и сразу же переходила въ тихую, но неудержимо страстную лирику или въ отчаянно веселый смѣхъ. Была ли она радостна, гнѣвна или печальна—объ этомъ знали всѣ. Но у генерала, на котораго она такъ походила, при всѣхъ его достоинствахъ, не было никакихъ талантовъ—Линочка же вся была прожжена, какъ огнемъ, яркой и смѣлой талантливостью. Возьметъ въ толстенькіе, короткіе пальчики карандашъ—бумага оживаетъ и смѣется; положитъ тѣ же коротенькіе пальчики на клавиши: старый рояль съ пожелтѣвшими зубами вдругъ помолодѣлъ, поетъ, весело завирается; а то сама выдумаетъ страшную сказку, сочинитъ веселый анекдотъ.

Рядомъ съ нею молчаливый Саша казался непримѣтнымъ и даже блѣднымъ. Лицомъ своимъ онъ и дѣйствительно былъ блѣденъ и смуглъ, этимъ, какъ и всѣмъ остальнымъ, походя на Елену Петровну: по матери своей Елена Петровна была гречанкой, лицо имѣла смуглое и тонкое, глаза большіе, темные, иконописные—точно обведен-

ные перегорѣвшимъ, но еще горячимъ, коричнево-чернымъ пепломъ. Такіе же глаза были и у Саши, а смуглостью своею онъ удивлялъ даже и мать: лицо еще терпимо, а начнетъ мѣнять рубашку — смотрѣть смѣшно и странно, точно и не сынъ, а совсѣмъ чужой и далекій человѣкъ. Удивляло это; а что еще удивляло и даже до глубины души огорчало Елену Петровну—это полное, казалось, отсутствіе талантиности, прискорбное сходство съ генераломъ. Первое время ихней жизни въ Н., когда Елена Петровна всѣми силами стремилась установить въ своей жизни культъ красоты, эта Сашина бездарность казалась ей ужаснымъ горемъ, даже оскорбляла ее, точно ее самое лишили талантовъ или сказали, что она въ своей талантиности ошибается и нѣтъ ея совсѣмъ.

— Ахъ, Саша, хоть бы у тебя слухъ былъ, а то и слуха нѣтъ!— несправедливо упрекала она сына и, чувствуя несправедливость, еще увеличивала ее: смотри, какъ играетъ Линочка.

А Линочка всплескивала руками и въ бурномъ отчаяніи стояла:

— Да и не говори же, родная моя мамочка!— у него слуху какъ у этой тумбы, нѣтъ на копѣйку. Учю я его, учю, а онъ даже собачьяго вальса не знаетъ!

— Собачій вальсъ я знаю,—серьезно говорилъ Саша, не поднимая темныхъ, жутко обведенныхъ глазъ.

— Сашка!—не зли меня, пожалуйста; подъ твой вальсъ ни одна собака танцовать не станетъ!—волновалась Линочка и вдругъ все свое негодованіе и страсть переносила на мать: только ты напрасно, мама, ругаешь Сашеньку, это ужасно—онъ любитъ музыку, онъ только самъ не можетъ, а когда ты играешь эту твою тренди-бренди, онъ тебя слушаетъ такъ, какъ будто ты ангельскій хоръ! Мнѣ даже смѣшно, а онъ слушаетъ. Ты еще такого слушателя поищи! За такого слушателя ты Бога благодарить должна!

— Ну, понесла!—радовалась упрекамъ Елена Петровна, чуть-чуть краснѣя отъ удовольствія. При всѣхъ своихъ талантахъ она сама была въ музыкѣ горестно бездарна, и за всю свою жизнь только и научилась играть, что „тренди-бренди“—случайный, переименованный отрывокъ изъ невѣдомой пьесы, коротенькую вещицу, наивную и трогательную, какъ дѣтскій первый сонъ. И то, что этотъ странный Саша такъ любитъ эту вещицу, постоянно требуетъ ее, льстило ей, а въ непритязательности звуковъ заставляло угадывать какой-то новый смыслъ, непонятную значительность. А для обреченнаго Саши, когда вступилъ онъ въ череду страшныхъ событій и позналъ ужасъ одиночества, эта пьеска стала какъ бы молитвой, источникомъ чистой печали, тихой скорби о навѣки утраченномъ.

Но какъ видить глазъ сперва то, что на солнцѣ, а потомъ съ изумленіемъ и радостью обрѣтаетъ въ тѣни сокровище и кладъ,—такъ и Линочкина яркая талантливость только при первомъ знакомствѣ и на первые часы дѣлала Сашу непримѣтнымъ. И мѣнялось все съ той именно минуты, какъ увидить человѣкъ Сашины глаза—тогда вдругъ и голосъ его услышитъ, а то и голоса не слыхалъ, и почувствуетъ особую значительность самыхъ простыхъ словъ его, и вдругъ неожиданно заключить: а что такое талантъ?—да и нуженъ ли талантъ? Но неохотно открывалъ Саша свой взглядъ, какъ будто зналъ важность и святость хранящейся въ немъ тайны, обычно смотрѣлъ внизъ, на столъ или на руки. Эту его особенность хорошо знала Елена Петровна и въ материнской гордости, чтобы не дать гостю несправедливо подумать о Сашѣ, заставляла его взглянуть широко и прямо.

Вдругъ неожиданно спрашивала:

— Голова не болитъ у тебя, Сашенька?

Знала, что послѣ этого неожиданнаго и нелѣпаго-таки вопроса Саша непременно взглянетъ широко открытыми глазами, нѣсколько секундъ будетъ смотрѣть удивленно, а потомъ открыто и ясно улыбнется:

— Отчего же ей болѣть?—нѣтъ, не болитъ.

И знала, что послѣ этого взгляда и улыбки гость обязательно подумаетъ: „какой у нея хорошій сынъ!“, а вскорѣ, уйдя изъ-подъ Линочкиныхъ чаръ, подсядетъ къ Сашѣ и начнетъ его допытывать, и не попытаетъ ничего, и за это еще больше полюбитъ Сашу, и, уходя, уже въ прихожей, непременно скажетъ Еленѣ Петровнѣ:

— Какія у васъ хорошія дѣти, Елена Петровна!

— Да, славные ребята!—спокойно отвѣтитъ она и нарочно запуститъ сухую, но ласковую руку въ Линочкины русыя кудряшки, прижметъ къ себѣ ея горячую, красную щеку; и этимъ мнимымъ непониманіемъ окончательно добьетъ провинившагося и жалкаго гостя. Но Линочка и сама раздѣляетъ чувство матери и, ласкаясь, смотреть на глупаго гостя съ явной насмѣшкой и страстно думаетъ: „вотъ дуракъ!“ А потомъ, прощаясь съ братомъ на ночь, шепчетъ ему громкимъ на весь домъ шепотомъ:

— Она тобою гордится!—и еще громче:—я тоже!

„Она“ между дѣтьми называлась мать, а покойный и наполовину забытый отецъ назывался, по примѣру матери, „генераломъ“.

3. Наставникъ мудрый.

Взаимной влюбленности дѣтей, какъ и проявленію въ нихъ всего добраго, очень помогала та жизнь, которую съ первыхъ же дней пребыванія въ Н. устроила Елена Петровна. Труднѣе всего вначалѣ было найти въ городѣ хорошую квартиру, и цѣлый годъ были неудачи, пока черезъ знакомыхъ не попалось сокровище: особеннѣкъ въ пять комнатъ въ огромномъ многodedсятинномъ саду, чуть ли не паркѣ: липы въ петербургскомъ Лѣтнемъ саду вспоминались съ ироніей, когда надъ самой головой раскидывались мощные шатры такой зеленой глубины и непроницаемости, что невольно вспоминалась только что выученная исторія о патріархѣ Авраамѣ: какъ встрѣчается подъ дубомъ Господа.

А въ осеннія, темныя ночи ихъ ровный гулъ наполнялъ всю землю и давалъ чувство такой шири, словно стѣнъ не было совсѣмъ и отъ самой постели, въ темнотѣ, начиналась огромная Россія. Даже Линочка въ такія ночи не сразу засыпала и, громко жалуясь на бессонницу, вздыхала, а Саша, приходилось, слушалъ до тѣхъ поръ, пока вмѣсто сна не являлось къ нему другое, чудеснѣйшее: будто его тѣло совсѣмъ исчезло, растаяло, а душа растетъ вмѣстѣ съ гуломъ, ширится, плыветъ надъ темными вершинами и покрываетъ всю землю, и эта земля есть Россія. И приходило тогда чувство такого великаго покоя и необъятнаго счастья и неизъяснимой печали, что обычный сонъ съ его нелѣпыми грезами, досаднымъ повтореніемъ крохотнаго дня, казался утомленіемъ и скукой.

Первое время петербургскія дѣти боялись сада, не рѣшались заходить въ глубину; и особенно пугала ихъ нѣкая недоконченная постройка въ саду, кирпичный остовъ, пустоглазый покойникъ, который не то еще не жилъ совсѣмъ, не то давно умеръ, но не уходитъ. Весь онъ проросъ бурьяномъ, крапивою и красными цвѣтами, а въ одной изъ беззащитныхъ комнатъ, гдѣ должны были жить люди, спокойно зеленѣла березка — хоронила кого-то. Но прошло время, и къ саду привыкли, полюбили его крѣпко, узнали каждый уголъ, глухую заросль, таинственную тѣнь; но удивительно! — отъ того, что узнавали, не терялась таинственность и страхъ не проходилъ, только вмѣсто боли сталъ радостью: страшно—значить хорошо. И у каждаго изъ дѣтей уже появилось свое любимое тихое мѣстечко, недоступное и защищенное, какъ крѣпость; только у дѣвочки Линочки ея крѣпости шли по низамъ, подъ кустами, а у мальчика Саши по деревьямъ, на высотѣ, въ уютныхъ извивахъ толстыхъ вѣтвей. Ходили другъ къ другу въ гости, и Линочка ужасалась.

И о чемъ бы ни задумывались дѣти, какими бы волненіями ни волновались, — начала всѣхъ мыслей и всѣхъ волненій брались въ саду, и тамъ же терялись концы: точно наставникъ мудрый, источающій знаніе глубокими морщинами и многдумнымъ взоромъ, училъ онъ дѣтей молчаніемъ и строгостью вида. Безъ него, пожалуй, не узнать бы Саша такъ хорошо, ни что такое Россія, ни что такое дорога съ ея чудеснымъ очарованіемъ и маящей далью. И если Россію онъ почувствовать въ ночномъ гулѣ мощныхъ деревь, то и къ откровенію дороги привелъ все тотъ же садъ, привелъ неумышленно, играя, какъ дѣлаютъ мудрые: просто взлѣзъ однажды Саша на заборъ въ дальнемъ углу, куда никогда еще не ходилъ, и вдругъ увидѣлъ—дорогу. Двѣ стѣны ветхаго забора и свѣсившихся деревь, а посрединѣ двѣ теплыя, пыльныя, пробитыя въ ползучей травѣ колеи идутъ далеко, зовутъ съ собою. И никого живого—тишина въ глухой уличкѣ: то ли уже проѣхалъ, то ли еще проѣдетъ. И какъ Саша ни старался, такъ и не удалось ему поймать невѣдомаго, который проѣзжаетъ, оставляя двѣ теплыя колеи; когда ни взлѣзаетъ на заборъ,—на уличкѣ пусто, тишина, а колеи горятъ: то ли уже проѣхалъ, то ли еще проѣдетъ. Такъ и не увидалъ невѣдомаго и оттого свято повѣрилъ въ дорогу, душою принялъ ея пѣмой призывъ и впоследствии, когда развернулись передъ Сашей всѣ тихіе проселки, неторопливые большаки и стремительныя шоссе, сверкающія бѣлизною, то уже знала душа ихъ печальную сладость и радовалась какъ бы возвращенному.

Радовалась саду и Елена Петровна, но не умѣла по возрасту оцѣнить его тайную силу и думала главнымъ образомъ о пользѣ для здоровья дѣтей; для души же ихней своими руками захотѣла создать красоту, которой такъ больно не хватало въ прежней жизни съ генераломъ. Начала съ утвержденія, что красота есть чистота—и что же она дѣлала для чистоты! Знала она, что всѣ дѣти любятъ грязь и прямо, какъ умная, съ грѣшной страстью не боролась, но мыла дѣтей немилосердно, шлифовала ихъ, какъ алмазы и таки приучила: самостоятельно два раза утромъ и вечеромъ вытираться холодной водой,—уже они и сами не могли безъ этого обходиться. И, не любя животныхъ, кошку даже съ котятками терпѣла только за то, что она всегда чиста и умывается. Говорила:

— Смотри Линочка!—съ Линочкой ей было много труда,—смотри: и гдѣ только сегодня она не была, сейчасъ послѣ дождя бѣжала по двору, а какая чистая! Оттого, что умывается.

А кошка съ темнымъ прошлымъ мерцала загадочно желтыми

глазами, жила еще въ прошломъ; по вдругъ опомнилась и начала свой длительный и пріятный обрядъ.

И всю квартиру свою Елена Петровна привела къ той же строжайшей чистотѣ, сдѣлала ее первымъ закономъ новой жизни; и все радовалась, что нѣтъ денщиковъ, съ которыми никакая чистота невозможна. Потомъ занялась красотой вещей. Со вкусомъ, составлявшимъ неразрѣшимую загадку для захоластнаго Н., вдругъ измѣнила обычный обликъ всѣхъ предметовъ, словно надышала въ нихъ красотою: нарушила древнія соотношенія, и тамъ, гдѣ человѣкъ наследственно привыкъ наткаться на стулъ, оставила радостную пустоту. Сама распила занавѣсы на окнахъ и дверяхъ, подобрала у оконъ цвѣты, протянула по стѣнамъ крашеную холстину—что-то зажелтѣло, какъ солнечный лучъ, а тамъ ушло въ мягкую синеву, прорвалось краснымъ и радостно ослѣпило. Наружу зима, а въ комнатахъ весна и осень, цвѣты цвѣтутъ, и на блестящемъ полу, золотыхъ пятнахъ солнечныхъ, хочется играть, какъ котенку.

И всѣмъ, кто видѣлъ, нравилось жилище Погодиныхъ; для дѣтей же оно было родное, и оттого еще красивѣе, еще дороже. И если старый садъ училъ ихъ Божьей мудрости, то въ красотѣ окружающаго прозрѣвали они, начинающіе жить, великую разгадку человѣческой трудной жизни, далекую цѣль мучительныхъ скитаній по пустынѣ. Такъ по-своему боролась съ Богомъ Елена Петровна. Но одного все же не предусмотрѣла умная Елена Петровна: что наступитъ загадочный день, и равнодушно отвернутся отъ красоты загадочныя дѣти, проклянутъ чистоту и благополучіе, и нѣжное, чистое тѣло свое отдадутъ всечеловѣческой грязи, страданію и смерти.

Было одно неудобство, немного портившее квартиру: ея отдаленность отъ центра и то, что въ гимназію дѣтямъ путь лежалъ черезъ грязную площадь, на которой по средамъ и пятницамъ раскидывался базаръ, наѣзжали мужики съ сѣномъ и лыками, пьянствовали по трактирамъ и безобразничали. Трактирами же была усажена площадь, какъ частоколомъ, а по срединѣ гнила мутная сажалка, по которой испоконъ вѣку плавали запуганные утка и селезень съ обгрызаннымъ хвостомъ: и если развѣенное сѣно и соломинки и давали видъ нѣкоторой домовитости, то отъ конской мочи и всякихъ нечистотъ щипало глаза въ безвѣтренный день. Линочка, въ первый разъ пройдя по площади, сразу возненавидѣла мужиковъ, Саша же отнесся съ крайнимъ любопытствомъ, хотя и испугался немного и задышалъ чаще. Но скоро привыкъ и что-то даже понравилось: запахъ ли дегтя или даже конской мочи, окладистыя ли бороды, полупшубки, пьяныя пѣсни—онъ и самъ не зналъ. Одно онъ видѣлъ: они были совсѣмъ другіе,

чѣмъ всѣ, какъ будто изъ другого царства, и это и есть ихъ главный и огромный интересъ. Очень возможно, что тутъ была обычная романтика ребенка, много читавшаго о путешествіяхъ; но возможно и другое, болѣе похожее на страннаго Сапу: тотъ старый и утомленный, который заснулъ крѣпко и безпамятно, чтобы проснуться ребенкомъ Сашей, увидѣлъ свое и родное въ загадочныхъ мужикахъ и возвысилъ свой темный, глухой и грозный голосъ. Его и слышала Саша.

По воскресеньямъ Елена Петровна ходила съ дѣтьми въ ближайшую кладбищенскую церковь Ивана Крестителя. И Линочка бывала въ бѣленькомъ платьѣ, очень хорошенькая, а Саша въ гимназическомъ—черный, тонепкій, воспитанный; торжествомъ было для матери провести по народу такихъ дѣтишекъ. И особенно блестяла у Саши мѣдная бляха пояса: по утрамъ передъ церковью самъ чистилъ толченымъ углемъ и зубнымъ порошкомъ.

Нищенки-старухи у кладбищенскихъ бѣлыхъ воротъ относились къ Еленѣ Петровнѣ враждебно и звали ее между собой: „генеральшато!“. Но когда показывалась она съ дѣтьми, то высыпали ей навстрѣчу и пѣли лъстивыми голосами:

— Матушка! Дѣточки-то! И дасть же Господь! Матушка!..

Отъ знакомствъ Елена Петровна уклонялась: отъ своего круга отошла съ умысломъ, а съ обывателями дружить не имѣла охоты, боялась пустяковъ и сплетенъ; да и горда была. Но тѣ немногіе, кто бывалъ у нея и видѣлъ, съ какимъ упорствомъ строить она красивую и чистую жизнь для своихъ дѣтей, удивлялись ея характеру и молодой страстности, что вносить она въ уже отходящія дни; смутно догадывались, что въ прошломъ не была она счастлива и свободна въ желаніяхъ.

Но даже и дѣти не знали, что задолго до ихъ рожденія, въ первую пору своего замужества, она пережила тяжелую, страшную и не совсѣмъ обычную драму, и что сынъ Саша не есть ея первый и старшій сынъ, какимъ себя считалъ. И ужъ никакъ не предполагали они, что городъ Н. дорогъ матери не по радостнымъ воспоминаніямъ, а по той печали и страданію, что испытала она въ безнадежности тогдашняго своего положенія.

Это было за семь лѣтъ до Саши, и генераль тогда сильно и безобразно пилъ—даже до безпамятства и жестокихъ, совершенно бессмысленныхъ поступковъ, не разъ приводившихъ его на край уголовщины; и случилось такъ, что пьяный онъ толкнулъ въ животъ Елену Петровну, бывшую тогда на седьмомъ мѣсяцѣ беременности, и она скинула мертваго ребенка, первенца, для котораго уже и имя

мысленно имѣла: Алексѣй. И хотя Погодинъ и увѣрялъ, что ударилъ нечаянно—и, кажется, это была правда—оскорбленная женщина рѣшительно отказалась отъ дѣтей и всякой близости съ мужемъ, пока онъ совсѣмъ и навсегда не броситъ пить. Цѣлый годъ генераль выдерживалъ пытку и жилъ съ женой въ одномъ домѣ, но какъ посторонній; потомъ на три года развѣхался съ Еленой Петровной и всѣ три года отчаянно пилъ и путался съ женщинами. И снова поселился съ женой, пробуя обмануть ее, и снова развѣхался—пока, наконецъ, поблѣднѣвшій отъ злобы и неутолимой любви, не расплакался у ея ногъ и не далъ страшной клятвы, обѣта трезвости.

И вторично стала женою его Елена Петровна, и родила ему Сашу, а черезъ полтора года и Липочку; и даже не знали дѣти, что отецъ ихъ пилъ когда-нибудь. Твердо держалъ свою клятву генераль, но уже незадолго до смерти, послѣ одного изъ страшныхъ своихъ сердечныхъ припадковъ, вдругъ прохрипѣлъ женѣ:

— Ты думаешь, я для тебя не пью? Ну такъ знай же, что я тебя ненавижу и проклинаяю... извергъ! Убить тебя мало за то, что ты мнѣ сдѣлала.

Но тутъ поняла и она, что нѣтъ и у нея прощенія и не будетъ никогда — и сама смерть не покроетъ оскорбленія, нанесеннаго ей чистому, материнскому лону. И только Саша, мальчикъ ея, въ одну эту минуту жестокаго сознанія возросъ до степени высочайшей, сталъ сокровищемъ воистину неоцѣненнымъ и въ мірѣ единственнымъ. „Въ немъ прощу я отца“, — подумала она, но мужу ничего не сказала.

Съ тѣмъ и умеръ генераль. И ничего не знали дѣти.

4. Дѣти растутъ.

Года три жила Елена Петровна спокойно и радостно и уже перестала находить въ Сашѣ то особенное и страшное; и когда первую въ чредѣ великихъ событій, потрясшихъ Россію, вспыхнула Японская война, то не поняла предвѣстія и только подумала: „вотъ и хорошо, что я взяла Сашу изъ корпуса“. И многія матери въ ту минуту подумали не больше этого, а то и меньше.

Но уже близилось страшное для матерей. Когда появились первыя подробныя извѣстія о гибели „Варяга“, прочла и Елена Петровна и заплакала: нельзя было читать безъ слезъ, какъ возвышенно и красиво умирали люди и какъ сторонніе зрители, французы, рукоплескали имъ и русскимъ гимномъ провожали ихъ на смерть; и эти

герои были наши, русскіе. „Прочту Сашѣ, пусть и онъ узнаетъ“ — подумала мать наставительно и спрятала листокъ. Но Саша и самъ прочелъ.

— Отчего ты такой блѣдный, Сашенька? Усталъ въ гимназій?

— Усталъ.

— Тебѣ не хочется говорить? А я думала прочесть тебѣ про „Варяга“.

— Мы уже читали.

Она не разслышала слова „мы“ и видѣла только хмурую блѣдность, вдругъ замѣтила, что обводъ глазъ сталъ словно чернище и сами глаза глубже. И не успѣла еще осмыслить замѣчennaго, какъ поднялъ Саша эти самые свои пугающіе глаза и строго сказалъ:

— Ты не имѣла права. Зачѣмъ ты взяла меня изъ корпуса? Ты не имѣла права. Отецъ не позволилъ бы брать, если бы не умеръ.

Она чуть не закричала, но сдержалась и сухо, избѣгая взгляда, сказала:

— Тебѣ четырнадцать лѣтъ! Этого слишкомъ еще мало, чтобы судить о поступкахъ матери. И ты самъ никогда не хотѣлъ военной службы.

— Ты не имѣла права. Люди тамъ умираютъ, а ты меня бережешь. Ты не имѣешь права меня беречь.

— Саша!

Но онъ не сталъ говорить и ушелъ въ садъ, на узенькую дорожку въ снѣгу, которую прочистилъ самъ; и ходилъ до самыхъ синихъ сумерекъ ранняго зимняго заката. Если бы онъ заплакалъ, знала бы, какъ поступить, чтобы утишить дѣтское горе, но страданіе молчаливое и сдержанное дѣлало ее бессильною и пугало: слишкомъ много чувствовалось въ немъ непонятной мужской силы. „Говорить такое, а самъ и не волнуется какъ будто“ — подумала Елена Петровна про Сашины жуткіе глаза. Но когда подошла къ зеркалу, чтобы оправиться, какъ по женской своей привычкѣ дѣлала послѣ каждого сильнаго волненія, то увидѣла, что и она по внѣшности совсѣмъ спокойна и даже незачѣмъ оправляться. Долго смотрѣла Елена Петровна на свое отраженіе и многое успѣла передумать: о мужѣ, котораго она до сихъ поръ не простила, о вѣчномъ страхѣ за Сашу и о томъ, что будетъ завтра; но о чемъ бы ни думала она и какъ бы ни колотилось сердце, строгое лицо оставалось спокойнымъ, какъ глубокая вода въ предвечерній сумракъ. Отходя, она провела рукой по гладкимъ волосамъ и рѣшила: это у насъ характеръ такой... что-жъ, я очень рада.

Тяжелый и опасный разговоръ не возобновлялся по тайному со-

глашенію матери и сына, а вскорѣ Елена Петровна и совсѣмъ поза была о холодной и странной вспышкѣ. Къ тому времени съ Дальняго Востока потянуло первымъ холодомъ настоящихъ пораженій, и стало непріятно думать о войнѣ, въ которой нѣтъ ни яснаго смысла, ни радости побѣдъ, и съ легкостью безсознательнаго предательства городокъ вернулся къ прежнему миру и сладкой тишинѣ. Успокоились и городскія дѣти и, хотя по-прежнему играли въ войну, но охотнѣе именовали себя японцами; но увлекались японцами и взрослые, ставили въ примѣръ ихъ отношеніе къ смерти и даже маленькій ростъ.

Какъ-то вечеромъ, уже въ первыхъ числахъ марта, разразилась послѣдняя свирѣпая метель, и голый садъ загудѣлъ напряженно и страстно; казалось, будто весь онъ поднялся на воздухъ и летитъ стремительно, звеня крылами и тяжело вздыхая обнаженной грудью. Мамы не было дома, она ушла еще послѣ обѣда куда-то въ гости, и Линочка рисовала, когда въ тихую комнатку ея тихо вошелъ Саша и сѣлъ у стола, въ зеленой тѣни абажура. Та же зеленая тѣнь крыла и Линочкино лицо, дѣлая его худѣе и воздушнѣй; а короткіе пальчики, ярко освѣщенные и одни какъ будто живые, проворно и ловко работали карандашемъ и резиной. На Сашу она не взглянула, такъ какъ привыкла къ такимъ посѣщеніямъ, и только черезъ минуту сказала, не поднимая глазъ отъ рисунка:

— Теперь въ лѣсу волки.

— Что-то не хочется читать,—сказала Саша.—У тебя въ комнатѣ теплѣе, а у меня снѣгъ бьетъ прямо въ окна.

— Ну и сиди, грѣйся.

Замолчали. Саша слушалъ, какъ въ звонѣ и гулѣ улетаетъ садъ; и странно было, что сквозь его мощный ревъ пробивается тихое уютное поскрипываніе карандаша по бумагѣ—странно и пріятно.

— Лина!

— Ну?

— Ты любишь называть меня греченочкомъ. Пожалуйста, не называй меня такъ, я не хочу быть похожимъ на грека.

— Да родной же мой Сашечка...

Крѣпко потеряла резинкой и продолжала:

— Да родной же мой Сашечка! — отчего не называть? Греки бываютъ разные. Ты думаешь только такіе, которые небритые и съ кораллами... а Мильтиадъ, напримѣръ? Это очень хорошо, я сама хотѣла бы быть похожей на Мильтиада.

— Нѣтъ, я не хочу. Я хочу быть похожимъ на русскаго.

— Ну какъ хочешь! Русскій, такъ русскій.

Снова помолчали. Саша сказалъ:

— Байронъ былъ великій поэтъ. Онъ умеръ, сражаясь за свободу грековъ.

— Я знаю,—отвѣтила Линочка, хотя въ первый разъ услышала, что Байронъ умеръ за свободу. — Не мѣшай, Сашечка, а то навру.

— А она похожа на гречанку.

— Мама?

Вопросъ былъ новъ и интересенъ, и Линочка положила карандашъ. Оба нахмурившись смотрѣли другъ на друга, вспоминая, что видѣли греческаго, но только и могли вспомнить, что гимназическую гипсовую Минерву съ крутымъ подбородкомъ и толстыми губами.

— Нѣтъ, не похожа! — рѣшила Линочка, вздыхая отъ натуги. Саша улыбнулся въ своей зеленой тѣни:

— А я знаю, на кого она похожа. Сказать? Она похожа на одну бабу съ базара, которая продаетъ селедки, такая закутанная въ платокъ.

— Ну вотъ глупости, напелъ съ кѣмъ сравнить! Мама такая...— Линочка искала слова, но не нашла: такая... барыня.

— Нѣтъ, правда. Я не могу тебѣ объяснить, но она ужасно, ужасно похожа! Особенно, когда никто не покупаетъ и она сидитъ такъ, сложивъ руки, и совсѣмъ не шевелится, а изъ-подъ платка такіе ужасно огромные глаза. Ты не думай, я ее уважаю.

— погоди, не мѣшай, я припоминаю.

Линочка совсѣмъ спрятала глаза въ брови и полураскрыла ротъ; и вдругъ задохнулась и зловѣщимъ шопотомъ сказала:

— Сашенька! Я нашла!

И все болѣе таинственнымъ шепотомъ, округливъ глаза, шептала:

— Въ нашей церкви... знаешь?—есть на лѣвой сторонѣ картина... знаешь?— и тамъ нарисована одна святая, и ну вотъ! Она похожа на икону!

— Правда?—повѣрилъ Саша.

— Нѣтъ, ты подумай, какъ это страшно: на икону!

Оба испугались. Мама, обыкновенная мама, такой живой чело-вѣкъ, котораго только сейчасъ нѣтъ дома, но вотъ-вотъ онъ придетъ— и вдругъ похожа на икону! Что же это значить? И вдругъ она совсѣмъ и не придетъ: заблудится ночью, потеряетъ домъ, пропадетъ въ этомъ ужасномъ снѣгу и будетъ одна звать: — Саша! Линочка! дѣти!...

..... — Куда ты, Саша?

— Встрѣчать маму.

— Иди, иди! Какой вѣтеръ.

— Она сказала, что зайдетъ къ Добровымъ.

— А калоши?

— Я безъ калошъ.

Въ прихожей не было огня, и въ окно смотрѣла вѣчно чуждая людямъ, вѣчно страшная ночь.

— Гдѣ моя фуражка?

— Вотъ. Я держу. Иди, иди!

Послѣ этого страшнаго вечера, закончившагося однако совсѣмъ благополучно: Елена Петровна уже подъѣзжала къ дому на извозчикѣ и встрѣтила Сашу у самой калитки—связь между дѣтьми и матерью какъ будто еще окрѣпла, а въ обращеніи Саши появилась особая мягкость, сдержанная нѣжность и какое-то своеобразное джентльменство. Словно въ этотъ именно вечеръ сознавъ себя взрослымъ, Саша по-мужски услуживалъ матери, провожалъ ее по вечерамъ и уже пробовалъ, насилуя свой ростъ, вести ее подъ руку. Но дѣлалъ онъ это съ такимъ достоинствомъ, что не пришло въ голову улыбнуться ни Линочкѣ, ничего неестественнаго не замѣтившей, ни самой Еленѣ Петровнѣ. Ходилъ Саша тайно отъ Линочки и въ церковь, гдѣ была картина, и нашелъ, что сестра права: какое-то сходство существовало; но онъ не долго думалъ надъ этимъ, порѣшивъ съ прямолинейностью чистаго ребенка: „всѣ матери святыя“. Но то, что всегда знала мать: боязнь утраты — почувствовалъ и Саша, узналъ муку любви, томительность безысходнаго ожиданія, всю крѣпость кровныхъ узъ... Ибо суждено ему было тѣми, кто жилъ до него, поднять на свои молодые плечи все человѣческое, глубиною страданія освѣтить жестоку ю тьму. Только тѣ жертвы принимаетъ жизнь, что идутъ отъ сердца чистаго и печальнаго, плодоносно взрыхленнаго тяжелымъ плугомъ страданія.

Такъ жили они, трое, по виду спокойно и радостно, и сами вѣрили въ свою радость; къ дѣтямъ ходило много молодого народу, и всѣ любили квартиру съ ея красотою. Нѣкоторые, кажется, только потому и ходили, что очень красиво—какіе-то скучные, угреватые подростки, весь вечеръ молча сидѣвшіе въ углу. За это надъ ними подсмѣивался и Саша, хотя въ разговорѣ съ матерью увѣрялъ, что это очень умные и въ своемъ мѣстѣ даже разговорчивые ребята.

— Чего же они тогда молчатъ? — негодовала Елена Петровна, имѣвшая, какъ и Линочка, среди гимназистовъ своихъ враговъ и друзей.

— Не знаю, боятся, что ли! Ты не сердись на нихъ, мама. Они говорятъ, что только у насъ и видятъ настоящую жизнь.

— Врутъ!—опредѣляла Линочка.—Тимохинъ даже танцовать не

умѣетъ, я ему предложила, а онъ смотритъ на меня, какъ быкъ съ рогами.

— Тимохинъ одинъ у насъ во всемъ классѣ самъ учится англійскому языку, почти уже выучился,—сказалъ Саша.

— Какой англичанинъ!

Но Елена Петровна уже примиряла:

— Конечно, это хорошо, но только какъ же онъ съ произношеніемъ?.. И совсѣмъ не надо всѣмъ танцевать, а вѣдь можно же спорить, какъ другіе... Впрочемъ, не знаю, ты ихъ лучше знаешь, Сашенька!

И въ слѣдующій разъ усиленно любезничала съ нелюбимцами, а тѣ отъ этого еще крѣпче замолкали, и она снова негодовала и жаловалась. Но это были пустяки, а въ общемъ всѣ дѣти были такъ хороши, что хотѣлось только глядѣть на нихъ изъ уголка и радоваться. И тѣмъ особенно были они хороши, что не было ни одного лучше Саши: пусть и поютъ и поражаютъ остроуміемъ, а Саша молчитъ; а какъ только заспорятъ, сейчасъ же каждый тянетъ Сашу на свою сторону: ты согласенъ со мною, Погодинъ? И съ кѣмъ Погодинъ согласился, тотъ считаетъ споръ оконченнымъ и только фыркаетъ—точно за Сашинымъ тихимъ голосомъ звучать еще тысячи незримыхъ голосовъ и утверждаютъ истину.

Но этому свойству Сашинаго голоса удивлялась и не одна Елена Петровна; и только самъ онъ, кажется, ничего не подозрѣвалъ.

5. Сны.

...Но откуда эта тайная тоска, когда все такъ хорошо и жизнь прекрасна! Не радуется ли утро дню и день вечеру? — и не всегда ли плывутъ облака, и не всегда ли свѣтитъ солнце и плещется вода? Вдругъ среди веселой игры, безпричиннаго смѣха, живого движенія свѣтлыхъ мыслей — тяжелый вздохъ, смертельная усталость души. Тѣло молодо и юношески крѣпко, а душа скорбитъ, душа устала, душа молитъ объ отдыхѣ, еще не отвѣдавъ работы. Чѣмъ же трудомъ она потрудалась?—чьею усталостью она утомилась? Томительные зовы, нѣжные призывы звучать непрестанно; зоветъ глубина и ширь, открыла вѣщія глаза свои пустыня и молитъ: Саша! Ливочка—дѣти! Или спитъ Саша крѣпко, и это ночной гулъ мощныхъ деревьевъ навѣваетъ ему сны о вѣчной усталости, о вѣчной жизни и безпредѣльной широтѣ?

Открываетъ глаза и видитъ въ свѣтлѣющее окно: машутъ вѣтви,

и это онѣ гонятъ въ комнату тьму, и отъ самой постели тьма и отъ самой постели Россія.

Но зачѣмъ такъ ярки сны? Видитъ Елена Петровна, будто ночью забеспокоилась она о Сашѣ, и въ темнотѣ, босая, пошла къ нему въ комнату и увидѣла, что смятая постель пуста и уже охолодала. Подогнулись ноги, сѣла на постель и тихо позвала:

— Саша!

И откуда-то издалека Саша отвѣтилъ:

— Мама!

Позвала еще:

— Иди сюда, ко мнѣ... Саша!

Но уже не было отвѣта на этотъ зовъ.

Проснулась Елена Петровна и видитъ, что это былъ сонъ и что она у себя на постели, а въ свѣтлѣющее окно машутъ вѣтви, нагоняютъ тьму. Въ безпокойствѣ однако поднялась и дѣйствительно пошла къ Сашѣ, но отъ двери еще услышала его тихое дыханіе и вернулась. А во всѣ окна, мимо которыхъ она проходила, босая, машутъ вѣтви и словно нагоняютъ тьму: „нѣтъ, въ городѣ лучше“—подумала про свой домъ Елена Петровна.

6. Трудное время.

Но уже наступило страшное для матерей, пришло незамѣтно, встало тихо, оперлось крѣпко о землю своими чугунными ногами. Кто думаетъ, отрывая ежедневно листки календаря, что время идетъ? Красная кровь уже хлынула съ Востока на Россію, вернулась къ роднымъ мѣстамъ, малыми потоками разлилась по полямъ и городамъ, оросила родную землю для жатвы грядущаго. Было спокойно, и вдругъ стало безпокойно; и кто изъ живущихъ могъ бы назвать тотъ день, тотъ часъ, ту минуту, когда кончилось одно и наступило другое? Когда пришла кровь? Что было раньше, а что было позже? И было ли?

Когда это было, что Саша вернулся домой въ четыре часа ночи и перепугалъ Елену Петровну своимъ видомъ—до убійства министра или послѣ? И въ этотъ ли именно разъ напугалъ ее своимъ видомъ, или въ другой похожій, или совсѣмъ непохожій? Нѣтъ, въ этотъ. Нѣтъ, въ другой. Это было уже тогда, когда начались казни... а когда начались казни? До именинъ Липочки, когда пили почему-то шампанское, и Елена Петровна пила, и всѣ пѣли и было такъ весело, что и вспомнить трудно—или послѣ? Нѣтъ, конечно,

раньше, тогда, когда къ нимъ еще всё ходили, и дѣти по вечерамъ бывали дома и Саша вслухъ читаль „Видѣніе Валтассара“:

...Падутъ твердыни Вавилона,

Неотразимъ судьбы ударъ...

Но дома ли читаль Саша Байроновскіе стихи, или же на вечеринкѣ? Да, кажется на какой-то вечеринкѣ или вообще въ гостяхъ; и ему еще много апплодировали.

А когда къ нимъ перестали ходить—когда былъ этотъ ужасный вечеръ, эта несчастная суббота, въ которую никто не явился? Выскочившій изъ связи временъ—какъ ярко помнится этотъ вечеръ со всѣми его маленькими подробностями, вплоть до лампы, которая чуть-чуть не начала коптить.

Уже пробило девять, а никто не являлся, хотя обычно гимназисты собирались къ восьми, а то и раньше, и Саша сидѣлъ въ своей комнатѣ, и Линочка... гдѣ была Линочка?—да, гдѣ-то, тутъ же. Уже и самоваръ подали во второй разъ, и все за тѣмъ же пустымъ столомъ кипѣлъ онъ, когда Елена Петровна пошла въ комнату къ сыну и удивленно спросила:

— Что же это значитъ, Саша?—никого еще нѣтъ.

Саша положилъ брошюрку—да, это была брошюрка въ красной обложкѣ!—и какъ будто совсѣмъ равнодушно отвѣтилъ:

— Они, вѣроятно, и не придутъ.

— Вѣроятно?

— Нѣтъ, навѣрное. Сегодня собраніе у Тимохина.

— А почему же не у насъ? Я ничего не понимаю... и ты меня даже не предупредилъ!

И вдругъ у нея мелькнула тяжелая и обидная догадка, и сухо она спросила:

— Можетъ быть, впрочемъ, я вамъ мѣшаю? Тогда мнѣ все понятно. Но почему же ты не идешь къ Тимохину? иди, еще не поздно.

— Не огорчайся, мама. И не то чтобы ты такъ уже мѣшала, это пустяки, но они говорятъ, что у насъ слишкомъ ужъ красиво.

— Нельзя окурки на полъ бросать?

И Саша строго—да, именно строго,—отвѣтилъ:

— Да. Нельзя окурки на полъ бросать.

— Тимохинъ же все равно бросаетъ на полъ!

Саша непріятно улыбнулся и, ничего не отвѣтивъ, заложилъ руки въ карманы и сталъ ходить по комнатѣ, то пропадая въ тѣни, то весь выходя на свѣтъ; и сѣрая куртка была у него наверху разстегнута, открывая кусочекъ бѣлой рубашки—вольность, которой раньше онъ не позволялъ себѣ даже одинъ. Елена Петровна и

сама понимала, что говорить глупости, но ужь очень ей обидно было за второй самоваръ; подобралась и, проведя рукой по гладкимъ волосамъ, спокойно сѣла на Сашинъ стулъ.

— Я говорю глупости,—сказала она и даже улыбнулась.— Въ чемъ же дѣло?—объясни мнѣ, Саша!

— Ты знаешь, я не умѣю говорить, но приблизительно такъ они, т. е. я думаю. Эта твоя красота,—онъ повелъ плечомъ въ сторону тѣхъ комнатъ,—она очень хороша, и я очень уважаю въ тебѣ эти стремленія; да мнѣ и самому прежде нравилось, но она хороша только пока, до настоящаго дѣла, до настоящей жизни... Понимаешь? Теперь же она непріятна и даже мѣшаетъ. Мнѣ, конечно, ничего, я привыкъ, а имъ трудно.

— Красота никогда не можетъ помѣшать.

— Да, можетъ быть, какая-нибудь другая красота и не помѣшаетъ, но эта... Я не хочу тебя обидѣть, мамочка, но мнѣ все это кажется лишнимъ—ну вотъ зачѣмъ у меня на столѣ вотъ этотъ ножъ съ необыкновенной ручкой, когда можно разрѣзать самымъ простымъ ножомъ. И даже удобнѣе: этотъ цѣпляется. Или эта твоя чистота—я ужь давно хотѣлъ поговорить съ тобою, это что-то ужасное, сколько она беретъ времени! Ты подумай...

Но Елена Петровна даже ужь и не удивилась, когда въ свою очередь попала и чистота; только смотрѣла, какъ краснѣетъ у Саши лицо и некстати подумала: „а начинаютъ-таки виться волосы, я всегда ждала этого“.

— Нѣтъ, ты только подумай! Проснувшись, я прежде всего чищу зубы, уже привыкъ, не могу безъ этого...

— Зато у тебя прекрасные зубы и нѣтъ ни одного порченаго!

— Когда-нибудь все равно вывалятся! Считай: три, а то и пять минутъ.

— Да зачѣмъ тебѣ такъ нужно время?

— Нѣтъ, погоди! Потомъ я занимаюсь гимнастикой—какъ же, привыкъ!—вотъ тебѣ еще 15—20 минутъ. Потомъ я обмываюсь холодной водой и до-красна—непремѣнно до-красна!—растираю свое благородное тѣло. Потомъ...

И выходило такъ по его словамъ, что весь день онъ только и дѣлаетъ, что чиститъ себя. Но тутъ пришла Линочка, и разговоръ пошелъ уже троимъ, и Линочка тоже на что-то жаловалась, кажется на свои таланты, которые отнимаютъ у нея много времени.

— Да на что вамъ время?—все изумлялась Елена Петровна, а тѣ двое говорили свое, а потомъ пошли вмѣстѣ пить чай, и былъ очень веселый вечеръ троимъ, такъ какъ Елена Петровна не ожи-

данно для себя уступила красоту, а тѣ ей немного пожертвовали чистотой. И то, что она такъ легко разсталась съ красотой, о которой мечтала, которой служила, которую считала первымъ закономъ жизни, было, пожалуй, самое удивительное во весь этотъ веселый вечеръ. И въ этотъ же вечеръ, а можетъ быть и въ другой такой же веселый и легко-разрушительный вечеръ, она позволила Линочкѣ бросить зачѣмъ-то уроки рисованія, не то музыки... когда была брошена музыка?

Когда перестали дѣти ходить въ церковь?

Когда было раньше, а когда было позже? Выскакиваютъ дни безъ связи, а порядокъ утерянъ—точно рассыпалъ кто-то интересную книгу по листамъ и страничкамъ, и то съ конца читаешь, то съ середины. Когда это было, что они съ Сашей смотрѣли, какъ по базару гонять бородатыхъ запасныхъ, и ревутъ бабы съ дѣтьми, и Елена Петровна плакала и куда-то рвалась, а Саша дергалъ ее за руку и говорилъ плачущимъ голосомъ: мамочка, не надо! Что не надо? Конечно, это было еще до манифеста, а вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно рядомъ съ этимъ днемъ, какъ продолженіе его, выскакиваетъ вечеръ у того самаго угреватаго Тимохина, англичанина, жаркая комнатка, окурки на полу и подоконникахъ, и сама она не то въ качествѣ почетной гостьи, не то татарина. Но одно несомнѣнно, что времени между этими двумя случаями не меньше двухъ, или даже трехъ лѣтъ, а вспоминается и чувствуется рядомъ.

Вообще, когда она стала ходить, какъ дѣвочка, по митингамъ и собраніямъ, и ее любезно проводили въ первые ряды?—даже въ газету разъ попала, и репортеръ придавалъ ея появленію на митингѣ очень большое значеніе, одобрялъ ее и называлъ „генеральша Н.“. Тогда же по поводу замѣтки очень смѣялись надъ нею дѣти.

Однажды звалъ къ себѣ директоръ гимназіи и заявилъ, что Саша исключенъ за какіе то безпорядки, а потомъ оказалось, что Саша не исключенъ и оставался въ гимназіи до самаго своего добровольнаго ухода—когда это было? Или это не директоръ звалъ, а начальница женской гимназіи и рѣчь шла о Линочкѣ—во всякомъ случаѣ и къ начальницѣ она ѣздила объясняться, это она помнить навѣрное.

И когда въ ихнемъ городѣ появились на улицахъ казаки? И когда произошелъ первый террористическій актъ: былъ убитъ жандармскій ротмистръ? Нѣтъ, еще раньше былъ убитъ городской, а еще, кажется, раньше околоточный надзиратель, и на торжественныхъ похоронахъ его черная сотня избила на полусмерть двухъ гимназистовъ, и Елена Петровна думала, что одинъ изъ изувѣченныхъ—

Саша. И когда она начала бояться этой черной сотни—до ужаса, до неистовыхъ ночныхъ кошмаровъ?

Когда придѣлапъ желѣзный засовъ къ двери?

7. Отецъ.

Но вотъ это, къ сожалѣнію, Елена Петровна помнитъ ясно, знаетъ даже день: четвертое декабря, за шесть мѣсяцевъ до ухода Саши.

Утромъ за чаемъ—они еще пили чай!—Саша прочелъ въ газетѣ фамилію новаго губернатора, который только недавно къ нимъ былъ назначенъ и уже повѣсилъ трехъ человѣкъ, и Еленѣ Петровнѣ вдругъ что-то вспомнилось:

— Телепневъ... Телепневъ... Постой, Саша, я что-то припоминаю. Ну-ка, а какъ инициалы? П. С.? Ну да: Петръ Семеновичъ, папинъ товарищъ! Ты подумай, Сашенька, этотъ Телепневъ, нашъ губернаторъ, былъ лучшій папинъ товарищъ, вмѣстѣ учились...

— Да?

— Да какже! А я и забыла—старѣется твоя мать, Саша. Какъ же это я забыла: вѣдь друзья были!

Задумчиво, съ тѣмъ выраженіемъ, которое бываетъ у припоминающихъ далекое, она смотритъ на Сашу, но Саша молчитъ и читаетъ газету. Обѣ руки его на газетѣ, и въ одной рукѣ папираса, которую онъ медленными и рѣдкими движеніями подноситъ ко рту, какъ настоящій взрослый человѣкъ, который курить. Но плохо еще умѣетъ онъ курить: пепла не стряхиваетъ, и газету и скатерть около руки засыпалъ... или задумался и не замѣчаетъ?

Осторожнымъ движеніемъ, чтобы не помѣшать, Елена Петровна пододвигаетъ пепельницу и, забывъ о Телепневѣ, вдругъ поражается тѣмъ, что Саша задумался, какъ поражается всѣмъ, что свидѣтельствуетъ объ его особой отъ нея, самостоятельной, человѣческой, взрослой жизни. Иногда это смѣшить ее самое: вдругъ поразится, что Саша читаетъ, или что онъ, какъ мужчина, поднялъ одной рукой тяжелое кресло и переставилъ, или, что онъ подойдетъ къ плевалъницѣ въ углу и плюнетъ; или что къ нему обращаются съ отчествомъ: Александръ Николаевичъ, и онъ отвѣчаетъ, нисколько не удивляясь, потому что и самъ считаетъ себя Александромъ Николаевичемъ.

Александръ Николаевичъ!..

Но теперь къ обычному удивленію матери, не могущей при-

выкнуть къ отдѣленію и самостоятельности ея плода, примѣняется нѣчто новое, очень интересное и важное: какъ будто до сихъ поръ она разсматривала его по частямъ, а теперь увидѣла сразу всего: Боже ты мой, да онъ ли это—гдѣ же прежній Саша?

Этому скоро исполнится девятнадцать лѣтъ, онъ высокъ—это видно, даже когда онъ сидитъ—правда, немного худъ и юношески узковата грудь, но смуглое лицо крѣпко и свѣжо; и въ четко и красиво изогнутыхъ губахъ, твердомъ подбородкѣ чувствуется сила и даже властность: эка, даже властность! Все такъ же жутко обведены глаза и даже на газету опущенные смотрять строго, но какъ это не похоже на прежнюю усталость взгляда, гдѣ-то въ себѣ самомъ черпавшаго вѣчную тревогу! Какъ будто давно не видала Саша: напоминаетъ Елена Петровна его теперешній взглядъ—да, этотъ смотреть смѣло и красиво, и развѣ только чуть-чуть тяжело, когда надолго остановится, забудетъ перевести глаза.

И какъ пріятно, что пѣтъ усовъ и не скоро будутъ: такъ противны мальчишки съ усами, вродѣ того гимназиста, кажется Кузьмичева, Сашинаго товарища, который ростомъ всего въ аршинъ, а усы какъ у французскаго капрала! Пусть бы и всегда не было усовъ, а только эта жаркая смуглота надъ губами, чуть-чуть погуще, чѣмъ на остальномъ лицѣ.

„Не надо говорить ему, что онъ красивъ“,— думаетъ Елена Петровна и поспѣшно опускаетъ глаза. Недолгое молчаніе — и точно силою заставляеть ихъ вновь подняться холодный и хмурый вопросъ:

— А онъ у насъ и въ домѣ бывалъ?

Елена Петровна уже догадывается о значеніи вопроса, и сердце у нея падаетъ; но оттого, что сердце пало, строгое лицо становится еще строже и спокойнѣе и въ темныхъ, почти безъ блеска, обведенныхъ, византійскихъ глазахъ появляется выраженіе гордости. Она спокойно проводитъ рукой по гладкимъ волосамъ и говоритъ коротко, безъ той бабьей, чистосердечной болтливости, съ которой только что разговаривала.

— Да, бывалъ. Онъ часто бывалъ у папы.

— И вы были ему рады?

— Генераль любилъ его. Хочешь еще чаю?

— Спасибо,—говоритъ Саша и еще разъ повторяетъ:—спасибо!

Ну, а скажи, какъ ты думаешь, ты хорошо знала генерала...

Губы Саши кривятся въ веселую, не къ случаю, улыбку:

— Вѣдь нашъ генераль-то былъ бы теперь, пожалуй, губернаторомъ, и тоже бы вѣшалъ... Какъ ты думаешь, мама?

Прошелъ длинный, мучительный день, а ночью Елена Петровна пришла въ кофточкѣ къ Сашѣ, разбудила его и рассказала все о своей жизни съ генераломъ—о первомъ материнствѣ своемъ, о горькой обидѣ, о слезахъ своихъ и мукъ женскаго безсильнаго и гордаго одиночества, доселѣ никѣмъ еще не раздѣленнаго. При первыхъ же ея серьезныхъ словахъ Саша быстро сѣлъ на постели, послушалъ еще минуту и рѣшительно и ласково сказалъ:

— Выйди, мамочка, на минуту, я сейчасъ одѣнусь.

И помнеть же она эти нѣсколько минутъ! За дверь, въ щель которой вдругъ пробила острая полоска свѣта,—скрипѣла постель, стукнула уроненная ботинка, звякала чашка умывальника: видно было, что Саша торопливо и быстро одѣвается; а она, готовясь и ожидая, тихо скользила по темной комнатѣ и беззвучно шептала, заламывая руки: пойми меня, Саша! пойми меня, Саша! И все ходила и сама не слышала себя, сѣрая въ темнотѣ, безшумная, плѣненная,—какъ на смерть испуганная ночная птица.

— Нѣтъ, нѣтъ! Бога ради потуши свѣчку, — взмолилась она, тихо позванная Сашей; и вначалѣ все путала, плакала, пила воду, расплескивая ее въ темнотѣ, а когда Саша опять зажегъ-таки свѣчу, Елена Петровна подобралась, пригладила волосы и совсѣмъ хорошо, твердо, ничего не пропуская, по порядку рассказала сыну все то, чего онъ до сихъ поръ не зналъ. И когда Саша, слушавшій очень внимательно, подошелъ къ ней въ серединѣ разказа и горячей рукой нѣсколько разъ быстро и рѣшительно провелъ по гладкимъ, еще чернымъ волосамъ, она сдѣлала видъ, что не понимаетъ этой ласки, для которой еще не наступило время, отстранила руку и, улыбнувшись, спросила:

— Что, растрепалась?

И сдѣлала видъ, будто сама поправляетъ непуждающіеся въ этомъ волосы. Но кончивъ разказъ, передъ страшнымъ выводомъ изъ него: что до сихъ поръ она не простила мужа и не можетъ простить,—запнулась, глотнула воздухъ и выжидательно, въ страхѣ, замолчала.

Молчалъ и Саша, обдумывая. Поразилъ его разказъ матери; и то что мать, всегда такъ строго и даже чопорно одѣтая, была теперь въ бѣленькой, скромной, ночной кофточкѣ, придавало разказу особый смыслъ и значительность—о самой настоящей жизни шло дѣло. Провелъ рукой по волосамъ, расправляя мысли, и сказалъ:

— Ну что-жъ, мамочка: такъ, дакъ такъ! И не скажу даже, чтобы все это очень меня удивило, что-то такое я чувствовалъ уже давно. Да, генераль... Линѣ, пожалуй, пока не говори, потомъ какъ-нибудь расскажешь.

— Хорошо. Саша, Сашенька... Ну, а какъ же отецъ?

— Генераль? Генераль умеръ.

— Не называй его такъ.

— Это правда. Отецъ? Отецъ, да... Ты боишься сказать, что не простила его, не можешь простить?

Елена Петровна утвердительно кивнула головой; и въ вискахъ стукнули набѣгающія слезы.

— Я люблю его.

— А простить—нѣтъ?

Елена Петровна мотнула головой: нѣтъ! Набѣгали горячія слезы, и она не мигала, не мѣшала глазамъ наливаться, пока не наполнились они; и уже перелилось, потекло по щекѣ, защекоталось—и точно просвѣтлѣла комната, одѣлась искристымъ туманомъ и трогательно заколыхалась. Саша что-то говорилъ, мелькалъ въ туманѣ.

Плохо доходили до сознанія слова, да и не нужны они были: другого искало измученное сердце—того, что въ голосѣ, а не въ словахъ, въ поцѣлѣ, а не въ рѣшеніяхъ и выводахъ. И, придавая слову „поцѣлуй“ огромное во всю жизнь значеніе, смыслъ и страшный и искупительный, она спросила твердымъ, какъ ей казалось, голосомъ, такимъ, какъ нужно:

— Можно поцѣловать тебя, Сашенька?

И въ ожиданіи, полномъ страха, закрыла мокрые отъ слезъ глаза. Что было потомъ?

То, о чемъ надо всегда плакать, вспоминая. Царь, награждающій царствами и думающій, что онъ только улыбнулся; блаженное существо, свѣтлѣйшій властелинъ, думающій, что онъ только поцѣловалъ, а вмѣсто того дающій безсмертную радость—о глупый Саша! Каждый день готова я терпѣть муки рожденія, чтобы только видѣть, какъ ты вотъ ходишь и говоришь что-то невыносимо серьезное, а я не слушаю! не слушаю!

— Говори, говори, Сашечка!

— Да ты не слушаешь, мама? Я тебя спрашиваю, а ты...

— Говори, говори, Сашечка!

Ну и пусть довелъ до комнаты, какъ пьяную: да и пьяна же я материнской радостью моею!

Вотъ еще чего не знала о той ночи Елена Петровна.

Когда мать уснула, Саша вернулся въ комнату и раздѣлся, чтобы спать, но не могъ забыться даже на минуту и все курилъ и думалъ. Ему казалось, что онъ теперь разгадалъ что-то въ своей

судьбѣ, но онъ никакъ не могъ точно и ясно опредѣлить угаданное и только твердилъ: „ну, конечно, ну, конечно, такъ! Теперь все ясно“. И образъ покойнаго отца, точно съ умысломъ во всей неприкосновенности сбереженный памятью до этого дня, впервые предсталъ его сознанію и поразилъ его своею какъ бы чуждостью, а вмѣстѣ чѣмъ-то и своимъ. Увидѣлъ ясно въ каждомъ волоскѣ его четырехугольную широкую бороду и плѣшину среди русыхъ и мягкихъ волосъ, крутя, туго обтянутыя плечи; почувствовалъ жесткое прикосновеніе погона, не то ласковое, не то угрожающее—и вдругъ только теперь осозналъ ту тяжесть, что, начинаясь отъ дѣтства, всю жизнь давила его мысли.

Да, это онъ, отецъ—этотъ важный, порою ласковый, порою холодно угрюмый, мрачно свирѣпый человѣкъ, занимающій такъ много мѣста на землѣ, называемый „генераль Погодинъ“ и имѣющій высокую грудь всю въ орденахъ. И такія же высокія въ орденахъ груди у его друзей или подчиненныхъ: кланяются, звякая шпорами, блестятъ золотомъ шитья, точно поднимаютъ потолки въ комнатахъ и раздвигаютъ стѣны—въ мрачномъ великолѣпіи и важности застыла холодная пустота. Гулки, какъ во снѣ, шаги отца: за много комнатъ слышно, какъ онъ идетъ, приближается, грузно давить скользкій, сухо поскрипывающій паркетъ; далеко слышенъ и голосъ его—громкій безъ натуги, сипловатый отъ водки, бухающій басъ: будто не слова, а кирпичи роняетъ на землю.

Это отецъ, да.

А у денщика Тимошки рожа испитая и часто въ сивякахъ; и такія же рожи у другихъ, постоянно мѣняющихся денщиковъ—почему рожи, а не лица? Нѣтъ, это нельзя назвать лицомъ, и это не слезы—то, что съ любовью и страннымъ удовольствіемъ размазываетъ Тимошка по скуластымъ щекамъ своимъ. И память ли обманывается, или такъ это и было: однажды самъ Саша своимъ тогдашнимъ маленькимъ кулакомъ ударилъ Тимошку по лицу, и что-то страшно любопытное, теперь забытое, было въ этомъ ударѣ и ожиданіи: что будетъ потомъ? А старый облѣзлый котъ, повѣшенный денщиками за сараемъ? А лошадь, которая боится отца, и косить на него глазомъ, и широко разставляетъ ноги, какъ раздавленная, когда отецъ, пошатнувъ ее, становится въ стремя, а потомъ грузно опускается въ сѣдло? Сильна мать, что такъ долго боролась съ отцомъ и побѣдила его, но почему же и она и дѣти замолкаютъ, когда издали послышатся гулки приближающіеся шаги и вдругъ, точно отъ предчувствія идущей тяжести, тихонько скрипнетъ паркетъ въ этой комнатѣ? И этотъ жестъ Елены Петровны: торопливое и ненужное приглаживаніе волосъ, на-

чался какъ разъ оттуда, отъ этихъ минутъ ожиданія, когда уже заранѣе поскрипывалъ паркетъ.

И она сказала, что любить его—не прощаетъ и любить. И это возможно? И какъ, какими словами назвать то чувство къ отцу, которое сейчасъ испытываетъ сынъ его Сапа Погодинъ: любовь?—ненависть и гнѣвъ?—запоздалая жажда мести и возстанія и кроваваго бунта? Ахъ еслибы теперь встрѣтиться съ нимъ... не можетъ ли Телепневъ замѣнить его, вѣдь они друзьями были!

Однажды на смотру, на какомъ-то маленькомъ, не особенно важномъ смотру былъ и Сапа съ матерью, и генераль, бывшій на лошади, посадилъ Сашу къ себѣ. И когда оторвался онъ отъ земли чьими-то руками, а потомъ увидѣлъ передъ самыми глазами толстую вздрагивающую подвижную шею лошади, а позади себя почувствовалъ знакомую тяжесть, услышалъ хриплое дыханіе, поскрипываніе ремней и твердаго сукна—ему стало такъ страшно обоихъ, и отца и лошади, что онъ закричалъ и забился. И тѣмъ крѣпче сжимала его рука, отъ невидимаго человѣка, тѣмъ сильнѣе онъ бился, и кто-то снялъ его. На землѣ онъ сразу пересталъ плакать и увидѣлъ выпуклые, сѣрые, орлиные, теперь яростные глаза отца, который, низко свѣсившись съ лошади, кричалъ на него:

— Трусъ-мальчишка! Дрянъ! Стыдно! Трусъ-мальчишка!

А тяжелая, какъ отецъ, страшная лошадь топталась обросшими волосатыми ногами, косила глазомъ и тоже фыркала: трусъ мальчишка, трусъ!

„Это ему было стыдно за меня передъ солдатами!“—думалъ Сапа, стискивая зубы: нѣтъ, ваше превосходительство, я не трусъ, я нѣчто другое, ваше превосходительство, и вы это узнаете! Ваша кровь въ моихъ жилахъ, и рука моя, пожалуй, не менѣе тяжела, чѣмъ ваша, и вы узнаете... Впрочемъ, спокойной ночи, ваше превосходительство!

Потомъ Сапа думалъ, уже засыпая:

— Можно отречься отъ отца? Глупо: кто же я тогда буду, если отрежусь!—вѣдь я же русскій. А въ гимназію-то я не пошелъ, хоть и Русскій. Вообще русскимъ свойственно... что свойственно русскимъ? Ахъ, Боже мой—да что же русскимъ свойственно? Встаньте, Погодинъ!

И уже совсѣмъ засыпая, Сапа увидѣлъ призрачно и смутно: какъ онъ, Сапа, отрекается отъ отца. Много народу въ церкви, нарочно собралися, и священникъ въ черныхъ великопостныхъ одеждахъ, и Сапа стоитъ на колѣняхъ и говорить: не лобзанія Ти дамъ, яко Іуда, но яко разбойникъ исповѣдую Тя... Хоръ запѣлъ:

— Аминь!

И такъ страшенъ былъ его ревъ, что Сапа очнулся, и увидѣлъ, что за окнами уже свѣтло, а во рту у него потухшая папираса. Вынулъ папиросу и крѣпко, безъ сновидѣній, уснулъ.

8. Безталанные.

Это было въ мартѣ, въ воскресенье.

Былъ уже двѣнадцатый часъ, когда нѣкто Колесниковъ подходилъ къ дому, гдѣ жили Погодины. „Ну и улица!“—думалъ онъ, прыгая изъ одного сухого протоптаннаго гнѣзда въ другое и подолгу отыскивая камни, брошенные добрыми людьми для перехода и неуловимо темнѣвшіе среди нестерпимаго блеска воды, жидкой грязи и островковъ искристаго снѣга. Шелъ онъ противъ солнца и каждая лужица, каждая налитая колея горѣла, какъ окаянная. „Ну и домъ!“ — подумалъ онъ огорченно, когда въ отворенную калитку вмѣсто двора увидѣлъ цѣлое озеро веселней воды; и въ этомъ озерѣ, какъ въ настоящемъ, отражались деревья, бѣлый низенькій домикъ и крыльцо. На крыльцѣ стояла барышня, глядѣла на Колесникова и тоже отражалась въ водѣ: „вотъ и барышня стоитъ и смотритъ—какъ неловко! А Погодина-то можетъ быть и дома нѣтъ, ну да ужъ все равно пропадать“.

— Что жъ вы стоите?—крикнула барышня.—Вы къ Сашѣ? Идите налѣво около забора, тамъ дорожка. Да лѣвѣе же, еще, да еще же!

Покорно забирая влѣво, Колесниковъ увидѣлъ, что на крыльцо вышла худая, красивая, немолодая барыня и тоже смотритъ на него, и такъ было неловко, отъ одной барышни, а тутъ еще и эта. Но все-таки дошелъ и даже поклонился, а то все боялся, что забудетъ.

— Погодинъ, гимназистъ, здѣсь живетъ?

— Здѣсь, я его мать. Вы къ Сашѣ по дѣлу? Онъ сейчасъ только всталъ, пьетъ чай.

— Нѣтъ, почему же по дѣлу? Я его знакомый, Колесниковъ.

— Знакомый? Очень рада. Пожалуйте!

Слова были любезныя, а въ голосѣ открыто звучало недовѣріе и тревога и глаза слишкомъ разглядывали. „Ну что-жъ я подѣлаю — покорно думалъ Колесниковъ, уже привыкшій слышать эту тревогу въ голосѣ всѣхъ матерей—я ничего подѣлать не могу: тревожись, ну и тревожься“. А Елена Петровна разсматривала его и думала: „вотъ и еще знакомый!—развѣ такіе знакомые бываютъ. И калоши текутъ и борода, какъ у разбойника, только дѣтей пугать; а если его обрить, то, пожалуй, и добрякъ—только онъ самъ никогда объ этомъ

не догадается. Охъ, Господи, всё они добряки, а мнѣ отъ этого не легче!“

— Мама! — сказала Линочка, знавшая мысли матери и не одобрявшая ихъ: надо же показать, куда идти. Сюда идите... Саша, къ тебѣ знакомый.

Но и Саша какъ будто удивился при видѣ черной бороды, желтыхъ скулъ и шершавой вихрастой головы, и даже слегка нахмурился: замѣтно было, что видитъ онъ Колесникова чуть ли не въ первый разъ. Однако, было въ круглыхъ, черныхъ, также какъ будто удивленныхъ глазахъ посѣтителя что-то примиряющее съ нимъ, давно и хорошо знакомое: только взглянулъ, а словно всю жизнь свою разсказалъ и ждетъ вѣчной дружбы.

— У васъ тутъ, того-этого, совсѣмъ Венеція — сказалъ Колесниковъ глухимъ басомъ и, поискавъ лица, съ улыбкой остановилъ круглые глаза на Линочкѣ: — только гондолы-то у меня текутъ, вонъ какъ, того-этого, наслѣдилъ!

Линочка съ упрекомъ взглянула на мать: видишь, какой онъ! — и отвѣтила:

— Мы съ Сашей, когда были маленькіе, каждую весну плавали до двору на плотяхъ.

— Пойдемте ко мнѣ, — сказалъ Саша, вставая.

Елена Петровна съ жалостью къ Сашѣ взглянула на недоѣденный хлѣбъ и сурово промолвила:

— Ты лучше, Саша, чай бы допилъ. Я и гостю налью.

— Нѣтъ, не хочу. Или дай къ намъ въ комнату два стакана.

Послѣ столовой въ комнатѣ у Саши можно было ослѣпнуть отъ солнца. На столѣ прозрачно свѣтилась хрустальная чернильница и бросала на стѣну два радужныхъ зайчика; и удивительно было, что свѣтъ такъ силенъ, а въ комнатѣ тихо, и за окномъ тихо, и голыя вѣтви висятъ неподвижно. Колесниковъ заморгалъ и сказалъ съ какой-то особой, ему понятной значительностью:

— Весна!

Саша спокойно молчалъ; и молча передвинулъ въ тѣнь чернильницу, и зайчики погасли.

— Ваша мама меня боится, а сестра нѣтъ, — сказалъ Колесниковъ и снова, со вздохомъ повторилъ: весна!

— Мы съ вами гдѣ-нибудь встрѣчались? Я что-то плохо помню.

— Какъ же, разокъ встрѣтились. Только, тамъ того-этого, были другіе незнакомые ваши люди, и вы меня не заприѣмили. А я заприѣмилъ хорошо. Жалко вотъ, что мамаша ваша меня боится, да чего-жъ подѣлаешь! Теперь не такое время, чтобы разбирать.

Саша слегка покраснѣлъ:

— Гдѣ же это было? Я не помню.

— Тамъ! — отвѣтилъ Колесниковъ, придвигая стаканъ чаю.— Вы, того-этого, предложили убить нашего Телепнева, а наши-то взяли и отказались. Я тогда же изъ комитета и вышелъ, ну васъ, говорю, къ черту, дураки! Какже такъ не разобратъ, какой человѣкъ можетъ, говорю, а какой не можетъ? Только они это ввали, они просто струсили.

Лицо Саши потемнѣло:

— Мнѣ непріятно объ этомъ вспоминать. Но я очень радъ, что вы ко мнѣ пришли, теперь я васъ помню. Пейте, пожалуйста, чай.

— Меня зовутъ Василій Васильевичъ,—сказалъ Колесниковъ,—я ужъ два раза, если вамъ интересно, изъ ссылки бѣгалъ. Только вотъ бѣда, того-этого, не ораторъ я и талантовъ у меня нѣтъ никакихъ.

— У меня тоже нѣтъ талантовъ,—сказалъ Саша и впервые съ улыбкой поднялъ на Колесникова свои жуткіе, но теперь улыбающіеся глаза. И какъ съ перваго раза знакомился своими глазами Колесниковъ, такъ своими съ перваго раза и навсегда убѣждалъ Погодинъ; — такъ и теперь сразу и навсегда убѣдилъ онъ только что пришедшаго въ чемъ-то радостномъ и необыкновенно важномъ. Заерзавъ на стулѣ, Колесниковъ въ широкой улыбкѣ открылъ черные, но крѣпкіе зубы и пробасилъ:

— Вотъ удивили вы меня! А чьи-жъ это картинки на стѣнѣ?—неужто не ваши.

— Нѣтъ, сестры.

— Сестры? Молодецъ сестра!

Но сразу же нахмурился и съ искреннимъ огорченіемъ произнесъ:

— Экое горе, того-этого, какіе мы съ вами безталанные! Только вы, я думаю, ошибаетесь, нельзя этого допустить, чтобы у васъ не было таланта. Можетъ не обнаружился еще?—это часто бываетъ съ молодыми людьми. Таланты-то вѣдь бываютъ разные, того-этого, не только что карандашикомъ или перомъ водить.

— Никакого. Я и говорить не умѣю.

— Вотъ удивляете вы меня! Но погодите, еще откроется! Да, того-этого, еще откроется!

Колесниковъ вдругъ заволновался и заходилъ по комнатѣ; и такъ какъ ноги у него были длинныя, а комнатка маленькая, то могъ онъ дѣлать всего четыре шага. Но это не смущало его, видимо привыкъ человѣкъ вертѣться въ маленькомъ помѣщеніи.

— Боже ты мой! — гудѣлъ онъ взволнованно и мрачно, пода-

вляя Сашу и несуразной фигурой своей, истово шагающей на четырехъ шагахъ и выраженіемъ какого-то доподлиннаго давнишняго горя:—Боже ты мой, да какъ же могу я этому повѣрить! Что не рисуетъ, да языкомъ не треплетъ, такъ у него и талантовъ нѣтъ. Того-этого,—вздоръ, милостивый государь, преподлѣйшій вздоръ! Талантъ у него въ каждой чертѣ выраженъ, даже смотрѣть больно, а онъ: нѣтъ, это сестра! Нѣтъ мамаша! Ну и мамаша, ну и сестра, ну и вздоръ, преподлѣйшій вздоръ!

Сашѣ уже тяжело становилось, когда Колесниковъ внезапно стихъ, сдѣлалъ еще два оборота по комнатѣ и сѣлъ, сказавъ совершенно спокойно:

— Чай-то ужъ остылъ. И ни разу это у меня не бывало, чтобы я попалъ на настоящій чай: то горячъ, а то ужъ и остылъ.

— Давайте стаканъ, я принесу горячаго.

— Чего тамъ, и этотъ хорошъ, это я такъ къ слову. Вотъ что, товарищъ, денекъ-то сегодня славный!—пойдемте за кирпичные сараи пострѣлять изъ браунинга. Я и браунингъ принесъ.

— У меня свой есть,—сказалъ Саша и вынулъ изъ стола никелированный, чистенькій, уже заряженный револьверъ. У Колесникова браунингъ оказался черный, и оба долго и съ интересомъ разглядели оружіе и Колесниковъ вздохнулъ.

— Да!—сказалъ онъ со вздохомъ:—времена крутыя. У меня знакомая одна была, хорошо изъ браунинга стрѣляла, да не въ прокъ ей пошло. Лучше-бъ никогда и въ руки не брала.

— Повѣшена?

— Нѣтъ, такъ. Зарубили. Ну, того-этого, идемъ, Погодинъ. Вы небойсь по голосу думаете, что я пѣть умѣю?—и пѣть я не умѣю, хотя въ молодости дуракъ одинъ меня училъ, думалъ, дуракъ, что сокровище открылъ! Въ хорѣ-то, пожалуй, подтягивать могу, да въ хорѣ и лягушка поетъ.

Овраги и овражки были полны водою, и до кирпичныхъ сараевъ едва добрались; и особенно трудно было Колесникову: онъ раза два терялъ галоши, промочилъ ноги, и его сѣрые не новые брюки до самыхъ колѣнъ темнѣли отъ воды и грязи.

— Славные у васъ сапоги!—сказалъ онъ Сашѣ и самъ себя спросилъ: отчего я и себѣ, того-этого, такихъ не куплю? Не знаю.

Просторомъ и тишиною встрѣтило ихъ поле; весеннимъ тепломъ дымилась голубая даль, воздушно млѣли въ млечной синевѣ далекіе лѣса. Въ безвѣтріи начавшійся, крѣпко стоялъ погожій день, обѣщая ясный вечеръ и звѣздную, съ морозцемъ, ночь. Было такъ празднично все, что и стрѣльба изъ револьверовъ казалась праздничной, веселой

забавой, невиннымъ удовольствіемъ. Для цѣли Саша выломалъ въ гнилой крышѣ заброшеннаго сарая неширокую, уже высохшую доску и налѣпилъ кусочекъ бѣлой бумаги; и сперва стрѣляли на двадцать пять шаговъ. Изъ трехъ пуль Колесниковъ всадилъ двѣ, одну возлѣ самой бумажки, и былъ очень доволенъ.

— Не всякій можетъ,—сказалъ онъ внушительно; и, разставивъ длинныя ноги и раскрывъ отъ удовольствія ротъ, критически уставился на Сашу. И съ легкимъ опасеніемъ замѣтилъ, что тотъ немного поблѣднѣлъ и какъ-то медленно переложилъ револьверъ изъ лѣвой руки въ правую: точно липъ къ рукѣ холодный и тяжелый, сверкнувшій подъ солнцемъ браунингъ: „волнуется юноша—думаетъ, что въ Телепнева стрѣляетъ. Но руку держать хорошо“.

Однако, всѣ три пули всадилъ поблѣднѣвшій Саша, и двѣ изъ нихъ въ самый центръ. Колесниковъ загудѣлъ отъ удовольствія, а онъ, все еще блѣдный, но, видимо, чрезвычайно довольный, переложилъ липнувшій револьверъ въ лѣвую руку и сказалъ:

— Да, я хорошо стрѣляю. Попробуйте на сорокъ шаговъ?

— Попробуйте вы. Я, того-этого, и патроновъ тратить не хочу.

Все же, когда цѣль перенесли, сдѣлалъ одинъ выстрѣлъ и промазалъ, а Саша и въ этотъ разъ попалъ—двѣ пули, одна возлѣ другой.

— И это не талантъ?—воодушевился Колесниковъ,—подите вы, Погодинъ, къ черту! Да съ этимъ талантомъ, того-этого, цѣлый романъ написать можно.

— А они вотъ отказались,—сухо промолвилъ Саша, намекая на комитетъ.—Посидимъ, Василій Васильевичъ, здѣсь очень хорошо!

Выбрали сухое мѣстечко, желтую прошлогоднюю траву, разостлали пальто и сѣли; и долго сидѣли молча, парясь на солнцѣ, лаская глазами тихую даль, слушая звонъ невидимыхъ ручьевъ. Саша курилъ.

— Ручьи текутъ, а мнѣ, того-этого, кажется, будто это слезы народные,—сказалъ Колесниковъ наставительно и вздохнулъ.

И Сашѣ, ждавшему отвѣта относительно Телепнева, не понравились и наставительность эта, и напыщенность фразы, и самый вздохъ. Молчалъ и, уже скучая, ждалъ, что скажетъ дальше. Вдругъ Колесниковъ засмѣялся:

— Смотрю на васъ, Александръ Николаевичъ, и все удивляюсь, какой вы, того-этого, корректный! Не знай я васъ такъ хорошо, такъ хоть домой иди ей-Богу!

— А откуда-жъ вы меня такъ хорошо знаете?

— Не зналъ бы, такъ и не пришелъ бы,—уже серьезно сказалъ

Колесниковъ.—Но вотъ что вы мнѣ скажите: почему вы избрали Телепнева?—не такая ужъ онъ птица, чтобы изъ-за него вѣшаться. Такъ и у насъ говорили... въ васъ-то они не очень ужъ сомнѣвались.

Саша вдругъ смутился.

— Телепнева? — нерѣшительно переспросить онъ.—Я думаю основанія ясны. Впрочемъ... у меня были и свои соображенія. Да, свои соображенія, личныя...

И уже забывъ о Колесниковѣ, онъ сразу всей мыслью отдался тому странному, тяжелому и, казалось, совсѣмъ ненужному, что давило его послѣдніе мѣсяцы: размышленію объ отцѣ-генералѣ. Тогда, послѣ разговора съ матерью, онъ порѣшилъ, что именно теперь, узнавъ все, онъ по-настоящему похоронилъ отца; и такъ оно и было въ первые дни. Но прошло еще время и вдругъ оказалось, что уже давно и крѣпко и до нестерпимости властно его душою владѣть покойный отецъ, и чѣмъ дальне, тѣмъ крѣпче; и то, что казалось смертью, явилось душѣ и памяти, какъ чудесное воскресеніе, начало новой таинственной жизни. Все забытое—вспомнилось; все разбросанное по закоулкамъ памяти, разсѣянное въ годахъ — собралось въ единый образъ, подавляющій громадностью и важностью своею. И теперь, въ смутномъ сквозь грезу видѣніи обнаженнаго поля, въ волнистости озаренныхъ холмовъ, вблизи такихъ простыхъ и ясныхъ, а дальше къ горизонту смыкавшихся въ вѣчную неразгаданность дали, въ млечной синевѣ поджидающаго лѣса—ему почудились знакомыя теперь и властныя черты. И какъ было все это время: острая, какъ ножъ, ненависть столкнулась съ чѣмъ-то невыносимо похожимъ на любовь, вспыхнулъ свѣтъ сокровеннѣйшаго пониманія, загорѣлись и побѣжали вдаль кроваво-праздничные огни. Вдругъ, не поднимая глазъ, Саша спросилъ Колесникова:

— Вы русскій?

Колесниковъ, разглядывавшій Сашу съ такимъ вниманіемъ, что оно было бы оскорбительно, замѣчай его Саша, не сразу отвѣтилъ:

— Русскій. Не въ этомъ важность, того-этого.

— У меня мать гречанка.

— Что-жъ!—и это хорошо.

— Почему хорошо?

— Хорошая кровь. Кровь, того-этого, многихъ мучениковъ.

Саша ласково взглянулъ въ его черные глаза и подумалъ: „вотъ же чудакъ, при такомъ лицѣ носить велосипедную фуражку. Но милый“. Вслухъ же сказалъ:

— Байронъ умеръ за свободу грековъ.

— Ну и вздоръ! Кто, того-этого, нуждается въ свободѣ, тому не

зачѣмъ ходить въ чужія края. И гдѣ это, скажите, такъ много своей свободы, что ужъ больше не надо? И вообще, того-этого, мнѣ всеѣмъ не нравится, что вы сказали про Телепнева, про какія-то личныя ваши соображенія. Личныя!—преподлѣйшій вздоръ.

Колесниковъ взволнованно заходилъ и хотя мѣста было много, по-прежнему кружился на своихъ четырехъ шагахъ; и при каждомъ шагѣ громко, видимо раздражая его, хлюпали галоши.

— Вотъ я, видите?—гудѣлъ онъ въ высотѣ, какъ телеграфный столбъ.—Весь тутъ. Никто меня, того-этого, не обидѣлъ, и жены моей не обидѣлъ—нѣтъ же у меня жены! и невѣсты не обидѣлъ, и нѣтъ у меня ничего личнаго. У меня на рукѣ, вотъ на этой, того-этого, кровь есть, такъ могъ бы я ее пролить, имѣй я личное? Вздоръ! Отъ одной совѣсти сдохъ бы, того-этого, отъ однихъ угрызений.

Быстро подошелъ къ Сашѣ и, наклонившись, съ высоты, сердито замахалъ на него пальцемъ:

— Эй, юноша, того-этого, не баламутъ! Разъ имѣешь личное, то живи по закону, а недоволенъ, такъ жди новаго! Убийство, скажу тебѣ по опыту, дѣло страшное, и только тотъ имѣетъ на него право, у кого нѣтъ личнаго. Только тотъ, того-этого, и выдержать его можетъ. Ежели ты не чистъ, какъ агнецъ, такъ отступись, юноша! По челоуѣчеству, того-этого, прошу!

Уже изступленное что-то загоралось въ его остановившихся глазахъ; и вдругъ Колесниковъ закричалъ полнымъ голосомъ, какъ въ бреду:

— Хочешь на колѣни стану? Хочешь, мальчишка, на колѣни стану? Отступись!

— Нѣтъ! — сказалъ Саша, быстро вставая и рукой отстранивъ Колесникова, блѣдный и строгій.—Вы напрасно кричите, вы меня не поняли. У меня не было и нѣтъ личнаго, ничего. Слышите вы, ничего!

Колесниковъ угрюмо извинился:

— Извините, Погодинъ. Такія времена, что, того и гляди, въ сумасшедшій домъ попадешь, того-этого.

Но уже черезъ десять минутъ, когда они возвращались домой, Колесниковъ весело шутилъ по поводу своихъ гондоль; и слово за словомъ среди шутокъ и скачковъ черезъ лужи, рассказалъ свою мытарственную жизнь въ ея „паспортной части“, какъ онъ выражался. По образованію ветеринаръ, былъ онъ и статистикомъ, служилъ на желѣзной дорогѣ, полгода редактировалъ какой-то журнальчикъ, за который издатель и до сихъ поръ сидитъ въ тюрьмѣ. И теперь онъ служить въ мѣстномъ желѣзнодорожномъ управленіи.

— А кто былъ вашъ отецъ?—спросилъ Саша.

— Отецъ-то? Вопросъ не легкій. Родъ нашъ, Колесниковыхъ, знаменитый и древній, по одвой дорогѣ съ Рюрикомъ идетъ, и въ гербѣ у насъ колесо и лапоть, того-этого. Но по историческому недоразумѣнію дѣдушка съ бабушкой наши были крѣпостными, а отецъ въ городѣ лавку и трактиръ открылъ, блескъ рода, того-этого, возстановляетъ. И гербъ у насъ теперь такой: на зеленомъ биллиардномъ полѣ наклоненная бутылка съ девизомъ: „Свиданіе друзей“...

— Онъ живъ?

— Опасаюсь. И ежели не сдохъ, такъ въ союзѣ предсѣдателемъ, человѣкъ онъ честолюбивый и глубокомысленный. Онъ меня, того-этого, потому и въ ветеринары отдалъ, что скота всегда лучше чувствовалъ, нежели человѣка. Ну и братья у меня—тоже, того-этого, сволочь удивительная!

— Зачѣмъ вы такъ говорите!—поежился Сапа.

— А что?—густо? Изъ пѣсни, того-этого, слова не выкинешь. Да они-жъ меня давно и похоронили: по нѣкому приговору, къ счастью для моей шеи не совершившемуся, меня давно ужъ повѣсили,—добродушно заключилъ Колесниковъ.

Сбивалъ онъ Сапу своими переходами отъ волненія къ покою, отъ грубости, даже какъ будто цинизма, къ мягкому добродушію, чуть ли не ребячьей наивности; и что рѣдко бывало съ внимательнымъ Сашей—не могъ онъ твердо опредѣлить свое отношеніе къ новому знакомцу: то чуть ли не противень, а то нравится, вызываетъ въ сердцѣ что-то теплое, пожалуй немного грустное, напоминаетъ кого-то милаго. Трогало и то, что послѣ своей странной, почти болѣзненной вспышки, Колесниковъ смирился и не только какъ равный съ равнымъ говорилъ съ Сашей, хотя па цѣлыхъ двадцать лѣтъ былъ старше, но даже какъ будто преклонялся, каждое слово слушалъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ и чуть ли не съ почтительностью.

Проводилъ онъ Сапу до самаго дома и уже у калитки — точно пменно у порога дома, когда люди разстаются и уходятъ къ своимъ мыслямъ, и нужно было бросить этотъ мостикъ — посмотрѣлъ Сашѣ въ глаза и спросилъ:

— Газету читали?

— Нѣтъ, не успѣлъ.

— Шестнадцать повѣшено. Ну до свиданья, Погодинъ. А стрѣляете-то вы чудесно, мнѣ отъ вашаге таланта, того-этого, даже жутко стало; не наслѣдственное это у васъ?

Сапа опять было нахмурился, но увидѣлъ открытые наивные глаза, съ любопытствомъ глядѣвшіе на него, и засмѣялся:

— Нѣтъ, не думаю. Я мало что унаслѣдовалъ отъ отца. Впрочемъ... я его не помню, онъ умеръ восемь лѣтъ назадъ. Прощайте.

Такъ состоялось ихъ знакомство. И глядя вслѣдъ удалявшемуся Колесникову, менѣе всего думалъ и ожидалъ Саша, что вотъ этотъ чужой человѣкъ, озабоченно попрыгивающій черезъ лужи, вытѣснить изъ его жизни и сестру и мать и самого его поставить на грань нечеловѣческаго ужаса. И глядя на тихое весеннее небо, голубѣвшее въ лужахъ и стеклахъ домовъ, менѣе всего думалъ онъ о судьбѣ, приходившей къ нему и о томъ, что будущей весны ему ужъ не видать.

9. Весна.

Во весь этотъ день Саша былъ чрезвычайно веселъ; послѣ обѣда взялъ газету, уже прочитанную домашними, но взглянулъ на заголовки, поймалъ глазами слово „шестнадцать“... и отложилъ въ сторону: не надо почему-то читать, не слѣдуетъ. А вечеромъ, когда выпали звѣзды и зазвенѣлъ подъ ногами ледокъ, взялъ Линочку подъ руку и пошелъ на Банную гору, откуда днемъ открывался широкій видъ на разлившуюся рѣку. И дорогой ломалъ такого дурака, что Линочка хохотала, какъ отъ щекотки: представлялъ, какъ ходить разбитый параличемъ генералъ, дѣлалъ видъ, что Линочка барышня, любящая танцы, а онъ ея безумный поклонникъ, прижималъ руки къ сердцу и говорилъ высокопарныя глупости. Братъ и сестра, они невинно и смѣшно играли въ любовь, не подозрѣвая въ себѣ актеровъ, которые шутя готовятся къ завтрашнему трагическому спектаклю, не зная, сколько правды въ ихъ веселой игрѣ.

Совсѣмъ развеселился Саша: изображая крайности безумнаго, не помнящаго себя влюбленнаго, онъ раскачивалъ ее по всей панели, и уже раза два на нихъ оглянулись прохожіе, не то съ улыбкой, не то сердито; и Линочка захлебывалась безсильнымъ смѣхомъ:

— Да родной же мой Сашечка. Ой, не могу!.. ой, колики!

— А-а-а, толстая!—рычалъ онъ отъ звѣрской любви:—полюбишь ты меня, или нѣтъ? Сознавайся, пресловутая!

— Сашка, оставь... ой, упаду!

И кончилось тѣмъ, что столкнулъ ее въ незамерзшую лужу, и Линочка промочила правую ногу и минуты на двѣ серьезно разсердилась. Но тотчасъ же и отошла, вскинула глаза къ звѣздамъ и сказала:

-- Держи меня крѣпче, Саша: я такъ буду идти.

Казалось, что блѣдныя звѣзды плывутъ ей навстрѣчу и воздухъ, которымъ она дышетъ глубоко, идетъ къ ней изъ тѣхъ синихъ прозрачно-тающихъ глубинъ, гдѣ безконечность переходитъ въ сіяющій праздникъ безсмертія; и уже начинала кружиться голова. Линочка опустила голову, скользнувъ глазами по желтому уличному фонарю, ласково покосилась на Сашу и со вздохомъ промолвила:

— Ахъ, Сашечка, еслибъ ты всегда былъ такой!

— А что? Ухаживателей не хватаетъ?

Линочка кротко отвѣтила:

— Ты говоришь глупости. Про тебя вчера Женя Эгмонтъ опять спрашивала:

Саша въ темнотѣ покраснѣлъ и сердито сказалъ:

— Я уже просилъ тебя про Эгмонтъ мнѣ не передавать.

— Я знаю. Я и говорю: если бы ты всегда былъ такой, какъ сегодня. Тебѣ скоро будетъ девятнадцать лѣтъ, Сашенька.

— Это мамины слова?

— А если и мамины? — упрямо сказала сестра. — Мама знаетъ, что говорить.

— Ну и я знаю! Вотъ что, Лина: бросимъ-ка это, я не хочу сегодня ссориться.

Какъ-то такъ случилось, что за послѣднее время они нѣсколько разъ серьезно поссорились, и каждый разъ настоящая причина оставалась неизвѣстна, хотя начинался разговоръ съ Сашинаго характера: съ упрековъ, что въ чемъ-то онъ измѣнился, сталъ не такой, какъ прежде. А онъ ясно сознавалъ, что перемѣна не въ немъ, а именно въ Линочкѣ, которую потянуло въ сторону отъ прежняго пути. Какіе-то разговоры о пустякахъ; съ мѣсяцъ назадъ Линочка вдругъ яростно схватилась за рисованіе, которое давно бросила, и все жаловалась, даже плакала, что отвыкшая рука не слушается ея. И не съ одной Линочкой онъ началъ ссориться: то же было и въ гимназіи и такъ же неясна оставалась настоящая причина—по виду все было, какъ и прежде, а уже вѣяло чѣмъ-то раздражающимъ и въ разговорахъ незамѣтно воцарялся пустякъ. Еще только вчера, въ субботу, Громанъ разсказалъ на перемѣнѣ скверный анекдотъ и всѣ смѣялись; правда, что потомъ Громана жестоко изругали и онъ, жидкій нѣмецъ, чуть ли не въ слезахъ далъ клятву, что пошлостей разсказывать не будетъ, но фактъ остался: въ первую минуту смѣялись. „Разорвусь, а аттестатъ получу!—подумалъ Саша, вдругъ снова очаровываясь ночью и весной“: „тамъ въ университетѣ будетъ по-другому“.

На Банной горѣ, какъ и днемъ, толпился праздничный народъ, хотя въ темнотѣ только и видно было, что спокойные огоньки на про

тивоположной слободской сторонѣ; внизу, подъ горой, горѣли фонари и уже растапливалась на понедѣльникъ баня: то ли паръ, то ли бѣлый дымъ свѣтился надъ фонарями и пропадалъ въ темнотѣ. Въ толпѣ заволновались: пробѣжалъ первый въ году маленькій, неизвѣстно чей катеръ, показалъ красный огонь, потомъ зеленый и безшумно скатился въ темень рѣки — маленькій, неизвѣстно чей, такой бодрый и веселый въ своемъ безцѣльномъ ночномъ скитаніи. На горкѣ закричали:

— Пароходы! пароходы!

По женскому смѣху и бубнящему голосу Тимохина разыскали свою компанію, гимназистовъ и гимназистокъ, засѣдавшихъ на скамейкѣ и на перилахъ, за которыми темнѣлъ крутой обрывъ и точно падали въ рѣку голыя еще деревья. — Свалишься, Тимохинъ, слѣзь!—уговаривалъ кто-то, а Тимохинъ, видимо хмѣльной, самостоятельно бубнилъ:

— Оставь! Я братъ, въ равновѣсіи собаку съѣлъ. Хочешь, по гипотенузѣ пройду?

Вотъ и это: сталъ запивать честный, молчаливый, когда-то застѣнчивый, угреватый Тимохинъ, приобрѣлъ развязность и склонность къ шутовству: надъ нимъ смѣются, а онъ доволенъ и усиленно выставляется. „Эхъ, напрасно я сюда пошелъ!“—подумалъ Саша и снова покраснѣлъ: ему многозначительно жала руку молчаливая, сдержанная, тревожная въ своемъ молчаніи и красотѣ Женья Эгмонтъ.

Къ гимназисткамъ, подругамъ Линочки и ко всѣмъ женщинамъ Саша относился съ невыносимой почтительностью, замораживавшей самыхъ смѣлыхъ и болтливыхъ: языкъ не поворачивался, когда онъ низко кланялся или торжественно предлагалъ руку и смотрѣлъ такъ, будто сейчасъ она начнетъ служить обѣдню или заговорить стихами; и хотя почти каждый вечеръ онъ провожалъ домой то одну, то другую, но такъ и не нашелъ до сихъ поръ, о чемъ можно съ ними говорить такъ, чтобы не оскорбить, какъ-нибудь не нарушить неловкимъ словомъ того чудеснаго, зачарованнаго сна, въ которомъ живутъ онѣ. Такъ, бывало, и молчатъ всю дорогу и торжественно шагаютъ; и развѣ только почтительно предупредить:

— Осторожнѣе, пожалуйста: здѣсь выворочены камни!

Мученіемъ была эта дорога; и особенно трудно доставалась Женья Эгмонтъ, задумчивая Женья Эгмонтъ, прекрасная Женья Эгмонтъ, стройная и пѣвучая, какъ нильская тростинка. Послѣ перваго же раза, когда они промолчали всю дорогу, Саша рѣшительно сказалъ сестрѣ:

— Если хочешь, чтобы я ее провожалъ, ходи вмѣстѣ съ нами.

Линочка попылила, но согласилась на условіе, и такъ втроемъ

они и ходили: Линочка болтала, а тѣ двое торжественно шествовали подъ руку и молчали, какъ убитые; а что Женья Эгмонтъ временами какъ будто прижимала руку, то это могло и казаться—такъ легко было прикосновеніе твердой и теплой сквозь кофточку руки. Но каждый разъ сердце у Саши выпадало изъ груди и ноги совсѣмъ переставали чувствовать мостовую: попадись на дорогѣ камень, Саша упалъ бы. И въ жуткомъ чувствѣ забвенія онъ плылъ по воздуху, по воздуху же неся твердую и теплую сквозь кофточку руку.

Поздоровавшись, Женья Эгмонтъ спросила:

— Сейчасъ прошелъ пароходикъ. Вы видѣли?

— Да, видѣлъ—отвѣтилъ Саша и вдругъ поднялся на воздухъ. Робко вскинулъ онъ свои жуткіе глаза обреченнаго, и навстрѣчу ему изъ-подъ полей шляпы робко метнулось что-то черное, свѣтлое, родное, необыкновенное, прекрасное—глаза, должно быть? И уже сквозь эти необыкновенные глаза увидѣлъ онъ весеннюю ночь—и поразился до тихой молитвы въ сердцѣ ея чудесной красотой. Но подошелъ пьяный Тимохинъ и отвелъ его въ сторону.

— На два слова, Саша. Саша, товарищъ!—не осуждай меня за пьянство. Они не понимаютъ, а ты все можешь понять и простить. Саша!

Отвелъ еще на два шага и таинственно забурчалъ, дыша водкой въ самое лицо:

— Слушай!—всѣ силы революціи разбиты. Это я только тебѣ по секрету: всѣ силы революціи разбиты.

— Брось пить, противно.

— Саша!—ты чистый, ты этого не поймешь. Читалъ сегодня газету?—ну то-то, тсс! Молчи! Ты вѣришь Добровольскому, я знаю—не вѣрь, Саша. Клянусь! Всѣ они подлецы, я ихъ тонко постигъ и взвѣсилъ. Послушай меня, Саша, товарищъ: иди въ монастырь, какъ Офелія, а я знаю свою дорогу.

Надо было тутъ же уйти, но Саша остался; и нарочно сѣлъ такъ, чтобы не могла подойти Женья Эгмонтъ. Слушалъ въ полслуха разговоръ, раза три уловилъ слово „порнографія“, звучавшее еще молодо и свѣжо. Остановилъ вниманіе громкій голосъ Добровольскаго:

— Нѣтъ, вы скажите, почему у русской революціи только и есть похоронный маршъ? Поэтовъ у насъ столько, что не перевѣшать, и все первоклассные, а ни одна скотина не догадалась сочинить свою русскую марсельезу! Почему мы должны довольствоваться объѣдами со стола Европы, или тянуть свою безграмотную панихиду.

Изъ темноты предостерегающе пробубнилъ Тимохинъ:

— Саша!—Слышишь? Еще сапогъ не износила, въ которыхъ шла за гробомъ мужа вся въ слезахъ, какъ Ниобея...

— Башмаковъ, Тимоша, а не сапогъ.

— Самъ ты Тимоша, сапогъ!

— Ну-ка, Тимоша: быть или не быть!

— Слышишь, Саша?

Но смѣхъ смолкъ. Отъ рѣки потянуло холодомъ и нѣсколько минутъ всѣ сидѣли молча. На взвѣздѣ около бань, кто-то невидимый тушилъ фонари, изъ трехъ оставляя горѣть одинъ; зачернѣли провалы. Женскій голосъ спросилъ:

— Читали газеты?

— Да. Шестнадцать.

Послѣ короткаго молчанія кто-то сказалъ молодымъ басомъ, какъ бы заканчивая цѣпь размышлений:

— Да, ребята, придется намъ сѣсть за учебу!

Нѣкоторые засмѣялись, Тимохинъ снова трагически пробубнилъ: „слышишь, Саша?“ и кто-то назвалъ его за это Кассандрой и начался какой-то споръ—но Саша уже быстро шелъ по обезлюдѣвшей горкѣ, накидывая шагъ, словно за нимъ гнались, и съ каждой минутой одиночества чувствуя себя все лучше. И опять что-то чудесное померещилось въ весенней ночи и глаза потянуло къ звѣздамъ, какъ давеча у Линочки, но вспомнился Колесниковъ, и радость тихо погасла, а шаги стали медленнѣе и тяжелѣе. „Надо будетъ о немъ разузнать“, подумалъ Саша и прибавилъ: „нѣтъ, ни ему и никому другому въ мірѣ про Женю Эгмонтъ я не расскажу“.

Елена Петровна удивилась, что Саша вернулся одинъ, и ея иконописные глаза вѣчной матери съ тревогой устремились на сына:

— А Лина?—ужь не поссорились ли вы опять?

— Да нѣтъ, мама,—улыбнулся Саша и нѣжно поцѣловалъ еще черную голову матери.—Ее проводятъ, не безпокойся. Почему ты не допускаешь, что мнѣ захотѣлось побыть съ тобой вдвоемъ?—вѣдь мы же влюбленные!

Темное лицо Елены Петровны освѣтилось:

— Правда?

— Правда. Дай чаю, мамочка.

Уже отъ порога она, обернувшись, спросила:

— Эгогъ, ну Колесниковъ — ничего плохого не сказать тебѣ?

— Только хорошее. Онъ чудакъ.

Линочка долго не возвращалась и послѣ чая Саша попросилъ мать сыграть ему „тренди-бренди“. Краснѣя и все чему-то не вѣря, она сѣла за рояль и сперва стѣснялась, что у нея тугіе и непослуш-

ные пальцы, но уже вскорѣ, къ своему удивленію, вся цѣликомъ отдалась наивной трогательности звуковъ. Нѣтъ имени у того чувства, съ какимъ поетъ мать колыбельную пѣсню—легче ея молитву передать словами; сквозь самое сердце протянулись струны, и звучитъ оно, какъ драгоценнѣйшій инструментъ, благословляетъ крѣпко, цѣлуется нѣжно. Разъ черезъ плечо бросила взглядъ на Сашу и увидѣла: сидитъ, опустивъ голову на ладони рукъ, и слушаетъ и думаетъ—родной сынъ Саши.

Когда, прощаясь, Саша поднялъ на мать глаза и спросилъ:

— Мама! неужели у тебя нѣтъ ни одного портрета отца: Подумаи: я ни разу не видалъ его.

Елена Петровна молча посмотрѣла на него. Молча пошла къ себѣ въ комнату,—и молча подала большой фотографическій портретъ: туго и нѣмо, какъ изваянный, смотрѣлъ съ карточки человекъ, называемый „Генераль Погодинъ“ и отецъ. Какъ утюгомъ, загладилъ ретушерь морщины на лицѣ, и оттого на плоскости еще выуклѣе и тупѣ казались властные глаза; а на квадратной груди, обрѣзанной погонами, рядами лежали ордена.

10. Колесниковъ.

На другой день Саша навелъ справки о Колесниковѣ, и вотъ что узналъ онъ: Колесниковъ дѣйствительно былъ членомъ комитета и боевой организациі, но съ мѣсяцъ назадъ вышелъ изъ партіи по какимъ то очень неяснымъ причинамъ, до сихъ поръ не разъясненнымъ. Одни говорили, что виноватъ Колесниковъ, уже давно начавшій склоняться къ большимъ крайностямъ, и партія сама предложила ему выйти; другіе обвиняли партію въ бездѣятельности и дрязгахъ, о Колесниковѣ же говорили, какъ о человекѣ огромной энергіи, имѣющемъ боевое прошлое и дѣйствительно приговоренномъ къ смертной казни за убійство Н—скаго губернатора: Колесникову удалось бѣжать изъ самого зданія суда, и въ свое время это отчаянно смѣлое бѣгство вызвало разговоры по всей Россіи. Рассказывали также, что Колесниковъ участникъ того знаменитаго случая, когда трое революціонеровъ почти десять часовъ отстрѣливались отъ полиціи и войскъ, окружившихъ домъ, и кончили тѣмъ, что всѣ трое бѣжали изъ подожженного дома.

„Ну и фигура!—думалъ очень довольный Саша, вспоминая длинные ноги, велосипедную шапочку и круглые наивные глаза поваго знакомаго: я вѣдь предположилъ, что онъ не изъ важныхъ, а онъ

вотъ какой!“ Въ одномъ, наиболѣе освѣдомленномъ мѣстѣ, къ Колесникову отнеслись рѣзко отрицательно, даже съ явной враждебностью и упомянули о какомъ-то чрезвычайно широкомъ, но безумномъ и даже нелѣпомъ планѣ, который онъ предложилъ комитету; въ чемъ, однако, заключался планъ, говорившій не зналъ, а можетъ быть и не хотѣлъ говорить. О томъ же планѣ и такъ же смутно, недоумѣвая, разсказалъ Сашѣ присяжный повѣренный Ш., самъ не принадлежавшій ни къ какой партіи, но бывшій въ дружбѣ и постоянныхъ сношеніяхъ чуть ли не со всей подпольной Россіей.

— Не знаю, не знаю, Господь съ нимъ!—торопливо говорилъ Ш. и пальцами, которые у него постоянно дрожали, какъ у сильно пьющаго или вконецъ измотаннаго человѣка, расправлялъ какія-то бумажки на столѣ: — Вѣроятно, что-нибудь этакое кошмарное, въ духѣ, такъ сказать, времени. Но и то надо сказать, что Василій Васильевичъ послѣднее время въ состояніи... прямо-таки отчаянномъ. Наши комитетчики...

Ш. улыбнулся и, скрывая улыбку, потеръ дрожащими пальцами свой длинный, утинообразный носъ.

— Наши боевики... люди мѣстные, мирные и, такъ сказать, уже отдали дань. Вы слыхали, Александръ Николаевичъ, что на-дняхъ изъ комитета вышли еще двое?

— Я мало освѣдомленъ,—сказалъ Саша и покраснѣлъ.

— Да, да, ну конечно! Да это и не важно, этого уже давно слѣдовало ожидать. А скажите, Александръ Николаевичъ, зачѣмъ собственно...

Но въ эту минуту въ прихожей раздался звонокъ, и уже пожилой, плѣшивый, наполовину сѣдой адвокатъ вздрогнулъ такъ сильно, что Сашѣ стало и жалко его и неловко. И хотя былъ приемный часъ и по голосу прислуги слышно было, что это пришелъ кліентъ, Ш. на ципочкахъ подкрался къ двери и долго прислушивался; потомъ, неискусно притворяясь, что ему понадобилась книга, постоялъ у книжнаго богатаго шкафа и медленно вернулся на свое мѣсто. И пальцы у него дрожали сильнѣе.

— Ужасныя времена!—сказалъ онъ, точно оправдываясь передъ юношей.—Да, такъ что я хотѣлъ васъ спросить? Кажется...

— О Колесниковѣ—зачѣмъ мнѣ понадобились справки—предупредилъ Саша, съ тоскою глядя на дрожащія, блѣдные пальцы съ синеватыми шлифованными ногтями.—Меня просто заинтересовалъ этотъ человѣкъ.

— Да, да, ну конечно, онъ человѣкъ интересный. Я собственно и не желаю виѣшиваться...—онъ виновато опустилъ глаза и вдругъ

рѣшительно сказалъ:—я хочу только предупредить васъ, Александръ Николаевичъ, что во имя, такъ сказать, дружбы съ Еленой Петровной и всей вашей милой семьей—будьте съ нимъ осторожны! Онъ человѣкъ безусловно честный, но... увлекающійся.

И уже у двери, провожая Сашу, онъ сказалъ:

— Странное явленіе: я уже два мѣсяца не имѣю извѣстій отъ моего Франца. Положимъ и вся ваша братія, студенты — вѣдь вы почти уже студенты!—неохотно пишутъ родителямъ, по сегодня вдругъ получаю обратно денежный переводъ. Придется, пожалуй, самому отвезти, а? — онъ неестественно засмѣялся и закашлялся. И откашлявшись, съ хрипотою въ голосъ уже серьезно прошепталъ:

— Да: всѣ силы революціи разбиты.

Нѣсколько дней Саша напрасно поджидаль Колесникова—самъ идти не хотѣлъ, хотя узналъ и адресъ—и уже рѣшилъ, что встрѣча и разговоръ ихъ были чистою случайностью, когда на пятый день, вечеромъ, показалась велосипедная шапочка. Выяснилось, что отъ промоченныхъ ногъ Колесниковъ простудился и два дня совсѣмъ не выходилъ изъ дома. Къ огорченію Саши, ни о своемъ загадочномъ планѣ и ни о чемъ важномъ и интимномъ Колесниковъ говорить не сталъ, а велъ себя, какъ самый обыкновенный знакомый: разспрашивалъ Погодина о гимназіи и подшучивалъ надъ гимназистами, которые недавно сѣли въ лужу съ неудавшейся забастовкой. Подъ конецъ, даже заскучалъ и откровенно зѣвнулъ. „Успокою маму!“—подумалъ Саша и предложилъ ему пойти пить чай въ столовую. Колесниковъ оживился.

— Съ удовольствіемъ, того-этого. Я и самъ хотѣлъ попроситься, да знаю, какъ у васъ въ семьѣ строго насчетъ знакомствъ. Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ!

„И откуда онъ все знаетъ?“—нахмурился Саша и съ нѣкоторой тревогой повелъ гостя въ столовую. Но съ первыхъ же словъ, съ неловкаго, но почтительнаго поклона и вопроса о здоровьи Елены Петровны повелъ себя такъ просто и даже душевно, какъ будто вѣкъ былъ знакомъ и былъ лучшимъ другомъ семьи. Станнымъ было то любопытство, съ которымъ онъ оглядывалъ квартиру: не только въ гостиной изучилъ каждую картинку, а для нѣкоторыхъ лазилъ даже на стулъ, но попросилъ показать всѣ комнаты, забрелъ въ кухню и заглянулъ въ комнату прислуги. Впрочемъ, и всѣ, первый разъ бывавшіе у Погодиныхъ, также любопытствовали; и было неприятно только то, что свой инспекторскій осмотръ Колесниковъ могъ заключить какой-нибудь нетактичной фразой и даже упрекомъ—бывало и это въ послѣдніе года. И у всѣхъ отлегло отъ

сердца, когда, верпувшись въ столовую и берясь за охолодавшій чай, Колесниковъ рѣшительно и твердо заявилъ:

— Хорошо, того-этого, чудесно! Молодецъ вы, Елена Петровна. А это что? — шкафъ! То-то въ вашей комнатѣ и книгъ мало, а онѣ здѣсь. Ну-ка, ну-ка! Посмотримъ, того-этого.

И со свѣчкой полѣзъ смотрѣть книги, а Елена Петровна и Линочка переглянулись съ улыбкой.

— Такъ, такъ!—гудѣлъ онъ,—всегда надо знать, что люди читають. Здорово, того-этого. Ого!—а вы и по-французски читаете?

— Читаю,—отвѣтилъ Саша.

— Вотъ что значигъ, хорошее-то воспитаніе! Искренне завидую. А я пробовалъ въ тюрьмѣ учить итальянскій...

— Почему итальянскій?—улыбнулась Елена Петровна.

— Не знаю, того-этого, посовѣтовали, да все равно не выучилъ. Пока учу, ничего, какъ будто идетъ, а начну думать, такъ батюшки мои: русскія-то слова всѣ итальянскія и выпибли. Искалъ я кромѣ того, какъ по - итальянски „того-этого“ да такъ и не нашель, а безъ „того-этого“ какой же, того-этого, разговоръ?

Всѣ засмѣялись, а Саша смотрѣлъ на мать, на ея темные, безъ блеска, теперь повеселѣвшіе глаза и думалъ: „а если бы ты знала про эпскаго губернатора, смѣялась бы ты?“

И то понравилось, что за ужиномъ Колесниковъ плотно покушалъ: Елена Петровна боялась людей, которые мало ѣдятъ; и то было пріятно, что онъ обратилъ вниманіе на Линочкины таланты и послѣ ужина попросилъ ее поиграть на роялѣ.

— Ну, а меня извините,—сказалъ Саша,—я пойду позаймусь.

— А какже музыка, того-этого?

— Я ее не слышу. Говорилъ же я вамъ, Василій Васильевичъ, что у меня нѣтъ талантовъ.

Елена Петровна недовольно замѣтила:

— Зачѣмъ такъ говорить, Саша?—я не люблю, когда ты даешь о себѣ невѣрное представленіе.

И музыку Колесниковъ слушалъ внимательно, хотя въ его вниманіи было больше почтительности, чѣмъ настоящаго восторга; а потомъ подсѣлъ къ Еленѣ Петровнѣ и завелъ съ нею продолжительный разговоръ о Сашѣ. Уже и Линочка, зѣвая, ушла къ себѣ; а изъ полутемной гостиной все неся гудящій басъ Колесникова и тихій повѣствующій голосъ матери.

— Да, трудно съ дѣтьми,—скромничала Елена Петровна, а глаза у нея свѣтились и въ красной тѣни шелковаго абажура лицо казалось молодымъ и прекраснымъ.

— Хорошій мальчикъ! — убѣжденно гудѣлъ Колесниковъ. — Главное, того-этого, чистый.

— Да ужъ такой чистый!—вдохнула Елена Петровна.—Ахъ, если бы вы знали, Василій Васильевичъ!..

И замолчала, задумавшись о мужѣ. Колесниковъ быстро, искоса взглянулъ на нее, но сейчасъ же сдѣлалъ равнодушное лицо и даже засвисталъ потихоньку. Слышно было, какъ въ своей компаткѣ ходитъ Сапа. Еще разъ искоса Колесниковъ взглянулъ на задумавшуюся мать и почувствовалъ, что думы ея надолго, и внимательно началъ оглядывать незнакомую квартиру. И взгляни на него въ эту минуту Елена Петровна, она поразилась и, пожалуй, испугалась бы того вида оцѣнщика, съ какимъ гость какъ бы вторыми гвоздями прибавалъ къ стѣнѣ своимъ взглядомъ каждую картинку, каждую, расшитую ея руками, портьеру. „А папашиного портрета нѣтъ“,—подумалъ Колесниковъ и улыбнулся въ бороду. Вдругъ Елена Петровна, продолжая что-то свое, спросила:

— Вы видѣли его глаза?

Колесниковъ нѣсколько замаялся.

— Хорошіе глаза, того-этого.

— Нѣтъ,—а выраженіе?.. Ну да что, Василій Васильевичъ: видно, вамъ никогда не приходилось разговаривать съ матерью, а то знали бы, что мать не переслушаешь. Ого, уже часъ, а Сашенька еще не спитъ. Учится,—улыбнулась она:—какъ онъ ни скрытничаетъ, а знаю я, до чего ему хочется въ университетъ!

И съ этого вечера, о которомъ впоследствии безъ ужаса не могла вспомнить Елена Петровна, началось нѣчто страшное: Колесниковъ сталъ чуть ли не ежедневнымъ гостемъ, приходилъ и днемъ, въ праздники, сидѣлъ и цѣлые вечера, и по тому, какъ мало придавалъ онъ значенія отсутствію Сапы казалось, что и ходитъ онъ совсѣмъ не для него. Первое время Елена Петровна была очень довольна, но уже скоро стала задумываться и тревожиться; и тревожило ее все то же ненасытимое любопытство, съ какимъ Колесниковъ продолжалъ присматриваться къ вещамъ и людямъ. „И чего онъ высматриваетъ?—и чего онъ ищетъ?“—волновалась Елена Петровна и однажды пожаловалась даже Линочкѣ.

— Ахъ, да мало ли кто къ намъ ходитъ, мамочка. Ты только вспомни, сколько у насъ опять народу бываетъ.

— Народу бываетъ много! Но только почему онъ все разспрашиваетъ о Сапѣ, а приходитъ тогда, когда Сашеньки и дома нѣтъ. Мнѣ это не нравится.

— Очень просто: потому что Саша самый интересный человекъ.
Вотъ и Женя Эгмонтъ...

— Бѣдная Женя!

— Бѣдная Женя.

Объ онѣ улыбнулись, и въ улыбкѣ сестры было столько же гордости, какъ и въ улыбкѣ матери. Бѣдная Женя Эгмонтъ! Но хоть и засмѣялась Линочка, а сама почувствовала безпокойство, и такъ же съ тревогой начала приглядываться къ Колесникову,—но сколько ни глядѣла, ничего понять не могла. И временами успокаивалась, а минутами въ прозрѣніи сердца ощущала столь сильную тревогу, что къ горлу поднимался крикъ—то ли о немедленномъ отвѣтѣ, то ли о немедленной помощи. А Елена Петровна со стыдомъ и раскаяніемъ думала о своемъ грѣхѣ: этому незнакомому и въ концѣ концовъ подозрительному человеку, Колесникову она рассказала о томъ, чего не знала и родная дочь — о своей жизни съ генераломъ.

Смущало и то, что Колесниковъ, человекъ, видимо, съ большимъ революціоннымъ прошлымъ, не только не любилъ говорить о революціи, но явно избѣгалъ всякаго о ней напоминанія. Въ то же время, по случайно оброненнымъ словамъ, замѣтно было, что Колесниковъ не только дѣятель, но и историкъ всѣхъ революціонныхъ движеній—кажется, не было самага ничтожнаго факта, самага маленькаго имени, которые не были бы доподлинно, чуть ли не изъ первыхъ рукъ ему извѣстны. И разъ только Колесниковъ всѣхъ поразилъ.

Саша былъ дома, и всѣ сидѣли въ столовой, когда зашла рѣчь о какомъ-то провокаторѣ, только что объявленномъ газетами. Елена Петровна кончала брезгливую фразу, когда Колесниковъ вдругъ вскочилъ и завертѣлся на четырехъ ногахъ.

— Какъ это можно? Какъ это можно?—неистово загудѣлъ онъ, какъ придорожный въ полѣ столбъ, на который съ размаху налетѣлъ бурный вѣтеръ.—Боже ты мой, какое, того-этого, наказаніе, глазамъ вѣдь смотрѣть стыдно. Какое наказаніе! А оттого, что народъ забыли, руки не чисты, что все бабники, того-этого, сластены, приходи дѣлать! А что такое революція? Кровь же народная, за нее отвѣтъ надо дать—да какой же ты отвѣтъ дашь, если ты не чистъ? Какой же въ тебѣ, того-этого, смыслъ! Жизнью жертвуешь, да? А жандармъ не жертвуетъ?—а шкирикъ не жертвуетъ?—а любой дуракъ на автомобиле не жертвуетъ?

Саша хмуро смотрѣлъ внизъ и вздрогнулъ, когда голосъ загудѣлъ прямо надъ его головою.

— Нѣтъ, ты будь чистъ, какъ агнецъ! Какъ стеклышко, чтобы насквозь, того-этого, свѣтилось! Не на гульбище идешь, а на жертву,

на подвиговъ, того-этого, мученическій, и долженъ же ты каждому открыто. безъ стыда, взглянуть въ глаза!

Саша поднялъ глаза; и твердо приняли эти жуткіе, обведенные самой смертью глаза суровый и жестокій взглядъ круглыхъ, почти безумно горящихъ глазъ Колесникова. И уже говоря прямо въ чистую глубину юношескаго взора, забывъ о поблѣднѣвшей Еленѣ Петровнѣ, онъ изступленно продолжалъ:

— Дай мнѣ чистаго человѣка, и я съ нимъ на разбой пойду...

— Охъ Господи!—даже вскрикнула Елена Петровна и замахала руками:—молчите вы—молчите!

— Да, на разбой, и самый разбой, того-этого, его чистотой освящу. Изъ кабака церковь сдѣлаю, вотъ какъ, того-этого! А съ пьянымъ попомъ и церковь кабакъ!

— Да замолчите же вы!—задохнулась Елена Петровна:—поймите, поймите же вы, сумасшедшій же вы человѣкъ, что и дѣла, дѣла должны быть чисты!

Стихшій Колесниковъ угрюмо покосился на нее своимъ лошадинымъ глазомъ и проворчалъ:

— Дѣла? А дѣла, того-этого, кто же дѣлаетъ? Люди же. Вздоръ! Ну да ладно, увлекся, я человѣкъ увлекающійся, того-этого. Только вы меня извините, Елена Петровна, а мое мнѣніе такое, что только на чистой крови вырастаютъ цвѣты... будь бы я поэтъ, стихи бы на эту тему написалъ. Да что стихи! Вотъ вы засмѣетесь, а я вамъ подъ видомъ шутки такія слова скажу: если террористъ не повѣшенъ, такъ онъ, того-этого, только половину дѣла совершилъ, да и то худшую. Убить-то и дуракъ можетъ, да и вообще дураку убивать сподручнѣе. Вѣрно, Александръ Николаевичъ?

Но тутъ удивилъ всѣхъ Саша. Вдругъ громко разсмѣялся и, подойдя къ Колесникову, положилъ какъ будто нерѣшительнымъ движеніемъ руку на его плечо. И ласково глядя въ суровые, еще не потухшіе глаза, такъ же нерѣшительно сказалъ:

— Василій Васильевичъ!..

— Ну?

Глаза свѣтились все ласковѣе и насмѣшливѣе, и что-то потеплѣющее, одинокое, давно ждущее ласки испуганно метнулось въ отвѣтъ въ взоръ Колесникова.

— Василій Васильевичъ! А чай-то вашъ опять остылъ!

Елена Петровна укоризненно качнула головой, не зная, какъ принять Сашину выходку; Колесниковъ же съ обиженнымъ, какъ ей показалось, видомъ всталъ и нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ.

— Ну ладно: остылъ, такъ и пить, того-этого, не стоитъ. Прощайте, пойду въ свою одиночку.

И вдругъ, чего не бывало никогда, неловко поцѣловалъ руку у Елены Петровны; и пока она также неловко искала губами его лобъ среди колючихъ шершавыхъ волосъ, тихо буркнулъ:

— За сына!

И что ей еще показалось: будто черные, круглые, еще недавно такіе свирѣпые глаза были влажны отъ слезы. „А я въ Сашенькѣ усумнилась,—подумала она благодарно,—нѣтъ, никогда мнѣ, глупой, его не оцѣнить“.

— Я васъ провожу, Василиій Васильевичъ!—предложилъ Саша.— Вы ничего не имѣете противъ?

— Пожалуйста. Буду радъ.

Въ передней Елена Петровна хотѣла спросить сына, когда онъ вернется, но не рѣшилась и вмѣсто того заботливо сказала:

— А ты въ весеннемъ пальто, Саша. Не было бы холодно.

— Ночь теплая. Одну минутку, Василиій Васильевичъ, папиросы забылъ.

Уже одѣвшійся Колесниковъ стоялъ бокомъ къ выходной двери и, опустивъ голову, молча ждалъ. Что-то спросила Елена Петровна, но онъ не отвѣтилъ, не слыхалъ, должно быть: и такъ же молча, не оборачиваясь, вышелъ, какъ только показался Саша.

Все это было безпокойно, и до часу Елена Петровна не ложилась, поджидала сына; потомъ долго молилась передъ иконой Божьей Матери Утоли Моя Печали и хотѣла уснуть, но не могла: вспоминался разговоръ и съ каждою минутою пугалъ все больше. „Говорить, что теплая ночь, а какъ деревья шумять. Не могу я привыкнуть къ ихнему шуму и все кажется: идетъ что-то страшное. Это тогда меня черная сотня напугала. Какое время, Богородица, какое время! И какъ это можно, чтобы сынъ Саша одинъ бродилъ гдѣ-то въ темнотѣ, одинъ въ темнотѣ—а деревья шумять“...

Уже сквозь тяжелую дрему услышала Сашины шаги и черезъ дверь окликнула.

— Ты не спишь мама?

— Пріоткрой дверь. Нѣтъ, не сплю. Ты у него былъ?

— Нѣтъ. Мы ходили по улицѣ.

— Ты не озябъ? Молоко въ столовой.

— Спасибо, я знаю. За рѣкой, на той сторонѣ, огромное зарево, какая-то деревня, не то усадьба горитъ.

— Какая?

— Не знаю. Огромный пожаръ. Ты что говоришь?..

- Я сказала: Господи! Ну иди, я буду спать...
- Не слышу.
- Какъ деревья шумять! деревья шумять. Спокойной ночи.

11. Н о ч а м и.

...Когда Саша предложилъ себя для совершенія террористическаго акта надъ губернаторомъ, онъ и самъ какъ-то не вѣрилъ въ возможность убійства и отказъ комитета принялъ, какъ нѣчто заранее извѣстное, такое, чего и слѣдовало ожидать. И только на другой день, проснувшись и вспомнивъ о вчерашнемъ отказѣ, онъ понялъ значеніе того, что хотѣлъ сдѣлать, и почувствовалъ ужасъ передъ самимъ собою. И особенно испугала его та легкость, почти безуміе, съ какимъ пришелъ онъ къ рѣшенію совершить убійство, полное отсутствіе сомнѣній и колебаній.

Когда онъ рѣшилъ убить Телепнева? Да въ ту же, кажется, ночь, когда мать плакала въ его комнатѣ и рассказывала о генералѣ—чуть ли не въ ту же самую минуту, какъ услышалъ слово: „отецъ“... И, рѣшивъ, уже не думалъ о рѣшенномъ, а только искалъ пути; и дѣйствовалъ такъ настойчиво, осторожно и умно, что добрался-таки до комитета—и только воля другихъ, чуждыхъ, почти незнакомыхъ людей отклонила его отъ убійства и смерти: спастись Саша не думалъ и даже не хотѣлъ. И странно было то и особенно страшно, какъ во снѣ: каждый день, видя мать, поцѣловавшись съ нею передъ тѣмъ, какъ идти въ комитетъ, онъ нисколько не думалъ о ней, упускалъ ее изъ виду просто, естественно и страшно.

. Потрясеніе было такъ сильно, что на нѣсколько дней Саша захворалъ, а поднявшись, рѣшилъ во что бы то ни стало добыть аттестатъ: казалось, что всѣ запутанные узлы, противорѣчія и неясности долженъ разрѣшить университетъ. И дѣйствительно, сѣлъ заниматься, и съ необыкновеннымъ чувствомъ удовольствія зажегъ въ тотъ вечеръ лампу; но какъ только раскрылъ онъ книгу и прочелъ первую строчку—ощутилъ чувство столь горькой утраты, что захотѣлось плакать: словно съ отказомъ отъ убійства и смерти онъ терялъ мечту о неизъяснимомъ счастьи. Словно именно въ эти дни безумія и почти сна, странно спокойные, бодрые, полные живой энергіи, онъ и былъ тѣмъ, какимъ рожденъ быть; а теперь, съ этой лампой и книгой, сталъ чужимъ, ненужнымъ, какъ-то печально неинтереснымъ: безталаннымъ Сашей... Въ характерѣ его было не отказываться отъ разъ принятаго рѣшенія, пока не станетъ невозможно; и онъ упорно рабо-

талъ, но все безрадостнѣе и фальшивѣе становился безцѣльный, непужный трудъ. Вдругъ стало стыдно читать газеты, въ которыхъ говорилось о казняхъ, разстрѣлахъ и изъ каждой строки глядѣла безумно-печальными глазами окровавленная, дымящаяся, горящая истерзанная Россія. Дня по три и по четыре не развертывалъ онъ газеты,—но тѣ, кто прочитывалъ ее отъ строки до строки, не были мрачнѣе и сердцемъ освѣдомленнѣе, нежели несчастный юноша, въ крови своей чувашій созвучья проливаемой крови.

И стало такъ: по утрамъ проснувшись, Саша радостно думалъ объ университетѣ; ночью, засыпая—уже всѣмъ сердцемъ не вѣрилъ въ него и стыдился утренней радости и мучительно доискивался разгадки: что такое его отецъ-генералъ? что такое онъ самъ, чувствующій въ себѣ отца то какъ злѣйшаго врага, то любимаго, какъ только можетъ быть любимъ отецъ, источникъ жизни и сердечнаго познания? Что такое Россія?

Но все меньше спалъ Саша, охваченный острымъ непроходящимъ волненіемъ, отъ котораго начиналось сердцебіеніе, какъ при болѣзни, и желтая тошнота, какъ тревога предчувствія, дѣлала грудь мучительно и страшно пустою; и уже случалось, что по цѣлымъ почамъ Саша лежалъ въ бессонницѣ и, какъ въ дѣтствѣ, слушалъ немолчный гулъ деревъ. Давно уже смолкъ этотъ могучій, ровный, вѣщій гулъ, размѣненный на понятную человѣческую рѣчь, и съ удивленіемъ, покорностью и страхомъ слушалъ Саша забытый голосъ, звавшій его въ темную глубину невѣдомыхъ, но когда-то испытанныхъ сновъ. Гасли четкія мысли, такія твердыя и общія въ своей словесной скорлупѣ; теряли форму образы, умирало одно сознаніе, чтобы дать мѣсто другому. Обнаженный, какъ подъ ножомъ хирурга, лежалъ Саша навзничъ и въ темнотѣ всѣмъ легкимъ тѣломъ своимъ пилъ сладостную боль, томительные зовы, нѣжные призывы. Зоветъ глубина и ширь; открыла вѣщіе глаза пустыня и зоветъ материнскимъ, жуткимъ голосомъ: Саша! сынъ!

Осторожно, чтобы не разбудить кого-то, Саша раздвигаетъ на груди ночную сорочку, все шире обнажаетъ молоденькую, худую, еще неокрѣпшую грудь и подставляетъ ее подъ выстрѣлы ружей. Молчитъ и ждетъ. И плачетъ такъ тихо, что не услышала бы и мать, сказала бы, улыбаясь, что спитъ тихо сынъ ея Саша. Однажды въ такую ночь, Саша безшумно спустился съ кровати, сталъ на колѣни и долго молился, обративъ лицо свое въ темнотѣ къ изголовью постели, гдѣ привѣшенъ былъ матерью маленькій образокъ Божьей Матери Утоли Моя Печали. Уже нѣсколько лѣтъ не молился Саша, но по вернувшейся привычкѣ крестился, стараясь захватывать плечи: звалъ Бога

ға помощь и предавалъ Ему жизнь свою и духъ. На утро Сашъ стало неловко, и больше онъ не молился; но радостную и свѣтлую память объ этой ночной молитвѣ онъ донесъ до самой своей ранней могилы.

Въ это сумеречное время, короткое по днямъ, но такое долгое по чувству, Саша пережилъ нѣсколько почти счастливыхъ мгновений: это когда онъ пожертвовалъ своей любовью къ Женѣ Эгмонтъ. „Будетъ такая пошлость, если я ее полюблю“ — подумалъ онъ совсѣмъ неподходящими словами, а по острой боли сердца понялъ, что отдаетъ драгоцѣнное и тѣмъ искупаетъ какую-то, все еще неясную вину. И эту острую боль, такую немудрую и солнечно-простую, онъ съ радостью нѣсколько дней носилъ въ груди, пока ночью не придушила ее грубая и тяжелая мысль: а кому дѣло до того, что какой-то Саша Погодинъ отказывается любить какую-то Евгению Эгмонтъ? „Какъ кунецъ, который накралъ, а потомъ жертвуетъ гривенникъ“, — подумалъ Саша опять-таки неподходящими словами, чувствуя, какъ снова охватываетъ душная ночная хмара.

И только одно спасло его въ эти дни отъ самоубійства: та желтая тошнота, тревога предчувствія, знакъ идущаго, вѣрная подруга незавершенной жизни, при появленіи которой не вѣрилось ни въ университетъ, ни въ свое лицо, ни въ свои слова. Нужно только подождать, еще немного подождать: слишкомъ грозенъ былъ зовъ взволнованной земли, чтобы остаться ему гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Тутъ и пришелъ Колесниковъ...

12. Дальнѣйшее объ отцѣ.

Послѣ ночной прогулки Елена Петровна съ тревогой смотрѣла на Сашу и поджидала Колесникова: но Колесниковъ три дня не приходилъ, а Саша всѣ три дня сидѣлъ дома и былъ очень нѣженъ— все, что и требовалось для короткаго спокойствія. Явился Колесниковъ въ субботу, когда у Погодиныхъ собрались гимназисты и гимназистки, среди нихъ и Женя Эгмонтъ. Бродили по подсохшему саду, когда среди голыхъ кустовъ показалась велосипедная шапочка и черная борода непріятнаго гостя и загудѣлъ издалека его глухой, словно изъ-подъ земли, ворчащій басъ; и самъ Саша съ видимой холодностью пожалъ ему руку.

— Чудесный закатъ!—сказалъ Колесниковъ, спокойно усаживаясь на скамейкѣ какъ разъ по срединѣ между Липочкой и Женей Эгмонтъ:

— Къ моему лицу идетъ, того-этого, какъ нельзя лучше.

Небо между голыми сучьями было золотисто-желтое и скорѣй походило на осеннее; и хотя всѣ лица, обращенныя къ закату, отсвѣчивали теплымъ золотомъ и были красивы какой-то новой красотой—улыбающееся лицо Колесникова рѣзко выдѣлялось неожиданной прозрачностью и какъ бы внутреннимъ свѣтомъ. Черная борода лежала какъ приклеенная, и даже несчастная велосипедная шапочка не такъ смущала глазъ: и на нее пала крупица красоты отъ небесныхъ огней.

— Да вы въ зеркало смотрите! — крикнула Линочка, которой въ эту минуту очень понравился Колесниковъ.

— Смотрюсь, того-этого. Лицо—зеркало души.

— Глаза, а не лицо,—поправила гимназистка, и начался пустой, легкій и веселый разговоръ, въ которомъ Колесниковъ оказался не послѣднимъ. Онъ беззаботно шутилъ, звалъ всѣхъ лѣтомъ по грибы, и только знавшій его Саша замѣтилъ два-три долгихъ взгляда, искоса брошенныхъ на Женю Эгмонтъ. „Если бы я зналъ, о чемъ съ ней говорить, я бы къ ней подошелъ: пусть онъ не думаетъ глупости“, — сердито, почти гнѣвно подумалъ Саша и отправился въ домъ, куда уже звали пить чай. И еще разъ взглянулъ на желтое небо, горѣвшее между неподвижными теперь и молчаливыми деревьями, и, подумавъ про садъ, улыбнулся тихо: „да, для васъ онъ молчить“!

Пслѣдъ за нимъ и всѣ тронулись къ дому, къ его привѣтно засвѣтившимся окнамъ, когда Колесниковъ остановилъ Лину:

— На два слова, дорогая. Что это за барышня, что сидѣла рядомъ со мною? Очень красивая, того-этого, дѣвица.

— Еще бы некрасивая!—сказала Линочка съ гордостью.—Ея фамилія Эгмонтъ.

— Такъ, такъ, Эгмонтъ! Изъ какихъ же она?

— Отецъ ея директоръ банка. Да неужто же вы не знаете: Эгмонтъ? Ихъ весь городъ знаетъ.

— Какъ же, какъ же, теперь и я знаю. Строгая, того-этого, семья, въ каретѣ нашу грязь мѣсить. Какъ-же это они ее къ вамъ пускаютъ? Линочка вспыхиваетъ:

— Ну и глупости! Это вы забываете, что папа былъ генераломъ, а они прекрасно помнятъ. Все-таки ваша правда: препротивные они люди.

— И часто она у васъ бываетъ?

„Чего онъ спрашиваетъ?“—подумала Линочка, и ее снова охватила та мучительная тревога за Сашу, отъ которой хотѣлось кричать. Покраснѣвъ, она отбросила ногой темнѣвшій на дорожкѣ прошлогод-

ній листокъ, хотѣла промолчать, но не выдержала и взглянула прямо въ глаза Колесникову:

— Вы, Василий Васильевичъ, должно быть ужасно злой человекъ! Ужасно!

Широкія плечи Колесникова съежились, какъ отъ неожиданнаго удара, въ глазахъ его, устремленныхъ на Линочку, снова метнулось что-то потерянное, одинокое, давно и напрасно ждущее ласки. И уже начала раскаиваться Линочка, когда Колесниковъ грузно поднялся и сказалъ тихо и печально:

— Что-жъ, того-этого, можетъ быть вы и правы. Только если это злость, то...

Онъ махнулъ рукой, не окончивъ фразы, и пошелъ къ дому; и широкая спина его гнулась, какъ у тяжело больного или побитаго. Въ столовой, однако, подъ свѣтомъ лампы, онъ оправился и сталъ спокоенъ и ровенъ, какъ всегда, но уже больше не шутилъ и явно избѣгалъ смотрѣть на Женю Эгмонтъ. Когда же всѣ разошлись, попросился въ комнату къ Сашѣ: „Ахъ, если бы я смѣла подслушивать!“—мелькнуло въ головѣ у Елены Петровны.

— Мнѣ не нравится, Василий Васильевичъ, началъ Саша прямо:— что вы шутите и вообще притворяетесь такимъ простакомъ. Этимъ вы вводите въ заблужденіе всѣхъ... всѣхъ нашихъ. И значеніе вашихъ взглядовъ я понимаю: тоже не хорошо!

Колесниковъ уныло подумалъ: „Боже ты мой! то сестра, а то этотъ: вотъ она, чистота!“—и покорно отвѣтилъ:

— Что-жъ, того-этого, и это правда! Только я полагаю, Александръ Николаевичъ, что не гоже петлю раньше времени накидывать, успѣютъ, того-этого, ваши-то намучиться. Что же касается моихъ поглядокъ, то я же вамъ откровенно объяснилъ причину: вѣдь я васъ сватать пришелъ и нужно же мнѣ было повидать женихову, того-этого, родню.

Саша не отвѣтилъ. Онъ сидѣлъ у стола въ своей любимой позѣ: ногу положивъ на ногу и опустивъ глаза на кончики сложенныхъ на колѣняхъ пальцевъ, и красивое лицо его было спокойно, холодно и непроницаемо. Можно было сколько угодно смотрѣть на это холодное лицо,—и ни одна черта не дрогнетъ, не выразить того волненія, которое вызываетъ человѣческій пристальный взглядъ. „Такъ онъ и смерть встрѣтитъ“,—почувствовалъ Колесниковъ и на одно мгновеніе въ нерѣшимости остановился. Потеръ подъ бородою горло и словно этотъ жестъ, облегчавшій дыханіе, успокоилъ его и обычную твердость придавъ слегка размякшимъ чертамъ. И холодно началъ:

— Да, того-этого, родня... Вотъ и еще хотѣлъ я васъ спросить,

да случая не представлялось. Скажите, Александръ Николаевичъ, какъ собственно звали вашего отца?—Николай?..

— Николай Евгеньевичъ.

— Эвъ Е значить? Да, того-этого, такъ и тотъ офицеръ названъ: Н. Е. Погодинъ. Это я въ одной старой газеткѣ прочелъ про нѣкій печальный случай: офицеръ Н. Е. Погодинъ зарубилъ шашкой какого-то студентика. Лѣтъ двадцать назадъ, того-этого, давно ужъ!

— Какъ это произошло?

— А такъ произошло, что стоялъ этотъ офицеръ въ охранѣ— особы, того-этого, проѣзжали — ну и, конечно, толпа, и студентикъ этотъ выразился довольно непочтительно, а онъ его шашкой. На смерть, однако.

— Офицеръ былъ пьянъ?

— Нѣтъ, того-этого, не сказано. А студентикъ-то дѣйствительно былъ выпивши, трезвый-то кто-жъ на охрану полѣзеть. А можетъ и дуракъ быть, а его за пьянаго приняли, не знаю, того-этого. Всяко бываетъ.

— Вы навѣрное помните его фамилію?

— Помню. Фамилія очень простая: Стекловъ. Судя по вопросамъ вашимъ, не видно, чтобы вы этотъ случай помнили или знали... можетъ быть, того-этого, тутъ просто совпаденіе? Всяко, говорю, бываетъ.

Саша взглянулъ на Колесникова и отвѣтилъ со спокойной разсудительностью:

— Не думаю, чтобы совпаденіе. Да отчего же такому случаю и не быть? Офицера судили?

— Нѣтъ.

— Да и не все ли равно, отецъ это или кто-нибудь другой? Не вамъ, Василій Васильевичъ, удивляться такимъ случаямъ... да и не мнѣ, пожалуй, хоть я на двадцать лѣтъ васъ моложе. Вы что-то еще хотѣли мнѣ рассказать?

Уже обмануть былъ Колесниковъ спокойствіемъ голоса и холодомъ словъ и что-то воистину злобное уже шевельнулось въ его душѣ, какъ вдругъ замѣтилъ, что Саша медленно потираетъ рукой свою тонкую юношескую шею — тѣмъ самымъ жестомъ освобождаются отъ петли, какимъ онъ самъ недавно. И потухло злобное, и что-то очень похожее на любовь смутило жестокое сердце, одичавшее въ одиночествѣ, омертвѣвшее въ боли собственныхъ ранъ: „Бѣдный ты мой мальчикъ, да за что же такое наказаніе! Боже ты мой, Боже ты мой!“ Опустилъ голову, чтобы не видѣть руки, медленно потирающей юношескую тонкую шею; и услышалъ, какъ

въ гостиной подъ неуверенными пальцами тихо запѣлъ рояль: что-то нѣжное, лепечущее, наивное и трогательное, какъ первый дѣтскій сонъ. Издалека донесся стукъ посуды: должно быть въ кухнѣ перемывали на ночь, послѣ гостей, тарелки—шла въ домѣ своя жизнь.

Саша приоткрылъ дверь и громко сказалъ:

— Не надо, мамочка. Потомъ!

Музыка смолкла.

— Саша, пойди сюда на минутку.

Извинился и вышелъ. Надъ постелью, крытой бѣлымъ тканевымъ одѣяломъ, поблескивалъ маленькій золоченый образокъ, былъ привязанъ къ желѣзному пруту—сразу и не замѣтишь. Въ порядкѣ лежали на столѣ книги въ переплетахъ и тетради; на толстой, по-видимому, давнишней, оправленной въ дерево резинѣ было вырѣзано ножичкомъ: Александръ Погодинъ, уч... дальше состругано. Такъ хорошо изучилъ домъ Колесниковъ, а теперь казалось, что въ первый разъ попалъ.

— Такъ вотъ, Василій Васильевичъ,—сказалъ Саша, входя и закрывая дверь,—я хотѣлъ васъ попросить продолжить нашъ разговоръ, что тогда на горѣ. Горѣла-то дѣйствительно усадьба, вы знаете?

Колесниковъ поднялся и коротко простился съ Сашей:

— Прощайте.

— Куда же вы? Вы хотѣли поговорить.

— А теперь, того-этого, домой захотѣлъ.

Саша вспомнилъ его „домъ“—заходилъ разъ: комнатку отъ сапожника, грязную, тухлую, воняющую кожей, заваленную газетами и старымъ заношеннымъ платьемъ, пузырекъ съ засохшими чернилами, комки весенней грязи на полу... Помолчали.

„Солгать бы ему, что фамилію офицера перепуталъ?—да нѣтъ, не стоитъ: отъ судьбы все равно не уйдешь“.

„Пойти проводить его? — вѣдь все равно не усну. Да нѣтъ, пускай: отъ судьбы не уйдешь. Но какая страшная будетъ ночь!“

— Прощайте.

— Прощайте.

13. Н е л ь з я ж д а т ь .

На Ѳоминой недѣлѣ, въ воскресенье, въ апрѣльскій погожій и теплый, совсѣмъ лѣтній день, Колесниковъ и Саша, захвативъ ѣды, съ утра ушли за городъ и возвращались только поздней ночью.

Уже стемнѣло, и шоссе, по которому они быстро шагали, едва

свѣтилось. Справа отъ дороги земля пропадала въ неподвижной, теплой мглѣ, и нельзя было увидѣть, что тамъ: лѣсъ или поле; и только по душному, открытому, ночному запаху вспаханной земли, да по особенной бархатной чернотѣ чувствовалось поле. Но еще чернѣе, до слѣпоты, была лѣвая сторона, надъ которою зеленѣлъ западъ; и горизонтъ былъ такъ близокъ, что, казалось, изъ самой линіи его вырастаютъ телеграфные столбы. Разогрѣвшійся отъ быстрой ходьбы Саша растегнулъ куртку и сорочку и голой грудью ловилъ нѣжную и мягкую свѣжесть чудесной почвы, и ему чудилось, будто свершается одинъ изъ далекихъ, забытыхъ, прекрасныхъ сновъ—такъ властны были грезы и очарованіе невидимыхъ полей. А главное, почему было такъ хорошо, и ночь, даже не чувствуемая спящими людьми, была единственной и во всемъ мірѣ, во всѣ года его прекраснѣйшей—это главное было въ Сашиной душѣ: исчезъ холодный стыдъ безталанности и безцѣльнаго житія и закрыла свой беззубый зѣвъ пустота—Саша уже цѣлыхъ двадцать четыре часа былъ тѣмъ, какимъ онъ рожденъ быть. Легко идетъ по землѣ, когда скоро умрешь за нее.

— Да, родной мой!..—мягко пѣвучимъ голосомъ говорилъ Колесниковъ и только теперь, слушая его, можно было понять того дурака, который когда-то училъ его пѣнію:—да, родной мой, очень виноваты я передъ вами. Хотя и повѣрилъ сразу, съ перваго же вашего взгляда, а все, думаю, надо, того-этого, провѣрить. Много и жестоко меня били и нѣтъ у меня настоящаго довѣрія къ людямъ—двѣ ноги ясно вижу, а дальше, того-этого, начинаются сомнѣнія. Можетъ и сейчасъ—что вы думаете!—сомнѣвался бы да гадалъ на гушѣ, не увидь я тогда при заревѣ ваши глаза. Хотите узнать человѣка? Соорудите, того-этого, пожарчикъ и посмотрите, какъ отразится огонь въ его глазу.

— Обо мнѣ не стоитъ. Говорите лучше о дѣлѣ.

— Да какъ же не стоитъ? Вы же и есть самое главное. Дѣло—вздоръ. Вы же, того-этого, и есть дѣло. Вѣдь если изъ бель-этажа посмотрѣть, то что я вамъ предлагаю? Идти въ лѣсъ, стать, того-этого, разбойникомъ, убивать, жечь, грабить—отъ такой избави Богъ программы за версту сумасшедшимъ домомъ несетъ, ежели не хуже. А развѣ я сумасшедшій или подлецъ?

Нѣкоторое время шли молча. Заговорилъ Саша:

— Моя жизнь, Василій Васильевичъ, никогда не была особенно веселой. Конечно, главная причина моя безталанность, безъ таланта очень трудно быть веселымъ, но есть и другое что-то, пожалуй, важнѣе. И вы подумайте, Василій Васильевичъ, этого важнаго я какъ

разъ и не помню! Какъ странно: самага главнаго, безъ чего и жизнь не понятна, и вдругъ не помнить! Это все равно, что потерять ключъ отъ своего дома. А знаю, что было оно, что это не сонъ мнѣ представился; нѣтъ, скорѣе вродѣ того, какъ крикнуть или выстрѣлить надъ соннымъ человѣкомъ: онъ и выстрѣла не слышалъ, а проснулся весь въ страхъ или въ слезахъ. Впрочемъ... я совсѣмъ не умѣю говорить.

— Говорите, того-этого.

— Можетъ быть, это произошло тогда, когда я былъ совсѣмъ еще ребенкомъ? И правда, когда я подумаю такъ, то начинаетъ что-то припоминаться, но такъ смутно, отдаленно, неясно, точно за тысячу лѣтъ — такъ смутно! И насколько я знаю по словамъ... другихъ людей, въ дѣтствѣ вокругъ меня было темно и печально. Отецъ мой, Василій Васильевичъ, былъ очень тяжелый и даже страшный человѣкъ.

— Жестокій?

— Да, и жестокий. Но главное, тупой и ужасно тяжелый, и его ни въ чемъ нельзя было убѣдить, и что бы онъ ни дѣлалъ, всегда отъ этого страдали другіе. И еслибъ хоть когда-нибудь раскаивался, а то нѣтъ! — или другихъ обвинялъ, или судьбу, а про себя всегда писалъ, что онъ неудачникъ. Я читалъ его письма къ матери... давнишнія письма, еще до моего рожденія.

Опять нѣкоторое время молча шагали въ темнотѣ.

— Когда я такъ шагаю,—вдругъ громко и густо загудѣлъ Колесниковъ,—я ясно чувствую, что я мужикъ и что отецъ мой мужикъ. А когда бываю въ комнатѣ или, того-этого, ѣду на пролеткѣ, то боюсь насмѣшекъ и все думаю о двери: какъ бы не забыть, того-этого, гдѣ дверь. А когда падаю или локтемъ ударюсь, то непремѣнно же обругаюсь по-материну, хотя ругательство ненавижу. Уропилъ я разъ Милля, толстенная, того-этого, книжища, и тоже обругался; и такъ, того-этого, стыдно стало: цивилизованный, думаю, англичанинъ, а я его такими словами!

Колесниковъ засмѣялся и продолжалъ:

— А разъ въ оперѣ заснулъ, ей-Богу, правда! Длинная была какая-то, какъ поросычья, того-этого, кишка. А разъ на выставку меня повели, такъ я три дня какъ очумѣлый деспотъ ходилъ: гляжу на небо да все думаю—какъ бы такъ его перекрасить, того-этого, не нравится оно мнѣ въ такомъ видѣ, того-этого!

Колесниковъ остановился и неистово захохоталъ—точно телѣга по шоссе загрохотала. Засмѣялся, глядя на него, и Саша. Внезапно Колесниковъ стихъ и совершенно спокойнымъ голосомъ сказалъ:

— Идемъ! Зря я васъ своими анекдотами перебилъ. Говорите, того-этого. Ночь-то какая чудесная!

— Я про отца.

— Про отца, такъ про отца. Я васъ. Саша, безъ отчества буду звать.

— Завтра я, пожалуй, расскажусь въ томъ, что говорилъ сегодня, но... иногда устаешь молчать и сдерживаться. И ночь, правда, такая чудесная, да и весь день, и вообще я очень радъ, что мы не въ городѣ. Прибавимъ ходу?

— Прибавимъ.

— Что я люблю и уважаю мать, какъ ни одного въ мірѣ чловѣка, это понятно...

— Понятно. Слушай, Саша... погоди, идемъ тише!—я тоже, братъ, никогда этого не повторю. Она меня боится и, того-этого, не любитъ, а я... ее...

Въ голосъ Колесникова что-то ухнуло -- точно съ большой высоты оборвался камень и покатился, прыгая по склону. Замолчалъ. Саша старался шагать осторожно и неслышно, чтобы не мѣшать; и когда смотрѣлъ на свои двигающіяся ноги, ему казалось, что онѣ коротки и обрѣзаны по щиколотку: вѣлась въ сапоги придорожная известковая пыль и дѣлала невидимыми.

— Нѣтъ, того-этого, точка! — не могу сказать. Только вотъ что, Саша: когда буду я умирать, нѣтъ, того-этого, когда уже умру, наклонись ты къ моему уху и скажи... Нѣтъ, не могу. Точка.

— Я...

— Молчи!—знаю. Молчи.

Снова молча шагали. Казалось, ужъ не можетъ быть темнѣе, а погасъ зеленый западъ—и тѣма такъ сгустилась, словно сейчасъ только пришла. И легче шагалось: видимо, шли подъ уклонъ. Повѣяло сыростью.

— Но вотъ что мнѣ удивительно,—заговорилъ Саша,—я люблю и отца. И смѣшно сказать, за что! Вспомню, что онъ любилъ щи—ихъ у насъ теперь не дѣлаютъ -- и вдругъ полюблю и щи и отца, смѣшно! И мнѣ непріятно, что мама... ѣсть баклажаны...

— Вздоръ! Нашелъ, чѣмъ упрекнуть, того-этого! Свиństwo!

— Конечно, вздоръ!—не стоитъ говорить. Или вотъ борода его, тоже нравится. Борода у него была совсѣмъ мужицкая, четырехугольная, окладистая, русая и почему-то помню, какъ онъ ее расчесывалъ; и когда вспомню эту бороду, то ужъ не могу ненавидѣть его такъ, какъ хотѣлъ бы. Смѣшно!

Оба шли и мечтательно смѣтрѣли передъ собою; круто подни-

малось шоссе и въ темнотѣ чудилось, будто оно отвѣсно, какъ стѣна.

— Борода, конечно. У моего батьки борода тоже вродѣ дремучаго лѣса, а подлець онъ, того-этого, преестественный. Вздоръ! Мистика!

— Нѣтъ, не мистика!—уже серьезно и даже строго сказалъ Саша, и почувствовалъ въ темнотѣ Колесниковъ его нахмурившееся, вдругъ похолодѣвшее лицо.—Если это мистика, то какъ же объяснить, что въ дѣтствѣ я былъ жестокъ? Этому трудно повѣрить, и этого не знаетъ никто, даже мама, даже Лина, но я былъ жестокъ даже до завѣрства. Прятался, но не отъ стыда, а чтобы не помѣшали и еще потому, что съ глазу на глазъ было пріятнѣе, и ужъ никто не отниметь: онъ да я!

— Кто онъ?

— Кто-нибудь, мало ли на свѣтѣ живого! Хотите, расскажу вамъ про кота? Былъ у насъ котъ—это еще при жизни отца въ Петербургѣ—и такой несчастный котъ: старый, облѣзлый, его даже котята не уважали и когда играли, то били его по мордѣ. Несчастный котъ! И всего несчастнѣе былъ онъ черезъ меня: мучилъ я его ежедневно, систематически, не давая отдыху ни на минуту—хожу бывало и все его ищу. На людяхъ дѣлаю видъ, что даже не замѣчаю, а какъ одни, или во дворѣ за сараемъ поймаю—былъ такой глухой уголь и онъ, дуракъ, ходилъ туда спасаться—такъ или камнемъ его, или прижму полѣномъ и начну волоски выдергивать. И вы подумайте, до чего дошелъ его страхъ: даже кричать пересталъ, точно не изъ живого, а изъ мѣха дергаю! И вотъ разъ вечеромъ вошелъ я въ кухню, а тамъ никого, и сидитъ на полу котъ, опустилъ облѣзлую морду, дремлетъ, должно быть, въ теплѣ. Увидѣлъ онъ меня - а я нарочно медленно подхожу и такъ улыбаюсь, руки разставилъ—и такъ испугался, что впалъ въ столбнякъ: сидитъ и смотритъ, и ни съ мѣста. И вдругъ пришла мнѣ безсовѣстная мысль: а что если я его приласкаю?—что съ нимъ будетъ? И вмѣсто того, чтобы ударить, или щипать, сѣлъ на корточки, поглаживаю по головѣ и за ухомъ и самымъ сладкимъ голосомъ: котенька, котикъ, миленькій, красавецъ!—словъ-то онъ и не понимаетъ.

Саша замолчалъ, и губы его въ темнотѣ передернуло улыбкой.

— Ну?—что же котъ?

— Котъ? А котъ сразу повѣрилъ... и раскинь. Замурлыкалъ какъ котенокъ, тычется головой, кружится, какъ пьяный, вотъ-вотъ заплачетъ или скажетъ что-нибудь. И съ того вечера сталъ я для него единственной любовью, откровениемъ, радостью, Богомъ, что ли, ужъ не знаю, какъ это на ихнемъ языкѣ: ходить за мною по пя-

тамъ, лѣзетъ на колѣна, его ужъ другіе бьютъ, а онъ лѣзетъ какъ слѣпой; а то ночью заберется на постель и такъ развязно, къ самому лицу—даже неловко ему сказать, что онъ облѣзлый и что даже кухарка имъ гнушается!

— Больше его вы ужъ не били?

— Развѣ можно при такомъ довѣріи?

— Ну что же котъ: нодохъ, того-этого?

— Отецъ докончилъ: велѣлъ повѣсить за старость. И по правдѣ, я даже не особенно огорчился: положеніе для кота становилось невыносимымъ: онъ уже не только меня, а и себя мучилъ своею бессловесностью; и только оставалось ему, что превратиться въ чело-вѣка. Но только съ тѣхъ поръ пересталъ я мучить.

— То-то! Понялъ?

— Понялъ. Но вѣдь былъ же я жестокъ?—откуда это?

Саша мрачно задумался, и ужъ не такъ тепла казалась ночь, и потяжелѣла дорога, и земля словно отталкивала—недостойнъ, не люблю, чужой ты мнѣ! И не чувствовалъ Саша, что Колесниковъ улыбается несвойственной ему улыбкой: мягко, добродушно, по-ста-риковски.

— Вотъ такъ котъ, того-этого! Профессоръ, а не котъ.

Но Саша какъ будто не слыхалъ и тихо промолвилъ:

— Кто я? Правда, мнѣ девятнадцать лѣтъ, и у насъ было воспитаніе такое, и я... до сихъ поръ не знаю женщинъ, но развѣ это что-нибудь значить? Иногда я себя чувствую мальчикомъ, а то вдругъ такъ старъ, словно мнѣ сто лѣтъ и у меня не черные глаза, а сѣрые. Усталость какая-то... Откуда усталость, когда я еще не работалъ?

Уже серьезно и даже торжественно Колесниковъ сказалъ:

— Народъ, Саша, работалъ. Его трудомъ ты и утомился.

— А тоска, Василій?

— Его тоскою тоскуешь, мальчикъ! Я уже не говорю про теперешнее, ему еще будетъ судъ!—а сколько позади-то печали, да слезъ, да муки, того-этого, мученической. Тоска, говоришь? Да увидь я въ Россіи воистину веселаго чело-вѣка, я ему въ морду, того-этого, харкну. Ну и нечего харкать: нѣтъ въ Россіи веселаго чело-вѣка, не родился еще, время не довлѣетъ веселью.

— Ахъ, Василій, Василій, самъ ты хорошій чело-вѣкъ...

— Какъ же: и умница и красавецъ!

— Молчи! Ты ошибаешься во мнѣ: не чистъ я, какъ тебѣ нужно. Ничего я не сдѣлалъ, правда, а чувствую иногда такъ,

будто волочится за мною грѣхъ, хватается за ноги, присасывается къ сердцу! Ничего еще не сдѣлалъ, а совѣсть мучаетъ.

— И грѣхъ не твой, того-этого. И грѣхъ позади.

— А если грѣхъ позади, то какъ же я могу быть чистъ! И не можетъ, Василій, родиться теперь на землѣ такой человѣкъ, который былъ бы чистъ. Не можетъ!

— Вздоръ! Ты чистъ. Не даромъ же я тебя какъ ягненокъ, того-этого, среди цѣлаго стада выбралъ. Нѣтъ на тебѣ ни пятнышка. И что иконка у тебя надъ кроватью—молчи!—и это хорошо. Самъ не вѣрю, а чтобъ ты вѣрилъ, хочу. А что грѣхъ на тебѣ отцовъ, такъ искупи! Искупи, Саша!

Они уже давно остановились и стояли посередѣ дороги, но не замѣчали этого. Изступленно кричалъ Колесниковъ:

— Искупи, Саша!

Онъ широкимъ взмахомъ обвелъ рукою тьму:

— Смотри, вотъ твоя земля, плачетъ она въ темнотѣ. Брось гордыхъ, смирись, какъ я смирился, Саша, ея горькимъ хлѣбомъ покормись, ея грѣхомъ согрѣши, ея слезами, того-этого, омойся! Что умъ! Съ умомъ надо ждать, да разсчитывать, да выгадывать, а развѣ мы можемъ ждать? Заставь меня ждать, такъ я завтра же, того-этого, сбѣжусь и на людей кидаться начну. Въ палачи пойду!

— Нельзя ждать!—также крикнулъ Саша, и не замѣтилъ, что онъ кричитъ.

— Ни минуты, ни секундочки! Пусть они умные да талантливые дѣлаютъ по-своему, а мы безталанные двинемъ по низу, того-этого! Я мужикъ, а ты мальчишка, ну и ладно, ну и пойдемъ по-мужичьему, да по-ребячьему! Мать ты моя, земля ты моя родная, страдальца моя вѣковѣчная—земно кланяюсь тебѣ, подлецъ, сынъ твой—подлецъ!

И онъ дѣйствительно сталъ на колѣни и съ силою потянулъ за собою Сашу, крича, какъ въ бреду:

— Сашка, на колѣни!—Сашка, не гнушайся пылью. Смирись, Сашка—а то убью!

Но и сила же была у мальчика: оттолкнувъ Колесникова, онъ повелительно и страшно крикнулъ:

— Встань!

— Гнушаешься, генеральскій сынъ?

— Гнушаюсь. Встань!

— Смотри, убью!

Скорѣй почувствовалъ, чѣмъ увидѣлъ Саша, что Колесниковъ полѣзъ въ карманъ за револьверомъ. Зловѣще молчала неподвижная тьма—точно ждала огня и выстрѣла; и призраки страха безшумно

рѣяли надъ темными полями. „Первый не буду стрѣлять“,—подумалъ Саша, вынувъ браунингъ и неслышно спуская предохранитель. Но прошли минута и другая, а выстрѣла не слѣдовало, и все такъ же на колѣняхъ стоялъ Колесниковъ. „Да что съ нимъ?“ Но вдругъ поднялся Колесниковъ и, колыхнувъ воздухъ около Саши, быстро и молча двинулся впередъ по шоссе. Давъ пройти ему шаговъ десять, двинулся и Саша; и такъ съ версту молча шли они, и передъ юношей, все на одномъ и томъ же разстояніи, смутно колыхалась высокая молчаливая фигура. Уже засвѣтилось небо надъ далью шоссе—приближался городъ, когда Колесниковъ остановился, поджидая товарища; и сказалъ совершенно спокойно:

— Извини меня, Саша, я и впрямь, того-этого, начинаю на людей кидаться. Находить на меня, что ли... Ты не обидѣлся, парень?

— Нѣтъ,—сдержанно отвѣтилъ Саша:—на крикъ и даже на плохія слова я обидѣться не могу. Только замѣть, пожалуйста, Василій, что и самъ я... съ прахомъ мѣшаться никогда не буду, да и другимъ не позволю.

— Какъ ты повернулъ, того-этого; съ прахомъ!—невесело улыбнулся Колесниковъ и, вздохнувъ, добавилъ:—но ты правъ. Теперь понимаешь, Саша, почему я не могъ стать въ первую голову, а двигаю тебя?

— Понимаю, пожалуйста.

— Звѣрь я, Саша. Пока съ людьми, такъ, того-этого, соблюдаю манеры, а попаду въ лѣсъ, ну и ассимилируюсь, вернусь въ первобытное состояніе. На меня и темнота дѣйствуетъ, того-этого, очень подозрительно. Да какъ же и не дѣйствовать? У насъ только въ городахъ по ночамъ огонь, а по всей Россіи темнота, либо спятъ люди, либо если ужъ выходятъ, то не за добромъ. Когда будетъ моя воля, всѣ деревни, того-этого, велю освѣтить электричествомъ!

Онъ засмѣялся, но невесело.

— Ты мнѣ про кота рассказалъ, а хочешь я тебѣ про нѣкоего медвѣдя расскажу? Добродѣтельный былъ медвѣдь, знать всѣ штуки и подъ конецъ, того-этого, проникся альтруизмомъ до высокой степени. Ну и случилось, что на вожака въ лѣсу волки напали, и ужъ совсѣмъ было загрызли, да медвѣдь какъ двинетъ, того-этого! всю стаю распхвирялъ. Распхвирялъ и давай вожаку по своей привычкѣ раны зализывать—все отъ добродѣтели, не иначе какъ-нибудь. Лизнулъ разъ—что за чертъ, того-этого, сладко! Онъ другой, да третій, да до самаго станового хребта и долизалъ! Съѣлъ, того-этого.

Рассказывалъ Колесниковъ весело и даже какъ будто со смѣшкомъ, но видно было, что отвѣта ждетъ беспокойно и возлагаетъ

на него какія-то свои надежды. И облегченно вздохнулъ, когда Саша промолвилъ съ строгимъ упрекомъ:

— Зачѣмъ ты чернишь себя, Василій? Эта сказка совсѣмъ къ тебѣ не идетъ. И вообще ты напрасно весь день сегодня бросаешь слово „разбойникъ“: мы не въ разбойники идемъ. У разбойника личное, а гдѣ оно у тебя? Что тебѣ нужно: богатство?—слава?—вино и любовь?

Колесниковъ засмѣялся такъ, будто сама душа его смѣялась, и долго не могъ успокоиться.

— Ну и сказалъ, того-этого! Вино, карты и любовь—хо-хо-хо!

Но Саша былъ серьезенъ и даже не улыбнулся на его неистовую веселость.

— Это вовсе не такъ смѣшно, Василій. И не знай я, что ты безкорыстѣйшій въ мірѣ человѣкъ и честѣйшій и самый нѣжный...

Колесниковъ, вытиравшій рукою глаза—должно быть отъ смѣха слезились они—коротко оборвалъ:

— Буде! Ходу!

Минутъ пять шли молча.

— Вотъ еще, Василій, чтобы не было недоразумѣній: мой отецъ... все-таки онъ былъ человѣкъ честный. По-своему конечно, но очень честный, это я навѣрное знаю.

— Вѣрю. А я, Саша, себѣ все-таки такіе же сапоги куплю, какъ у тебя: въ калошахъ по болотамъ не напрыгаешься. Можно бы, конечно, подешевле, ну да ужъ кутну напоследокъ, того-этого!

— Сегодня у насъ воскресенье? Ну такъ деньги я добуду не позже, какъ къ четвергу. Эта тысяча положена отцомъ въ банкъ до моего совершеннолѣтія и я могу ей распоряжаться, но только трудно будетъ съ векселемъ; надо узнать, какъ это дѣлается. Ты знаешь?

— Нѣтъ.

— Все равно, деньги эти мнѣ ужъ не понадобятся, такъ что можно дать большіе проценты...

Было ли это юношеское, мало сознательное отношеніе къ смерти, или то стойкое мужество, которое такъ отличило Сашу въ его послѣдніе дни, но о смерти и говорилъ онъ и думалъ спокойно, какъ о необходимой составной части дѣла. Но такъ же, впрочемъ, относился къ смерти и Колесниковъ.

— Дѣло только за маузерами, — сказалъ онъ. — Карты и всѣ, того-этого, свѣдѣнія у меня есть. Да, Саша, а отъ винныхъ-то лавокъ намъ придется отказаться: трудно будетъ народъ, того-этого, оторвать отъ пойки; а ежели жечь, деревню спалишь.

— Жалко! А когда ты меня съ Андреемъ Ивановичемъ сведешь?

— Съ матросикомъ-то? Ужъ и не знаю, Саша. Берегу я его, какъ кладъ, того-этого, драгоценнѣйшій, на улицу не выпускаю. Вотъ, Саша, чистота! Пожалуй, и тебѣ не уступить. Я-бъ и тебя тревожить не сталъ, однимъ бы матросикомъ обошелся, да повелѣвать онъ, того-этого, не умѣетъ. О проклятое рабье племя—даже и гутъ безъ генеральскаго сына не обойдешься!—не сердись, Саша, за горькія слова.

Саша, краснѣя, согласился:

— Что-жъ, это отчасти правда.

— Проклятое племя! Ну долго ли мой отецъ былъ крѣпостнымъ, а я всю жизнь, того-этого, послушаніемъ страдаю. Ты вонъ давеча на меня крикнулъ, а я сейчасъ же за револьверомъ—отъ послушанія, того-этого, оттого, что иначе возразить не умѣю, отъ стыда! Эхъ, Саша, много еще ты молиться долженъ, пока свой грѣхъ замолишь.

Молчали; и уже чувствовали, какъ вѣмѣютъ ноги отъ дальняго пути. Справа отъ шоссе то ли сгустилась, то ли посѣрѣла тьма, обрисовавъ кучу домишекъ; и въ одномъ окнѣ блестѣлъ яркій и острый, какъ гвоздь, огонь—одинъ на всю необъятную темноту ночи. Колесниковъ остановился и схватилъ Сашу за руку:

— Смотри, Саша! Ну не сразу ли видно, что рабій огонь. Воззрися въ темноту, а самъ, того-этого, дрожить и мигаетъ какъ подлецъ. Нѣтъ, будь ему пусто, пойду напугаю его. Много, думаешь, ему нужно?—попрошу воды, а онъ ужъ и готовъ...

Но Саша, смѣясь, удержалъ его. Начинала томить усталость. Сѣли на краю канавки, лицомъ къ далекому огоньку, уже расплывшемуся въ желтизнѣ окна; Саша закурилъ.

— Последняя,—сказалъ онъ про папиросу:—всю дорогу берегъ.

Остальной путь шли молча: устала душа отъ пережитаго и хотѣлось думать въ одиночку. Только уже у шлагбаума Колесниковъ поставилъ точку надъ своими размышленіями и грустно сказалъ:

— Да, того-этого, никакой дуракъ въ трубѣ углемъ не пишетъ, а мѣломъ. Такъ-то, Саша, мѣлъ ты мой бѣлѣйшій.

— Завтра придешь?

— Нѣтъ. Больше къ вамъ я не приду.

Онъ сказалъ „къ вамъ“, а не къ тебѣ, и Саша понялъ это и одобрилъ. И вдругъ, при мысли о матери, которой онъ съ утра не видалъ, и которая ждетъ его, сердце его сжалось невыносимой, почти физической болью: даже захватило дыханье. И на мгновенье все это показалось страшнымъ сномъ: и ночь, и Колесниковъ, и тѣ чувства, что только что до краевъ наполняли его и теперь взметнулись

дико, какъ стая потревожнаго воронья. И особенно похоже было на сонъ полосатое бревно шлагбаума, скупо озаренное притушеннымъ фонаремъ: что-то невыносимо ужасное, говорящее о смерти, о холодѣ, о беспощадности судьбы заключали въ себѣ смутныя полосы черной и бѣлой краски. Но это было только мгновение.

И по улицѣ шли молча, торопясь дойти до перекрестка, гдѣ развѣтлялись пути. Звякнула за угломъ, въ переулокъ подкова и вынырнули возлѣ фонаря два стражника на тяжелыхъ, лѣнливыхъ лошадяхъ. Хотѣли повернуть направо, но, увидѣвъ на пустынной улицѣ двухъ прохожихъ, повернули молча въ ихъ сторону. Колесниковъ засмѣялся:

— Вотъ вздумаютъ они насъ, того-этого, обыскать, тутъ нашему громкому дѣлу и конецъ. Смотри, какъ цѣлятся.

Но должно быть этотъ смѣхъ успокоилъ стражниковъ; все же одинъ, подавъ коня къ тротуару, наклонился и заглянулъ въ лица, увидѣлъ блестящія пуговицы Сашинаго гимназическаго пальто, и либо спросонокъ, либо по незнакомству съ мундирами, принялъ его за офицера: выпрямился и крикнулъ сипловатымъ басомъ:

— Здравія желаю, ваше благородіе!

Саша коротко и сухо бросилъ:

— Здорово!

14. Господа гимназисты.

Дома Сашу встрѣтило нѣчто неожиданное: со двора онъ пораженъ тѣмъ, что окна въ столовой, несмотря на позднюю ночь, ярко освѣщены, и уже съ предчувствіемъ чего-то недобраго ускорилъ шагъ. А на порогъ съ нимъ почти столкнулась, видимо поджидавшая его, Линочка и торопливо сказала:

— Сашечка, родной мой, не волнуйся, случилось несчастье.

— Мама?...

— Ну что ты! — да нѣтъ же. Тимохинъ. Сегодня утромъ, т. е., должно быть, ночью, повѣсился Тимохинъ. Иди скорѣе, у насъ Добровольскій, Штембергъ и другіе, ждутъ тебя.

И вдругъ охватила его шею руками, спряталась ему на грудь и заплакала: разрѣшалось отчаянными слезами какое-то волненіе, болѣе глубокое, чѣмъ могла вызвать смерть мало знакомаго Тимохина.

— Да родной же мой Сашечка!..— всхлипывала она и судорожно цѣплялась за шею и за руки, точно боялась, что онъ снова уйдетъ:— Мы такъ ждали тебя, отчего ты не приходилъ! Родной мой Сашечка...

— Ну что ты, Лина!—спокойно сказала подошедшая Елена Петровна и начала отцѣплять отъ Сашинныхъ пуговицъ запутавшіеся въ нихъ русые волосы. — Успокойся, дѣвочка. Тамъ тебя ждутъ, Саша, иди.

И вдругъ—и Саша даже не зналъ до сихъ поръ, что это можетъ быть у людей! — Елена Петровна раза три громко и четко лякнула зубами. „Какъ собака, которая ловить блохъ“,—дико подумалъ Саша, холодѣя отъ страха и чувствуя, какъ на губахъ его выдавливается такая же дикая, ни съ чѣмъ несообразная улыбка.

Тяжелая была ночь! До утра блѣдные гимназисты сидѣли у Погодиныхъ и растерянно, новыми глазами, точно со страхомъ разсматривали другъ друга, и два раза пили чай; а утромъ, вмѣстѣ съ Погодиными отправились въ богоугодное заведеніе, куда отвезенъ былъ Тимохинъ, на первую панихиду.

Вздутое лицо покойника было закрыто кисеей, и только желтыи двѣ руки, уже заботливо сложенныя кѣмъ-то наподобіе крестнаго знаменія—мать и отецъ Тимохина жили въ уѣздѣ, и родныхъ въ городѣ у него не было. Отъ усталости и безсонной ночи у Саши кружилась голова, и минутами все заплывало туманомъ, но мысли и чувства были ярки до болѣзненности.

Передъ глазами двигалась черная съ серебромъ, треугольная спина священника, и было почему-то пріятно, что она такая необыкновенная, и на мгновеніе открывался ясный смыслъ въ томъ, что всегда было непонятно: въ синихъ полоскахъ ладаана, въ странности одежды, даже въ томъ, что какой-то совсѣмъ незначительный человѣкъ съ козлиной рѣденькой бородкой тычетъ по рукамъ гимназистовъ кучкой пылающія свѣчи и шепчетъ: „раздавайте!“, а самъ, все такъ же на ходу, увѣренно и громко отвѣчаетъ священнику:

— Господу помолимся! Господу помолимся.

Саша думаетъ, покорно принимая свѣчу: „Только сейчасъ онъ сидѣлъ дома и пилъ чай съ женой, и борода у него козлиная, а теперь онъ необыкновенный, имѣетъ власть и знаніе, и это понимаетъ священникъ и ждетъ отвѣта—какая это правда!“

И все правда, и все дѣлается именно такъ, какъ нужно. Открыто окно въ маленькій заведенскій садикъ, гдѣ гуляютъ больные, и пахнетъ изъ окна тополемъ и распускающейся березкой—такъ и нужно, чтобы было открыто и чтобы пахло. И чтобы весна была, апрѣль, тоже нужно. Увидѣлъ въ синемъ дыму лицо молящейся матери и сперва удивился: „какъ она сюда попала?“,—забылъ, что всю дорогу ипелъ съ нею рядомъ, но сейчасъ же понялъ, что и это нужно; долго разсматривалъ ея строгое, какъ бы углубленное лицо и также одобрилъ:

„хорошая мама: скоро она такъ же Судеть молиться падо мною!“ Потомъ все такъ же покорно Саша перевелъ глаза па то, что всего болѣе занимало его и все болѣе открывало тайны: на двѣ желтыя мертвыя, кѣмъ-то заботливо сложенные руки. И увѣренно подумалъ, что и онъ такъ же будетъ лежать и такъ же будутъ сложены руки, и отъ тихой жалости къ себѣ защипали въ носу слезы: такъ нужно.

Что-то сдвинулось въ мозгу: на нѣсколько минутъ словно затмилось сознание, и это уже не Тимохинъ лежитъ и не надъ нимъ служить, а лежитъ онъ, Саша, и эти руки его; такъ очевидно и такъ страшно было замѣщеніе одного другимъ, что Саша зашевелилъ пальцами и подумалъ, холодѣя: „скорѣе, скорѣе надо убѣдиться, что это мои руки и шевелятся“. И такъ же внезапно успокоился и задумался о Тимохинѣ и въ одно мгновение, необыкновенно быстрыми мыслями понялъ всю его жизнь.

Какое-то волненіе пробѣжало среди молящихся; послышался сдержанный шопотъ:

— Сумасшедшій! Прогоните сумасшедшаго!

Какъ и всѣ, кто еще не видѣлъ, Саша быстро повернулся къ раскрытому окну и вздрогнулъ: повисши руками на подоконникѣ, въ часовенку заглядывалъ одинъ изъ гулявшихъ въ садикѣ сумасшедшихъ, стриженный, темный безъ шапки,—темная и жуткая голова. Онъ торопливо улыбался, стараясь поскорѣе выразить какое-то свое отношеніе, а глаза съ сверкающимъ блѣскомъ бѣгали по лицамъ и горѣли ненасытимымъ отчаяннымъ любопытствомъ. Часто крестясь, поспѣшно прошелъ Добровольскій и черезъ минуту голова скрылась, а черезъ нѣсколько минутъ кончилась и папихида.

Но нерѣшительно медлилъ священникъ, то ли собираясь разоблачаться, то ли сдѣлать что другое; повидимому, ему хотѣлось сказать гимназистамъ слово, но не зналъ, насколько это будетъ прилично. Наконецъ, обернулся и все такъ же нерѣшительно обвелъ присутствующихъ старческими, заплаканными, очень простыми, добрыми стариковскими глазами. Саша, привыкшій видѣть только своего гимназическаго о. Алексѣя и какъ-то забывшій о существованіи другихъ священниковъ, удивился, что это не о. Алексѣй и съ дружелюбнымъ недоумѣніемъ разглядывалъ незнакомое, растроганное, блѣдное стариковской блѣдностью лицо и красныя отъ слезъ вѣки. И вдругъ смутился, почувствовавъ въ глазахъ старика не только страданіе, но и робость, даже испугъ. Были смущены и другіе.

„Да скоро ли онъ?“—думалъ Погодинъ, мучаясь. Слегка разставивъ ноги въ мягкихъ, безъ каблуковъ, сапогахъ—точно не смѣлъ стать спокойнѣе и тверже,—священникъ нерѣшительно касался рукою

наперстнаго креста; вдругъ заморгаль часто выдвѣтшими глазами и сказалъ добрымъ, дрожащимъ отъ доброты и желанія убѣдить голосомъ:

— Господа гимназисты! Какъ же это можно? А какъ же родители-то ваши, господа гимназисты! Какъ же это такъ, да развѣ это можно? Ахъ, господа гимназисты, господа гимназисты!

Онъ еще что-то хотѣлъ прибавить, но не нашель слова, которое можно было бы добавить къ тому огромному, что сказалъ, и только довѣрчиво и ласково улыбнулся. Нѣкоторые также улыбнулись ему въ отвѣтъ; и, выходя, ласково кланялись ему, вдругъ сдѣлавъ изъ поклона пріятное для всѣхъ и обязательное правило. И онъ кланялся каждому въ отдѣльности, и каждого провожалъ добрыми, внимательными, заплаканными глазами; и стоялъ все въ той же нерѣшительной позѣ и рукою часто касался наперстнаго креста.

А черезъ нѣсколько минутъ уже шли по садику, пугливо стоясь гуляющихъ сумасшедшихъ, и Тимохинъ съ своимъ вздутымъ лицомъ и желтыми руками остался одинъ. Дорогой Штембергъ сердито горорилъ Сашѣ:

— Этотъ Добровольскій! Отдалъ его записку въ младшіе классы, чтобы списывали. Онъ могъ самъ сдѣлать копію и вообще не имѣлъ на это права, такъ какъ записка принадлежитъ всему нашему классу. И что тамъ списывать—такъ можно запомнить, если не дуракъ. Такое свинство!

Саша вспомнилъ эту коротенькую предсмертную записку: „Бороться противъ зла нѣтъ силъ, а подлецомъ жить не хочу. Прощайте, милорды, приходите на панихиду“. Было что-то тимохинское, слегка шутовское въ этой ненужной добавкѣ: „приходите на панихиду“, и нужно было вспомнить кисею, желтыя, мертвыя руки, заплаканнаго священника, чтобы повѣрить въ ужасъ происшедшаго и снова понять.

Домой пошелъ только Штембергъ, а остальные отправились на обычное мѣсто, на Банную гору, и долго сидѣли тамъ, утомленные бессонной ночью, зѣвующіе, съ сѣрыми, внезапно похудѣвшими лицами. Черный буксирный пароходикъ волокъ пустую, высоко поднявшуюся надъ водой баржу и, казалось, никогда не дойти ему до заворота: какъ ни взглянешь, а онъ все на мѣстѣ.

— Славный попъ!— сказалъ кто-то изъ гимназистовъ и тихо улыбнулся.

Ему не отвѣтили, но та же тихая и ласковая улыбка пробѣжала и по всѣмъ молодымъ, утомленнымъ лицамъ.

Къ четвергу Саша дѣйствительно досталъ деньги: пятьсотъ рублей за тысячу, а на воскресенье ночью былъ назначенъ уходъ — приходился день на второе мая.

— А не лучше днемъ уйти?—усумнился Колесниковъ.—Ночью, того-этого, еще хватятся.

— Нѣтъ. Если я уйду днемъ, мать узнаетъ ночью.. пусть лучше утромъ узнаетъ, тогда народъ. Я въ окно уйду, никто не услышитъ.

— Сестрѣ письмо оставь.

Саша промолчалъ и съ неудовольствіемъ подумалъ: „какой не-тактичный, не понимаетъ, что объ этомъ не надо говорить и что я самъ все знаю“. Вообще въ эти послѣдніе дни, проведенные дома, онъ былъ крайне холоденъ съ Колесниковымъ и ни разу прямо не взглянулъ на него, какъ-то слишкомъ даже гордо обособился въ своемъ горѣ и думахъ. И Колесниковъ, не находившій себѣ мѣста отъ бурнаго волненія и безысходныхъ мыслей объ Еленѣ Петровнѣ, уже со злобой поглядывалъ на его спокойно-замкнутое лицо и бѣлыя, спокойно положенныя на колѣни руки: „какой же ты, братецъ, гордый, не даромъ генеральскій сыночекъ!“ Но прямо высказаться не смѣлъ и даже, наоборотъ, относился съ особой предупредительностью и, чувствуя ее, еще больше возмущался Сашей и собой.

Что-то путаное появилось въ его мысляхъ, поступкахъ и даже желаніяхъ, и насколько тверды были послѣдніе Сашины шаги, настолько у него все колебалось и прыгало лихорадочно. То безъ толку хохоталъ и сыпалъ „того-этого“, то мрачно сунулся и свирѣпо косилъ своимъ круглымъ, лошадинымъ глазомъ; по нѣскольку разъ въ день посылалъ Сашѣ записки и вызывалъ его за какимъ-нибудь вздорнымъ дѣломъ, и уже не только Еленѣ Петровнѣ, а и прислугѣ становились подозрительны его посланцы—оборванные городскіе мальчишки, вороватые и юркіе, какъ мышата. Разъ, блаженно улыбаясь, пошелъ къ Сашѣ въ новыхъ сапогахъ, чтобы показаться, но на подорогѣ плюнулъ и повернулъ назадъ: „еще подумаетъ, обрадовался деньгамъ—о чтобъ чертъ всѣхъ васъ побралъ!“ Пересталъ спать по ночамъ. А когда пробовалъ задуматься о дальнѣйшемъ или твердо установить смыслъ ухода, то оказывалось, что всѣ прежнія мысли забыты, остались какіе-то кончики, обглоданные селедочные хвостики; и начиналась такая дикая неразбериха, что хоть въ сумасшедшій домъ. Службу бросилъ и, рискуя подвести глубоко запрятаннаго Андрея Ивановича, матросика, почти каждый день шатался къ нему.

— Безпокоить меня Погодить,—говорил онъ солидно:—не знаю какъ и быть, того-этого.

— Что, боится?

— Ну вотъ, боится!—конечно, нѣтъ. Не нашего онъ поля ягода, того-этого, вотъ что.

Андрей Ивановичъ молчалъ и ждалъ. Былъ онъ средняго роста, крѣпкій человекъ, одѣтый въ хорошую пиджачную пару, до чрезвычайности по виду спокойный и сдержанный. И молодое лицо его съ черными усиками—подбородокъ онъ брилъ—было спокойное, и красивые глаза смотрѣли спокойно, почти не мигая, и походка у него была легкая, какая-то незамѣтная: точно и не идетъ, а всѣхъ обгоняетъ: и только всмотрѣвшись пристально, можно было оцѣнить точность, силу, быстроту и своеобразную ритмичность всѣхъ его плавныхъ движеній, на видъ спокойныхъ и чуть ли не лѣнивыхъ. И стоялъ онъ такъ легко, будто не касался земли.

— Совсѣмъ вы интеллигентъ, Андрей Ивановичъ! — мрачно сказалъ Колесниковъ, съ ненавистью оглядывая чистенькую, почти какъ у Саши, въ порядкѣ содержимую комнату.

Андрей Ивановичъ улыбнулся, но ничего не отвѣтилъ. И ждалъ болѣе яснаго. На рваныхъ, подмоченныхъ обояхъ стѣны висѣла чистенькая балалайка съ раскрашенной декой: наляпалъ художникъ, свой братъ матросъ, зеленѣющихъ листьевъ, посадилъ голубя или какую-то другую птицу и завершилъ плоской, точно раздавленной розой; —покосился Колесниковъ и спросилъ:

— Неужто и эту возьмете?

— Возьму-съ.

— Оставьте, Андрей Ивановичъ.

— Почему же, Василій Васильевичъ? Нронесъ, можно выразиться, сквозь огонь и мѣдныя трубы, а теперь чего же оставлять! Она же и не обидна,—спокойно отвѣтилъ Андрей Ивановичъ.

— Ну такъ сыграйте, того-этого.

— Что прикажете?

Колесниковъ разсердился:

— Прикажете, того-этого, прикажете! И отчего у васъ, Андрей Ивановичъ, своихъ желаній нѣтъ, а все прикажете? Надо же и достоинство имѣть.

— Я достоинство имѣю и желанія у меня есть, Василій Васильевичъ.

— Вотъ вы молчите всегда, тоже, того-этого, не хорошо. Человекъ, который себя уважаетъ, любить обмѣниваться мыслями, а не молчить.

Андрей Ивановичъ улыбнулся:

— Кому мои мысли интересны, тотъ и безъ словъ ихъ знаетъ. Что же прикажете сыграть, Василій Васильевичъ?

Но Колесниковъ уже не хотѣлъ музыки: мучилась душа и страшно было, что расплачется—отъ любви, отъ остро болячей жалости къ Сашѣ, къ матросику съ его балалайкой, ко всѣмъ живущимъ. Прощался и уходилъ—смутный, тревожный, мучительно ищущій путей, какъ сама народная совѣсть, страшная въ вѣковѣчномъ плѣну своемъ.

16. Душа моя мрачна.

Темнѣлъ впереди назначенный для ухода день и, вырастая, приближался съ такой быстротой, словно оба шли другъ къ другу: и человекъ и время—рѣшалась задача о пущенныхъ навстрѣчу поѣздахъ. Минутами Сашѣ казалось, что не успѣетъ надѣть фуражки—такъ бѣжитъ время; и тѣ же минуты тянулись безконечно, растягиваясь страданіями и жуткимъ безпокойствомъ за Елену Петровну.

И одной изъ самыхъ мучительныхъ мыслей была та: какъ держать себя съ матерью въ послѣдніе дни. Чаше уходить изъ дому, чтобы привыкла къ отсутствію?—да развѣ она привыкнетъ! Быть холоднѣе и суше, чтобы не такъ жалѣла, когда уйдетъ?—да развѣ она повѣритъ! А если и повѣритъ, то зачѣмъ же эта ненужная, оскорбительная боль, рожденная недовѣріемъ и къ любви и къ силѣ: въ ней есть неуваженіе и обида. А если быть такимъ, какъ хочется, и все сердце открыть для любви и нѣжности сыновней—то какъ же она будетъ потомъ, когда онъ уйдетъ навсегда? Мать, мать!—одна ты и здѣсь можешь научить меня, когда о твоей душѣ состояются жизнь и смерть. Мать, мать!—на крови твоего сына создается храмъ будущаго—раскрой же мнѣ сердце твоей чудесной властью и благослови на смерть. Мать, мать!

И отвѣтила мать: ты же радовалъ меня, сынъ?—порадуй и теперь. А когда пойдешь на муку, пойду и я съ тобою; и не смѣешь ты крупинки горя отнять отъ меня—въ ней твое прощеніе, въ ней жизнь твоя и моя. Развѣ ты не знаешь: кого любить мать, того любить и Богъ! Радуй же, пока не настала мука.

Такъ и было. Послѣдніе дни Сапа провелъ такъ:

Въ четвергъ только на часъ уходилъ къ Колесникову и передавалъ ему деньги. Остальное время былъ дома возлѣ матери; вечеромъ въ сумерки съ ней и Линочкой ходилъ гулять за городъ. Ночью

просматривалъ и жегъ письма; хотѣлъ сжечь свой ребяческій старій дневникъ, но подумалъ и оставилъ матери. Собиралъ вещи, выбралъ одну книгу для чтенія; сомнѣвался относительно образа, но порѣшилъ захватить съ собою—для матери.

Въ пятницу съ утра былъ возлѣ матери. Странно было то, что Елена Петровна, словно безумная или околдованная, ничего не подозрѣвала и радовалась любви сына съ такою полнотою и безмятежностью, какъ будто и всю жизнь онъ ни на шагъ не отходилъ отъ нея. И даже то бросавшееся въ глаза явленіе, что Линочка сидитъ въ своей комнатѣ и готовится къ экзамену, а Саша ничего не дѣлаетъ, не остановило ея вниманія. Ужъ даже и Линочка начала что-то подозрѣвать и раза два ловила Сашу съ тревожнымъ вопросомъ:

— Да когда же ты сядешь готовиться, Саша?—въ понедѣльникъ у тебя экзаменъ.

— Отстань. Въ понедѣльникъ русскій языкъ.

— Ой, смотри, Сашка! Ой, провалишься въ тартарары!

Такъ было до вечера. Вечеромъ Линочка ушла къ Женѣ Эгмонтъ вмѣстѣ заниматься, а Саша читалъ матери любимаго обоими Байрона; и было уже не меньше десяти часовъ, когда Сашѣ прислуга подала записку отъ Колесникова: „Выйди сейчасъ же, очень важно“.

— Опять мальчишка принесъ, — сказала горничная.—Просить отвѣтъ.

— Передайте, что сейчасъ.

Елена Петровна вдругъ поблѣднѣла и встала:

— Кто это?—Колесниковъ?

Саша утвердительно кивнулъ головой.

— Почему онъ не идетъ сюда? Почему онъ шлетъ какія-то записочки?—Саша! Ты идешь къ нему?

— На часъ. Онъ какой-то странный эти дни,—хмуро отвѣтилъ Саша.

— Скажи прямо: за нимъ слѣдять?

Саша кивнулъ головой и сказалъ:

— Я приду черезъ часъ. Не закрывай книгу, мамочка. И не бойся: я вернусь... черезъ часъ.

Даже въ темнотѣ видно было, какъ взволнованъ Колесниковъ—весь, всѣмъ своимъ большимъ тѣломъ. Дышалъ онъ хрипло и съ жадностью схватилъ Сашину руку. Бормоталъ неразборчиво:

— Я радъ. Погоди, сейчасъ сейчасъ все скажу. Пойдемъ.

Поль-переулка молча тащилъ его—и, вдругъ остановившись, положилъ обѣ руки на Сашины плечи и съ силою, очевидно, не сознавая, что дѣлаетъ, началъ трясти его:

— Саша! Останься. Я тебѣ говорю. Все вздоръ! Ничего нѣтъ. Я обманулъ тебя. Саша! Меня слѣдуетъ убить. У-у-у, собака!

Саша освободилъ плечи—руки Колесникова отвалились съ странною легкостью—и рѣшительно сказалъ:

— Говори толкомъ. У тебя бредъ!

Отъ Сашиной строгости онъ точно совсѣмъ размякъ. Вдругъ скрипнулъ зубами, всхлипнулъ и припалъ къ юношѣ, бормоча:

— Саша, это во снѣ пришло. Всѣ мы спимъ, Саша. Боже ты мой, какое наказаніе. Сашечка, ты мнѣ... какъ сынъ.

Онъ снова всхлипнулъ:

— У меня никого нѣтъ. Проснись, Саша! Проснись!

— Тише!—ты съ ума сошелъ. Идемъ. Ну, ну, шагай...

— Саша...

— Шагай, тебѣ говорю!

Оба быстро запагали, и съ каждымъ шагомъ Колесниковъ видимо успокаивался. Саша съ ненавистью взглянулъ на его сгорбившуюся, сутулую фигуру и сухо началъ отчитывать:

— Вы, Василиій Васильевичъ...—поправился и продолжалъ:—ты, Василиій, очевидно, не совсѣмъ ясно отдаешь себѣ отчетъ въ происхожденіи. Въ воскресенье, какъ сказано, я ухожу. Слышишь?

„Не любить“,—покорно подумалъ Колесниковъ и сгорбился еще больше.

— Ты, очевидно, думаешь, что я иду потому, что ты меня позвалъ. Такъ знай, что съ тобой я бы не пошелъ и зовешь меня не ты—у тебя и голоса такого нѣтъ,—а... народъ или ты это забылъ? И если это сонъ, какъ ты говоришь, то не ты его навѣялъ, а... народъ. Я не буду становиться на колѣни, какъ ты...

Голосъ юноши звучалъ сухо и даже злобно:

... — Но я отдамъ ему все, что имѣю: чистоту. Съ гордостью скажу тебѣ, Василиій, что я чистъ — тогда я вздоръ говорилъ о какомъ-то грѣхѣ. Если и есть грѣхъ, то не мой, и съ тѣмъ иду, чтобы его сложить. Что будетъ, я не знаю. Но я люблю тѣхъ, къ кому иду, и вѣрю... въ правду. И если даже только то удастся мнѣ сдѣлать, чтобы честно умереть, то и тогда я буду счастливъ. Не можетъ быть, чтобы безплодно осталась моя крестная смерть! Не можетъ быть, клянусь тебѣ Василиій, всей правдой, какая есть на землѣ. Ахъ, Василиій. Василиій!..

Исчезли въ голосѣ сухость и злость; мягко, почти молитвенно звучали слова:

— Только сейчасъ, сію минуту, я смотрѣлъ на чистое лицо моей матери, и совѣсть моя была спокойна. А кто съ чистою совѣстью

смотреть въ лицо матери, тотъ не можетъ совершить грѣха, хотя бы не только всѣ люди, Василій, а—самъ Богъ осудилъ его!

Долго шли молча. Колесниковъ сказалъ:

— Значить, въ воскресенье, того-этого.

— Да, какъ сказано.

Внезапно Колесниковъ разсмѣялся, правда, надтреснутымъ смѣхомъ, но весело и добродушно: даже дѣтское что-то откликнулось въ ночномъ неурочномъ смѣхѣ:

— Что ты?—какой ты... несуразный человѣкъ, Василій.

— А можетъ и я, того-этого, за тобой пройду? Бочкомъ, того-этого? А?

— Куда?

— Да въ правду? Ну ладно, не гнѣвайся... генераль. То подумай, что я сегодня, чего добраго, спать буду. Ужъ мой сапожникъ беспокоится началъ: ужъ вы, Василій Васильевичъ, не лунатикъ ли, того-этого? Ну и дуракъ, говорю: какой же лунатикъ безъ луны—солнцевикъ я, братъ, солнцевикъ, это похуже. Прощай, Саша, до воскресенья не услышишь.

Уже одинъ Саша вернулся домой, Колесниковъ и провожать не пошелъ. Да Саша и радъ былъ, что остался одинъ—пріятно шло по темнымъ, тихимъ улицамъ, гдѣ знакомъ былъ каждый заборъ и во мракѣ угадывались неровности и особенности пути. Отъ нависшихъ надъ тротуаромъ, облепѣвшихъ деревъ шелъ запахъ, такой ясный, многозначительный, зовущій, какъ будто онъ и есть весенняя жизнь; нѣмой и неподвижный, онъ владѣлъ городомъ, полемъ, всею ширью и далью земли и всему давалъ свое новое весеннее имя. „Опоздаю на полчаса, надо же одуматься“,—рѣшилъ Саша, сворачивая въ глухой переулокъ, въ которомъ сама темнота и глушь казались запахомъ и весной.

Но не по совѣсти рѣшилъ Саша: не думать ему хотѣлось, а въ одиночествѣ и тьмѣ отдаться душой тому тайному, о чемъ дома и стѣны могутъ догадаться. Эта потребность уйти изъ дому и блуждать по улицамъ являлась всякій разъ, какъ сестра уходила къ Женѣ Эгмонтъ—и такъ радостно и спокойно и волнующе чувствовалось отсутствіе сестры, словно въ ея лицѣ самъ Саша таинственно соприкасался съ любовью своею. И какъ поздно Линочка ни возвращалась, Саша не ложился спать и ждалъ ее; а услышитъ звопокъ—непремѣнно выглянетъ на минутку, но не спроситъ о Женѣ Эгмонтъ, а сдѣлаетъ такой хмурый и непривѣтливый видъ, что у сестры пропадетъ всякое желаніе говорить—и уйдетъ въ свою комнату, радостный и горькій, богатый и нищій.

И теперь, кружась по улочкамъ, Саша страннымъ образомъ думалъ не о той, которою дышала ночь и весна, а о сестрѣ: представлялъ, какъ сестра сидитъ тамъ, догадывался о ея словахъ, обращенныхъ къ той, переживалъ ея взглядъ, обращенный на ту, видѣлъ ихъ руки на одной тетради; и мгновеніями съ волнующей остротой, задерживая дыханіе, чувствовалъ всю ту непостижимую близость незамѣтныхъ, дѣловыхъ, рабочихъ прикосновеній, которыхъ не замѣчали и не цѣнили и не понимали обѣ дѣвушки. И если бы не человекъ, а Богъ, которому нельзя солгать, спросилъ юношу, о чемъ онъ думаетъ, онъ чистосердечно и увѣренно отвѣтилъ бы: думаю о Линочкѣ—она очень милая и я ее люблю—и о Колесниковѣ: онъ очень тяжелый и я его не люблю. Ибо какъ черная мозаика въ бѣлый мраморъ, такъ и во всѣ думы и чувства Саши вѣдалось воспоминаніе о разговорѣ и связанные съ нимъ образы; и какъ не зналъ Саша, кому принадлежать его мысли, такъ не понималъ и того, что именно черный Колесниковъ принесъ ему въ этотъ разъ спокойствіе и своей тревогой погасилъ его тревогу. Что-то очень важное, все объясняющее, сказано, и не только сказано, а и рѣшено, и не только рѣшено, а и сдѣлано—одно это твердо зналъ и чувствовалъ успокоившійся юноша.

Мать даже не упрекнула за опозданіе—а опоздалъ онъ на цѣлый часъ; и опять было хорошо, и опять читали, и яркія страницы книги слѣпили глаза послѣ темноты, а буквы казались необыкновенно черны, четки и красивы.

...Душа моя мрачна. Скорѣй, пѣвецъ, скорѣй!

Вотъ арфа золотая.

Пуškai персты твои, промчавшія по ней,

Пробудятъ въ струнахъ звуки рая.

И если не на вѣкъ надежды рокъ унесъ—

Онъ въ груди моей проснётся,

И если есть въ очахъ застывшихъ капля слезъ—

Онъ растаютъ и прольются...

— Какъ ты хорошо читаешь, Сашенька! Если ты не усталъ...

— Нѣтъ, мамочка, не усталъ.

— Прочти мнѣ „У водъ вавилонскихъ“. Когда я слышу эту пѣснь, мнѣ кажется, Сашенька, что всѣ мы бѣдные евреи, томимые печалью... Ты безъ книги?

— Я знаю такъ.

Саша читаетъ, закрывъ глаза, и гудятъ, какъ струны пѣвучія, строфы:

...Повѣсили арфы свои мы на ивы,
Свободное намъ завѣщаль пѣснопѣнье
Солимъ, какъ его совершилось паденье;
Такъ пусть же тѣ арфы висятъ молчаливы:
Во вѣкъ не сольете со звуками ихъ,
Гонители наши, вы пѣсенъ своихъ!...

Около часу пришла Линочка; и хотя сразу съ ужасомъ заговорила о трудностяхъ экзамена, но пахло отъ нея весною и въ глазахъ ея была Женья Эгмонтъ, глядѣла оттуда на Сашу. „И зачѣмъ она притворяется и ни слова не говоритъ о Эгмонтѣ!—меня бережетъ?“—хмурился Сапа, хотя Линочка и не думала притворяться и совершенно забыла и о самой Женьѣ и о той чудесной близости, которая только что соединяла ихъ. Впрочемъ, вспомнила:

— А меня Женья провожала, до самой калитки довела. Велѣла тебѣ, мамочка, ландышки отдать, а я и забыла. Сейчасъ отколю.

„Такъ вотъ гдѣ она сейчасъ была!“—колыхнулся Сапа.

— Съ кѣмъ же она пошла? — равнодушно спросила Елена Петровна, равнодушно нюхая ландыши.

— Насъ ея братъ провожалъ, двоюродный, изъ Петербурга, онъ у нихъ гостить, гвардеецъ, съ усами. Да родная моя мамочка! — онъ прямо въ ужасѣ: какъ вы здѣсь живете? Но до того вѣжливо, что мнѣ, ей-Богу, за нашу улицу стыдно стало—хоть бы разъединный поганый фонаришко поставили!

Прощаясь и цѣлуя Сашу, Линочка сонно шепнула что-то, и показалось ему, что это о Женьѣ Эгмонтѣ. Сурово нереспросилъ:

— Что ты тамъ шепчешь?

— Тихе, Сашка! Я говорю, какая наша мама красавица! Такая молодая, и глаза у нея... ахъ, да родной же мой Сашечка, посмотри самъ глазками, я спать хочу. У-ухъ, глазыньки мои... геометрическіе.

Несмотря на вѣжливаго гвардейца, эту ночь Сапа спалъ спокойно и крѣпко.

Въ субботу утромъ, подъ весеннимъ и радостнымъ дождемъ ходилъ въ аптекарскій магазинъ Малчевскаго — купить іодоформу, бинтовъ и другихъ перевязочныхъ средствъ: зналъ Сапа, что Колесниковъ объ этомъ не позаботится. Вечеромъ гимназисты назначили маевку, но Сапа отъ участія отказался подъ тѣмъ предлогомъ—для матери — что не хочетъ видѣть пьяныхъ. Но такъ какъ послѣ дождя погода стала еще лучше, вдвоемъ съ Еленой Петровной гулялъ по

берегу рѣки до самой ночной черноты; и опять ни о чемъ не догадывалась и ничего не подозрѣвала мать. Линочка была у Жени Эгмонтъ и по-вчерашнему вернулась около часу, но не смѣялась, а была разсѣяна, задумчива, какъ будто чѣмъ-то разстроена. Вздыхала.

— Ты вѣришь въ предчувствія, мама?—спросила, наконецъ, Линочка, закинувъ голову и вздыхая.

— Да что съ тобою, Линочка?—какія еще предчувствія? Ну конечно, навѣрно о Тимохинѣ опять говорили; этотъ несчастный Тимохинъ скоро всѣхъ васъ съ ума сведетъ. Говорили?

— Говорили. Но какая глупая Жена Эгмонтъ, я никогда отъ нея этого не ожидала! Впрочемъ, мы обѣ съ ней плакали.

— Еще о чемъ?

-- Ахъ, мама: разъ плакали, значить нужно.

Закинула голову вверхъ и, не мигая, смотрѣла на свѣтлый кругъ отъ лампы; и влажно блестя глаза. Елена Петровна знала, что теперь отъ нея ничего не добьется, и коротко сказала:

— Иди-ка ты спать лучше.

— Пусть Саша меня проводить.

Мать улыбнулась:

— Проводи ее, Сашенька.

Все такъ же не глядя Линочка подставила матери щеку и устало поплыла къ двери, поддерживаемая улыбающимся Сашей; но только что закрылась дверь—схватила Сашу за руку и гнѣвно зашептала:

— Сашка! Если ты... если ты, Сашка, то ты будешь такой!.. Вотъ письмо, да бери же!

— Какое письмо?

— Отъ Жени.

— Это еще зачѣмъ?

— Если ты не возьмешь, Сашка, то клянусь Божьей Матерью... Ты такой дуракъ, Саша, что мнѣ даже стыдно, что ты мой братъ. Ахъ, родной мой Сашечка, если бы ты тоже могъ поклясться...

— Давай письмо.

— И отвѣтъ?—скорѣе, а то мама.

— И отвѣтъ. Завтра вечеромъ.

Линочка быстро и крѣпко поцѣловала брата и поплыла, какъ актриса, по коридорчику.

Въ эту первомайскую ночь Саша не ложился до разсвѣта. Полъночи, послѣдней, которую онъ проводилъ дома, онъ рѣшалъ: вскрывать ему письмо или нѣтъ — и не вскрывъ; полъночи онъ писалъ безконечный отвѣтъ на письмо, котораго не прочелъ, и кончилъ за-

писочкой въ два слова: „Не нужно. А. П.“. И такъ и не замѣтить этой ночи, послѣдней въ этой жизни, не простился съ нею, не обласкалъ глазами, не оплакалъ — вся она прошла въ бѣненіи переполненнаго сердца, взрывахъ ненужныхъ словъ, разрывавшихъ голову, въ чуждой этому дому любви къ чуждому и далекому человѣку. И о матери ни разу не подумалъ, а что-то собирався думать о ней — измѣнилъ матери Сапу; о Линочкѣ не подумалъ, и не далъ ни любви, ни вниманія своей чистой постели, знавшей очертанія еще дѣтскаго его, тепленькаго тѣла — для любви къ чужой дѣвушкѣ измѣнилъ и дому и сестрѣ. Только ужасной мечтѣ своей не измѣнилъ Сапа. Хоть бы на краешекъ, на одну линію поднялась завѣса будущаго — и въ изумленіи, подобномъ окаменѣнію страха, увидѣлъ бы юноша обреченный, что смерть не есть еще самое страшное изъ всего страшнаго, приутованнаго человѣку.

Но не поднялась завѣса, и во вѣки темнымъ стояло будущее, таинственно зачинаясь отъ послѣдняго сказаннаго слова.

Въ воскресенье...

А въ воскресенье просиходило слѣдующее. Шелъ уже третій часъ ночи; накрапывалъ дождь. Въ глухомъ малоѣзжемъ переулкѣ съ двумя колеями вмѣсто дороги стояла запряженная телѣга и двое ожидали Сапу: одинъ, Колесниковъ, безпокойно топтался около забора, другой, еле видимый въ темнотѣ, сидѣлъ согнувшись на облучкѣ и казалось, дремалъ. Но вдругъ также безпокоился и пѣвучимъ, молодымъ душевнымъ теноркомъ спросилъ:

— Да то ли мѣсто, Василь Василичъ?—не прогадать бы.

— Да то самое, Петруша. Молчи, того-этого.

— Можно.

— Что можно?

— Помолчать можно. А вы бы часы поглядѣли, Василь Василичъ.

— Глядѣлъ ужъ. Сиди!

Мѣсто дѣйствительно было то самое, что условлено: та часть низенькаго, свѣтившагося щелями забора, откуда въ давнія времена Сапа смотрѣлъ на дорогу и ловилъ невѣдомаго, который проѣзжаетъ. Уже серьезно безпокоился Колесниковъ, когда зашуршало за оградой и, царапнувъ сапогами мокрая доски, на верхушку взвалился Сапа.

— Держи!—шепнулъ онъ сдавленно, протягивая маленькій чемоданчикъ и нащупывая въ темнотѣ поднятыя руки Колесникова.

— Заждались!—сказалъ Колесниковъ, принимая.

Саша не отвѣтилъ и легко спрыгнулъ, слегка задѣвъ его плечомъ.

— Здравствуй, Саша.

— Здравствуй. А это кто?—Андрей Ивановичъ?

Какъ можно!—Андрея Ивановича я вчера отправилъ. Это Петруша.

Петруша, это ты?

Петруша засмѣялся:

— Я!

— Все готово?

Когда разсѣлся на телѣгѣ, Саша, касавшійся плеча Петруши, но все не могшій его разсмотрѣть, сказалъ:

— Ну, здравствуйте, Петруша.

Колесниковъ поправилъ:

— Не говори ему вы, онъ не любитъ. Петруша! Вотъ тебѣ и атаманъ, того-этого. Знакомься.

— Очень рады. А какъ васъ звать?

Саша покраснѣлъ и твердо отвѣтилъ:

— Сашка Жегулевъ.

Петруша дернулъ возжами: но, караковая!—и, подумавъ, сказалъ:

— Значить, Александръ Ивановичъ. Ну здравствуйте, Александръ Ивановичъ!

Конецъ первой части.

ЧАСТЬ II.

САШКА ЖЕГУЛЕВЪ.

1. С ѣ я т е л ь щ е д р ы й.

Грозное было время.

Еще рѣки не вошли въ берега и полноводными, какъ озера, стояли пустынные болота и вязкія топи; еще не обсохли поля, и въ лѣсныхъ оврагахъ дотлаивалъ закрутившійся, прокаленный ночными морозами снѣгъ; еще не завершила круга своего весна—а уже вышелъ на волю огонь, полоненный зимою, и бросилъ въ небо свѣточки ночныхъ пожаровъ. Кто-то невидимый вызвалъ его раньше времени; кто-то невидимый бродилъ въ потемкахъ по русской землѣ и полной горстью, какъ сѣятель щедрый, сѣялъ тревогу, воскрешалъ мертвыя надежды, тихимъ шепотомъ отворялъ завороченную кровь. Будто не черезъ слово человѣческое, какъ всегда, а иными, таинственнѣйшими путями двигались по народу вѣсти и зловѣщія слухи, и стерлась грань между сущимъ и только что наступающимъ: еще не умеръ человѣкъ, а уже знали о его смерти и поминали за упокой. Еще только загоралась барская усадьба и еще зарева не приняло спокойное небо ночи, а уже за тридцать верстъ проснулась деревня и готовить телѣги, торопливо грохочетъ за барскимъ добромъ. Жестокимъ провидцемъ, могучимъ волхвомъ сталъ кто-то невидимый, облаченный во множественность: куда протянетъ палецъ, тамъ и горитъ, куда метнетъ глазами, тамъ и убиваютъ—трещать выстрѣлы, льется отворенная кровь; или въ безмолвіи скользнуть ножъ по горлу, нащупываетъ жизнь.

Кто-то невидимый въ потемкахъ бродитъ по русской землѣ, и гордое слово безсильно гонится за нимъ, не можетъ поймать, не можетъ уличить. Кто онъ и чего онъ хочетъ?—чего онъ ищетъ? Духъ ли это народный, разбуженный среди ночи и горько мстящій за украденное солнце? Духъ ли это Божій, разгнѣванный беззаконіемъ законъ хранящихъ и въ широкомъ размахѣ десницы своей карающій

невипныхъ вмѣстѣ съ виновными? Чего онъ хочетъ? — чего онъ ищетъ?

Мертво грохочутъ въ городѣ типографскія машины и мертвый чеканятъ текстъ: о вчерашнихъ по всей Россіи убійствахъ, о вчерашнихъ пожарахъ, о вчерашнемъ горѣ; и мечется испуганно городская, уже утомленная мысль, тщетно вперяя взоры за предѣлы свѣтлыхъ городскихъ границъ. Тамъ темно. Тамъ кто-то невидимый бродить въ темнотѣ. Тамъ кто-то забытый воетъ звѣринымъ воемъ отъ непоимѣнной обиды, и кружится въ темнотѣ, какъ слѣпой, и хоронится въ лѣсахъ—только въ заревѣ безпощадныхъ пожаровъ являя свой искаженный ликъ. Перекликаются въ испугѣ:

— Кто-то забыть. Всѣ ли здѣсь?

— Всѣ.

— Кто-то забыть. Кто-то бродить въ темнотѣ?

— Не знаю.

— Кто-то огромный бродить въ темнотѣ. Кто-то забыть. Кто-то забыть?

— Не знаю.

Грозное и таинственное время.

2. Н а к а н у н ѣ.

Вечерѣло въ лѣсу.

Къ Погодину подошелъ Еремѣй Гнѣдыхъ, мужикъ высокій и худой, туго подпоясанный поверхъ широкаго армяка, насупилъ брови надъ провалившимися глазами и сурово доложилъ:

— Александръ Иванычъ! Построечку-то надо бы расширить, не выѣзжать, народу обидно.

— Ну и расширь.

— Федотъ работать не хочетъ. Я, говорить, сюда бариномъ жить пришелъ, а не бревна таскать, пускай тебѣ медвѣдь потаскается, а не я.

Около костра засмѣялись. Петруша смѣясь крикнулъ пѣвучимъ, задушевымъ теноркомъ:

— Гоните-ка его, Александръ Иванычъ. Ему говорятъ, завтра соорудимъ шалашъ, не лѣзть же на ночь за хворостомъ, глаза выколешь, а онъ страдать: построечку, да построечку!

Еремѣй, не глядя въ ту сторону, мрачно сказалъ:

— Холодно безъ прикрышки, сдохнешь.

— Привыкъ съ бабой-то на печкѣ!—засмѣялся Федотъ и уже сердито добавилъ:—не сдохнешь, недохнуть же люди.

— Да и вретъ онъ, Александръ Ивановичъ!—какой холодъ, разъ костеръ не угасаетъ. А ужъ такъ, не можетъ, чтобы знака своего не поставилъ, землевладѣлецъ! Нынче только пришелъ, а ужъ построечку,—помѣщикъ!

Опять засмѣялись у костра; ни разу не улыбнувшійся Еремѣй повернулъ прочь отъ Саши и привалился къ огню. Еще синѣлъ уходящій день на острыхъ скулахъ и широкомъ, прямомъ носу, а вокругъ глазъ подъ козырькомъ уже собиралась ночь въ красныхъ отсвѣтахъ пламени, чернѣла въ бородѣ и подъ усами. Какъ замороженный уставился онъ на огонь, смотрѣлъ не мигая; и все краснѣе становилось мрачное, будто изъ дуба рѣзанное лицо по мѣрѣ того, какъ погасалъ надъ деревьями долгій майскій вечеръ. И будто не слыхалъ, какъ про него говорилъ слабымъ голосомъ заморенный, чуть живой бродяжка Мамонъ, отъ голоду еле добравшійся до становища:

— Сколько я видалъ на землѣ людей, всѣ люди, братцы, глухие. Нашему брату, вольному человѣку, крыша надъ головой все равно, что гробъ, а они этого никогда не понимаютъ, заживо хоронятся да тухнуть.

Федотъ, молодой, по виду чахоточный парень, недовѣрчиво каплянулъ:

— А зимой?—то-то хорошъ ты вчера пришелъ. Тутъ люди, братъ, за дѣломъ собрались, а не лясы точить. Шелъ бы ты дальше, не продѣлся.

Петруша пѣвуче поддержалъ:

— Равнодушный человѣкъ!—Тутъ люди по всей Россіи маятся, за Бога-истину животъ кладутъ, а онъ только и знаетъ, что скулить: безпорядокъ, много-де стражниковъ по дорогамъ скачутъ, моему-де хожденію мѣшаютъ...

И крикнулъ:

— Александръ Ивановичъ, надо намъ такой порядокъ установить, чтобы какъ только бродяга, такъ его въ шею. Ненужный онъ звѣрь, вродѣ суслика.

Бродяга покраснѣлъ отъ обиды и непониманія; и, хотя собирался еще денекъ погостить и покормиться, обиженно пробормоталъ:

— Завтра прослѣдую дальше. Господи, и съ силой-то собраться не дадутъ, такъ и гонють, такъ и гонють. Много я вашего хлѣба наѣлъ.

— Никто тебя не звалъ.

— Господи, слышу молва идетъ: объявились лѣсные братья. Ну,

а если братья, такъ не мимо же идти, а они, братья-то на манеръ волковъ. И все гонють, все гонють.

Долго скулили голодный и обиженный бродяга. Подъ кручею шумѣлъ и дымился къ ночи весенній ручей, потрескивалъ костеръ въ сырыхъ вѣтвяхъ и крючилъ молодые водянистые листочки, и все вмѣстѣ съ тихой и жалобной рѣчью бродяги, пѣвучими отвѣтами Петруши сливалось въ одну безконечную и заунывную пѣсню. „Вотъ кого я люблю!“—думалъ Саша про Еремѣя, не отводя глазъ отъ застывшаго въ огненномъ озареніи суроваго лица, равнодушнаго къ шуткѣ и разговору и такъ глубоко погруженнаго въ думу, словно весь лѣсъ и вся земля думали вмѣстѣ съ нимъ. Только разъ шевельнулись усы, и въ Петрушину плавную рѣчь, какъ камни въ воду, упали громкіе и словно равнодушныя слова:

— Безъ меня меня женили, я на мельницѣ былъ.

Саша заинтересованно окликнулъ:

— Что ты говоришь, Еремѣй?

— А то и говорю: безъ меня меня женили.

— Это я про господарственную думу рассказываю,—подхватилъ Петруша,—что рѣшила Дума мужичкамъ землю дать... въ газетахъ писали, Александръ Ивановичъ.

Петруша былъ грамотный, но не столько читалъ газеты, которыя трудно было достать, сколько произвольно сочинялъ; сочинивъ же, немедленно самъ вѣрилъ, что это изъ газетъ. На слова его отозвался Федотъ, закричавъ громко и гнѣвно:

— Врутъ, не дадутъ!—Пока тонуть топоръ сулятъ, а вынырнуть и топорница жалъ., одинъ съ ними разговоръ, мать ихъ...

„И на что имъ земля?—думалъ съ неодобреніемъ бродяжка: вотъ дадутъ имъ землю, а они первымъ дѣломъ заборомъ огоролятся, лазяй тутъ. Нѣтъ, душно мнѣ, завтра уйду“.

И опять шумѣлъ въ оврагѣ ручей и лѣсная глушь звенѣла тихими голосами: чудесный мѣсяць май!—въ немъ и ночью не засыпаетъ земля, гонитъ траву, толкаетъ прошлогодній листъ и живыми соками бродитъ по деревьямъ, шуршитъ, пришептывается, гукаетъ по далямъ. Склонивъ голову на руки, сидѣлъ на пенечкѣ Саша и не то думалъ, не то грезилъ—подъ стать текли образы, безболѣзненно и тихо мѣняя формы свои, какъ облака. Думалъ о томъ, какъ быстро ржавѣетъ оружіе отъ лѣсной сырости и какое лицо у Еремѣя Гнѣдыхъ; тихо забеспокоился, отчего такъ долго не возвращаются съ охоты Колесниковъ и матросъ, и сейчасъ же себя отвѣтилъ: ничего, придутъ, я слышу ихъ шаги—хотя никакихъ шаговъ не слыхалъ;

вдругъ заслушался ручья. Но что бы ни приходило въ голову его, одно чувствовалось неизмѣнно: пѣвучая радость и такой великій и благостный покой, какой бываетъ только на Троицу, послѣ обѣдни, когда идешь среди цвѣтущихъ яблонь, а вдаль у притвора церковнаго поютъ слѣпцы. Или и это представлялось Сашѣ?—минутами и самъ удивлялся тихо: не пора ли безпокойства настала, откуда же покой и радость? Хорошо бы также найти какія-то совсѣмъ особыя слова и такъ сказать ихъ Еремѣю, чтобъ освѣтилось его темное лицо и тоска отпала отъ сердца—вонъ и костеръ его не грѣетъ, снаружи озаряетъ, а въ глубину до сердца не идетъ. Погоди, Еремѣй.

Высокимъ голосомъ испуганно закричалъ Петруша:

— Кто идетъ? Откликайся, что прешь, какъ медвѣдь!

Саша схватился за маузеръ, стоявшій возлѣ по совѣту Колесникова: даже солдатъ можетъ свое оружіе положить въ сторону, а мы никогда, и ѣшь и спи съ нимъ; не для другихъ, такъ для себя понадобится. Но услышалъ какъ разъ голосъ Василія и привѣтливо въ темнотѣ улыбнулся. Гудѣлъ Колесниковъ:

— Свои, свои, Петруша.

Въ кругъ отъ костра вступило четверо, еще мужикъ Иванъ Гнѣдыхъ, однофамилецъ Еремѣя, и Васька Соловьевъ, щеголь; и сразу стало шумно и весело. Даже Еремѣй повеселѣлъ, во всѣ стороны заулыбался и вздернулъ на лобъ картузь.

— Много настрѣляли?—спросилъ Саша, тоже улыбаясь и за руку здороваясь съ Соловьевымъ, котораго еще не видалъ.

— Никакъ нѣтъ, Александръ Ивановичъ, ничего,—отвѣтилъ Андрей Ивановичъ.—Да развѣ съ пулей можно?—у меня тетерка изъ-подъ ногъ ушла.

— Стрѣлять не умѣете, Андрей Ивановичъ—пошутилъ Колесниковъ, такъ какъ матросъ былъ лучшимъ стрѣлкомъ въ отрядѣ и уступалъ только Погодину.—Но какъ, Саша, чудесно, того-этого, вотъ во-время на дачу выбрались.

Федотъ захохоталъ и закашлялся; во всю бороду ухмыльнулся Еремѣй и сказалъ:

— Шутятъ.

— Иванъ хлѣба да селедокъ купилъ. Вонючія, того-этого. Садись, Соловьевъ, иль ноги не отмахались? Потомъ, Саша, расскажу.

Соловьевъ, подбористый малый, съ проназительными, то слишкомъ ласковыми и почтительными, то недовѣрчивыми глазами, по манерѣ недавній солдатъ, откинулъ полы чистенькой поддевки и сѣлъ, поблагодаривъ:

— Покорно благодарю, Василь Василичъ.

Запѣлъ Петруша:

— Нѣтъ, вы вотъ что скажите, Василь Василичъ: опять вѣдь баба съ яйцами приходила!

Мужики засмѣялись.

— Вчерась одна, нынче другая—и откуда онѣ, сороки, провѣдали? Словно и впрямь дачники понаѣхали. Даромъ, говоритъ, бери, а бери, назадъ не понесу.

— Далеко молва идетъ,—отозвался слабо бродяга,—я еще гдѣ услышалъ! Такъ и говорятъ: у насъ ничего нѣтъ, а иди, братъ, къ Жигалеву...

— Жегулеву,—поправилъ матросъ.

— Жигулеву, Александру Иванычу, онъ тебя къ дѣлу приспособить и поѣсть дастъ. И за хлѣбъ-соль, братцы, спасибо, а что касается дѣла, то ужъ не невольте, не по моей части кровь...

Нахмурились. Федотъ взмахнулъ кулакомъ и крикнулъ:

— Молчи, гусыня!

Бродяжка робко отстранился, бормоча:

— Меня и саратовскіе лѣсные братья уважили, меня и...

— Не тронь его,—приказаль Саша, слегка покраснѣвшій, когда упомянулось его новое имя.—Завтра онъ уйдетъ.

Колесниковъ смотрѣлъ съ любовью на его окрѣпшее, въ нѣсколько дней на года впередъ скакнувшее лицо и задумался внезапно объ этой самой загадочной молвѣ, что одновременно и сразу, казалось, во многихъ мѣстахъ вспыхнула о Сашкѣ Жегулевѣ, задолго опережая всякія событія и прокладывая къ становищу невидимую тропу. „Болтаютъ, конечно,—думалъ онъ,—но не столько болтаютъ, сколько ждуть, носомъ по вѣтру чуютъ. Зарумянился мой черный Саша и глазами поблескиваетъ, понимая, что это значить: Сашка Жегулевъ! Отходи, Саша, отходи“.

А тамъ смѣялись надъ рассказомъ Ивана Гнѣдыхъ, какъ онъ въ селѣ пищу покупалъ:

— Говорю ему, Идолу Иванычу: для лѣсныхъ братьевъ, получше отпускай, разбойникъ, знаешь, какой народъ!

— Вѣрно!—подтвердилъ Еремѣй:—такъ ему и надо. А онъ что?

— Чтобъ вы сдохли, говоритъ, анафемы, съ вами я скоро отъ одного страху жизни лишусь. Да и обсчиталъ меня на гривенникъ, только въ лѣсу я догадался, какъ считать сталъ.

Еремѣй молча качнулъ головой:

— Ахъ ты, поди ты—ну и сволочь же человѣкъ!

— Безстрашный дьяволъ.

— Нѣтъ, погоди!

— Надо-бъ тебѣ вернуться, да въ морду ему плюнуть.

— Нѣтъ погоди,—кричалъ Иванъ,—дальше-то слушай. Ка-а-къ плюхну я селедку, это въ лѣсу-то, да ка-а-къ чкну: весь носъ отъ вони разодрало! Ахъ ты, думаю...

Петрушка забренчалъ балалайкой.

— Ахъ, душа Андрей Ивановичъ, матросикъ мой отставной—игранемъ?

И при смѣхѣ мужиковъ, знавшихъ, что Петруша въ деревнѣ оставилъ невѣсту, зачастилъ:

Пали снѣги, снѣги бѣлые,

Да растаяли,—

Лучше брата бы забрали,

Милаго-бъ оставили! А—юхъ, йухъ, йухъ, йухъ!..

Колесниковъ поманилъ пальцемъ Соловьева, съ нимъ и съ Погодинымъ отошелъ къ ипалашу.

— Ну, Саша: завтра. Тезка тебѣ расскажетъ, онъ три дня, того-этого, на путяхъ работалъ, все высмотрѣлъ. Расторопный онъ человѣкъ!

При словѣ „завтра“ лицо Саши похолодѣло—точно теперь только ощутило свѣжесть ночи, а сердце, дрогнувъ, какъ хорошій конь, вступило въ новый, сторожкій, твердый и четкій шагъ. И ловя своимъ открытымъ взглядомъ пронзительный, мерцающій, взоръ Соловьева, рапортовавшаго коротко, обстоятельно и точно, Погодинъ узналъ все, что касалось завтрашняго нападенія на станцію Раскосную. Сѣврялся съ картой и по разсказу Соловьева набросалъ планъ станціонныхъ жилищъ.

— Я думаю, Саша...

— Не мѣшай, Василь Василичъ! Жандармъ, говоришь, здѣсь...— онъ незамѣтно перешелъ на ты.

— Такъ точно. И два стражника. А вотъ тутъ телеграфъ...—при свѣтѣ огарка не совсѣмъ утренно бродилъ по бумагѣ короткій съ чернымъ ногтемъ палецъ.

Погодинъ рѣшилъ: до утра своимъ ничего не говорить, да и утромъ вести ихъ, не объясняя цѣли, а уже педалеко отъ станціи, въ Красномъ логу, сдѣлать остановку и указать мѣста. Иванъ и Еремѣй Гнѣдыхъ съ телѣгами должны поджидать за станціей. Федота совсѣмъ не брать...

— Отчего же?—почтительно освѣдомился Соловьевъ:—все лишній для начала человѣкъ.

— Слабосилень и стрѣлять не умѣетъ,—сказалъ Колесниковъ.

— У него ярости много,—настаивалъ Соловьевъ:— пусть на случай около выхода оретъ: наши идутъ! Кто не бѣжалъ, такъ убѣжить, скажутъ, тридцать человѣкъ было. Воткинскій Андронъ такимъ-то спо-

собомъ самъ-другъ цѣлую волость перевязаль, и старшину лоза-нами выдраль.

Колесниковъ покосился:

— Да ты, того-этого, по правдѣ говори: нигдѣ раньше въ дѣлахъ не былъ? Что-й-то ты, дядя, много знаешь — нынче мнѣ всю дорогу анекдоты рассказывалъ! Ну?

Соловьевъ усмѣхнулся и щеголевато козырнулъ глазами:

— Кабы гдѣ былъ, такъ ужъ навѣрняка-бъ слыхали!—но встрѣтилъ суровый взглядъ Саши, съежился, точно выпцвѣлъ и заторопился:

— Между прочимъ, можно Федота и не брать, человѣкъ они неопытный, это правда.

Рѣшили, однако, Федота взять и даже дать ему маузеръ, но незаряженный: былъ одинъ въ партіи испорченный, проглядѣлъ, когда принималъ, Колесниковъ. На томъ и покончили до завтра.

— Ну ступай пока, Соловьевъ,—приказаль Саша.

— Слушаю-сь, Александръ Ивановичъ, но между прочимъ позвольте присовокупить: съ народомъ нашимъ надо поосторожнѣе. Слухъ идетъ... бабы эти разныя... и вообще. Конечно, пока они за насъ, такъ хоть весь базаръ говори, ну а на случай бѣды или какихъ другихъ соображеній... Народъ они темный, Александръ Ивановичъ!

— Ладно, ступай—сухо приказаль Саша, но встрѣтилъ покорные слегка испуганные, темные, какъ и у тѣхъ, глаза Соловьева и стыдливо добавилъ: иди, голубчикъ, я все сдѣлаю. Намъ поговорить надо.

3. Р я б и н у ш к а.

— Непріятный человѣкъ!—сказаль Колесниковъ про ушедшаго, но тотчасъ же и раскаялся:—а впрочемъ, шутъ его знаетъ, какой онъ. Въ городѣ, Саша, я каждого человѣка насквозь, того-этого, вижу, какъ бутылку съ дистиллированной водой, а тутъ столько осадковъ, да и недовѣрчивы они: мы ему не вѣримъ, а онъ намъ. Трудно, Саша, судить.

— Привыкнулъ!—увѣренно отвѣтилъ Погодинъ, прислушиваясь къ веселому говору около костра и улыбаясь.—Ахъ, Вася, чудесный какой вечеръ! Пстой, Петруша пѣть хочетъ...

Какъ Елена Петровна въ то жестокое утро, когда зашла рѣчь о губернаторѣ Телепневѣ, увидѣла вмѣсто привычнаго Сашеньки новое и удивительное, въ одно мгновеніе осознала и какъ бы сложила въ сумму весь рядъ незамѣтныхъ перемѣнъ—такъ и Колесниковъ въ эту минуту. Куда дѣвалось все прежнее?—какъ мѣняется человѣкъ! Отя-

желтый подбородокъ, а лобъ словно убавился—или это костеръ играетъ тѣнями? Но вотъ что несомнѣнно: рѣзко очертился носъ и выпуклости бровей и четко изогнулась линія отъ носа къ верхней губѣ—точно впервые появился у Саши профилъ, а раньше и профиля не было. И еще: исчезла безслѣдно та блѣдная хрупкость, высокая и страшная одухотворенность, въ которой чуткое сердце угадывало знаменіе судьбы и билось тревожно въ предчувствіи грядущихъ бѣдъ; на этомъ лицѣ румянецъ, оно радостно радостью здоровья и крѣпкой жизни—тотъ уже умеръ, а этотъ доживетъ до бѣлой крѣпкой старости. У того была мать, благородная и несчастная Елена Петровна, а этотъ словно никогда не зналъ матери и ея слезами не плакалъ—и какъ бѣлѣютъ зубы въ легкой улыбкѣ! Мысленно придѣлалъ Колесниковъ бороду къ Сапину этому лицу—получился генераль Погодинъ, именно онъ, хотя даже карточки никогда не видалъ. Вздохнулъ съ укоромъ.

— Такъ вотъ, Саша,—значить, завтра.

— Да. Завтра. Но, Василій, милый, ты хотѣлъ о чемъ-то говорить — не надо! Не надо вообще говорить. Ты присматривался къ Еремѣю, нѣтъ? — посмотри. Онъ все время молчитъ, и я цѣлый вечеръ за нимъ слѣжу: онъ все мнѣ открывалъ. Я знаю, ты сейчасъ же спросишь, что открывалъ, а я тебѣ чего-нибудь навру—не надо, Вася.

— Нѣтъ, не спрошу. Прости меня, Саша.

Погодинъ удивленно обернулся, сдвинувъ тѣни:

— За что?

— Такъ. За нѣкоторыя мысли, того-этого.

— Ну вотъ!—развѣ это не разговоръ? „Прости“, „за мысли“,—чтобъ чертъ насъ побралъ, мы только и дѣлаемъ, что другъ у друга прощенія просимъ. И этого не надо, Василій, увѣряю тебя, никому до этого нѣтъ дѣла. Не обижайся, Вася, я, честное слово, люблю тебя... Пойдемъ, идемъ ближе, поютъ!

„Кость бросилъ, чтобы отвязаться: любить, да еще „честное слово!“—горько думалъ Колесниковъ, идя за Сапеемъ. И вдругъ обо-злится на себя: „да я-то что? Развѣ не весело?—развѣ не поютъ? Эхъ, да и хорошо же на свѣтѣ жить, пречудесно!“

Жить было пречудесно, и это знала вся ночь. Полыхалъ костеръ, и тѣни плясали, взвивались искры и гасли, и миллионы новыхъ устремлялись въ ту же небесную пропасть; и ручей полнозвучно шумѣлъ: если бросить теперь на него чурку, то донесетъ до самаго далекаго моря. Притихли мужики, пригрѣвшись у огня, и, какъ нѣчто самое серьезное и важное, слушали подготовительные переборы струнъ

и пѣвучую рѣчь радостно взволнованнаго Петруши. Веснушчатое, безусое лицо его раскраснѣлось, сѣрые, почти ребячьи глаза сладко щурились: въ обѣихъ рукахъ нѣжно, какъ пушинку, держаль онъ матросикову балалайку съ разрисованной декой и стоналъ:

— Ахъ, ну и балалаечка! ну и балалаечка! Это инструментъ, эта ужъ до самой смерти заговорить, эта ужъ не выпустить, н-ѣ-тъ!

Иванъ серьезно и съ участіемъ спросилъ:

— Завидно, Петруша?

— Ка-а-кая зависть!

Андрей Ивановичъ протянулъ руку за балалайкой, но Еремѣй остановилъ его:

— Погоди, матросъ!—дай поддержаться. Не съѣсть твоего инструмента.

Наконецъ сыгрались обѣ балалайки. Въ тихомъ переборѣ струнъ, въ кроткой смиренности ихъ однозвучія—что бы ни говорили слова—не пропадала чистая, почти молитвенная слеза: дали и шири земной кланялся человѣкъ, вѣчный путникъ по высямъ заоблачнымъ, по низинамъ, сумеречно-прекраснымъ. Какъ бы далеко ни уходили слова—дальше ихъ уносила пѣсня; какъ бы высоко ни взлетала мысль—выше ея подымалась пѣсня; и только душа не отставала, парила и падала, стономъ звенящимъ откликалась, какъ перелетная птица... „Боже мой—и это не во свѣтъ?“—думалъ Саша: „и это не церковь?—и это музыка? Но вѣдь я же не понимаю музыки, я безталанный Саша, но теперь я все понял!“

Сидѣлъ, склонивъ голову, обѣими руками опершись на маузеръ, и въ этой необычности и чудесной красотѣ ночного огня, лѣса и нѣжнаго зазыва струнъ самому себѣ казался новымъ, прекраснымъ только что сошедшимъ съ неба—только въ пѣснѣ познаетъ себя и любить человѣкъ и терять злую грѣховность свою. Радостно оглянулся на Колесникова—и у того преобразилось лицо, въ глазахъ смѣшное удивленіе, а весь, какъ дитя, и не одиноко уже, хотя близокъ къ слезамъ и бороду дергаетъ безпомощно. А дальше Еремѣй—ѣстъ горящими глазами пѣвцовъ и истово кланяется дали и шири земной; серьезенъ, какъ въ смерти, не шевельнется, словно летитъ—для него это не шутки. А дальше...

— Рябинушку,—коротко кинулъ Андрей Ивановичъ,—уже не матросъ, а власть чудесную имѣющій; перебралъ пальцами, тронулъ душу балалайки и степеннымъ, вѣрующимъ баскомъ началъ:

— Ты, рябинушка, ты, зеленая...

По низу медлительно и тяжело плывутъ слова; оковала ихъ земная тяга и долу влечетъ безмѣрная скорбь—но еще не данъ отвѣтъ

и ждёт, раскрывшись, настороженная душа. Но ахаетъ Петруша и въ одной звенящей слезѣ раскрываетъ даль и ширь, высокимъ голосомъ покрываетъ низовый, точно смирившійся басъ:

— Ахъ!—ты когда выросла, ахъ, когда выросла...

„Это я, рябинушка—думаетъ каждый.—Это я та рябинушка, та зеленая и про меня это спрашиваютъ: ты когда выросла, когда выросла.

— Ты рябинушка...

Что это?—оглянулись всѣ. А это Колесниковъ запѣлъ. Свирѣпо нахмурился, злобно косить круглымъ глазомъ и на свой могучій голосъ перенялъ у матроса безмѣрную скорбь и тягу земли:

— Ты рябинушка, ты зеленая...

Что-то грозное пробѣжало по лицамъ, покраснѣлось въ буйномъ пламени костра, взметнулось къ небу въ вѣчно восходящемъ потокѣ искръ. Крѣпче сжали оружіе холодныя руки юноши и вспомнилось на мгновенье, какъ ночью раскрывать онъ сорочку, обнажалъ молодую грудь подъ выстрѣлы: — да, да! — закричала душа, въ смерти утверждая жизнь. Но ахнулъ Петруша высокимъ голосомъ, и смирился мощный басъ Колесникова, и смирился гнѣвъ, и чистая жалоба, великая печаль вновь раскрыла даль и ширь.

— Ахъ—да когда же ты, ахъ—да покраснѣлася.

Ахъ, когда же ты покраснѣлася...

Подтягиваетъ и бродяжка слабымъ теноркомъ, вмѣстѣ съ Петрушей отвѣчаетъ Колесникову и словно борется съ нимъ. Едва слышно его за сильнымъ и высокимъ голосомъ Петруши, но всѣ одобрительно улыбаются, это хорошо, что онъ подтягиваетъ. И снова вступаетъ точно осилившій басъ и смолкаютъ покорно высокіе голоса:

— Я, рябинушка, покраснѣлася...

Обо мнѣ!—думаетъ каждый и, замирая, ждётъ отвѣта. И въ звонкой печали отвѣчаетъ задушевный голосъ, въ послѣдній разъ смертельно ахнувъ:

— Ахъ!—да позднѣю осенью—ахъ, да подъ морозами.

Ахъ, позднѣе осенью, подъ морозами.

Было долгое молчаніе и только костеръ яростно шумѣлъ и ворочался, какъ бѣшенный. Луна всходила: никто и не замѣтилъ, какъ посвѣтлѣло и засеребрились въ лѣсу лѣсныя чудеса. Еремѣй тряхнулъ головой и сказалъ окончательно:

— Хорошо у насъ поютъ.

А Саша уволокъ въ серебро вѣтвей распрямившагося Колесникова и въ волненіи, первый разъ открыто выражая свой восторгъ, трясъ его опущенную тяжелую руку и говорилъ:

— Да какъ же это, Васи́нъ!—вѣдь у тебя такой голосъ... или ты самъ не знаешь, чудакъ!

Колесниковъ, все еще свирѣпый, тяжело водя грудью, съ гордостью отвѣтилъ:

— Знаю. Такъ что?

— Да вѣдь съ такимъ голосомъ... Боже мой, Вася! ты могъ бы... У тебя слава, чудакъ!

— Могъ бы. Ну?

Подонелъ Андрей Ивановичъ и развелъ руками:

— Ну, Василь Василычъ, благодарю. Какъ рывкнули вы у меня надъ ухомъ—что такое, думаю, дерево завалилось? Да и свирѣпо же вы поете...

— Разболтались вы, Андрей Ивановичъ!—сердито сказалъ Колесниковъ.

— Да всякій разболтается! Иванъ до чего додумался?—лѣпшій, говорить, съ нимъ ночью страшно.

Въ нѣсколько дней закосматѣвшій Колесниковъ, дѣйствительно похожій на лѣшаго, вдругъ закрутился на четырехъ шагахъ и загулъ, какъ труба въ ночную вьюгу:

— Стыдно вамъ!—стыдно вамъ! Чему удивились того-этого? Боже ты мой, какое непониманіе! Какъ вдовица съ лептой, того-этого, хоть какое-нибудь оправданіе, а онъ въ носъ тычетъ: слава, того-этого! Преподлѣвшій вздоръ, стыдно! Ну лѣпшій и лѣпшій, въ этомъ хоть смыслъ есть... да ну васъ къ черту, Андрей Ивановичъ, говорилъ: оставьте балалайку. Нѣтъ, не можетъ, того-этого, интеллигентъ!

Не зная, пугаться ему или смѣяться, матрость тихо сбѣжала; а Саша поймалъ за руку кружившагося Колесникова и сказалъ:

— Нѣтъ ужъ, видно, никакъ намъ не избавиться, чтобы не просить прощенія. Прости меня, Вася.

И крѣпко прямо въ губы поцѣловалъ его. Колесниковъ, будто съ неохотою принявшій поцѣлуй и даже пытавшійся отвернуться, сжалъ до хруста въ костяхъ Сашину руку и прошепталъ въ ухо:

— Саша! Завтра иди. Саша, знай одно: грудью передъ тобою стану. Ладно, точка, молчи, тебѣ говорю! Айда къ нашимъ—сейчасъ плясать будемъ! Ходу!

И гулко загоготалъ, пугая ночную птицу:

— Го-го-го!

Видимо, понравилось быть лѣпшимъ; да и просила душа простору. На что широкъ былъ лѣсъ, а и онъ сталъ тѣснѣе послѣ тѣхъ далей, что открылись взору душевному; взыгрались невыплаканныя слезы и сладкою отравой, какъ вино, потекла по жиламъ крѣпкая печаль,

тревожа тѣло. Вдругъ жарокъ сталъ костеръ, и тяжестью повисла одежда на поширѣвшихъ плечахъ: въ сладкой и истомной тревогѣ шевелились мужики и поахивали. Кто лежалъ раньше, тотъ сѣлъ; а кто сидѣлъ—поднялся на ноги, расправляетъ спину, потягиваясь и неправдиво позѣвывая. Широко разставивъ ноги въ блестящихъ сквозь грязь сапогахъ и заложивъ за спину подъ поддевкой руки, раздраженно поплевываетъ въ огонь Васька Соловьевъ, томится той же жаждою. Обернулся на гиканье подходящаго Колесникова и усмѣхается криво: жуткая душа у Васьки Соловьева.

Заахалъ восторженно Петруша:

— Ахъ, ну и голосокъ же у васъ, Василь Василичъ; смола горящая!

Иванъ Гнѣдыхъ, шутникъ, сморщилъ смѣшливо печеное свое лицо и поправилъ:

— Для грѣшниковъ смола, а праведнику на многія лѣта. Поджарый ты, Василиій, тебѣ бы въ дьяконы идти, а не съ нами околачиваться, вотъ бы брюхо и отрастилъ, чудакъ человекъ, ей-Богу, на этомъ мѣстѣ провалиться!

Еремѣй сурово крикнулъ:

— Пусти, бродяжка, что разлегся!—мѣсто ослобони для Александра Иваныча. Сюда иди, Александръ Иванычъ!

Бродяжка, послѣ пѣнія отошедшій душою и заулыбавшійся, снова скикъ: „и все гонють, и все гонють...“

— Спасибо, Еремѣй, я постою. Ну-ка, Андрей Иванычъ, плясую. Вася, не ерепенься, Вася, не косись!

Мужики засмѣялись дружелюбно: все еще словно не отошелъ Колесниковъ и неуживчиво ворочалъ глазами, но при словахъ Саши и мгновенномъ блескѣ бѣлыхъ зубовъ его захохоталъ и топнулъ ногою:

— Пожарче, Андрей Иванычъ!

Ошибался Колесниковъ, когда боялся для себя лѣса: если и уподобился онъ лѣсу, то лишь въ его свободной силѣ и дикой статности. На городскихъ улицахъ, въ своихъ вѣчно шлепающихъ калошахъ и узкомъ пальто, стягивающемъ колѣни, онъ былъ неуклюжъ и смѣшонъ, и порою жалокъ: другой онъ былъ здѣсь. Отъ высокихъ сапогъ сузился низъ, а плечи раздались, развернулась грудь; и широкій тугой поясъ съ патронами правильно дѣлилъ его туловище на двѣ половины: одну для ходу, другую для размаху и дѣйствія. И только одно было совсѣмъ ужъ не у мѣста: полосатая, велосипедная шапочка—но ничего не подѣлаешь съ заблужденіемъ!

Но не двѣ ли души у балалайки?—такъ удивительно, что на од-

нѣхъ и тѣхъ же струнахъ можетъ звучать столь разное. Еще слеза не высохла, а ужъ раскатывается смѣшокъ, тихимъ шепотомъ зоветъ веселье, воровской шутливою повадкою крадется къ тому самому мѣсту, гдѣ у каждаго человѣка таится плясь. Какъ на ниточкахъ подергивается душа, а подъ колѣномъ что-то сокращается, и чѣмъ больше дергаетъ и чѣмъ рѣзвѣе сокращается, тѣмъ степеннѣе бородатые и безбородые лица. Это не цыганскій злой разгулъ, когда въ страсти каменѣть и стынетъ лицо — тутъ хитрая усмѣшка, чудесная недоговоренность и тонкая граница: все далъ, а могу и еще! все тронулъ, а могу и еще! Глухой подумаетъ, что вотъ и наступило когда настоящее горе; а слѣпой — тотъ и самъ задрыгаетъ ногами; такъ строги и степенны лица при ярко звонкомъ гулѣ струнъ.

Все чаще и круче коварный переборъ; ужъ не успѣваетъ за нимъ тайный смѣхъ, и пламя костра, далеко брошенное позади, стелется медленно, какъ сонное, и радостно смотрѣтъ на двѣ пары быстрыхъ рукъ, отбрасывающихъ звуки. Не столь искусный Петруша еще медлителенъ: пальцы нѣтъ-нѣтъ, да и прилипнуть, а матросъ такъ отхватываетъ руку, словно подъ нею огонь: и еще позволяетъ улыбнуться своимъ глазамъ неопытный Петруша, а Андрей Ивановичъ строгъ до важности, степененъ, какъ женихъ на смотринахъ. И только метнувъ въ сторону точно случайный взглядъ и поймавъ на лету горящій лукавствомъ и весельемъ глазъ, улыбнется коротко, отрывисто и съ пониманіемъ, и къ небу подниметъ сверхъ-равнодушное лицо: а луна-то и пляшетъ! — стыдно смотрѣтъ на ея отдаленное веселье.

„Да что же это? — вотъ я и опять понимаю!“ — думаетъ въ восторгѣ Саша и съ легкостью, подобной чуду возрожденія или смерти, сдвигаетъ вдавившіяся тяжести, переоцѣниваетъ и прошлое и душу свою, вдругъ убѣдительно чувствуетъ несходство свое съ матерью и роковую близость къ отцу. Но не пугается и не жалѣетъ, а въ радости и любви къ проклятому еще увеличиваетъ сходство: круглитъ выпуклые, отяжелѣвшіе глаза, пронзаетъ ими безжалостно и гордо, дышетъ ровнѣе и глубже. И кричитъ атамански:

— Соловьевъ! выходи.

Торопливые голоса подхватываютъ:

— Васька! Соловей, — выходи. Оглохъ, что ли! Выходи, Васька!

Колесниковъ, выдвинувшій плечо и глухо притоптывающій съ носка на каблукъ, подбоченился правой рукой и ждетъ: плясать онъ не можетъ, тяжелъ, но самъ богъ пляса не явилъ бы въ своей позѣ столько дикой выразительности. Кричитъ свирѣпо:

— Выходи, Соловьевъ, дѣвки ждутъ!

— Про дѣвокъ вы напрасно, Василь Василычъ... — говоритъ

Соловьевъ щеголевато и, не договоривъ, соколомъ вылетаетъ въ готовый кругъ, легко отбрасываетъ Ивана, старательно приминающаго невысокую травку, и даетъ крутого плясу. Жуткая душа у Васьки Соловьева, а пляшетъ онъ легко и невинно, кружить, какъ птица и, екнувъ, разсыпается въ дробь; и снова плыветъ, не касаясь земли:

Д-эхъ, милашка моя-тъ,
Распотѣшь-ка меня-тъ
У тебя широкой поясъ,
Подпояшь-ка меня-тъ!...
Эхъ!....

И талантливо содѣйствуетъ вновь воскресшій бродяга: засунулъ четыре пальца въ ротъ и высвистываетъ пронзительно, рѣжетъ воздухъ подъ ногами у пляшущаго. Спуталось что-то въ плывущихъ мысляхъ бродяги, и уже кажется, что не бродяга онъ мирный, чурасійся крови, а разбойникъ, какъ и эти, какъ и всѣ люди въ русской землѣ, жестокий и смѣлый человѣкъ съ крутою грудью и огненнымъ пепеляющимъ взоромъ. Встаютъ въ обширной памяти его безчисленные зарева далекихъ пожаровъ—близко не подходилъ къ огню осторожный и робкій человѣкъ; дневные дымы, кроющіе солнце, безвѣстныя тѣла, пугающія въ оврагахъ своей давней неподвижностью,—и чудится, будто всему оправданіемъ и смысломъ является этотъ его пронзительный свистъ. Совсѣмъ подъ копецъ запутался бродяга, смотритъ на Погодина и думаетъ наскоро: „ахъ, да и хорошъ же у насъ атаманъ, даромъ, что молодъ!—картина!“

Все чаще переборы струнъ, все неистовѣе плясъ, уже теряющій невинность свою въ сочетаніи съ злымъ свистомъ—и глубже раскрывается ночь въ молчаніи и ненарушимой тайнѣ. Пригасаетъ забытый костеръ и ложатся тревожныя тѣни, уступая мѣсто чернымъ, спокойнымъ и вѣчнымъ тѣнямъ луны; возшла она въ зенитъ и смотритъ безъ волненія. Отойдешь на шагъ отъ пляшущихъ—и ужъ тихо; а на версту уйдешь—ничего кромѣ лѣса и не слышно. А на опушку далекую выйдешь,—томится у края земли еле видное въ лунѣ зарево: не дождался кто-то Сашки Жегулева и на свой разумъ пустилъ огонь. Кто-то невидимый бродитъ по русской землѣ; кто-то невидимый полной горстью, какъ сѣятель щедрый, сѣетъ въ потемкахъ тревогу, тихимъ шепотомъ отворяетъ завороченную кровь.

Въ эту ночь, послѣднюю передъ началомъ дѣйствія, долго гуляли, какъ новобранцы, и веселились лѣсныя братья. Потомъ заснули у костра и наступила въ становищѣ тишина и сонный покой, и громче зашумѣлъ ручей, дымясь и холодѣя въ ожиданіи солнца. Но Колесниковъ и Сапа долго не могли заснуть, взволнованные вчеромъ

и тихо бесѣдовали въ темнотѣ шалашика: такъ странно было лежать рядомъ и совсѣмъ близко слышать голоса—казалось обоемъ, что не говорятъ обычно, а словно въ душу заглядываютъ другъ жъ другу.

— Да, Сапа,—тихо повѣствовалъ Колесниковъ:—голосъ у меня и тогда былъ славный, онъ такъ его и называлъ: американскій, того-этого. Да и ученье у меня шло успѣшно, пустяки въ сущности, ну и авансы онъ мнѣ предлагалъ, вообще готовился барышничать мной, какъ лошадыю...

— А ты мнѣ совралъ, что и пѣть не умѣешь,—улыбнулся голосомъ Сапа.

— А то такъ надо было: „сей колоколь, того-этого, пожертвованъ ветеринарнымъ врачомъ Василиемъ Васильевымъ Колесниковымъ въ лѣто...“

Оба засмѣялись. Колесниковъ продолжалъ:

— Разъ я и то промахнулся, рассказалъ сдору одному партійному, а онъ, партійный-то, оказалось, драмы, братъ, писалъ, да и говорить мнѣ: позвольте, я драму напишу... Др-р-раму, того-этого! Такъ онъ и сгинулъ, превратился въ паръ и исчезъ. Да, голосъ... Но только съ дѣтства съ самого тянуло меня къ народу, сказано вѣдь: изъ земли вышелъ и въ землю пойдешь...

Сапа улыбнулся:

— Хоть и изъ другой оперы, а вѣрно.

— И создалъ я себѣ такую, того-этого, горделивую мечту: чело-вѣкъ я вольный, ноги у меня длинныя—буду ходить по базарамъ, ярманкамъ, по селамъ и даже монастырямъ, ну вездѣ, куда собирается народъ въ большомъ количествѣ, и буду ему пѣть по нотамъ. Годъ я цѣлый, ты подумай, окрылялся этой мечтой, даже институтъ бросилъ... ну да теперь можно сказать: днемъ въ зеркало глядѣлся, а ночью плакалъ, какъ это говорится, въ одинокую подушку. Какъ подумаю, какъ это я, того-этого, пою, а народъ, того-этого, слушаетъ...

Колесниковъ замолкъ. Въ щель глянулъ дискъ луны и потянулъ къ себѣ. Сапа зажмурился и спросилъ:

— Ну?

— Ну—и съ перваго же базара меня повели, того-этого, въ участокъ и устроили триумфъ: если хотите, того-этого, пѣть по нотамъ, то вотъ вамъ императорскій театръ, пожалуйста! А если безъ нотъ, того-этого? А если безъ нотъ, то будетъ это нарушение тишины и порядка, и вообще вамъ надо вытрезвиться... Шучу, но въ этомъ родѣ нѣчто было, сейчасъ стыдно вспомнить. Но вытрезвили.

— Теперь попоешь, Вася.

— Попою ужъ. Тебѣ не холодно?

— Нѣтъ. Ты, какъ мама.

— Мнѣ сорокъ лѣтъ, а ты мальчишка.

— Мнѣ и то странно было, что я тебѣ ты говорю. Я всю ночь не засну, я очень счастливъ, Вася. Ты рябинушка, ты зеленая... И что удивительно: вѣдь я мальчишка, и такой и есть, и вдругъ я почувствовалъ въ себѣ такую силу и покой, точно я всего достигъ или завтра непременно достигну. Отчего это, Василій?

— Оттого, что за народомъ стоишь. Трудно на этотъ постаментъ взобраться, а когда взберешься и подыметь онъ тебя, то и *сталъ* ты герой. И я сейчасъ твою силу чувствую.

— Какая огромная Россія! Закрою глаза и все мнѣ представляются лѣса, овраги, рѣки, опять лѣса и поля. Ты рябинушка, ты зеленая. Сейчасъ мнѣ ничего не стыдно: скажи, Василій, ты вѣришь, что нашъ народъ—великій народъ?

— Вѣрю.

— Что бы то ни было?

— Что бы то ни было.

— Ну ладно, такъ помни. Знаешь, Вася, я даже о мамѣ...

— Молчи, не надо. Спи.

— Нѣтъ, ничего. Я даже о мамѣ думаю безъ всякой боли,—но это не равнодушіе! Но думаю: вѣдь не одна она, отчего же ей быть счастливѣе другихъ? Впрочемъ... Правда, не стоитъ говорить. Не стоитъ, Вася?

— Не стоитъ. Спи, Сашукъ.

— Сплю. Ахъ, когда же ты закраснѣлася? Я рябинушка, закраснѣлася поздней осенью, подъ морозами... Вася?

Но Колесниковъ не отвѣтилъ. А черезъ часъ онъ услышалъ, что Саша подымается и лѣзетъ въ выходу, и спросилъ:

— Куда ты?

— Спи, ничего. Я хочу подбросить сучьевъ въ огонь, имъ холодно.

Уже свѣтало. И не зная Саша, что онъ провелъ безъ сна единственную въ своей короткой жизни ночь, которую могъ спать спокойно.

4. Первая кровь.

Бѣлокурый, курчавый молоденькій, лѣтъ восемнадцати телеграфистъ вдругъ опустилъ, словно отъ усталости, поднятыя вверхъ руки и бросился къ выходу. Опустилось и еще нѣсколько рукъ и въ за-

тихшей было комнатъ зародилось движеніе. Колесниковъ, возившійся около кассы, отчаянно крикнулъ:

— Стрѣляй, Саша!

Погодинъ выстрѣлилъ. Точно брошенный; телеграфистикъ ввалился въ дверь, ключа которой такъ и не успѣлъ повернуть, мгновеніе поколебался въ воздухѣ и, какъ живой, ринулся обратно на Сашу—такъ остро была подрѣзана жизнь. Но уже по низу летѣлъ онъ, а потомъ мягкотью лица проѣхалъ по полу и замеръ неподвижно у самыхъ ногъ убійцы. За ухомъ взрылось что-то очень страшное, красное, исподнее и замочило русые кудряшки, но воротъ шитой шелками косоворотки оставался еще чистымъ—какъ будто не дошло еще до рубашки ни убійство ни смерть.

Въ залѣ третьяго класса и на перронѣ царилъ ужасъ. Станція была узловая и всегда, даже ночью, были ожидающіе поѣздовъ—теперь все это безтолково металось, лѣзло въ двери, топталось по досчатой платформѣ. Голосили бабы и откуда-то взявшіеся дѣти. Въ сторонѣ перваго класса и помѣщенія жандармовъ трещали выстрѣлы. Саша, нѣсколько шаговъ пробѣжавшій рядомъ съ незнакомымъ мужикомъ, остановился и коротко крикнулъ Колесникову:

— На пути!

Прыгнули. Сразу потемнѣло и подъ ногами зачастили, точно лоя, поперечные рельсы: но уже и тутъ, опережая, мелькали темныя, испуганныя молчаливыя фигуры; двое, одинъ за другимъ, нагнулись на одномъ и томъ же мѣстѣ и безъ крика помчались дальше.

Носился по путямъ съ тревожными свистками паровозъ; и такъ странно было, что машина такъ же можетъ быть испугана, можетъ метаться, кричать и звать на помощь, какъ и человѣкъ. Дохнувъ тяжестью желѣза и огня, паровозъ пробѣжалъ мимо и вмѣшался въ пестроту стрѣлочныхъ фонариковъ и семафоровъ, жалобно взывая.

— Стой!—остановился Саша.—Деньги?

— Здѣсь. Задохнулся. Надо помочь!

— Это стражники стрѣляютъ. Передохни.

Онъ поднялъ маузеръ и три раза выстрѣлилъ вверхъ.

— Айда!

Съ полчаса колесили по путямъ—въ темнотѣ словно перевернулся планъ и ничего не находилось.

Съ размаху влетѣли въ темный корридоръ, тянувшійся между двумя безконечными рядами товарныхъ молчаливыхъ вагоновъ, и хотѣли повернуть назадъ; но назадъ было еще страшнѣе и, задыхаясь, пугаясь молчанія вагоновъ, безконечности ихъ ряда, чувствуя

себя, какъ въ мышеловкѣ, помчались къ выходу. Сразу оборвался рядъ, но все такъ же не находилась дорога. Колесниковъ началъ беспокоиться, но Погодинъ, не слушая его, быстро ворочалъ вправо и лѣво и наконецъ рѣшительно повернулъ въ темноту:

— Прыгай, Василій, тутъ канава.

— Гдѣ?—я совсѣмъ ослѣпъ—и ухнулъ тяжело, какъ мѣшокъ съ мукой. Потянулся безконечный заборчикъ, потомъ опять канава и, какъ темная пахучая шапка, надвинулся на голову лѣсъ и погасилъ остатки свѣта. За деревьями, какъ послѣднее воспоминаніе о происшедшемъ, замелькали въ грохотѣ колесъ освѣщенные оконца пассажирскаго поѣзда и ушли къ станціи.

— Во-время!—засмѣялся Погодинъ.

— Да туда ли идемъ?

— Туда.

Дорогой Саша нѣсколько разъ принимался возбужденно смѣяться и повторялъ:

— Какъ я его!—Василій, а? Какъ я его! Я ужъ раньше замѣтилъ, что онъ пошевеливается и смотритъ въ окно... нѣтъ, думаю! И какой хитрый мальчишка, вѣдь мальчишка совсѣмъ, а?

— Мальчишка. И чертъ его дернулъ, нужно было лѣзть!

— И чертъ его дернулъ, правда! А тутъ ты кричишь...

— Я не успѣлъ бы.

— Знаю, да я ужъ и поднялъ, маузеръ, когда ты крикнулъ.—Саша снова разсмѣялся, и уже трудно становилось слышать этотъ плещущійся, словно неудержимый смѣхъ.—Нѣтъ, какъ я его!—Василій, а?

— Не болтай, того-этого, дорогу-то знаешь?

— Знаю. Я даже не повѣрилъ, что онъ убить, какъ онъ паменя кинулся. Ты какъ думаешь, сколько ему лѣтъ?

— Ну, что, оставь! Сразу видно было, что убить.

— Тебѣ сразу видно, а я не повѣрилъ. Вася?

— Ну что?

— Вотъ я и убилъ человѣка: какъ просто.

И опять засмѣялся:

— Убить просто, а раньше нужно долго...

„Да и потомъ нужно долго“,—мысленно закончилъ Колесниковъ: „нѣтъ, плохой ты атаманъ, ведешь безъ дороги, а самъ, того гляди, въ истерику... съ другой же стороны и хорошо, что такъ началъ, сразу въ омутъ“. Но оказалось, что Саша велъ вѣрно и уже черезъ пять минутъ засвѣтлѣла опушка и испуганный голосъ окликнулъ:

— Кто идетъ?

— Жегулевъ.

Колесниковъ даже обернулся; Саша ли это сказалъ?—такъ тяжело и рѣзко прозвучало слово. А тутъ обрадовались и радостно заволновались и Петрушка пѣлъ, какъ на именинахъ:

— Александръ Ивановичъ, Василь Васильчъ, да вы ли это, а мы ужъ думали...

— Андрей Ивановичъ, это вы?—всѣ здѣсь?—перебилъ его Саша и, схвативъ руку матроса, долго и съ какимъ-то особымъ выраженіемъ пожималъ ее.

— Такъ точно, всѣ.

— Ну, какъ, Андрей Ивановичъ, голубчикъ, я такъ радъ, что вижу васъ.

— Благодарствуйте, Александръ Ивановичъ, благополучно. Мы...

Колесниковъ толкнулъ его подъ руку и онъ въ недоумѣніи замолчалъ, а Соловьевъ сухо и четко промолвилъ:

— Жандармъ оказалъ сопротивленіе и я его кончилъ. А стражники, какъ сидѣли въ комнатѣ, такъ и не вышли, черезъ дверь стрѣляли.

Всѣ засмѣялись, возбужденные, взволнованные, какъ всегда волнуются люди, когда въ обычную, мирную, плохо, хорошо ли текущую жизнь врывается убійство, кровь и смерть. И только Соловьевъ смѣялся просто и негромко, какъ надъ чѣмъ-то дѣйствительно смѣшнымъ и никакого другого смысла не имѣющимъ; да и не такъ ужъ оно смѣшно, чтобы стоило раздирать ротъ до ушей!

Смѣясь и бросая отрывистыя фразы, торопливо разсаживались, какъ раньше было уговорено. На Иванову телѣгу, запряженную двумя конями, сѣлъ матросъ, Соловьевъ и Петруша, а къ Еремѣю Саша и Колесниковъ; и знакомый съ мѣстами и дорогами Соловьевъ наскоро повторялъ:

— Такъ помни-жъ, Ерема: черезъ Собакино на Троицкое, на Лысомъ косогорѣ не сбейся, бери налѣво отъ дубка...

— Да знаю, чего тамъ. Трогай!

— На шоссе передышку сдѣлаешь, слышь?

— Да слышу.

— Трогай. Эй, голубчики.

Съ версту обѣ телѣги тряслись вмѣстѣ и на задней телѣгѣ молчали, а спереди, гдѣ шелъ въ головѣ Соловьевъ, доносился говоръ и смѣхъ. Вдругъ передніе круто рванули влѣво и Соловьевъ изъ мрака бросилъ:

— Значить, до утра прощайте. Никакихъ приказаній не будетъ, Александръ Ивановичъ?

— Нѣтъ, поѣзжай.

— Прощайте, Василь Василичъ. Смотри, Еремѣй, не сбейся, держи глазъ остро!—и что-то добавилъ тихо, отчего на той телѣгѣ засмѣялись.

Смолкло.

Молча кружились то по лѣсу, то среди беззащитнаго поля и снова торопливо вваливались въ темень, хрюскали по сучьямъ, на одномъ крутѣйшемъ косогорѣ чуть не вывалились, хотя Еремѣй и ночью, казалось, видѣлъ, какъ днемъ. И чѣмъ больше завязывали узловъ и петель, тѣмъ дальше отодвигалась погоня и самая мысль о ней. Что-то засвѣтлѣло и Еремѣй сказалъ:

— Шаше. Надо мостъ переходить, будь бы лѣтомъ, такъ бродъ есть, а теперь крутить. Да насъ теперь, два года скачи, не догонишь, развѣ только ворона такъ летаетъ, какъ я везъ.

Колесниковъ крикнулъ:

— Всѣ бока обломало, того-этого. Саша, ты живъ?

— Живъ.

— Такой экипажъ, мать...

Еремѣй матерно выругался; да и вообще черезъ каждыя пять словъ въ шестое онъ вставлялъ ругательство, но не бессмысленно и вяло, какъ это дѣлается по простой привычкѣ, а съ озлобленіемъ и и даже яростью, замѣтно растущей къ концу каждой фразы.

— А много денегъ взяли, Василь Василичъ?

— Не считано. На избу хватить.

Дернуло спину, потомъ вдавило животъ—и ровно застучали колеса по бѣлому камню: вѣхали на шоссе. Лошадь пошла шагомъ и сразу стало тихо, свѣтло и просторно. Въ лѣсу, когда мчались, все казалось, что есть вѣтеръ, а теперь удивляла тишина, теплое безвѣтріе и дышалось свободно. Совсѣмъ незнакомое было шоссе, и лѣсъ по обѣимъ сторонамъ чернѣлъ незнакомо и глубоко. Еремѣй молчалъ, думалъ и, отвѣчая Колесникову, сказалъ:

— Какая тутъ изба, когда свою сжечь, такъ и то впору. Мнѣ твоихъ денегъ не надо, да, нехай имъ... А ты бы, милый человѣкъ, разъ напрямки дѣло пошло, станцію бы лучше запалилъ. Сичекъ пожалѣлъ, что ли?

— Чудакъ-человѣкъ, да какъ же ее запалишь, это тебѣ не твоя солома! Слышишь, Саша?

Погодинъ не отвѣтилъ.

— И вѣхать свѣтлѣе было бы! Вонъ, отъ восковой свѣчки вся Москва, рассказываютъ, сгорѣла, а ты: солома! Сами знаемъ, что не солома. А ты инструментъ имѣй, разъ напрямки дѣло пошло, на то ты и ученъ, чтобы инструментъ имѣть.

Саша молчалъ, какъ не живой, и тихо было. Еремѣй обернулся совсѣмъ и бросилъ возжи. Скулы его еще свѣтлѣли, а подъ козырькомъ, гдѣ глаза, не было ни взгляда, ни человѣческаго, какъ будто—одинъ стоячій мракъ. Хмыкнулъ:

— Ты на плотника погляди, какое его дѣло?—а и то мѣшокъ за спиной съ инструментомъ. А ты: пистоля! Много съ твоей пистолей дѣловъ сдѣлаешь, и похвастать нечѣмъ.

Колесниковъ хмыкнулъ отвѣтно:

— Гм!—чего-жъ тебѣ надо: бомбы?

Еремѣй еще съ минуту подержалъ свой загадочный мракъ передъ глазами Колесникова, отвернулся и отвѣтилъ неопредѣленно:

— И фхатъ свѣтлѣе было бы, а то что! Не знаю, какъ это по-вашему: бомбы, такъ бомбы, мнѣ все равно. Но, проклятая!

Мостъ былъ полукаменный, высокій и подъемъ къ нему крутой—Колесниковъ и Саша пошли пѣшкомъ, съ удовольствіемъ расправляясь. Восходила вчерашняя луна и стояла какъ разъ за деревянными перилами, дѣлаясь на яркіе обрѣзки; угадывалось, что по ту сторону моста уже серебрится шоссе и свѣтло.

— Я думаю теперь не нагонять,—сказалъ Колесниковъ:—а ты какъ думаешь, Саша?

— Я тоже думаю.

На гулкомъ мосту остановились; и Саша наклонился падъ перилами, точно окунулъ голову въ воздухъ и низкій басовый хоръ лягушекъ. Среди луговъ и свисаго лозняка уходила въ небо неширокая вода, и когда плюнулъ подошедшій Колесниковъ, шлепокъ звякнулъ, какъ ладонь по голому тѣлу.

— Что за рѣченка?—ты по картъ не помнишь, Саша?

— Нѣтъ.

— Лягушки-то стараются.

Сказалъ это Колесниковъ и подумалъ, что не только онъ, а и вся ночь не вѣрить въ то, что произошло на станціи, и никогда не повѣрить. И никогда, даже въ ту минуту, какъ подъ его рукой упалъ убитый энскій губернаторъ, ни въ другія, казалось, болѣе тяжелыя минуты не испыталъ Колесниковъ такого яснаго и простого чувства сердечной боли, какъ теперь, надъ сонною рѣкой, когда кричали лягушки. Позади чиркнула спичка, закуривалъ Еремѣй.

— Ты бы закурилъ, Саша, или папиросы забылъ?

— Нѣтъ, не забылъ. Не хочу.

Но подумалъ и, вынувъ портсигаръ, закурилъ — Колесниковъ стыдливо отвернулся отъ на мигъ освѣтившагося страшнаго лица; и оба, казалось, съ интересомъ слѣдили за спичкой: зашипить или

нѣтъ. Не запигѣла или не слышно было. Колесниковъ шепотомъ спросилъ:

— Тебѣ ужасно больно, Саша?

Саша молчалъ. Потомъ вынулъ папиросу изъ рта, какъ-то дѣловито скрипнулъ крѣпкими зубами и снова положилъ папиросу.

— Мальчикъ ты мой!—шепталъ Колесниковъ почти плача:—какъ ты вчера радовался... Я понимаю тебя, Саша, но вѣдь должны же страдать и невинные. Я самъ убилъ человѣка, и, ей-Богу, онъ не былъ виноватѣ твоего телеграфиста. И именно невинные-то и должны страдать, помни это, Саша. Когда грѣшный наказывается, то молчитъ земля, а гибнетъ невинный, то не только земля, а и небо, братья, содрогается, солнце меркнетъ. Скажу тебѣ нѣчто, отъ чего ты, пожалуй, содрогнешься: люди кричатъ, а я радуюсь, когда вѣшаютъ невиннаго, именно невиннаго, а не подлеца какого-нибудь, которому веревка, какъ мать родная!

Нетерпѣливо топтался на мосту Еремѣй, но тактично, не хотѣлъ мѣшать, понималъ важность тихаго, въ шепотъ, разговора: „о мамашѣ говорить!“

Гудѣлъ Колесниковъ:

— А самъ-то ты, мальчикъ, не невиненъ? И развѣ я что тебѣ говорю: не мучайся? Нѣтъ, мучайся, сколько есть у тебя муки, всю отдай, иначе былъ бы ты подлецъ, и смысла-бъ въ тебѣ не было, хоть головой въ воду! Этими ты землю потрясешь, Саша, совѣсть въ людяхъ разбудишь, а совѣсть—я мужикъ нехитрый, Саша,—она только и держитъ народъ. Будь ты распро-Римъ или распро-Греція, а безъ совѣсти пропадешь, того-этого, какъ кошка, и будетъ мѣсто твое пусто! Но мучаясь, не падай, Саша—за то смерть, когда она подойдетъ къ тебѣ и въ глаза заглянетъ, приѣмешь ты съ миромъ. Клянусь тебѣ, мальчикъ.

Саша тряхнулъ головой и нѣсколько разъ быстро закрылъ глаза, точно протирая ихъ; выдохнулъ съ шумомъ воздухъ, въ одномъ вздохѣ соединяя множество ихъ. Едва ли онъ слышалъ все, что говорилъ Колесниковъ, но было въ самомъ голосѣ отпускаящее. И сказалъ:

— Ладно, Василий. Буду жить и мучиться—такъ, что ли? И тоже клянусь тебѣ...

Закричалъ Еремѣй:

— Скачутъ! Эхъ, теперь и до лѣсу не догонишь, бѣда!

И въ смутномъ, какъ сонъ, движеніи образовъ началась погоня и спасаніе. Сразу пропалъ мостъ и лягушки, лѣсъ пробѣжалъ, царапаясь и хватая, ныряла луна въ колдобинахъ, мелькнула въ лунномъ

свѣтъ и собачьимъ лаѣ деревня—вдругъ сразмаху влетѣли въ канаву. вывернулись лицомъ прямо въ душистую иглистую траву.

Теперь ушли! теперь ищи вѣтра въ полѣ!—говорилъ Еремѣй, подымая телѣгу, а Колесниковъ хохоталъ и теръ лицо:

— Всю рожу зазеленилъ, того-этого, совсѣмъ теперь лѣшнимъ сталъ. Еремѣй! Лѣшій какой въ вашихъ мѣстахъ: зеленый?

— А какъ разъ такой, какъ вы, покрасивше, пожалуй.

Смѣялся и Саша: и его опьянила погоня. Но, видно, еще не совсѣмъ ушли: снова заметалась луна и заахали колдобины, и новый лѣсъ, родной братъ стараго, сорвалъ съ Колесникова его велосипедную шапочку,—но такова сила заблужденія! остановилъ лошадь и въ темнотѣ нашарилъ-таки свое сокровище. А потомъ сразу угомонилась луна и тихо поплыла по небу, только изрѣдка подергиваясь, но тотчасъ же и снова оправляясь; и уже въ настоящемъ полуснѣ, въ одно долгое и радостное почему-то сновидѣніе превратились поля, тающія въ неподвижномъ свѣтѣ, запахъ пыли и грибной сырости, обремененныя крупнымъ майскимъ листомъ, сами еще не окрѣвшія вѣтви.

Гдѣ-то оставили лошадь и телѣгу и опять брехали собаки; и, продолжая сновидѣніе, втроемъ зашагали въ сребротканную лѣсную глубину его, настолько утомленные, что ноги отдѣльно просили покоя и сна и колѣни пригибались къ землѣ. Потомъ неистово закричалъ назвавшійся, измученный одиночествомъ и страхомъ Федотъ, котораго-таки не взяли съ собой.

— Кто идетъ?

И вотъ уже вчерашній, но теперь навсегда другой, шалапикъ: сталъ онъ домомъ и роднымъ пріютомъ. И крѣпкій до полудня сонъ, глухой снаружи, но беспокойный внутри въ своихъ томительныхъ позывахъ воскресить разорванную, окровавленную, точно чьими-то когтями въ клочки изодранную явь. Не слышали, какъ пришли вконецъ измученные Андрей Ивановичъ съ товарищами, потоптались у пылающаго огня—и молча завалились спать. Къ утру и совсѣмъ успокоился Саша: къ нему пришла Женя Эгмонтъ и все остальное назвала сномъ, успокоила дыханіемъ, и ужаснымъ, мучительнымъ корчамъ луны дала пѣвучесть пѣсни—а къ пробужденію, сдѣлавъ свое дѣло, ушла изъ памяти неслышно. Съ улыбкой проснулся Саша.

Но съ этого дня въ его душу вошелъ и сталъ навсегда новый образъ: падающій къ его ногамъ телеграфистикъ съ русыми кудряшками, кровавая яма возлѣ уха и воротъ чистенькой, расшитой косоворотки. Такъ сталъ убійцею Саша Погодинъ, отнынѣ воистину и навсегда—Сашка Жегулевъ.

За короткое время, не больше, какъ за мѣсяцъ, шайка Жегулева совершила рядъ удачныхъ грабежей и нападеній: была ограблена почта, убитъ ямщикъ и два стражника; потомъ троицкое волостное правленіе, причемъ сами уже мужики, не участвовавшіе въ шайкѣ, на смерть забили старшину и подожгли правленіе, хотя поджогъ грозилъ явной опасностью самому селу;—да такъ и вышло: поль-села подъ пеньки да подъ трубы подчистилъ огонь. До тла опустошили и сожгли двѣ экономіи и помѣщика съ братомъ нагнали и зарѣзали въ лѣсу, а управляющаго повѣсили на воротахъ; разбили винную лавку, и мужики, перепившись, подожгли-таки домъ, и опять жестоко пострадало село.

Что здѣсь шло отъ Жегулева, а что родилось помимо его, въ точности не зналъ никто, да и не пытался узнать; по все страшное, кровавое и жестокое, что въ то грозное лѣто произошло въ Н—ской губерніи, приписывалось ему и его страшнымъ именемъ освящалось. Гдѣ бы ни вспыхивало зарево въ іюньскую темень, гдѣ бы ни лилась кровь, всюду чудился страшный и неуловимый и безпощадный въ своихъ расправахъ Сашка Жегулевъ.

И уже сталъ онъ появляться одновременно въ разныхъ мѣстахъ, и сбились съ ногъ власти, гоняя стражниковъ и солдатъ на каждое зарево, вѣчно находя и вѣчно теряя его слѣдъ, запутанный, какъ клубокъ разматавшейся пряжи. Только что былъ, только что ушелъ, только что, только что—куда ни придешь, все только что, и слѣдъ его дымится, а самого нѣтъ. И если искали его другъ, то находилъ такъ быстро и легко, словно не прятался Жегулевъ, а жилъ въ лучшей городской гостиницѣ на главной улицѣ и адресъ его всюду пропечатанъ; а недругъ ходилъ вокругъ и возлѣ, случалось спать подъ одной крышей и никого не видѣлъ, какъ околдованный: однажды въ Каменкѣ становой цѣлую ночь проспалъ въ одномъ домѣ съ Жегулевымъ, только на разныхъ половинахъ; и Жегулевъ, смѣясь, смотрѣлъ на него въ окно, пока становой пилъ чай, а тотъ также смотрѣлъ въ окно, но ничего, на свое счастье, не разглядѣлъ въ стеклѣ: быть бы ему убиту и блюдечка бы не допить.

И уже на другую губернію перекинулось страшное имя Сашки Жегулева, и точно въ самомъ имени, въ одномъ звукѣ его заключался огонь—куда ни падало оно, тамъ вспыхивалъ пожаръ и лилась кровь. Казалось, жутко трепеталъ самъ воздухъ, пропитанный ѣдкой гарью, и въ синемъ дымномъ туманѣ своемъ несъ надъ землею и сѣялъ грозное имя, кровью кропилъ поля и лѣсъ и одинокія

жилица. Цѣлую ночь горѣли огни въ помѣщичьихъ усадьбахъ и звонко долдонила колотушка и собаки выли отъ страха, прячась даже отъ своихъ; но еще больше стояло покинутыхъ усадебъ, темныхъ, какъ гробы, и равнодушно коптитъ своей лампою сторожъ, равнодушно поджидая мужиковъ—и тѣ приходили, даже безъ Сашки Жегулева, даже днемъ, и хозяйственно, не торопясь, растаскивали по бревну весь домъ. Остатки все же поджигали, и сторожъ помогалъ. Нѣкоторые помѣщики, побогаче и покруче нравомъ, завели бѣлозубыхъ, черномазыхъ, свирѣпо перетянутыхъ черкесовъ, и тамъ днемъ мужики кланялись и бабы, какъ добрыя, носили землянику, а ночью всѣ зывали къ святому имени Сашки Жегулева и терпѣливо ждали огня. И огонь приходилъ невѣдомо откуда—вдругъ безъ причины вспыхивала рига!—и уѣзжали во-свояси свирѣпо-перетянутые черкесы и помѣщикъ перебирался въ городскую гостиницу, радуясь дорогому покою и хорошему столу.

Въ эту пору расцвѣта славы и силы Сашки Жегулева шайка его разрасталась съ такой быстротой, что порою терялись всякія границы: кто въ шайкѣ, а кто такъ? Все тотъ же спокойный, съ начисто выбритымъ подбородкомъ, старательный Андрей Ивановичъ первое время велъ мысленные списки и наблюдалъ дисциплину, но и онъ не выдержалъ, бросилъ: однихъ Гнѣдыхъ набралось столько, что путалось всякое соображеніе. Жаловался самому Александру Ивановичу Жегулеву, и тотъ, суровый и мрачный, никогда не улыбающійся, порою страшный даже для своихъ, отвѣчалъ спокойно:

— Оставьте ихъ, Андрей Ивановичъ, они сами себя найдутъ.

— Никакъ нѣтъ, Александръ Ивановичъ, этого нельзя оставить. Сами посудите: поставилъ я вчера въ пикетъ Ивана Гнѣдыхъ и приказалъ ему глазъ не смыкать и онъ, подлецъ, даже побожился. Ну, думаю, я тебя накрою: прихожу, а онъ и спитъ, для тепла съ головой укрылся и тутъ себя задуваетъ! Ахъ ты... толкнулъ его въ задъ, а оттуда совсѣмъ неизвѣстное лицо, мальчишка лѣтъ шестнадцати. Ты кто? Да Гнѣдыхъ. А Иванъ гдѣ? А батькѣ завтра въ волость надо. Такъ что-жъ ты спишь, такой ты и этакій...

— У насъ двѣ деревни, и всѣ Гнѣдыхъ, — серьезно и пояснительно сказалъ Еремѣй.

— А если ты Гнѣдыхъ, такъ и сии на караулъ?—Андрей Ивановичъ даже слегка покраснѣлъ отъ волненія.

— Никто тебя за... не укуситъ,—сердито отвѣтилъ Еремѣй:—тутъ тебѣ не карапъ, чего взѣлся?

Колесниковъ несмѣло забасилъ:

— А все-таки, Саша, и по-моему не мѣшало бы...

— Оставь. А вотъ бродягъ, Андрей Иванычъ, вы дѣйствительно гоните.

Еремѣй согласился съ своей стороны:

— Вѣрно. Теперь имъ самый ходъ, сырости онъ не любитъ.

— И если увидите, что пошаливаетъ, пристрѣливайте.

— Слушаю, Александръ Иванычъ. А Кузьму Жучка можно оставить?—онъ просится.

— Жучка оставьте.

Еще то сбивало, что одни и тѣ же мужики то приходили и нѣкоторое время работали съ шайкой, то такъ же внезапно и неслышно уходили, и никогда нельзя было знать, постоянный онъ или гостящій. Какими-то своими соображеніями руководились они, приходя и уходя, и нельзя было добиться толку вопросами, да подъ конецъ и спрашивать перестали—махнули рукой, какъ и на дисциплину.

И странно было то, что среди всей этой сумятицы, отъ которой кругомъ шла голова, крови и огня, спокойно шла обычная жизнь, брались недоимки, торговалъ лавочникъ, и мужики, вчера только грѣвшіеся у лѣсного костра, сегодня ѣхали въ городъ на базаръ и привозили домой бублики. Вообще самъ собой создавался какой-то особый порядокъ, и, только слѣдуя и подчиняясь ему, Жегулевъ чувствовалъ себя сильнымъ; всякая же попытка повернуть на свое русло вызывала незримый отпоръ и создавала чувство мучительной и странной пустоты. На самой вершинѣ своей славы и могущества Жегулевъ не разъ ощущалъ въ себѣ эту страшную пустоту, но, еще не догадываясь объ истинныхъ причинахъ, объяснялъ чувство усталостью и личнымъ. Настоящихъ причинъ онъ никогда, впрочемъ, и не узналъ.

Захаживали въ шайку и гощевали бѣглые солдаты, находившіе въ Андреѣ Иванычѣ покровителя, но оставались недолго; одинъ, красноносый пьяница, чуть ли не добрый десятокъ лѣтъ бѣгающій отъ своего года солдатчины, который тянулся за нимъ какъ тягчайшій, неискустимый грѣхъ, дня три покомандовалъ хрипло надъ Гнѣдыми, былъ однимъ изъ Гнѣдыхъ жестоко побить и обиженно побѣждалъ дальше—жить и бѣгать оставалось долго. Другой солдатъ, тоже молодой, бывшій на японской войнѣ, Косаревъ, остался въ шайкѣ и всѣмъ полюбили за кротость, но въ одной изъ первыхъ же стычекъ былъ убитъ шальной пулей.

Разъ приткнулись къ становищу два бѣглыхъ арестанта, уголовныхъ, но немедленно были прогнаны Еремѣемъ—а на утро одинъ изъ нихъ былъ найденъ въ лѣсу зарѣзаннымъ. Арестантики были голодны; и эта ненужная и дикая жестокость, виновникъ которой

такъ и не обнаружился, смутила даже спокойнаго чистаго и молчаливаго Андрея Ивановича: какъ разъ онъ наткнулся въ лѣсу на мертвое тѣло. Цѣлый день онъ косился на коричневое, изъ дуба рѣзанное лицо Еремѣя, и все поглядывалъ на голенище, гдѣ тотъ пряталъ ножъ—ножикъ, какъ онъ самъ называлъ. Но Еремѣй былъ непроницаемъ, еще болѣе спокоенъ и молчаливъ, чѣмъ самъ Андрей Ивановичъ, и только вскользь бросилъ:

— Кому-жъ зарѣзать? — на такое добро не всякій польстится. Товарищъ же и зарѣзалъ, больные некому.

И странно было то, что этотъ скверный, какъ думалось, случай вдругъ еще выше поднялъ значеніе Сашки Жегулева и былъ поставленъ ему въ какую-то особую заслугу. Самъ Жегулевъ, недоумѣвая, поводитъ плечами, а матросикъ вдругъ запечалился и сказалъ слѣдующее:

— Скажите мнѣ, Василь Василичъ, какъ это такъ происходитъ: въ какомъ бы глухомъ мѣстѣ, въ лѣсу или въ оврагѣ, ни лежало мертвое тѣло, а ужъ непременно оно обнаружится, дотлѣть не успѣтъ. Если мнѣ не вѣрите, любого мужика спросите, то же вамъ скажетъ.

— А чертъ его знаетъ!—угрюмо отвѣтилъ Колесниковъ:—почемъ я знаю, какъ падалъ находятъ.

Погодишь же взглядѣлся въ начисто выбритый подбородокъ Андрея Иваныча, въ его задумчивые, спокойно-скрытные глаза — и весь передернулся отъ какого-то мучительнаго и страшнаго то ли представленія, то ли предчувствія. И долго еще, день или два, съ такимъ же чувствомъ темнаго ожиданія смотрѣлъ на матросиково лицо, пока не вытѣснили его другія боли, переживанія и заботы.

Безпокоилъ между прочимъ и Васька Соловьевъ, щеголь. Черезъ него въ шайку вошли четверо: два односелка, молодыхъ и по началу безобразно пившихъ парня, бывшій монахъ Поликарпъ, толстѣйшій восьмипудовый человѣкъ молчаливо страдавшій чревоугодіемъ (всѣ грѣхи по монастырскому навыку онъ дѣлилъ на семь смертныхъ; и промежуточныхъ, а равно и смѣшенія грѣховъ не понималъ); Поликарпъ хорошо стрѣлялъ изъ маузера. Четвертымъ былъ темный человѣкъ Митрофанъ Петровичъ, что-то городское, многорѣчивое и непонятное; лицо у него и бороду словно мыши изгрызли и туго, какъ мѣшокъ съ картошкой, былъ набить онъ по самое горло жалобами, обидой и несносной гордыней; и всякому, кто поговорить съ нимъ пять минутъ, хотѣлось и отъ себя потрепать его за бороду и дать колѣномъ въ задъ. Но былъ у него и свой талантъ: отъ злости ли, либо отъ несносной гордыни своей не признавалъ онъ опасности и

страха и дѣйствительно съ полной готовностью полѣзъ бы къ самому черту въ пекло. Изъ города онъ принесъ и городское, нѣсколько странное прозвище свое: Митрофанъ—„Не пори горячку“.

И въ первые же дни вся эта компанія, съ большой неохотой допущенная Жегулевымъ, обособилась вокругъ Васьки Соловьева; и хотя самъ Васька былъ неизмѣнно почтителенъ, ни на шагъ не выходилъ изъ послушанія, а порою даже пріятно волповалъ своей красивой щеголеватостью, но не было въ глазахъ его ясности и дна: то выпретъ душа чуть не къ самому носу и кажется онъ тогда простымъ, добрымъ и наивно печальнымъ, то уйдетъ душа въ потемки, и на мѣстѣ ея въ черныхъ глазахъ бездонный и жуткій провалъ. Но развѣ не такіе же глаза и у всѣхъ людей? — думалось порою, и не темнѣе другихъ казался тогда Васька Соловей, щеголь.

Даже непріятности начались было, и первымъ заявилъ себя Митрофанъ—„Не пори горячку“: еще не приняхавшись, какъ слѣдуетъ, пошелъ къ атаману своей вихляющейся, прирожденно пьяной походкой и заявилъ, что тутъ самое подходящее мѣсто для литья фальшивыхъ двугривенныхъ. Правда, надъ нимъ только посмѣялись, да и самъ онъ своего проекта не отстаивалъ и сразу же горячо понесъ какую-то другую чепуху, но было непріятно, и Еремѣй презрительно окрестилъ его чучелой. Другой случай былъ похуже: одинъ изъ Васькиныхъ парней, гдѣ-то напившись, началъ похабничать и говорить свинство, а когда Жегулевъ прикрикнулъ, полѣзъ на него съ ругательствами и кулаками. Поблѣднѣвшій Саша молча вынулъ изъ кобуры револьверъ, но не успѣлъ поднять его, какъ пьяный повергся на земь отъ тяжкаго удара Еремѣева кулака; и тутъ въ первый разъ увидѣли, каковъ Еремѣй въ гнѣвѣ.

— Не погань рукъ, Александръ Ивановичъ! — промолвилъ онъ совсѣмъ какъ бы спокойно, и только лицо почернѣло, какъ чугунъ:— мы его и такъ... сдѣлай-ка петельку, Федотъ, а то не ушелъ бы, гляди, копышется.

Пожалуй, и повѣсили бы пьянаго, не вступись Жегулевъ; но не успокоились мужики, пока собственноручно не выдрали парня, наломавъ тутъ же свѣжихъ березовыхъ вѣтокъ—а потомъ міромъ пришли къ Жегулеву просить прощенія и стояли безъ шапокъ, хотя обычно шапокъ не ломали, и парень кланялся вмѣстѣ съ ними.

— Міромъ тебя просимъ, Александръ Ивановичъ, прости нашу темноту. Ты что-жъ, Евстигнѣйка, не кланяешься? кланяйся, сукинъ сынъ, и благодари за науку.

И ужъ совсѣмъ дурачки парень благодарилъ:

— Благодарю, Александръ Ивановичъ, за науку.

Колесниковъ мрачно смотрѣлъ на эту церемонію, ухмыляясь не то злобно, не то иронически, и, когда мужики ушли, скосилъ глазъ на задумавшагося Сашу и тихо сказалъ Андрею Иванычу:

— Вотъ оно, того-этого, что значитъ генеральскій сынъ: никакъ безъ порки любви своей ему не выразишь. Вы думаете, для себя они пороли?—нѣтъ, а думаютъ, что онъ иначе не пойметъ и не оцѣнитъ.

— Темнота, Василь Василичъ.

— А вы, Андрей Иванычъ, интеллигентъ!

Матрость тихо улыбнулся:

— А вы знаете, какъ они объ Александрѣ Иванычѣ выражаются—отъ васъ, конечно, они скрываютъ, а при мнѣ не стѣсняются. Трудно безъ слезъ слушать: онъ, говорятъ, какъ ангелъ чистый, онъ намъ Богомъ за нашу худобу посланъ, за нимъ ходи чисто... Барашекъ онъ бѣленькій...

— Барашекъ?—поднялъ брови Колесниковъ.

— Мы, говорятъ, что?—мы мужики, и задница у насъ не купленная, а онъ генеральскій сынъ—это дѣйствительно говорятъ, но безъ всякаго умысла, Василь Василичъ, а отъ души. Помните арестанта зарѣзаннаго?—какъ вамъ сказать и не знаю, а вѣдь они его для Александра Иваныча зарѣзали.

Колесниковъ ужаснулся:

— Кто зарѣзалъ?

— Кто не знаю, не говорятъ, но разсужденіе у нихъ было такое: показалось имъ, будто Александръ Иванычъ разгнѣвался на арестанта и самъ хочетъ его казнить, такъ вотъ, чтобъ отъ грѣха его избавить, они и забѣжали... намъ, говорятъ, все едино, всѣхъ грѣховъ не учеть, а его душенькѣ будетъ обидно.

Что-то совсѣмъ страшное, далеко уходящее за предѣлы обычнаго, встало передъ Колесниковымъ и даже его мистически-темная душа содрогнулась; и чѣмъ-то отъ древнихъ вѣковъ, отъ каменнаго идола повѣяло на него отъ неподвижной фигуры Саши, склонившаго голову на руки и такъ смотрѣвшаго въ лѣсную глубину, будто весь его, всѣ его темныя силы звалъ онъ на службу. Зашепталъ Андрей Иванычъ и не былъ простъ и спокоенъ его обычно ровный голосъ.

— Вотъ что еще доложу, Василь Василичъ. надо бы Александру Иванычу смотрѣть осторожнѣе, а то вѣдь они и этого, Митрофана-то, чуть на тотъ свѣтъ не отправили, ей-Богу, ужъ совѣтъ держали, да я отговорилъ.

— Совѣтъ, того-этого,—и когда они совѣщаются?

— Кто ихъ знаетъ, говорятъ, совѣтъ. Конечно такъ, болтаютъ.

Всмотрѣлся Колесниковъ въ тихіе глаза матроса и сердито качнулъ лохматой головой:

— Эй, Андрей Ивановичъ, интеллигентъ, а вы вѣдь знаете, кто арестанта зарѣзаль... Еремѣй, ну?

Андрей Ивановичъ вильнулъ глазами и вытянулся:

— Никакъ нѣтъ, Василь Висиличъ, не знаю.

Но съ этого случая недоразумѣнія съ Васькой Соловьевымъ и его присными прекратились, парпи были трезвы, а если напивались то подальше отъ глазъ, и самъ Щеголь двигался покорно, неслышно и ловко; и уже нѣсколько разъ, будучи расторопенъ, самостоятельно по порученію Жегулева выполнялъ нѣкоторые дѣла, и назывался въ этихъ случаяхъ также Сашкой Жегулевымъ.

И не совсѣмъ понятный, но твердый цариль порядокъ.

6. Жегулевъ.

Въ новой лѣсной жизни съ каждымъ днемъ мѣнялся Саша Погдинъ, и на видъ имѣлъ уже не девятнадцать лѣтъ, а двадцать три—четыре—не меньше; странно ускорился процессъ развитія и роста. Быстро отрастали волосы на головѣ и, хотя усовъ по-прежнему не было, по щекамъ и подбородку запушилась смолянисто-черная рамочка, траурная кайма для блѣднаго лица: вмѣстѣ съ новымъ выраженіемъ глазъ это дѣлало его до боли красивымъ—не было жизни въ этой красотѣ, ушла она съ первой кровью. Исхудалъ Саша до крайности: почти не спалъ, ѣлъ мало; но въ плечахъ раздался и поднялась грудь—въ прежней груди не умѣстилось бы новое сердце. Окаменѣлъ,—не улыбается, молчитъ и рѣшительно противится всякому разговору и близости съ Колесниковымъ. Не любитъ.

— Я тебѣ не помѣшаю, Саша?—подходитъ Колесниковъ, большой, отъ смущенія нескладный и басистый.

— Нѣтъ, не помѣшаешь. Ты что-нибудь хочешь сказать?

— Да ничего особеннаго. Такъ, того-этого, поболтать.

„Глупое слово: поболтать!“—съ отвращеніемъ думаетъ Колесниковъ и присаживается, крикнувъ:

— Такъ-то, Саша, и вообще, того-этого... Ты доволенъ Саша?

— Доволенъ.

Тяжелое и глупое молчаніе. Лицо Саши неподвижно, черты рѣзки и какъ-то слишкомъ пластичны: не мягкой была рука того невѣдомаго творца, что изъ бѣлаго камня по почамъ высѣкалъ это мертвое лицо.

— Тебѣ тяжело, Саша?

Саша поворачиваетъ голову и улыбается: какъ старшій на вопросъ ребенка.

— Да. Мучаюсь. Но вѣдь такъ, кажется, и надо?

Колесниковъ не знаетъ, куда дѣваться отъ этой улыбки, и мается въ безсильномъ молчаніи. Жалѣетъ его Саша и, чтобы нарушить молчаніе, говоритъ:

— Папиросы на исходѣ, не забыть бы взять. А въ общемъ я все-таки меньше сталъ курить, отъ воздуха что ли?

— Отчего ты со мной, мальчикъ, и поговорить не хочешь?— морщится и гудитъ Колесниковъ.— Подхожу сейчасъ и думаю, того-этого: каменный ты сталъ какой-то. Я, Саша, не люблю фальшивыхъ положеній, и если ты что-нибудь имѣешь противъ меня, такъ и говори, братъ, прямо. Бей наотмашь, какъ вѣдьмъ, того-этого, въ Кіевѣ быють. Ну?

— Я ничего противъ тебя не имѣю... Зачѣмъ ты, Василій, думаешь пустяки!

— Честное слово?

Саша снова улыбается, но уже по-настоящему смѣшливо и ласково, тихонько похлопываетъ двумя пальцами Колесникова по жесткому колѣну и незамѣтно вздыхаетъ. Колесникову тоже хотѣлось бы улыбнуться, но вмѣсто того онъ хмурится еще больше и говоритъ съ упрекомъ:

— Безчувственный ты человѣкъ, Сашка! Или у тебя анестезія?

— А ты требовательный человѣкъ, Василій: то много мучаюсь, то мало! Теперь, какъ врачъ, ты хочешь сказать, что жертвы подъ хлороформомъ не принимаются,—такъ я тебя понялъ?

— Какой я врачъ: лошадиный докторъ! Смѣешься, Саша?

— Нѣтъ. И не смѣюсь и не плачу. Но ты напрасно беспокоишься: мнѣ не такъ плохо, какъ ты думаешь, или не такъ хорошо, не знаю, чего тебѣ больше надо. Все идетъ, какъ слѣдуетъ, будь спокоенъ. И пожалуйста, прошу тебя, къ случаю: не заставляй Андрея Ивановича торчать около меня и загоразивать, да и самъ тоже. Боишься, что убьютъ?—пустяки, Василій, я проживу долго, тебя, братъ, переживу. Не бойся!

Колесниковъ всталъ и многозначительно протянулъ руку:

— Руку!

Саша отвѣтилъ пожатіемъ—и рука была твердая, сухая и холодная: лучше бы не касался ея Колесниковъ!

Но и съ друзьями—мужиками—Жегулевъ разговаривалъ неохотно и скупо, больше сидѣлъ въ одиночку. И это нравилось: прида-

вало ему видъ суровой значительности и выдѣляло изъ круга, какъ одинокое дерево на лѣсной прогалинѣ—и вмѣстѣ и одно. Выпадали для лѣсныхъ братьевъ свободные и все еще веселые вечера, даже болѣе шумные, такъ какъ прибавилось народу; тогда, не стѣсняясь жаркимъ временемъ, разводили костеръ на почернѣвшемъ, выгорѣвшемъ и притоптанномъ мѣстѣ, пѣли пѣсни, ровнымъ однозвучіемъ многихъ балалаекъ навѣвали тихую думу и кроткую печаль. Завелась и гармоника, и музыкальныхъ дѣлъ мастеръ, Андрей Ивановичъ, игралъ вальсъ „На сопкахъ Манчжуріи“, подпѣвая слова. Мужики рас- троганно сопѣли и слезливо шмурыгали носами, и даже шутникъ Иванъ Гнѣдыхъ чувствительно высказывался:

— Вотъ бы нашихъ бабъ сюда, ахъ ты, батюшки мои!

И особенно трогали слова:

Кости солдатъ давно ужъ въ землѣ поистлѣли.

А мы же могилы не видѣли ихъ

И вѣчную память не пѣли...

— Хорошія слова, книжныя,—говорилъ Еремѣй внушительно и окончательно и ободряюще похлопывалъ Андрея Ивановича по спинѣ; не робѣй, матросъ, тутъ тебѣ не карапъ!

Попробовалъ ту же пѣсню спѣть Петруша звонкоголосый, и хотя у него вышло лучше и одобрилъ самъ Василій Васильичъ, но мужикамъ не понравилось: много ты понимаешь, Петрушка, брось, дай матросу. Даже обидѣлся Петруша и нѣсколько дней совсѣмъ отказывался пѣть—былъ онъ ребячливъ, какъ всѣ истинные таланты, и непрестанно нуждался въ сочувствіи. И если находила добрая полоса, то пѣлъ безъ устали, не для людей, а для себя—звучала въ немъ пѣсня прирожденно, какъ въ пѣвчей птицѣ. Любили его за это и за кротость души: въ горячій мятежъ мыслей безсонныхъ и тяжело-кровавыхъ думъ вносилъ онъ успокоеніе и тихую ласку.

Случалось, долго не можетъ заснуть Жегулевъ, ищетъ безнадежно, на чемъ бы успокоиться мыслью, вызываетъ о забвеніи—и все напрасно; и только одна милая картина, вызываясь изъ памяти настойчиво, давала подъ конецъ облегченіе и легкій сонъ. Идутъ они будто бы перелѣсочкомъ; среди широкихъ кустовъ березняка и дуба заворачиваетъ дорога, и Саша отсталъ, не торопится. А впереди, виднѣясь однѣми спинами, идутъ какіе-то люди, они же и разбойники, они же и друзья, они же и вольная воля; идутъ и потренькиваютъ балалайками, задумчиво и стройно, и въ ровномъ гулѣ струнъ будятъ пѣвчую душу самой дороги. Идутъ люди и играютъ, идетъ дорога и поетъ грустно и длительно, кротко нисходитъ въ овражекъ.

Однѣ ужъ головы да звуки падь тихой зеленю невинно и одиноко возрастающихъ кустовъ. Идутъ. Уходятъ.

Отъ шума гармоникки, порою нескладнаго пѣнія и оттаяннаго пляса, въ которомъ по-прежнему отличался Васыка Щеголь, прирожденный плясунъ, Саша обычно уходилъ. Зажигалъ въ шалашикѣ огарокъ и читалъ ставшую невыносимой книгу „Крошка Дорритъ“, которую взялъ за толщину и неизвѣстно за что: горькой нелѣпостью казались всѣ эти мистеры и мистриссы. А чаще уходилъ онъ въ лѣсъ, въ глухое и мертвое одиночество. Въ десяткѣ саженой отъ стана, надъ глубокимъ лѣснымъ обрывомъ, торчали изъ земли, на самомъ крутогорѣ, старый, позеленѣвшій пенъ: тутъ и находилъ Саша свое одиночество; и еще долго спустя это мѣсто было извѣстно ближайшимъ деревнямъ подъ именемъ „Сашкинаго крутогора“. За нимъ рѣдко кто слѣдовалъ, и постепенно установился такой порядокъ, чтобы и не лѣзть къ атаману, разъ онъ удалился на свое мѣсто. И про эти часы Сашинаго одинокаго сидѣнія Еремѣй выражался такъ:

— Мозгуеть Александръ Ивановичъ, мозгами ворочаетъ.

Но одну пѣсню Саша слушалъ постоянно: это милую свою зеленую рябинушку,—отходило сердце въ тихой жалости къ своей горькой и мучительной долѣ. А иногда и мучила пѣсня. Какъ-то случилось, что особенно хорошо пѣли Колесниковъ и Петруша—и многимъ до слезъ взгрустнулось, когда въ послѣдній разъ смертельно ахнулъ высокій и чистый голосъ:

— Ахъ, да поздней осенью, ахъ—да подъ морозами!...

Было молчанье. И въ молчаньи осторожно, чтобы не шумѣть, поднялся Жегулевъ и тихонько побрелъ на свое гордо-одинокое, атаманское мѣсто. А черезъ полчаса въ тому же заповѣдному мѣсту подобрался Еремѣй, шелъ тихо и какъ будто невнимательно, покачиваясь и пробуя на зубъ травинку. Присѣлъ возлѣ Саши и, вытянувъ шею, поверхъ куста заглянулъ для какой-то надобности въ глухой оврагъ, гдѣ уже густились вечернія тѣни, потомъ кивнулъ Сашѣ головой и сказалъ просто и мягко:

— Объ мамашѣ думаешь, Александръ Ивановичъ?

И хотя Саша въ эту минуту думалъ какъ разъ о другомъ, вопросъ мужика точно раскрылъ истинную сущность мыслей; и, помедливъ, Саша взглянулъ открыто и отвѣтилъ:

— Да, о матери.

— Такъ... Подумай, подумай, Александръ Ивановичъ, мы противъ этого не говоримъ. Думаешь, такъ думай, ничего, братъ, на то ты

человѣкъ, а не звѣрь. Вѣрно?—я и говорю, что вѣрно. А достатки-то есть у мамыши?

— Да, она получаетъ пенсію за отца, отецъ у меня давно умеръ.

— Вишь, какъ хорошо, и достатокъ есть! Я и говорю, что хорошо; и братья, поди, учатся?

— Братевъ у меня нѣтъ, а сестра учится.

— Вишь, какъ хорошо, душа радуется, ей-Богу! Прости, Александръ Ивановичъ, если въ чемъ помѣшалъ, дай, думаю, пойти покалякать, сидитъ человѣкъ одинъ. Подумай, подумай, это ничего, паренекъ ты душевный. Сидитъ человѣкъ одинъ, дай думаю...

Поизвинялся еще, осторожно, какъ стекляннаго, похлопалъ Сашу по спинѣ и въ развалку, будто гуляетъ, вернулся къ костру. И показалось Погодину, что люди эти, безнадежно глухіе къ словамъ, тяжелые и косные при разговорѣ, какъ зайки,—въ глубину сокровенныхъ сновъ его проникаютъ, какъ провидцы, имѣютъ волю надъ тѣмъ, надъ чѣмъ онъ самъ ни воли, ни власти не имѣетъ.

И вдругъ на мгновеніе почувствовалъ себя тѣмъ маленькимъ Сашей, который въ ночную пору слушаетъ мощный гулъ деревъ—вздохнулось легко и печально.

7. Огонь.

Плохо обернулось дѣло: еще человѣка убилъ своей рукою Сашка Жегулевъ; и второе—погибъ въ перестрѣлкѣ, умеръ страшной смертью кроткій Петруша. Произошло это слѣдующимъ образомъ.

Довольно рано, часовъ въ десять, только что затемнѣло по-настоящему, нагрянули мужики съ телѣгами и лѣсные братья на экономію Уваровыхъ. Много народу пришло и шли съ увѣренностью, издали слышно было ихъ шествіе. Успѣли попрятаться; сами Уваровы съ дѣтьми уѣхали, опустошивъ конюшню, но, видимо, совсѣмъ недавно: на кухнѣ кипѣлъ большой барскій, никкелированный, съ рубчатými боками самоваръ, и длинный столъ въ столовой покрытъ былъ скатертью, стояли приборы.

— Вотъ-то чудесно!—чайку попьемъ, давно, того-этого, за столомъ не сиживалъ!—засмѣялся Колесниковъ, бывший съ утра въ хорошемъ и веселомъ настроеніи.—Мама!

— Кого зовешь?—спросилъ Жегулевъ.

— Горничную. Маша!

За окнами грабили хозяйственно и тихо, еще не о чемъ было кричать; развѣ только подѣ топоромъ затрещить дверь въ амбаръ, и около ледника чему-то хохочутъ; плаваютъ по двору запасенные фонарики. Въ главномъ домѣ было свѣтло и такъ же тихо, не шумѣе, чѣмъ при обыкновенныхъ гостяхъ, и въ одно изъ раскрытыхъ, темныхъ оконъ сильно пахло жасминомъ, только что расцвѣтшимъ, сиренью и табакомъ. Митрофанъ — „Не пори горячку“ съ Васькой Щеголемъ безнадежно царапался въ спальнѣ около несгораемой кассы, пытаясь открыть и горделиво ругаясь, и надъ нимъ подсмѣивались; восмипудовый, сонный Поликарпъ съ тоской вынюхивалъ ѣду. Явилась откуда-то успѣвшая до красноты заплакаться горничная Глаша въ фартучкѣ и, признавъ въ Сашѣ барина, стала къ нему подѣ покровительство; и уже черезъ пять минутъ привычно забѣгала возлѣ стола, привычно кокетничая.

Тронуло Глашу, что ведутъ себя такъ хорошо и, ужъ не зная, кто она, горничная или хозяйка, нервѣшительно угощала—но вдругъ расплакалась, глядя на мужиковъ, и стала ихъ закармливать:

— Ъшьте, голубчики, ѣшьте! Голубчики вы мои, да развѣ у насъ не хватитъ? Не все пожрали господа, сейчасъ и еще принесу.

И Еремѣй за всѣхъ благодарилъ:

— Много вами благодарны.

Наскоро и голодно куснувъ, что было подѣ рукою, разбрелись изъ любопытства и по дѣлу: кто ушелъ на дворъ, гдѣ громили службы, кто искалъ поживы по дому. Для старшихъ оставались пустые и свободные часы, часъ или два, пока не разберутся въ добрѣ и не нагрузятся по телѣгамъ; по богатству экономіи слѣдовало бы остаться дольше, но по слухамъ недалеко бродили стражники и рота солдатъ, приходилось торопиться.

— Ты что же не идешь, Еремѣй?—удивленно спросилъ Колесниковъ,—сдѣлать бы запасецъ, того-этого.

— Нѣ. Не хочу, нехай имъ будетъ пусто, — отвѣтилъ матерно Еремѣй и равнодушно покосился въ окно. Станный былъ человекъ: прилипъ къ шайкѣ и дѣятельно помогать, но самъ ничѣмъ не пользовался, а дома голодали, былъ самый несчастный мужикъ на всѣхъ Гнѣдыхъ.

Колесниковъ мягко упрекнулъ:

— Не для себя, чужакъ. Хорошій ты мужикъ, а дѣтей, того-этого, голодомъ морить.

Еремѣй нехотя повернулъ свое темное лицо и странно!—что-то

вродѣ великолѣпнаго, барскаго пренебреженія и къ самому Колесникову и къ его словамъ мелькнуло на этомъ мужицкомъ лицѣ; и равнодушно сказалъ:

— Чего хлопочешь? Не сдохнуть, щенки.

— У него, Василь Василичъ, жена съ телѣгой пріѣхала,—пояснилъ матрость:—она ужъ его бранила. Шелъ бы ты и вправду, Еремѣй, не гордился бы.

Уже съ презрѣніемъ посмотрѣлъ мужикъ на Андрея Ивановича, ничего не сказалъ и, переваливаясь, вышелъ. А Колесниковъ подумалъ: „какъ странно бываетъ сходство: Елена Петровна гречанка и генеральша, а этотъ мужикъ, а какъ похожи! — словно братъ съ сестрой. Слава Богу, сегодня все идетъ хорошо и пріятно, и пьяныхъ мало“.

— Плескните-ка еще стакачикъ, Андрей Ивановичъ. Пей, Петруша, что не пьешь.

— Не хочется мнѣ пить, Василь Василичъ, все будто душа не спокойна: не нагрянули бы!

— Далеко, успѣемъ уйти. Пей!

Саша, не оставляя маузера, пошелъ осматривать комнаты: интересно было чужое жилище въ его еще не успѣвшей остынуть жизни. Видно было по всему, что жили люди богатые, культурные, цѣнившіе чистоту и порядокъ; и что-то въ красотѣ убранства напоминало Елену Петровну. А наверху одна комнатка совсѣмъ смутила Сашу: была и по размѣру и по бѣлизнѣ похожа на его городскую, и постель съ наискось отвернутымъ для ночи одѣяломъ была его, только не хватало образа. И на нѣсколько минутъ поколебался каменный обликъ, и съ нимъ отошло все настоящее; Саша безшумно и крѣпко притворилъ дверь и, не желая входить дальше, остановился у порога. Пахло чѣмъ-то прежнимъ, кажется чистымъ бѣльемъ или даже духами. И въ темнотѣ—онъ погасилъ свѣчу—его сердце, покинутое ужасомъ, затеплилось такой радостью, такой любовью и нѣжной грустью, словно вышелъ онъ на свиданіе къ любви своей. Не думалось объ утратѣ и невозможность раскрыла двери: вышелъ онъ на свиданіе къ любви своей, далъ ей первый поцѣлуй, сказалъ слова нѣжности, встрѣчи и прощанія, всю умѣстилъ ее въ сердцѣ, широко, тепломъ и любовномъ, какъ іюньская ночь, когда только что распустился жасминъ. Совсѣмъ забывшись, Саша шагнулъ къ окну и крѣпкимъ ударомъ ладони въ середину рамы распахнулъ ее: стояла ночь въ саду и только слѣва, изъ-за угла, мерцалъ сквозь ограду неяркій свѣтъ и слышалось ровное, точно пчелиное гудѣніе, движеніе многихъ живыхъ, народу и лошадей. Но не понялъ ихъ значенія

Саша и, легши на подоконникъ руками и грудью, прикрылъ вѣками глаза и капля за каплей сталъ пить пьяный и свѣжій воздухъ.

Обезпокоился на минуту, услыхавъ въ корридорчикѣ крѣпкіе шаги и ищущій голосъ Колесникова:

— Эй, дядя, не видалъ Александра Ивановича?

— Туды прошелъ,—отвѣтилъ кто-то, и снова стало тихо. И снова ушелъ въ свою мечту Саша. Было съ нимъ то странное и похожее на чудо, что, какъ даръ милостивый, посылается судьбою самымъ несчастнымъ для облегченія: полное забвеніе мыслей, поступковъ и словъ и радостное ощущеніе настоящей, скрытой словами и мыслями, вѣчной, безтѣлесной жизни. Остановилось и время.

Но досадно захотѣлось курить: а когда закуривалъ и зажегъ спичку, то вспомнилъ маузеръ—и исчезла тишина. Пытался Саша, повторивъ позу, вызвать ушедшее, но ничего не вышло, противно заскакали мысли и потянуло на народъ.

— Куда ты запропалъ, Саша?—нигдѣ тебя не найдешь!—обradoвался Колесниковъ.—На дворѣ былъ?

— Да. Налей-ка чаю, Вася,—сказалъ Жегулевъ, быстро и весело садясь.—Какъ у васъ тутъ свѣтло.

— Много пьяныхъ?

— Не видалъ.

— Здорово! Тебѣ покрѣпче, Саша?...—взглянулъ Колесниковъ, какъ изъ-за очковъ, поднялъ удивленно голову и уставился прямо:— да ты, Саша... чему ты радъ, Сашка?—что пьяныхъ мало?... ну и чу-дакъ же ты, Сашукъ!

Оба улыбались другъ на друга, пока не закричалъ и не запла-салъ Колесниковъ, обжегшись перелившимся кипяткомъ. Подверну-лась Глаша въ фартучкѣ:

— Позвольте, я налью. А если не крѣпко, то можно еще подва-рить, у насъ чаю много!

Рояль былъ раскрытъ и на пюпитрѣ стояли ноты—чуждая грамота для Саши! Нерѣшительно, разинувъ отъ волненія ротъ, постукивалъ по клавишамъ Петруша и, словно боясь перепутать пальцы, по одному держалъ крѣпко и прямо, остальные ногтями вжималъ въ ладонь; и то раскрывался въ радости, когда получалось созвучіе, то кисло мор-щился, и еще торопливѣе билъ не тѣ. Солидно улыбался Андрей Ивановичъ и вкривъ и вкось совѣтовалъ:

— А ну-ка сразу по этимъ!

И тайно конфузился, когда выходило еще хуже, поправляя:

— Да не тѣ, эхъ, Петруша!

— Александръ Ивановичъ, Василь Василичъ!—пѣлъ Петруша, стра-

дая: — какая вещь драгоцѣнная, да ключъ то потерявши, и подступиться не даетъ.

Саша засмѣялся и, подойдя быстро и перегнувшись черезъ Петрушу, заигралъ „собачій вальсъ“.

— Это что же такое?

— Собаки танцуютъ. Слушай!

Попрыгали собачки и сразу на одной ножкѣ сѣли: не кончивъ, бросилъ Саша, — не стоитъ вспоминать! — и вернулся къ столу. Пришелъ Еремѣй, что-то пряча въ рукѣ, и за нимъ хмѣльной, недовольный и огорченно ругающійся Иванъ Гнѣдыхъ:

— Ну и сторонка! Живутъ люди богато, а взять нечего. И тутъ наставили, и тутъ нагородили, и тутъ безъ ума намудрили, а взять ни сибя пороха не возьмешь, какъ пригвожденное. Ну и хитрый народъ! Михей, вотъ-то дуракъ! — зонтикъ взялъ, а теперь мается, въ дверь пролѣзть не можетъ, застрялъ, какъ въ вершѣ. Смѣхота!

За окнами стало шумѣе и набѣгала тревога: кричали во многіе голоса, стукались ободьями и колесами, ругали лошадей. Еремѣй сурово глянулъ въ сторону окна и сказалъ:

— Ну и жадный у насъ народъ, не можетъ порядку установить. Запалить бы, не мигаючи, чего тутъ!

Но не договоривъ, расплылся въ широчайшей улыбкѣ и какъ сіяніемъ окружилъ себя бородой; и протянулъ къ Колесникову крѣпко сжатый кулакъ:

— Глянь-кась, Василь, и что это за штучка?

— Да кулакъ-то раскрой, вцѣпился. Ну? — печатка, свою фамилію печатать.

Съ хрустальной, кругло-граненой ручкой и серебрянымъ штабикомъ печатка — нѣчто безцѣнное, загадочное и блестящее, что могло бы понравиться и воронѣ, очаровательное тѣмъ, что мало, блеститъ и непонятно.

— А мою фамилію она можетъ? — спросилъ Еремѣй, принимая обратно.

— Нѣтъ. Брось лучше. Попадешься, худо будетъ, того-этого.

— Ладно, Василь, брошу, — кротко успокоилъ Еремѣй и, улучивъ минуту, быстро сунулъ въ карманъ штучку, да еще сверху прижалъ ладонью; поправилъ бороду и насупился.

Безпокойнѣе шумѣлъ дворъ — вдругъ почувствовалось, что домъ чужой, и потянуло ближе къ шуму; колеблясь, толкались по комнатѣ, сразу принявшей видъ безпорядка и угрюмости. Встревоженная Глаша сперва жалась къ столу, гдѣ сидѣли Колесниковъ и Саша, потомъ

исчезла куда-то. Гоготали около найденного граммофона и, смѣшливо морщась и покачиваясь на нетвердыхъ ногахъ, божился Иванъ:

— Эта самая, провалиться на мѣстѣ, эта самая! Куда пришла, а? Принесла ее лѣтось учительша, повертѣла мало-мало за хвостъ, да и пусти!—ажъ дрогнулъ народъ! Тутъ тебѣ гнусить, какъ дьячекъ, тутъ тебѣ кандычить, тутъ тебѣ слезьми заливается—смѣхота!

Смѣялись уже не отъ разсказа, а на него глядя.

— А тутъ урядникъ съ старостой—шастъ: слова, что ли, не тѣ, кто ее разберегъ, да и въ холодную, только и пожила. Несутъ ее, матушку, мужики жатъютъ, да мнѣ и самому жалко, я и говорю: не бойсь, машинка!—теперь не съкутъ. Ей-Богу, правда, на этомъ мѣстѣ провалиться!

Къ удивленію и пущему смѣху смотрѣвшихъ, Иванъ прослезился, а потомъ съ матернымъ ругательствомъ хотѣлъ ногой ударить граммофонъ, но не осилилъ тяжести ноги и чуть не завалился. Запахло въ комнатѣ спиртомъ—видно не одинъ Иванъ успѣлъ гдѣ-то зарядиться; чаще матюкались и точно невзначай пытались что-нибудь разбить или повалить, усиленно харкали и плевались: нарастало жуткое и безобразное. Подтянувшійся Андрей Ивановичъ внимательно посматривалъ по сторонамъ, прислушивался къ гудѣвшему окну и нѣсколько разъ, соображая, поглядѣлъ на свои серебряные, награжденные за стрѣльбу часы. Свирѣпо косилъ глазами и хмурился Колесниковъ: пропало хорошее настроеніе и вновь начала томить глухая тоска, подъ тяжестью которой въ послѣднія недѣли медленно и страшно мертвѣла его душа...

Жегулевъ отошелъ къ книжному шкафу и, зажавъ подъ мышкой маузеръ, торопливо перелистывалъ Байрона, искалъ страницу и, найдя, остановился глазами:

... Душа моя мрачна. Скорѣй, пѣвецъ, скорѣй!

Вотъ арфа золотая:

Пускай персты твои, промчавшись по ней,

Пробудятъ въ струнахъ звуки рая.

И если не на вѣкъ надежды рокъ унесъ—

Онъ въ груди моей проснётся,

И если есть въ очахъ застывшихъ капля слезъ—

Онъ растаютъ и прольются...

Заглянуль черезъ плечо Колесниковъ и усмѣхнулся угрюмо и злобно:

— Байронъ! Вотъ, Саша, того-этого, и тутъ читали Байрона.

Жегулевъ холодно взглянуль на него, неторопливо закрыль тол-

стю въ переплетѣ книгу и бросилъ въ уголь. И вмѣстѣ съ звукомъ отъ паденія книги, непонятно смѣшавшись съ нимъ, пронесся далекій женскій вопль. Еще крикъ—теперь ясный зовъ на помощь, неудержимый женскій визгъ, противно сверлящій уши, злой и жалкій. Короткій перерывъ, точно закрыли ладонью ротъ—и опять съ той же высокой и хриплой ноты. Затапали ногами; кто то, свалившись, загрохоталъ по лѣстницѣ—и комната пропала изъ глазъ. Толкнувъ кого-то и еще кого-то, на долгое мгновеніе запутавшись въ незнакомыхъ переходахъ, Саша вылетѣлъ къ запертой двери, за которой словно дохрипывалъ голосъ. Потрясъ: заперто.

— Отвори!

Сзади поддерживали, дышитъ много народу, кричатъ. Заревѣлъ Колесниковъ, но за дверью тихо, и отвѣта никакого, и, напрягшись, высадилъ Саша дверь. Навстрѣчу ему изъ полумрака, освѣщенный только дверью, смутно двинулся толстый, разъяренный Поликарпъ, а позади него на постели снова противно завизжала Глаша. Что-то крикнулъ Поликарпъ, но Саша не слышалъ: съ яростью, мутившей разсудокъ, и невыносимымъ отвращеніемъ, онъ разъ за разомъ выпустилъ десять зарядовъ маузера, вертя стволомъ, какъ жаломъ, послѣднія пули кидая впизъ, въ мертвую уже, залитую кровью, разметавшуюся тушу. Пороховою вонью наполнилась комната, какъ отъ взрыва. Щелкнувъ по пустому, Жегулевъ обернулся, оскалилъ зубы на Колесникова и, послѣ короткой борьбы, выхватилъ у него оружіе, повернулся—и тутъ только понялъ, что больше не надо.

Заверещала притихшая подъ выстрѣлами Глаша и, придерживая высочившую грудь, выбросилась наружу и безтолково заметалась въ толпѣ мужчинъ, плакала и кричала, уже никого не боясь:

— Разбойники! Насильники! Га-а-ды! На бабу польстились! Разбойники, Сашки Жегулевы! Га-а-ды!

Съ отвращеніемъ аскета, увидѣвшаго мерзость, съ ненавистью любящаго, увидѣвшаго въ грязи любовь, Саша дернулъ маузеромъ и дико закричалъ:

— Молчать, дрянъ! У-бью!

Чей-то узловатый кулакъ ударилъ Глашу по уху, она упала въ дверь и, уже молча, на четверенькахъ поползла; и дверь захлопнулась. Саша сузилъ глаза, отчего казалось, что онъ улыбается, оглядѣлъ всѣхъ и спросилъ:

— Ну?

Молчали и, какъ стѣна, не имѣли глазъ. Вдругъ, все такъ же пряча взоръ, шагнулъ блестящими сапогами Васька Соловей и по первому звуку покорно спросилъ:

— Не очень ли ужъ круто, Александръ Ивановичъ?

— Ну?—какъ масленичная маска улыбалось лицо Жегулева.

— Не очень ли ужъ круто, Александръ Ивановичъ? Если за всякую бабу...

Къ счастью для себя поднять воровскіе глаза Соловьевъ — и не увидѣлъ Жегулева, но увидѣлъ мужиковъ: точно на аршинныхъ шеяхъ тянулись къ нему головы и, не мигая, ждали... Гробовую тѣсноту почувствовалъ Щеголь, до краевъ налилсЯ смертью и залпсилъ, топчась на мѣстѣ, даже не смѣя отступить:

— Такъ точно, Александръ Ивановичъ, ваша воля...

Жегулевъ крикнулъ:

— Собрать своихъ, Андрей Ивановичъ! Выгнать изъ кухни бабъ. Запаливай Еремѣй!

Изъ сада смотрѣли, какъ занимался домъ. Еще темнота была, и широкій дворъ смутно двигался, гудѣлъ ровно и сильно — еще нонахали съ телѣгами деревни; засвѣтлѣло, но не въ домѣ, куда смотрѣли, а со стороны службъ: тамъ для свѣта подожгли сарайчикъ и слышно было, какъ мечутся разбуженныя куры и поетъ сбившійся съ часовъ пѣтухъ. Но не яснѣе стали тѣни во дворѣ и только прибавилось шуму: ломали для проѣзда ограду.

— Александръ Ивановичъ, Василь Василчъ, гляньте-ка, окошечко закраснѣлось, — повернулъ головой Петруша.

Во многихъ окнахъ стоялъ желтый свѣтъ, но одно во второмъ этажѣ вдругъ закраснѣло и замутилось, замигало, какъ глазъ спросонья и вдругъ широко по-праздничному засвѣтилось. Заблѣлѣли крашенныя въ бѣлую краску стволы яблонь и побѣжали въ глубину сада; на клумбахъ нерѣшительно глянули бѣлые цвѣты, другіе ждали еще очереди въ строгомъ порядкѣ огня. Но помаячило окно съ крестовымъ четкимъ переплетомъ и — сгасло.

Кто-то изъ глядящихъ огорченно выругался и вздохнулъ:

— Эхъ, ты! Сгасло, проклятое.

Но не успѣлъ кончить — озарилась свѣтомъ вся ночь, и всѣ яблони въ саду наперечетъ, и всѣ цвѣты на клумбахъ, и всѣ мужики, и телѣги во дворѣ, и лошади. Взглянули: съ той стороны, за ребромъ крыши и трубою, дохнулъ къ почернѣвшему небу красный клубъ дыма, палъ на землю, колыхнулся выше — уже и искорки побѣжали.

Торопливо затолковали голоса:

— Съ той стороны зажгли! Съ той стороны!

И тихо взвился къ небу, какъ красный стягъ, багровый, дымный, косматый, угрюмый огонь, медленно свирѣпѣя и наливаясь гнѣвомъ, покрутился надъ крышей, заглянулъ, перегнувшись, на эту сторону —

и дико зашумѣлъ, завылъ, затрещалъ, раздирая балки. И много ли прошло минутъ,—а ужъ не стало ночи, и далеко подъ горою появилась цѣлая деревня, большое село съ молчаливою церковью; и краснымъ полотнищемъ пала дорога съ тарахтящими телѣгами.

И кто съ этой стороны, опоздавшій и ослѣпленный пламенемъ, встрѣчалъ скачущихъ мужиковъ, тотъ въ страхѣ прыгалъ въ канаву: смоляно-черныя телѣги и кони въ непонятномъ смѣшаніи оглобеля, головъ, приподнятыхъ рукъ, чего-то машущаго и крутящагося, какъ съ горы валились въ грохотъ и ревъ.

8. Смерть Петруши.

Разбившись на мелепкiе отряды, какъ было принято, разсѣялись въ ночи лѣсные братья. Съ Жегулевымъ остались коренные, Колесниковъ, матросъ и Петруша, да еще Кузьма Жучекъ, тихій и невзрачный по виду, но полезный человѣчекъ. Безконечно долго уходили отъ зарева, теряя его въ лѣсу и снова находя въ полѣ и на горкахъ: должно быть, загорѣлись и службы, долго краснѣлось и бросало впередъ тѣни отъ идущихъ. Накопецъ, закрылось зарево холмомъ, и тутъ только почувствовали идущіе, что они устали и что надъ землею стоитъ тихая, лѣтняя, пышная, уже глубокая ночь.

Присѣли у межи; Петруша потеръ руку о траву и сказалъ:
— Росная.

Ржавымъ крикомъ кричалъ на луговой низинѣ коростель; поздній опрокинутый мѣсяцъ тающимъ серпчкомъ лежалъ надъ дальнимъ лѣсомъ и заглядывалъ по ту сторону земли. Жарко было отъ долгой и быстрой ходьбы, и теплый неподвижный воздухъ не давалъ прохлады—тамъ въ окна онъ казался свѣжѣе. Колесниковъ устало промолвилъ:

— Скоро и разсвѣтъ: долго намъ еще идти. А все-таки пріятно, что домъ, того-этого... Петруша, ты радъ?

— Радъ, Василь Василычъ.

— Теперь, пожалуй, и наскakaiи, головешки подбираютъ, — сказалъ Андрей Ивановичъ про стражниковъ и протянулъ папиросу Жучку: — возьми. Жучекъ.

Жегулевъ прикинулъ глазами небо и вслухъ задумался:

— Не знаю, пересѣкать ли намъ большакъ, или ужъ прямо?— прямо-то версты на двѣ дальше. Какъ вы думаете, Андрей Ивановичъ?

— Пойдемъ черезъ большакъ, чего тамъ,—сказалъ Колесниковъ.

— Разсвѣтеть къ тому времени, какъ бы не наткнуться,—нерѣшительно отвѣтилъ матросъ.

— Сами говорите, насккали, а теперь бонтесь. Вадоръ!

Рѣшилъ вопросъ Кузька Жучекъ, человекъ съ короткимъ шагомъ:

— Ну а встрѣтятся, въ лѣсъ стреканемъ,—эка!

Охая и поругиваясь, тронулись въ путь, но скоро размялись и запагали ходко. Съ каждой минутой блѣднѣла жаркая смуглота ночи, и въ большакъ уперлись уже при свѣтѣ,—правда, неясномъ и обманчивомъ, но достаточно тревожномъ. Тридцати-саженной аллеей сбѣгали по склону дуплистыя ракиты и чернѣлъ узенькій мостикъ черезъ ручей, а за нимъ лѣзла въ кручу облысѣвшая дорога и точно готовила засаду за неяснымъ хребтомъ своимъ. За ручьемъ, въ полуверстѣ налѣво начинался огромный казенный лѣсъ, но въ случаѣ чего, до него пришлось бы бѣжать по открытому, голому, стоявшему подъ паромъ полю.

— Долго будемъ думать?—сердито сказалъ Колесниковъ и крупно запагалъ по склону, вихляя щиколоткой въ многочисленныхъ глупокихъ, еще не разбитыхъ въ пыль колеяхъ и колчакъ; за нимъ, не отставая, двигались остальные. И уже у самаго мостика за шумомъ своихъ шаговъ слышали они другой, болѣе широкій и дружный, несшійся изъ-за предательской кручи. Сразу догадавшійся Жегулевъ остановилъ своихъ и тихо скомандовалъ:

— Слушать! Черезъ мостъ бѣгомъ, наподъемъ, не дойдя до верху, налѣво до лѣсу. Въ случаѣ—залпъ! Живыми не сдаваться! Двигай!

Сонно и устало подвигались солдаты и стражники—случайный отрядъ, даже не знавшій о разгромѣ уваровской экономіи—и сразу даже не догадались, въ чемъ дѣло, когда изъ-подъ кручи, почти въ упоръ, ихъ обсыпали пулями и трескомъ. Но нѣсколько человекъ упало, и лошади у непривычныхъ стражниковъ заматались, производя путаницу и нагоняя страхъ; и когда оглядѣлись, какъ слѣдуетъ, тѣ неслись по полю и, казалось, уже близки къ лѣсу.

— Гони!—отчаянно крикнулъ офицеръ на казачьемъ сѣдлѣ и выскакалъ впередъ, скача по гладкому пару, какъ въ манежѣ; за нимъ нестройной кучей гаркнули стражники—ихъ было немного, человекъ шесть-семь; и, заматавъ ихъ слѣдъ, затрусили солдаты своей на видъ неторопливой, но на дѣлѣ быстрой побѣжкой.

Лѣсъ былъ въ семидесяти шагахъ.

— Стой! Или!—крикнулъ Жегулевъ.

Черезъ голову убитой лошади рухнулъ офицеръ, а стражники закружились на своихъ коняхъ, словно танцую, и молодецки гикнули

въ сторону: открыли пачками стрѣльбу солдаты. „Умницы! молодцы, сами догадались!“ — восторженно, почти плача думалъ офицеръ, надъ которымъ летѣли пули, и не чувствовалъ какъ будто адской боли отъ сломанной ноги и ключицы или сама эта боль и была восторгомъ.

Колесниковъ, бѣжавшій на нѣсколько шаговъ позади Петруши, увидѣлъ и поразился тому, что Петруша вдругъ ускорилъ бѣгъ, какъ птица, и, какъ птица же, плавно, неслышно и удивительно ловко опустился на землю. Въ смутной догадкѣ замедлилъ бѣгъ Колесниковъ, пробѣжалъ мимо, пропустилъ мимо себя Жучка, торопливо отхватывавшаго короткими ногами и остановился: въ десяти шагахъ позади лежалъ Петруша, опершись на локоть, и смотрѣлъ на него.

„Живъ!“ — радостно сообразилъ Колесниковъ, но сообразилъ и другое и.... Съ лицомъ, настолько искаженнымъ, что его трудно было принять за человѣческое, не слыша пуль, чувствуя только тяжесть маузера, онъ убійцею подошелъ, подкрался, подбѣжалъ къ Петрушѣ — развѣ можно это какъ-нибудь назвать!

Не мигая, молча, словно ничего даже не выражая: ни боли, ни тоски, ни жалобы — смотрѣлъ на него Петруша и ждалъ. Одни только глаза на блѣдномъ лицѣ и ничего, кромѣ нихъ и маузера, во всемъ мѣрѣ. Колесниковъ поводитъ надъ землею стволомъ и крикнуть, не то громко подумалъ:

— Да закрой же глаза, Петруша! Не могу же я такъ!

Понялъ ли его Петруша или отъ усталости — дрогнули вѣки и опустились.

Колесниковъ выстрѣлилъ.

9. Фома Невѣрный.

...Это было еще до смерти Петруши.

Въ одинъ изъ вечеровъ, когда потренькивала балалайка, перебиваясь разговоръ и смѣхомъ, пришелъ изъ лѣсу Фома Невѣрный. Сперва услышали громкій, нелѣпый то ли человѣчій голосъ, то ли собачій отрывистый и осипшій лай: гау! гау! гау! — а потомъ сердитый и испуганный крикъ Федота:

— Куда лѣзешь, чертъ. Напугалъ, чертъ косопалый, чтобъ тебѣ ни дна, ни покрывки!

И въ свѣтъ костра, по-медвѣжьи кося ногами, вступилъ огромный, старый мужикъ, безъ шапки, въ одномъ рваномъ армякѣ на голое тѣло и босой. Развороченной соломой торчали въ стороны и волосы

на огромной головѣ и борода, и все казалось, что тамъ дѣйствительно застряла съ ночевки солома—да такъ оно, кажется, и было. И весь онъ былъ взъерошенный, встопыренный, и пальцы торчали врозь, и руки лѣзли, какъ сучья—трудно было представить, какъ такой человекъ можетъ лежать плоско на землѣ и спать. Сумасшедшимъ показался онъ съ перваго взгляда.

— И впрямь чертъ!—сказалъ Иванъ Гнѣдыхъ и пододвинулся къ матросу.

Мужикъ заговорилъ, и опять стало похоже на собачье гау! гау!—неясно, какъ обрубленные, вылетали громкія слова изъ-подъ встопыренныхъ усовъ и съ трудомъ двигались толстыя губы, дергаясь вкривь и вкось.

— Гдѣ атаманъ? Атаманъ тау, атамана тау мнѣ надо, Жегулева, Жегулева тау!

Ему показали на Сашу. Всѣми ершами своими онъ повернулся на Сашу и нѣсколько разъ фукнулъ:

— Фу, фу, фу! Ты атаманъ? Фу—ну Рассея-матушка, плохи дѣла твои, коли мальчишекъ, тау, тау, спосылаешь! Гляди!

И всѣми ершами своими повалился на колѣни и стукнулъ лбомъ; быстро всталъ.

— Чего тебѣ надо?—спросилъ Жегулевъ.

— Я Фома Невѣрный. Слушай тау, тау! Бога нѣтъ, не надо, душа клѣточка. Вотъ тебѣ мой сказъ!

И быстро оглянувшись кругомъ, ница одобренія, и Еремѣй строго и одобрительно подтвердилъ:

— Вѣрно, Фома, садись, гость будешь.

Какъ-то подвернувъ ноги, Фома быстро сѣлъ на земь и неподвижно уставился на Сашу; но какъ бы ни тихо сидѣлъ онъ, что-то изъ него беспокойно лѣзло въ стороны, отгоняло близко сидящихъ— глаза, что ли!

— Такъ чего же тебѣ надо, Фома?

— Я барыню зарѣзалъ.

— Какую барыню?—за что?

— Не знаю, тау, тау!

Мужики закивали головами, нѣкоторые засмѣялись: усмѣхнулся и Фома. Послышались голоса:

— Чудакъ человекъ, да за что-нибудь же надо! Курицу, и ту, а ты барыню.

— Она, эта барыня, что-нибудь тебѣ сдѣлала? обидѣла?

— Нѣ. Какая обида, я ее до толь и не видалъ. А такъ и зарѣзалъ,

жизню свою, тау, тау, оправдать хотѣлъ. Жизнь, тау, тау, оправдать. Съ мальченкомъ.

Замолкъ нелѣпо; молчали и всѣ. Словно самъ воздухъ потяжелѣлъ и ночь потемнѣла; нехотя поднялся Петруша и подбросилъ сучьевъ въ огонь—затрещалъ сухой хворостъ. полѣзъ въ клѣточки огонь и на верхушкѣ сквозной и легкой кучи заболтался дымно-красный, острый язычекъ. Вдругъ вспыхнуло, точно вздрогнуло, и засвѣтился листъ на деревьяхъ, и стали лица безъ морщинъ и тѣней, и во всѣхъ глазахъ заблестѣло широко, какъ въ стеклѣ. Фома гавкнулъ и сказалъ:

— Поишь дали бы, братцы. Ишь хочца.

Жарко стало у костра, и Саша полулежъ въ сторонкѣ. Опять затренькала балалайка и поплылъ тихій говоръ и смѣхъ. Дали поѣсть Фомѣ: съ трудомъ сходясь и подчиняясь надобности, мяли и крошили хлѣбъ въ воду узловатые пальцы и ложка ходила неровно, но лицо стало, какъ у всѣхъ—ѣсть себѣ человекъ и слушаетъ разговоръ. Кто поближе, заглядѣлись на босыя и огромныя, изрубцованныя ступни, и Фома Невѣрный сказалъ:

— Много жожу, тау, тау. Намеднись на склянку напоролся.

Евстигнѣй подтвердилъ:

— Это бываетъ. Работали мы мальчишкой на стеклянномъ заводѣ, такъ по битому стеклу босой ходилъ. Какъ мастеру форма не понравится, такъ хрясь объ полъ, а полъ чугунный. Сперва рѣзались, а потомъ и рѣзаться перестало, крѣпче твоего сапога.

Петруша затренькалъ балалайкой, лѣниво болтая пальцами.

— Спои, Петруша.

— Нѣтъ, не хочется мнѣ пѣть.

— Такъ сыграй, чего форсишь. А Фома попляшетъ!

Мужики засмѣялись и самъ Фома охотно хмыкнулъ—словно подавился костью и выкашливаетъ. Иванъ Гнѣдыхъ оживился, сморщился смѣшливо и началъ:

— Нѣтъ, погоди, что я на базарѣ-то слыхалъ! Будто раскапывали это кладбище, что подъ горой, такъ что-жъ ты думаешь?—всѣ покойники окарачь стоятъ, на четверенькахъ, какъ медвѣди. И какіе барины, такъ тѣ въ мундирахъ, а какіе мужики и мѣщане, такъ тѣ совсѣмъ голые, въ чемъ мать родила, такъ голой задницей въ небо и уставились. Ей Богу, правда, провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ. Смѣхота!

Нѣкоторые засмѣялись, Еремѣй сказалъ:

— Врешь ты!—и откуда въ городѣ мужики?

...„Интересно бы узнать, что теперь о насъ въ городѣ рассказываютъ?“—подумалъ тогда Колесниковъ, привычно, въ полслуха, ловя

отрывки рѣчей. И вдругъ, какъ далекая сказка, фантастическій вымысль, представился ему городъ, фонари, улицы съ двумя рядами домовъ, газета; какъ странно спать, когда надъ головою крыша и не слышно ни вѣтра, ни дождя! И еще страннѣе и невѣроятнѣе, что и онъ когда-то такъ же спалъ. Взглянулъ Колесниковъ въ ту сторону, гдѣ красными черточками и пятнами намѣчался Погодинъ и съ тоскою представилъ себѣ его: лицо, фигуру, легкую и быструю поступь. Вчера замѣтилъ онъ, что шея у Саши грязная.

„Эхъ, того-этого!...—подумать со вздохомъ Колесниковъ и свирѣпо скосилъ глазъ на трепкавшаго Петрупу:—еще запоетъ младенецъ! Что-то зашевелилось, и всей своей дикой громадой встопорчился надъ сидящими Фома Невѣрный: тоже сокровище!

Шагнулъ черезъ чьи-то ноги и озирается; какъ сучья лѣзутъ руки и въ волосахъ стоитъ солома... или это сами волосы такъ стоятъ? Гавкаетъ.

— Да куда ты?—спрашиваетъ кто-то тревожно. Мамонъ набилъ, теперь спать ложись.

— Онъ постели ищетъ. Фома, постели ищешь?

— Вся тебѣ земля постеля, куда прешь? Взвозился, чертъ незаманный!

— А къ атаману тау, тау! Къ атаману. Къ Жегулеву, Александру Иванычу, Жегулеву!

„Завтра же его прогоню, надо Андрею Иванычу сказать“,—рѣшилъ Колесниковъ и видитъ, что Сапа уже всталъ и Фома закрываетъ и будто тѣснить его своей фигурой. Тревожно шагнулъ ближе Колесниковъ.

— Еще чего? — спрашиваетъ Жегулевъ. — Спать иди, завтра скажешь.

Фома затурчалъ:

— Поѣлъ я, а за хлѣбъ-соль не благодарю. Ничей онъ. Слыхалъ мой сказъ?

И оглянувшись кругомъ, ница одобренія, но всѣ молчали. Сапа отвѣтилъ:

— Слыхалъ.

— А теперь гляди!—съ эгими словами Фома быстро опустился на колѣни и стукнулъ землю лбомъ. Такъ же быстро всталъ и ждетъ.

— За что ты мнѣ кланяешься, Фома?

Фома отвѣтилъ:

— Я всѣмъ убивцамъ въ землю кланяюсь, тау, тау. Хожу по Рассеѣ и ищу убивца, какъ увижу, такъ и поклонюсь. Прими мой поклонъ и ты, Александръ Иванычъ.

И ушелъ, какъ пришелъ, только его и видѣли, только его и знали. Дернулъ ершами, захрустѣлъ сучьями въ лѣсу, какъ медвѣдь, и пропалъ.

— Экая образина, чертъ его подери!—какую комедію развелъ, комедіантъ, — прогудѣлъ Колесниковъ и неправдиво засмѣялся.— Сумасшедшій, такихъ на цѣпь сажать надо.

Но никто не откликнулся на смѣхъ и на слова никто не отвѣтитъ. И что-то фальшивое вдругъ пробѣжало по лицамъ и скосило глаза: почуялъ духъ предательства Колесниковъ и похолодалъ отъ страха и гнѣва. „Шлѣнилъ комедіантъ!“—подумалъ онъ и свирѣпо топнулъ ногой:

— Ты что молчишь, Еремѣй: тебѣ говорю или нѣтъ, подлець!

Еремѣй, по-прежнему кося глаза, нехотя отозвался:

— Ну и сумасшедшій!—чего орешь?

Услужливые голоса подхватили:

— Сумасшедшій и есть! На емъ и халать-то больничный, ей Богу!

— Дать бы ему хорошаго леща... Тоже, хлѣбца просить, а благодарить не хочетъ, хлѣбъ, говорить, ничей.

— Поди-ка, сунься къ нему, онъ тебѣ такого леща дастъ! Чертъ немазанный! И голова же у его, братцы; не голова, а ометъ. Смѣхота!

— То-то ты и посмѣялся!

Андрей Иванычъ крикнулъ:

— Смирно! Тутъ вамъ не кабакъ.

Примолкли, посмѣиваясь и подмигивая Андрею Иванычу: ну-ка еще, матрость, гаркни, гаркни! Но чей-то голосъ явственно отчеканилъ:

— Какой кабакъ! Храмъ запрестольный! Всѣхъ разбойниковъ соборъ!

Неласково засмѣялись. И опять забалакала балалайка въ лѣнивыхъ рукахъ Петруши, и зѣвалъ Еремѣй, истово крестя ротъ. Притаптывали костеръ, чтобы не надѣлать во снѣ пожара, и не торопясь укладывались на покой.

Кто приходилъ и кто ушелъ? — Кто поклонился земно Сашкѣ Жегулеву? Ушелъ Фома Невѣрный, и тишиной лѣсною уже покрылся его слѣдъ.

На слѣдующій день послѣ смерти Петруши въ становищѣ про-
снулись поздно, за полдень. Было тихо и уныло, и день выпалъ
такой же: жаркій, даже душный, но облачный и томительно непо-
движный—слѣпилъ разсѣянный свѣтъ, и даже въ лѣсу больно было
смотреть на бѣлое, сквозь сучья сплошь свѣтящееся небо.

Благополучно верпувшійся Васька Соловей игралъ подѣ березой
съ Митрофаномъ и Егоркой въ три листика. Карты были старыя,
распухшія, мѣченныя и насквозь извѣстныя всѣмъ игрокамъ—поэтому
каждый изъ игроковъ накрывалъ сдачу ладонью, а потомъ прибли-
жалъ къ самому носу и, раздёрнувъ немного, по глазку догадывался
о значеніи карты и вдумывался.

— Прощель.

— Двугривенный съ нашей.

— Съ нашей то-жъ. Не форси!

— Полтинникъ подѣ тебя; видалъ?

— А это видалъ: замирить, да подѣ тебя... двугривенный?

— Ходи!

Колесниковъ, помаявшись часъ или два и даже посидѣвъ возлѣ
игроковъ, подошелъ къ Жегулеву и глухо, вдругъ словно опустив-
шимся басомъ, попросилъ:

— Можно мнѣ, Саша, уйти съ Андреемъ Ивановичемъ? Нехорошо
мнѣ, того-этого, мутить.

— Конечно! Куда хочешь пойти?.. осторожно только, Василій.

— Да пойду на то мѣсто, ну на наше—онъ понизилъ голосъ,
покосившись на игроковъ.—Землянку копать будемъ. Тревожно что-
то становится...

— Вчерашнее?

— Не столько оно, сколько, того-этого, вообще недовѣріе,—онъ
понизилъ голосъ:—помнишь этого сумашедшаго, какъ онъ покло-
нился тебѣ? Пустяки, конечно, но мнѣ Еремѣй тогда, того-этого, не
понравился.

— Пустяки, Василій. Когда вернешься?

— Да завтра къ искудню. Будь остороженъ, Саша, не довѣрай.
За красавцемъ нашимъ, того-этого, поглядывай. Да... что-то еще хотѣлъ
тебѣ сказать, ну да ладно! Помнишь, я лѣса-то боялся, что ассими-
лируюсь и прочее?—такъ у волка-то зубы оказались вставные. Смѣхота!

Еще въ ту пору, когда безуспѣшно боролись съ Гнѣдыми за
дисциплину — матросъ и Колесниковъ настояли на томъ, чтобы въ

глуши лѣса, за Желтухинскимъ болотомъ, соорудить для себя убѣжище и дорогу къ нему скрыть даже отъ ближайшихъ. Мѣсто тогда же было найдено, и о немъ говорилъ теперь Колесниковъ.

Ушли и стало еще тише. Еремѣй еще не приходилъ, Жучекъ подсѣлъ къ играющимъ, и Саша попробовалъ заснуть. И сразу уснулъ, едва коснувшись подстилки, но уже черезъ полчаса явилось во снѣ какое-то беспокойство, а за нимъ и пробужденіе — такъ и все время было: засыпалъ сразу, какъ убитый, но не надолго. И проснувшись теперь и не мѣняя той позы, въ которой спалъ, Жегулевъ началъ думать о своей жизни.

Уже много разъ со вчерашней ночи онъ вспоминалъ свое лицо, какимъ увидѣлъ его въ помѣщицьемъ домѣ въ зеркалѣ: здѣсь у нихъ не было осколочка, и это оказалось лишеніемъ даже для Колесникова, полусхута утверждавшаго, что вмѣстѣ съ электричествомъ онъ введетъ въ деревнѣ и зеркала „для самоанализа“. Зеркало у Уваровыхъ было большое, и сразу увидѣлъ себя Саша во весь ростъ: отъ высокихъ сапогъ, перетянутыхъ подъ колѣномъ ремнемъ, до блѣднаго лица и старой гимназической, лѣтней безъ герба фуражки; и сразу понравилась эта полужнакомая фигура своей мужественностью. Лица онъ тогда не разсматривалъ, но твердо до случая запомнилъ, и теперь, вызвавъ изъ памяти, внимательно и серьезно оцѣнилъ каждую черту и свелъ ихъ къ цѣлому — блѣдность и мука, холодная твердость камня, суровая отрѣшенность не только отъ прежняго, но и отъ самого себя. „Хорошее лицо, такое, какъ надо“, — рѣшилъ Жегулевъ и равнодушно перешелъ къ другимъ образамъ своей жизни: къ Колесникову, убитому Петрушѣ, къ матери, къ тѣмъ, кого самъ убилъ.

Такъ же холодно и серьезно, какъ и свое лицо, разсмотрѣлъ убитаго телеграфистика, вчерашняго Поликарпа, отвратительную, истекающую кровью сальную тушу, и солдата безъ лица, въ котораго вчера билъ съ прицѣла, желая убить. Солдатъ свалился, навѣрное убитый. Безстрастно вставляли образы, какъ на экранѣ, и вся теперешняя жизнь прошла вплоть до Петрушиной осиротѣвшей балабачки, по странно! — не вызвали они ни боли, ни страданія, ни даже особаго, казалось, интереса: плыветъ и мѣняется безшумно, какъ передъ пустымъ заломъ, въ которомъ нѣтъ ни одного зрителя. Даже мать, о которой онъ думалъ долго, соображая, что она дѣлаетъ теперь, даже Женя Эгмонтъ, даже покойный отецъ: видится ясно, но не волнуетъ и не открываетъ своего истиннаго смысла. А попробуетъ размыслить и доискаться ускользающаго смысла, — ничего не выходитъ: мысли коротки и тупы, ложатся плоско, какъ ножъ съ вертящимся черенкомъ. И прошлое хоть вспоминается, а будущее темно.

неотзывчиво, совѣмъ не мыслится и не гадается—даже не интересуется.

— Окаменѣлъ я! — равнодушно заключаетъ Саша и, рѣшивъ шелохнуться, съ удовольствіемъ закуриваетъ папиросу. И съ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что руки у него особенно тверды, не дрожатъ ни мало, и что вкусъ табачнаго дыма четокъ и ясенъ, и что при каждомъ движеніи ощущается тяжелая сила. Тупая и покорная, тяжелая сила, при которой словно совѣмъ не нужны мысли. И то, что вчера онъ ощутилъ такой свирѣпый и беспощадный гнѣвъ, тоже есть страшная сила и нужно двигаться съ осторожностью: какъ бы не раздавить кого. Онъ—Сашка Жегулевъ.

Уже смеркается безъ заката—или былъ коротокъ сумрачный закатъ и невидимо догорѣлъ за лѣсомъ. Въ отверстіе двери заглядываетъ темная голова и осторожно покашливаетъ, по удалской линіи картуза—Васька Соловей.

— Что надо, Соловьевъ?—спросилъ Саша.

— Не спите, Александръ Ивановичъ? Поговорить бы надо, дѣло есть.

— Погоди, сейчасъ выйду. Еремѣй не приходилъ?

— Нѣтъ, да и не придетъ онъ нынче. Я тутъ погожу.

Жегулевъ вышелъ и, глядя на темнѣющее небо, потянулся до хруста въ костяхъ. Недалеко куковала кукушка; скоро совѣмъ стемнѣетъ, не видно станетъ непріятнаго неба и наступитъ прекрасная ночь.

— Пойдемъ пройтись, Соловьевъ, дорогой расскажешь.

— Да мнѣ всего два слова, позвольте здѣсь,—уклонится Соловьевъ и, показалось, бросилъ взглядъ въ ту сторону, гдѣ сидѣли подъ деревомъ его двое и маленькій Кузька Жучекъ. Поглядѣлъ въ ту же сторону и Жегулевъ и почему-то вспомнилъ слова Колесникова объ осторожности. Не поправился ему и слишкомъ лстивый голосъ Соловья.

— Говори.—сухо приказалъ онъ, спиной прислонившись къ дереву и плохо въ сумеркахъ различая лицо. Соловьевъ раза два перешагнулъ на мѣстѣ и, точно выбравъ пакионецъ ногу, оперся на нее и заложилъ руку за спину, на сборы поддевки.

— Да я все объ томъ. Александръ Ивановичъ, что надо бы вамъ отчитаться.

Жегулевъ не понялъ и удивился:

— Какъ отчитаться?—первый разъ слышу.

— Первый-то оно первый,—сказалъ Соловей и вдругъ усмѣхнулся оскорбитительно и дерзко:—все думали, что сами догадаетесь. А

выпче, вижу, опять Василь Василичъ съ матросомъ ушелъ деньги прятать, непріятно это, шайкѣ обидно.

Жегулевъ молчалъ.

— Деньги-то кровныя! Конечно, что и говорить, за вами онѣ не пропадутъ, какъ въ банкѣ, а все-таки пора бы... Кому и нужда, а кто... и погулять хочетъ. Вотъ вы вчера Поликарпа ни много, ни мало, какъ на тотъ свѣтъ отправили, а за что? Монастырь какой-то завели... не понимай я вашей хитрости, давно-бъ ушелъ, человѣкъ я вольный и способный.

— Хитрости?

— Можно и другое слово, это какъ вамъ понравится.

— Подлости?

— Почему же подлости? Я, Александръ Ивановичъ, такихъ словъ не признаю: вы человѣкъ умный, да и мы не безъ ума. Мы ужъ и то посмѣиваемся на мужиковъ, какъ вы ихъ обошли, ну да и то сказать—не всѣхъ же и мужиковъ! Такъ-то, Александръ Ивановичъ... отчитаться бы миромъ, а что касается дальнѣйшаго, такъ мы васъ не выдадимъ: монастырь, такъ монастырь! Потомъ отгуляемъ!

Соловьевъ засмѣялся и молодецкато переставилъ ногу и сплюнулъ: въ отвѣтъ онъ былъ увѣренъ. И вздрогнулъ, какъ подъ купомъ, когда Жегулевъ тихо сказалъ:

— Денегъ у меня нѣтъ.

— Нѣтъ?! А гдѣ же они?

— Раздалъ. Выбросилъ.

— Выбросилъ?

Соловей задохнулся отъ ярости и, сразу охрипши, обрываясь, забился въ бессознательныхъ выкрикахъ:

— Эй, Сашка, остерегись! Эй, Сашка, тебѣ говорю!

Жегулевъ зажалъ въ карманъ браунингъ и подумалъ, охваченный тѣмъ великимъ гнѣвомъ, который, не вмѣщаясь, ни въ крикъ, ни въ слова, кажется похожимъ на мертвое спокойствіе: „Нѣтъ, убить мало. Завтра придутъ наши, и я его повѣшу на этой березѣ, да, при всемъ народѣ. Только бы не ушелъ“.

— Потише, Соловьевъ. Будешь кричать, убью, а такъ, можетъ, и сговоримся.

— Кто кого!—кричалъ Соловей:—насъ трое, а ты одинъ! Сволочь!

Но крикнулъ еще разъ и смолкъ недовѣрчиво:

— Отчитывайся, жуликъ.

— Деньги у Василя.

— Врешь, подлецъ!

— Ей-Богу, я тебя пристрѣлю. Соловьевъ.

Было нѣсколько мгновеній молчанія, въ которомъ витала смерть. Соловьевъ вспомнилъ вчерашнія рожи мужиковъ на аршинныхъ шеяхъ и угрюмо, сдаваясь, проворчалъ:

— Убивать-то ты мастеръ; такого поискать.

— Папирску хочешь?

— Свои есть.

Помолчали.

— А ты когда догадался, что я хитрю?

— Да тогда же и догадался, когда увидѣлъ.—угрюмо и все еще недоувѣрчиво отвѣтилъ Соловьевъ:—сразу видно.

Саша засмѣялся, думая: „завтра повѣшу!“—и слукавилъ нѣсколько наивно, по-гимназически:

— Ну и врешь, Васька: мужики-то до сихъ поръ не догадались!

— Какіе не догадались, а какіе...

„Или сейчасъ убить?“

— А какіе?... И все ты, Васька, врешь. Жаденъ ты, Васька?

— А ты нѣтъ? Я въ Румынію уйду. Разбойничій вѣкъ коротокъ, самъ знаешь, до зимы дотяну, а тамъ и айда.

Самъ же думалъ: „хитритъ баринъ, ни копѣйки не отдастъ, своего дружка ждетъ. Эхъ плакали наши сиротскія денежки!“

— А совѣсть, Вася?—тихо засмѣялся Жегулевъ и даже Соловей неохотно ухмыльнулся.—Совѣсть-то какъ же?

— Ты баринъ, генеральскій сынъ, а и то у тебя совѣсти нѣтъ, а откуда-жъ у меня? Мнѣ совѣсть-то, можетъ, дороже, чѣмъ попу, а гдѣ ее взять, какая она изъ себя? Бывало, подумаю: эхъ, Васька, ну и безсовѣстный же ты человѣкъ! а потомъ погляжу на людей и даже смѣшно станеть, ротъ кривить. Всѣ сволочь, Сашка, и ты. и я. За что вчера ты Поликарпа убилъ?—бабей пожалѣлъ, а человѣка не пожалѣлъ? Эхъ, Сашенька, генеральскій ты сынокъ, былъ ты бѣлоручкой, а сталъ рѣзникомъ, мясникъ какъ есть. А все хитришь... сволочь!

— Ты опять?

Соловьевъ отошелъ на нѣсколько шаговъ и черезъ плечо угрожающе бросилъ:

— Завтра отчитываться... сволочь!

И презрительно подставляя спину, точно ничего не боясь, неторопливо пошелъ къ своимъ. Заговорили что-то, но за дальностью не слышно было и только разъ отчетливо прозвучало: сволочь! а потомъ

смѣхъ. Отдѣлился Кузька Жучекъ, подошелъ сюда и смущенно, не глядя Жегулеву въ глаза, спросилъ:

— Костерь-то надо или нѣтъ?

— Нѣтъ.

— А Соловей приказываетъ, что надо,—и все такъ же смущенно и не глядя, заскребъ руками по землѣ, собирая остатки хвороста:—я разожгу. Пусть погоритъ.

Въ той сторонѣ безтолково и нескладно, въ неумѣлыхъ рукахъ задребезжала балалайка. Жегулевъ спросилъ:

— Это что?

— Васька плясать хочетъ. Петрушина балалаечка. Ушелъ бы ты куда, Александръ Ивановичъ,—раньше онъ говорилъ „вы“,—у Митрофана двѣ бутылки съ водкой.

— Ты пилъ?

— Я непьющій. Обыскъ у тебя хочутъ сдѣлать, не вѣрютъ, что деньги у Василя.

— А ты вѣришь?

Жучекъ поднялъ на него свое маленькое покорное лицо и, вздохнувъ, отвѣтилъ:

— Мнѣ ваши деньги не нужны.

Уходя на свое мѣсто на крутогорѣ, Жегулевъ еще разъ услыхалъ смѣхъ и протяжный выкрикъ: сво-о-лочъ! А вскорѣ за сѣткою листьевъ и вѣтвей загорѣлся огненный, на разстояніи неподвижный глазъ, и вверху надъ деревьями всталъ дымный клубъ. Не ложились и безобразничали, орали пѣсни пьяными голосами.

Саша еще не зналъ, какой ужасъ брошенъ въ его душу и зрѣтъ тамъ, и думалъ, что онъ только оскорбленъ: только это и чувствовалось—другое и чувствоваться не могло, пока продолжались подъ бокомъ пьяный гомонъ, наглые выкрики, безобразныя пѣсни, притворныя въ своемъ разгулѣ, только и имѣющія цѣлю, что еще больше, еще вѣдчивѣе оскорбить его. „Только бы дожждаться утра и повѣситься!“—думалъ онъ гнѣвно, не имѣя силы не слышать; и съ одной этой мыслью, не отклоняясь, загораживая путь всему, что не эта мысль, проводилъ часъ за часомъ. Но не двигалась ночь, остановилась, темная, какъ и мысль. Интересно, что бы подумалъ и сказалъ отецъ-генералъ, если бы слышалъ, какъ его сыну нагло и безнаказанно кричали: сволочь! сволочь! „Ахъ, только бы дожждаться утра и повѣситься!“

Но не двигалась ночь, и одинъ былъ, не было воалѣ руки. Разъ запуршало въ кустахъ, и тихій, испуганный голосъ Жучка окликнулъ:

— Александръ Иванычъ! Александръ Иванычъ, гдѣ вы? Я ихъ боюсь.

Отвѣта не было, и, закрывъ на мгновеніе красный глазъ огня, Жучекъ ушелъ. И опять потянулась нескончаемая ночь; наконецъ-то замерезжилъ нерѣшительный, нескончаемо долгій разсвѣтъ. Костеръ едва дымился и стихли пѣсни: должно быть, ложатся спать. Но вдругъ парاخнуло въ вѣтвяхъ надъ головою и прозвучалъ выстрѣлъ—что это? Жегулевъ приложилъ холодное гладкое ложе къ щекѣ и тщетно искалъ живого и движущагося. Тихо и нѣмо, и въ тишинѣ, возвращаясь изъ мрака и небытія, медленно выявляются стволы деревьевъ, торчкомъ стоящая трава. Неужели ушли?

Почти бѣгомъ побѣжалъ къ потухшему костру: пусто. Зазвенѣли подъ сапогомъ склянки отъ разбитой бутылки; вездѣ кругомъ бѣлѣютъ снѣжно разорванныя, смятыя страницы съ мистерами и мистриссъ. Заглянулъ въ шалапъ: разворочено, разграблено—а на подстилкѣ, у самого изголовья, кто-то нагадилъ. Либо съ ними, либо отъ страху сбѣжалъ Жучекъ и гдѣ-нибудь прячется.

Одинъ.

И тутъ только, избавившись отъ плѣна единственной и чуждой мысли, Саша почувствовалъ ужасъ и понялъ впервые, что такое ужасъ. Закружился, какъ подстрѣленный, и громко забормоталъ:

— Воры! Что же это такое? Воры, воры, ушли... Га-а-ды!

И встало передъ глазами лицо вчерашней Глаши и ея полное отращенія, стонущее:

— Га-а-ды! Сашки Жегулевы!

Захотѣлось пить такъ, словно только въ этомъ былъ весь смыслъ и разгадка настоящаго. Но боченокъ опрокинуть, видимо нарочно, кувшинъ также разбить. Догадавшись, полѣзъ съ кручи къ еле бѣжавшему ручью и только внизу почувствовалъ неловкость въ пустыхъ рукахъ и вспомнилъ о маузерѣ—куда его бросилъ? Но когда папился и намочилъ лицо и волосы, сталъ соображать и долго смотрѣлъ на крутой, поросшій склонъ, по которому сейчасъ то ползъ онъ, то катился, ударяясь о стволы. Нашупалъ, не глядя, разорванную ткань на колѣнѣ, а подъ ней тихо ноющую ссадину. Что это за ручей—былъ онъ здѣсь когда-нибудь?

Еще много часовъ оставалось до прихода Колесникова, и за эти часы пережилъ Саша ужаснѣйшее—даже самое ужасное, сказалъ бы онъ, если бы не была такъ бездонно неисчерпаема кошница человеческого страданія. Все еще мальчикъ, несмотря на пролитую кровь и на свой грозный видъ и имя, узналъ онъ впервые то мучительнѣйшее горе благородной души, когда не понимается чистое и неспра-

ведливо подозрѣвается благородное. Справедлива совѣсть, укоряя: онъ пролилъ кровь невинныхъ; справедлива будетъ и смерть, когда придетъ: онъ самъ разбудилъ ее и вызвалъ изъ мрака; — но какъ же можно думать, что онъ, Саша, безкорыстѣйшій, страдающій, отдавшій все — хитритъ и прячетъ деньги и кого-то обманываетъ! Чего же тогда нельзя подуматъ про человѣка? -- и чего же стоитъ тогда человѣкъ,—и всѣ люди—и вся жизнь!— и вся правда—и его жертва!

Жить рядомъ и видѣть ежедневно лицо, глаза, жать руку и ласково улыбаться; слышать голосъ, слова, заглядывать въ самую душу— и вдругъ такъ просто сказать, что онъ лжетъ и обманываетъ кого-то! И это думать давно, съ самаго начала, все время—и говорить, „такъ точно“ и жать руку и ничѣмъ не обнаруживать своихъ подлыхъ подозрѣній. Но можетъ быть опъ и показывалъ видомъ, намеками, а Саша не замѣтилъ... что такое сказалъ вчера Колесниковъ объ Еремѣѣ, который ему не понравился?

О, ужасъ! Кто скажетъ, что всѣ они не думаютъ такъ же, но молчать и ждуть чего-то, а потомъ придутъ и скажутъ: воръ! Мать... а она знаетъ навѣрное? А Женя Эгмонтъ?..

На мгновеніе замираетъ мысль, дойдя до того страшнаго для себя предѣла, за которымъ она превращается въ голое и ненужное безуміе. И начинаетъ снизу, оживаетъ въ менѣе страшномъ и разъяряется постепенно и грозно— до новаго обрыва.

... А тѣ безчисленные, не имѣющіе лица, которые гдѣ-то тамъ шумятъ, разговариваютъ, судятъ и вѣчно подозрѣваютъ? И если ужъ тотъ, кто видѣлъ близко, можетъ такъ страшно заподозрить, то эти осудятъ безъ колебаній и, осудивъ, никогда не узнаютъ правды, и возмутъ отъ него только то гнусное, что придумаютъ сами, а чистое его, а благородное его... да есть ли оно, благородное и чистое? Можетъ быть и дѣйствительно — онъ воръ, обманщикъ, гадъ?

Останавливается мысль. Спокойно, какъ во снѣ, Саша закури-ваетъ папиросу и громко, разговорно, произноситъ:

— Сегодня опять будетъ облачно.

О томъ, что онъ произнесъ эту фразу, онъ никогда не узналъ. Но гдѣ же недавняя гордая и холодная каменность и сила? — ушла навсегда. Руки дрожать и ходятъ, какъ у больного; въ черные круги завалились глаза и бѣгаютъ тревожно, и губы улыбаются виновато и жалко. Хотѣлось бы спрятаться такъ, чтобы не нашли — гдѣ тутъ можно спрятаться? Вездѣ сквозь листья проникаетъ свѣтъ и какъ ночью нѣтъ свѣтлаго, такъ днемъ нѣтъ темнаго нигдѣ. Все свѣтится

и лѣзетъ въ глаза — и ужасно зелены листья. Если побѣжать, то и день побѣжить вмѣстѣ...

Ай! Кто-то идетъ.

Все ближе и ближе подходитъ странный Еремѣй. Почему-то улыбается и почему то говорить:

— Здравствуй, Александръ Ивановичъ.

И повторяетъ:

— Здравствуй, Александръ Ивановичъ.

Но уже замѣтилъ, повидимому, въ какомъ состояніи Саша, ~~хотя~~ и не совсѣмъ понимаетъ: остановился и смотритъ жалостливо, съ участіемъ... или и это кажется Сапѣ, а на самомъ дѣлѣ тоже думаетъ, что онъ воръ и попался? Саша улыбается, чиститъ испачканный бокъ и говоритъ, немного кривя губами:

— Ахъ, это ты Еремѣй. А я тутъ... бокъ испачкалъ. Показалось мнѣ...

— Сашенька!...

Это онъ сказалъ: Сашенька... кто же онъ, который вѣрить теперь—лучшій человекъ на землѣ или самъ Богъ? И такъ зелены листья, вернувшіеся къ свѣту, и такъ непонятно страшна жизнь, и негдѣ укрыться бѣдной головѣ!

Въ бреду Саша. Вскрикнувъ, онъ бросается къ Еремѣю, падаетъ на колѣни и прячетъ голову въ полахъ армяка: словно все дѣло въ томъ, чтобы спрятать ее какъ можно глубже; охватываетъ руками колѣна и все глубже зарываетъ въ темноту дрожащую голову, ворочаетъ ею, какъ тупымъ сверломъ. И въ густомъ запахѣ Еремѣя чувствуетъ осторожное къ волосамъ прикосновеніе руки и слышитъ слова:

— Сашенька, миленькій... Головушка ты кудрявенькая, душенька ты одиноченькая. Испужался, Сашенька?

Васька Соловьевъ, назвавшись Жегулевымъ, собралъ свою шайку и вплотную занялся грабежомъ, проявляя дикую и звѣрскую жестокость. Одновременно съ нимъ появился и другой, никому невѣдомый самозванецъ, плетшійся въ хвостѣ обѣихъ шаякъ и всѣхъ обивавшій со слѣда.

11. Елена Петровна.

Елену Петровну вызвалъ къ себѣ губернаторъ, назначивъ время вечеромъ въ непріемный часъ.

Задолго до назначеннаго времени послали за извозчикомъ—по-

близости отъ Погодинныхъ и биржи не было—и наняли его туда и обратно. Линочка помогла матери одѣться и со всѣхъ сторонъ оглядѣла черное шелковое, на-дняхъ сшитое платье, и обѣ остались довольны: платье было просто и строго. Вынули драгоцѣнности; на отвыкшихъ похудѣвшихъ пальцахъ покраснѣлись и засверкали камешки; густая брилліантовая брошь, тяжелая отъ камня, долго съ непривычки чувствовалась выпершими старческими ключицами сквозь тонкій шелкъ. На лѣвой сторонѣ груди Елена Петровна приколола, какъ жетонъ, маленькіе, давно не идущіе часики на короткой бантикомъ цѣпочкѣ и ужъ больше ничего не могла надѣть, такъ какъ все остальное годилось только для декольте и пышной молодой прически. Надѣвая же, о каждой вещицѣ рассказала Линочкѣ давно извѣстную исторію.

Готова Елена Петровна была за цѣлый часъ, но на извозчика сѣла съ такимъ расчетомъ, чтобы опоздать на десять минутъ; и эти добровольныя, искусственныя десять минутъ показались обѣимъ самыми долгими, губернаторъ же о нихъ даже и не догадался.

— А очки?—спохватилась Линочка уже въ передней и незамѣтно смахнула съ глазъ слезу.—А очки-то и забыла, старушечка!

Очки дѣйствительно забыла Елена Петровна, только недавно стала носить и еще не привыкла къ нимъ, постоянно теряла. Наконецъ, нашлись и очки, и уже поспѣшно сѣли обѣ, поправляясь на ходу: Линочка должна была ждать Елену Петровну на извозчикѣ. Смеркалось и было малолюдно; пока ѣхали по своей улицѣ и черезъ пустынный базаръ, сильно пылили колеса, а потомъ трескуче, попровинціальному, запрыгали по неровному камню мостовой. Мелькнулъ справа пролетъ на Банную гору и скрытую подъ горой рѣку, потомъ долго ѣхали по Московской улицѣ, и на троттуарахъ было оживленіе, шаркали ногами, мелькали бѣлыя женскія платья и лѣтнія фуражки: шли на музыку, въ городской садъ.

— Такъ смотри же, мамочка! — неопредѣленно попросила Лина, помогая матери слѣзть.—Я тебя жду.

Въ пустомъ кабинетѣ губернатора, куда прямо провели Елену Петровну, стояла уже ночь: были наглухо задернуты толстыя на окнахъ портьеры, и сразу даже не догадаться было, гдѣ окна; на столѣ горѣла единственная подъ мѣднымъ козырькомъ неяркая лампа. Глухо, какъ за стѣной, прогремѣть извозчикъ, и тихо. Но внутри, за дверью, шла жизнь: говорили многіе голоса, кто-то сдержанно смѣялся, тонко звякали стаканы — повидимому, только что кончался поздній, по-столичному, губернаторскій обѣдъ. Неторопясь, дрожащими руками Елена

Петровна открыла футляръ съ золотыми очками и осмотрѣла комнату, но ничего не увидѣла въ темнотѣ. Мебель и какія-то картины.

Внезапно распахнулась дверь, и быстрыми шагами вошелъ Телепневъ, губернаторъ. Елена Петровна медленно привстала, но онъ, пожимая тонкую руку, поспѣшно усадилъ ее.

— Прошу васъ, прошу васъ, Елена?..

— Елена Петровна.

Отъ Телепнева сильно пахло виномъ, толстая шея налъ тугимъ воротникомъ кителя краснѣла, какъ обваренная кипяткомъ, и лицо съ сѣдыми подстриженными усами было вздуто и апоплексически красно. На несвѣжемъ, зеленовато-желтомъ кителѣ присталъ пепелъ отъ сигары, и вообще что-то несвѣжее, равнодушное къ себѣ было во всемъ его генеральскомъ обликѣ. Говорилъ онъ громко и очень быстро, округляя губы и недоговоренныя слова замѣняя пожатіемъ плечъ подъ погонами или наивнымъ вздергиваніемъ бровей; легко съ виду становился свирѣпымъ, но не страшнымъ. Много кашлялъ и послѣ каждого припадка кашля мучительно краснѣлъ и въ глазахъ появлялось выраженіе испуга и беспомощности.

— Вамъ угодно было пригласить меня...

— Да, да! Бога ради, простите, Елена Петровна, что... Но мое положеніе хуже губернаторскаго!

Онъ засмѣялся, но не встрѣтилъ отвѣта и подумалъ: „какая икона, не люблю съ такими разговаривать!“ И внезапно разсвирѣпѣвъ, двигая погонами и бровями, торопливо заговорилъ:

— Я шучу, Елена Петровна, но... Только изъ уваженія къ памяти вашего супруга, моего дорогого и славнаго товарища, я иду, такъ сказать, на нарушеніе моего служебнаго долга. Да-съ!

И строго добавилъ, поднимая брови и толстый палецъ:

— Онъ былъ святой человѣкъ! Мы всѣ, его однокашники, чтимъ его память, какъ... Скажу безъ преувеличенія: доживи онъ до сегоднешняго дня—да-съ!—и онъ былъ бы министромъ и, смѣю думать, дѣла шли бы иначе! Но!..

Онъ развелъ руками и вздохнулъ:

— Честнѣйшій человѣкъ и жалъ, что... Вы мнѣ разрѣшите закурить, Елена Петровна?—только табакомъ и живу.

— Пожалуйста, вы у себя дома,—сухо отвѣтила Елена Петровна, а про себя подумала: „невѣжа“!

— Да-съ, нарушеніе долга, но что подѣлаешь? Ужасныя времена, ужасныя времена! Искренне страдаю, искренне боюсь, повѣрьте, нанести жестокой ударъ вашему материнскому сердцу... Но не прикажете ли воды, Елена Петровна?

Елена Петровна слабо отвѣтила:

— Благодарю васъ, не надо.

Телепневъ болѣзненно сморщился и, понизивъ голосъ, сказалъ:

— Искренне страдаю, но, Боже мой!.. Вамъ извѣстно, но нѣтъ, откуда же вамъ знать? Вамъ извѣстно, что этотъ... знаменитый — разбойникъ, о которомъ кричать газеты!—Сашка Жегулевъ!—при перечисленіи онъ съ каждымъ словомъ свирѣпѣлъ и говорилъ все громче: Сашка Жегулевъ есть не кто иной, какъ сынъ вашъ, Александръ?

До этой минуты Елена Петровна только догадывалась, но не позволяла себѣ ни думать дальше, ни утверждать; до этой минуты она все еще оставалась Еленой Петровной, по-прежнему представляла міръ и по-прежнему, когда становилось слишкомъ ужъ тяжело и страшно, молилась Богу и просила его простить Сашу. До этой минуты ей казалось, и это было чуть ли не самое мучительное, что она умереть отъ стыда и горя, если ея страшныя подозрѣнія подтвердятся и кто-нибудь громко скажетъ: твой сынъ Саша — разбойникъ. А съ этой минуты — весь міръ перевернулся, какъ дѣтскій мячъ, и все стало другое, и все понялось по-другому, и разумъ сталъ иной, и совѣсть сдѣлалась другая; и неслышно ушла изъ жизни Елена Петровна и осталась на мѣстѣ ея — вѣчная мать. Что это за сила, что въ одно мгновеніе можетъ сдвинуть міръ? — но онъ сдвинулся, и произошло это такъ неслышно, что не услышали ничего ни Телепневъ, ни сама Елена Петровна. Просто: на мигъ что-то упало и потемнѣло въ глазахъ, а потомъ стало совершенно такъ же, какъ всегда, и была только тихая радость, что Сашенька живъ. И еще, вскользь, опредѣлилась и мелькнула мысль, что надо будетъ сегодня, когда вернется домой, помолиться сыну Сашенькѣ.

Губернаторъ, чтобы дать оправиться, нагнулся и съ притворнымъ гнѣвомъ фыркалъ надъ какими-то бумагами, но все больнѣе становилось молчаніе.

— Вы молчите, Елена Петровна?

Она шевельнулась въ полумракѣ, хрустнувъ шелкомъ, мысленно пригладила волосы и съ достоинствомъ отвѣтила:

— Благодарю васъ, генералъ, за любезность.

„Какая любезность?“—съ недоумѣніемъ подумалъ Телепневъ, но все же обрадовался, что миновало и такъ благополучно. Но вѣдь еще не все! И снова бурно застрадалъ:

— Ужасныя времена, что дѣлается! Но, дорогая Елена Петровна, это еще не все, что я имѣю доложить, и только въ память дорогого Николая Евгеньевича... Вашъ Саша, насколько мнѣ извѣстно, хороший мальчикъ и...

— Да, Сашенька хороший мальчикъ. Я васъ слушаю, генераль.

— Хорошій мальчикъ!—повторилъ Телепневъ и въ ужасъ под-
нялъ обѣ руки: нѣтъ, подумать только, подумать только! Хорошій
мальчикъ и вдругъ разбой, гр-р-рабительство, неповинная кровь! Ну
пойди тамъ съ бомбой или этимъ... браунингомъ, ну это дѣлается, и
какъ ни мерзко, но!... Ничего не понимаю, ничего не понимаю, ува-
жаемая, стою, какъ послѣдній дуракъ, и...

Уже не думая о посѣтительницѣ, болѣя своей болью, онъ отбро-
силъ кресло и заходилъ по комнатѣ, кричалъ и жаловался, какъ съ
женою въ спальнѣ, и было страшно за его красное вздутое лицо:

— Говорятъ: зачѣмъ вѣшаешь, зачѣмъ вѣшаешь? Эта дура ба-
рабанная, болонка африканская тоже: у тебя, Пьеръ, руки въ крови,
а? Виновать... здѣсь интимное, но!... Да у меня, милостивые государи
и всякіе господа, голова посѣдѣла за восемь мѣсяцевъ, только и ду-
маю, чтобы сдохнуть, одна надежда на кондрашку! Да у меня, мило-
стивые государи, у самого дѣти...

Онъ остановился и кулакомъ гулко ударилъ себя въ грудь:

— Дѣти! А что будетъ съ ними завтра, я знаю? Нѣтъ: я знаю,
что будетъ съ ними завтра?

Елена Петровна что-то вспомнила изъ далекаго прошлаго и не-
увѣренно спросила:

— Кажется Петя?—думая: „ровесникъ моему Сашенькѣ“.

Телепневъ свирѣпо отвѣтилъ:

— Да-съ, Петя! Именно Петя! Каждый день просыпаюсь и жду,
что... Вчера приходитъ этотъ адвокатъ, плачетъ, старая каналья—ви-
новать!—похлопочите, Петръ Семеновичъ, у васъ связи, завтра моего,
ну, какъ его... Сашу, Петю, вѣшаютъ! Вѣ-ѣ-шаютъ? Ну и пусть вѣша-
ютъ. Пусть, пусть, пусть!

Что-то еще хотѣлъ крикнуть, но обиженно замолчалъ. Вынулъ
одну папиросу—сломалъ, и бросилъ въ уголъ, вынулъ вторую и съ
яростью затянулся, не рассчитавъ кашля: кашлялъ долго и страш-
но и, когда сълъ на свое кресло у стола, лицо его было сине и
красные глаза смотрѣли съ испугомъ и тоской. Проговорилъ:

— Да-съ!

Помолчали.

— Такъ вотъ, Елена Петровна,—заговорилъ Телепневъ устало и
тихо,—дѣло въ слѣдующемъ. Этотъ вашъ хорошій мальчикъ... вѣдь
онъ хорошій мальчикъ!—навѣрное захочетъ повидать васъ, да, да,
конечно, какъ-нибудь воровски, ну тамъ черезъ заборъ или въ окно...
Такъ вотъ, Елена Петровна, —онъ многозначительно понизилъ голосъ:—

за вашей квартирой установлено наблюдение, и его схватят. Убь-жайте.

Елена Петровна тяжело дышала, хватаясь за грудь, гдѣ приколоты были часики. Покачивалась взадъ и впередъ, и тугой шелкъ поскрипывалъ.

— Елена Петровна!...

— Се... Сейчасъ.

Дыханіе стало не такъ шумно.

— Конечно, надо бы предупредить, но... Надѣюсь, впрочемъ, вы не имѣете сношеній съ преступникомъ, негодяемъ, иначе!...

— Сейчасъ.

— Убьжайте, Елена Петровна, совсѣмъ изъ города, совсѣмъ.

— Нѣтъ, я не убѣду.

— Что-съ? Впрочемъ, воля ваша. Не смѣю настаивать... но подумайте же, сударыня, подумайте! Или вы хотите?...

— Я перемѣню квартиру. Онъ не узнаетъ. Сашенька, придешь ты, а мать-то твоя убѣжала, убѣжала мать, мать-то.

Откровенно, по-старушечьи, она подставила глазамъ губернатора свое искаженное слезами лицо и, смотря на него, какъ на Сашеньку, повторяла, покачивала головой:

— А мать-то убѣжала... убѣжала.

Телепневъ оперся головой на руки, оставивъ на виду только морщинистый, бритый, дрожащій подбородокъ, и молчалъ. Глухо, какъ за стѣной, прогромыхалъ извозчикъ. Тишина стояла въ губернаторскомъ домѣ, было много ненужныхъ компатъ, и всѣ молчали, какъ и эта.

Елена Петровна вытерла подъ очками глаза, потомъ сняла очки и положила въ футляръ, вздыхая. Опустила футляръ въ сумочку и встала. Всталъ и Телепневъ и приготовился къ поклону. Но къ удивленію его Елена Петровна посмотрѣла на него задумчиво и съ достоинствомъ, сухо и гордо, какъ генеральша, спросила:

— Я очень вамъ благодарна, Петръ Семеновичъ... но не отвѣтите ли вы мнѣ на мой женскій вопросъ: по какой вашей морали допустимо, чтобы подстерегали мальчика, идущаго на свиданіе къ матери?

Телепневъ угрюмо и нетерпѣливо повелъ погонами:

— Оставимъ это, Елена Петровна. Вашъ вопросъ, извините, дѣйствительно женскій.

— Да?—не спору. Но по какой вашей мужской морали сынъ, идущій къ матери, долженъ быть схваченъ? Не должны ли вы всѣ склониться и закрыть глаза, пока онъ проходитъ? А потомъ ужъ и хватайте, тамъ, гдѣ-нибудь, гдѣ хотите, я этого не знаю.

— Онъ не сынъ, а... преступникъ, злодѣй! Убійца!

— Вы думаете? Но, когда онъ идетъ къ матери, онъ только сынъ. Сынъ не можетъ быть убійца, опомнитесь, генералъ!

Телепневъ сердито притворился смѣющимся:

— Съ этакой логикой, сударыня... Всѣ негодяи отъ кого-нибудь да родились же!...

— Отъ отцовъ.

— Тогда чертъ—виноваты!—возьми отцовъ. Но позвольте!—это чепуха, вы сами виноваты, разъ не даете дѣтямъ вашимъ воспитанія.

— Нѣтъ, это вы виноваты. Зачѣмъ заставляете насъ рожать?—чтобы потомъ ихъ вѣшать?

— Чепуха!—Бабья логика!

Они бранились, какъ старики, и никто бы не подумалъ, войдя со стороны, что онъ губернаторъ, а она просительница, мать разбойника Сашки Жегулева. Телепневъ, краснѣя, кричалъ:

— Честныхъ людей мы не вѣшаемъ, а разбойниковъ будемъ вѣшать всегда, самъ Богъ установилъ страшный судъ! Страшный судъ—подумайте-ка, это вамъ не наша скорострѣлка, да-съ!

Елена Петровна вдругъ совсѣмъ тихо, почти шопотомъ сказала:

— Это неправда: страшнаго суда нѣтъ.

Теперь ужъ не притворно, но еще сѣрдитѣе засмѣялся губернаторъ:

— Такъ-съ, теперь и страшный судъ не надо! Для Сашеньки съ Петенькой, можетъ быть, и Бога не надо? Нѣтъ-съ, вашъ Сашенька звѣрь и больше ничего! Вы читали, нѣтъ, вы читали, что этотъ самый Сашка Жегулевъ на-дняхъ помѣщика пыталъ, на огнѣ, подлецъ, жегъ подошвы, допытывался денегъ. Это какъ вы назовете?

Елена Петровна сѣла.

— А стрѣлочника съ дѣтьми кто зарѣзалъ? Я или вы? А... да что! Впрочемъ... вамъ не дать воды? Ну не надо воды... эхъ, Николай Евгеньичъ, Николай Евгеньичъ, хорошо, другъ, что не дожилъ ты до!.. Хорошій мальчикъ... Нѣтъ, ничего не понимаю, хоть самого повѣсьте.

Елена Петровна встала и спокойно промолвила:

— Это не Саша сдѣлалъ.

— Не спорю!

— А если Саша, то значить такъ надо и это хорошо.

— Что-съ?!

Шагнувъ даже впередъ и—вдругъ ему стало страшно. И даже не мыслями страшно, а почти физически, словно отъ опасности. Вдругъ услышалъ мертвую тишину дома, ощутилъ холодной спиной темноту притаившихся угловъ; и мелькнула нелѣпая и отъ нелѣпости своей еще болѣе страшная догадка: „сейчасъ она выстрѣлитъ!“ Но она

стояла спокойно, и проѣхалъ извозчикъ, и стало совѣстно за свой недѣльный страхъ. Все-таки вздрогнулъ, когда Елена Петровна сказала:

— До свиданія. Будьте добры, генералъ, проводите меня, я ~~не~~ **знаю** дороги.

— Виноватъ! къ вашимъ услугамъ.

У первой ступеньки на каменную лѣстницу, краснѣвшую своей суконной дорожкой, онъ простился съ Еленой Петровной и на мгновенье, пожимая холодную, прозрачную старую руку, задумался въ нерѣшимости: не поцѣловать ли? Но мысленно махнулъ рукой и въ отчаяніи подумалъ: „все равно! Эхъ, кондрашка бы поскорѣ!“

Линочка издали увидѣла—ближе не позволила извозчику остановиться—какъ вышла изъ стеклянной двери мать, поддерживаемая почтительно швейцаромъ, и долго копалась въ сумочкѣ, чтобы дать на чай. И когда сѣла наконецъ мать и тронулся извозчикъ, Линочка взглянула на нее и, громко плача, спросила:

— Мамочка, ну что?

12. Пустые дни.

Въ іюлѣ для Сашки Жегулева и его лѣсныхъ братьевъ наступилъ неожиданный роздыхъ.

Отяжелѣлъ хлѣбный колосъ—и земля, горько проклиная за безплодіе, ненавидимая за тѣсноту, вѣчно обманывающая земля властно потянула къ себѣ: и ушла въ трудъ, разсыялась по полямъ трудолюбиво взволнованная рать Гнѣдыхъ, добровольныхъ Жегулева приспѣшниковъ. Прекратились поджоги и разгромы усадебъ; выползъ съ жатвенной машиной осмѣлѣвшій помѣщикъ, приказчикъ ошипимъ отъ молчанія голосомъ закричалъ на бабъ—наступило перемирие. Васька Соловей со своими злодѣями ушелъ въ дальній, сплошь лѣсной уѣздъ и тамъ промыслилъ около желѣзной дороги и почты, собираясь, по слухамъ, перекинуться на рѣку—по старому доброму разбойничьему обычаю. Изъ пребыванія своего у Жегулева онъ вынесъ опытъ, что безъ мужика долго не проживешь, а пожалуй, и страхъ передъ мужикомъ, и для добраго имени совершилъ нѣсколько нехитрыхъ фокусовъ: въ одномъ дружественномъ селѣ, на праздникъ, притворяясь пьянымъ, съ разными чувствительными словами, щеголяя, выбросилъ толстый бумажникъ на драку; и по примѣру воткинскаго Андрона добылъ-таки волостного старшину и среди бѣла дня, подъ хохотъ мужиковъ, выдралъ его розгами. Это, дѣйствительно, дало ему доброе имя. А такъ какъ жилъ онъ разгульно и весело и

вся шайка купалась въ вниѣ, то шли къ нему охотно, и вся голытьба, неуживавшаяся съ Жегулевымъ, липла къ нему, какъ мухи на падаль. И такъ возросла его сила, что грозился онъ при встрѣчѣ перерѣзать горло самому Жегулеву; презрительно называлъ его бариномъ и кричалъ объ обманѣ и подлости.

Но на страдную пору притихъ и Соловей, а Жегулеву съ его немногими коренными пришлось и совсѣмъ побездѣйствовать; и уже казалось порою, что прежнее кончилось и больше не вернется. Словно въ полузабытѣ, теряли они счетъ пустымъ и скучнымъ днямъ, похожимъ другъ на друга, какъ листья съ одного дерева: начались къ тому же невыносимые даже въ лѣсу жары и грозы, и во всей природѣ наступило то июльское бездѣйствіе и роздыхъ, когда перестаетъ видимо расти листь, остановились побѣги и лѣсная рѣдкая, никому ненужная трава словно тоскуетъ о далекой острой кошѣ. Что дѣлали? Прятались отъ проливныхъ съ грозой дождей и выкопали землянку; одно время повадились мирно ломать грибы, но тѣ скоро въ жарѣ прошли; говорили о пустякахъ, мѣстныхъ мужицкихъ дѣлахъ, слушали розсказы о Васкѣ Соловьѣ. Но не говорили ни о прошломъ, ни о будущемъ. Да и вообще стали молчаливы, незамѣтно уподобляясь лѣсу, какъ-то научились ничего не дѣлать, какъ не дѣлаетъ ничего ожидающій ѣздока извозчикъ, или—заряженный браунингъ.

Колесниковъ съ недѣлю помучился отъ остраго ревматизма ногъ, и еще болѣе пожелтѣлъ и высохъ; былъ ровно мраченъ и минутами задумывался почти до столбняка. Чуть ли не больнѣе, чѣмъ Сашу, поразила его исторія съ Соловьевымъ, перепутала все его расчеты и соображенія, загнала въ какой-то дикій, сумасшедшій тупикъ. То, что издали въ широкомъ обхватѣ глаза, казалось понятнымъ и достижимымъ, вблизи утеряло свой ясный смыслъ, размѣнялось на тысячу маленькихъ дѣйствій, разговоровъ, смутныхъ настроеній, частичныхъ выкладокъ и соображеній. Такъ съ берега смотритъ пловецъ на бушующее море и видитъ ясный порядокъ, въ которомъ движутся валы, и соображаетъ, какъ плыть; но вотъ онъ въ водѣ—все измѣнилось, на мѣстѣ порядка хаосъ, взаимнъ закона—своеволие.

Не то страшно въ Соловьевѣ, что онъ подлецъ, даже и не то, что онъ не повѣрилъ въ ихнюю чистоту, а то—что дѣйствія его похожи и называется онъ также Сашка Жегулевъ. Такъ же отдаетъ деньги бѣднымъ—такая идетъ о немъ молва—такъ же наказываетъ угнетателей и мститъ огнемъ, а есть онъ въ то же время истинный разбойникъ, грабитель, дурной и скверный человекъ. Еще различаютъ Сашекъ Жегулевыхъ мужики, но видимо съ каждымъ днемъ сти-

раются границы и теряется пониманіе: уже похваливаютъ иронически Соловья и съ меньшимъ уваженіемъ относятся къ Сашѣ, говорятъ: твой-то Соловей!... Зачѣмъ же тогда чистота, зачѣмъ безкорыстіе и эти ужасныя муки?—кто догадается о жертвѣ, когда потерялся бѣлый агнецъ въ скопищѣ хищныхъ звѣрей и убойнаго скота, погибаетъ подъ ножомъ безвѣстно!

— За что погубилъ я Сашу? — предатель я! — часто думаетъ Колесниковъ, но еще не рѣшается признать своихъ мыслей за послѣднюю истину, колеблется, надѣется, на лицахъ ищетъ отвѣта. Что же будетъ съ нимъ, когда признаетъ? — объ этомъ и гадать страшно.

Задумывается и Андрей Ивановичъ. По-прежнему молчаливый, услужливый, скромный, словно совсѣмъ не имѣющій своихъ радостей, своего горя и воспоминаній, порою онъ такъ удивленно оглядывался красиво спокойными глазами, какъ будто искалъ что-то не найденное; и снова ничего не найдя, покорно отдавался ожиданію и темной волѣ другихъ. Изъ всѣхъ тронхъ онъ одинъ сохранилъ чистоту одежды и тѣла: не говоря о Колесниковѣ, даже Саша погрязнѣлъ и, кажется, не замѣчалъ этого, а матросъ по-прежнему черезъ день брилъ подбородокъ и маленькой щеточкой шмурыгалъ по платью; смѣшалъ пороху съ саломъ, чтобы чернѣло, и смазывалъ сапоги. И было у него одно тайное мученье, нѣчто вызывавшее чувство нестерпимаго стыда и чуть ли не отчаянія: это маленькая незаживающая рана на лѣвой ногѣ, подъ колѣномъ, у кости. Задѣла какъ-то шальная пуля, и показалось, что завтра заживетъ, а вмѣсто этого прикнулось, вѣлось въ кость, стало нехорошо пахнуть. Уходя въ лѣсъ, онъ подолгу возился съ гнѣющей раной и по-своему лече-валъ ее: поливалъ керосиномъ, разъ прижегъ даже порохомъ, но не помогъ и порохъ. При другихъ онъ не купался, чтобы не увидѣли и на ходу, выдерживая боль, старался не хромать. Главное, въ чемъ стыдъ—пахло нехорошо.

Считалось ихъ въ эту затишную пору всего семеро: они трое, Федотъ, никуда не пожелавшій идти съ своимъ кашлемъ, Кузька Жучекъ, Еремѣй и новый—кривой на одинъ глазъ, неумный и скучный парень, бывшій заводскій, по кличкѣ Слѣпень. Еремѣй было ушелъ, потянувшись за всѣми, но дня черезъ три вернулся съ проклятіями и матерной руганью:

— Да стану я ее тревожить? — кричалъ онъ презрительно про свою полосу: да нехай она, какъ стояла, такъ и стоитъ до самаго Господняго суда. Колоса тронуть не позволю, нѣтъ моей воли, пусть самъ посмотритъ, на чемъ Еремѣй сидитъ! Нѣтъ моего родительскаго

благословенія, три дня пить, и еще три дня пить буду!—если день-женокъ дадите, Александръ Ивановичъ.

Но денегъ ему не дали, и онъ остался въ лѣсу лежать.

— Ляжать буду!—заявилъ онъ угрюмо и легъ на спину, чтобы видѣть съ неба было, что онъ именно лежитъ и ничего не дѣлаетъ. И какъ надъ нимъ ни смѣялись, какъ ни ругалъ его матросъ,—онъ замкнулся въ презрительное молчаніе и лежалъ истово, съ ненавистью, съ тоскою, съ бунтомъ. Мужички вѣруя въ трудъ, онъ въ этомъ состояніи нарочитаго бездѣлья самому себѣ казался ужаснымъ, невѣроятнымъ, болѣе грѣшнымъ и бунтующимъ, чѣмъ если бы каждый день рѣзалъ по человѣку или жегъ по экономіи: рѣзать — все-таки трудъ. Этого не понималъ Колесниковъ и ругательски ругался:

— Иди землянку копать, чертъ!

Съ низу вверхъ пренебрежительно, даже безъ досады смотрѣлъ Времѣй и кратко отвѣчалъ:

— Не пойду.

— Да для народа же, чучело, самъ же подъ крышу лѣзешь, какъ дождь идетъ. Или, того-этого.

— Амнѣ на твой народъ.

— Ну и не пущу подъ крышу!

— Бреешь, Василь, пустишь.

Даже не улыбается, а говоритъ себѣ просто и съ легкимъ сожалѣніемъ, нехотя бесѣдуетъ. Такъ и остался лежать, а въ дождь забирался подъ крышу и иронически ухмылялся — совсѣмъ рехнулся мужикъ.

Но точно и всѣ лежали —бесконечно тянулось пустое и бездѣйственное время. Разъ не въ моготу стало и, подумавъ, отправились втроемъ въ гости, въ Каменку, къ одному знакомцу, вѣрному и хорошему человѣчку. Тамъ мирно пили чай съ баранками и бесѣдовали; къ вечеру передъ уходомъ, зашла гроза и уже рѣшили было заночевать, но воспротивился Колесниковъ. Онъ вышелъ посмотреть, что дѣлается на улицѣ, и понравилось черное на западѣ небо, тревога тучъ, побѣлѣвшія въ жуткомъ ожиданіи ракиты. Днемъ подъ солнцемъ деревня съ своими прогнившими соломенными крышами казалась черною, а теперь точно выбѣлили ее, и вывели начисто, вылѣпили, какъ игрушку изъ сѣрой глины. Пройди человѣкъ, и онъ показался бы глинянымъ, но попряталось все живое.

— Идемъ, ребята, пречудесно! — сказалъ Колесниковъ, сгибаясь въ низенькой двери и внося съ собою крѣпкій запахъ свѣжаго передъ дождемъ воздуха.—Душа радуется.

И отъ словъ, и отъ радостнаго лица, а главное, отъ этого крѣп-

каго и вольнаго запаха, которымъ сразу зарядилось платье и борода Колесникова, — въ избѣ стало душно и скучно и показалось невозможнымъ не только почевать, а и часъ лишній провести. Весело заторопились.

— Замочить!—уговаривалъ знакомецъ: а то и громомъ запибеть, на большакѣ бѣда, намедни три ракиты выжгло. Оставались бы, Александръ Ивановичъ, да и ты, матрость, пусть Василь одинъ идетъ!

Посмѣялись, но внезапное рѣшеніе сложилось такъ твердо, какъ это, кажется, только и бываетъ съ внезапными, да и еще причудливыми рѣшеніями; и уже черезъ пять минутъ шагали между плетнями, пьянѣя отъ тяжкаго и возбужденнаго запаха конопли; выбирались на большакъ.

— Ну и хорошо же!—повторялъ Колесниковъ и какъ-то особенно на ходу выгибалъ колѣна, чувствуя въ себѣ что-то лошадиное, способное къ безконечному ходу и рѣзвости.

— А вѣдь время-то совсѣмъ раннее!—весело подтвердилъ матрость, пряча часы въ замшевый футляръ.

— Да ну? а сколько?

— Тридцать пять минутъ восьмого!

— Да ну! А я думалъ, что девять, но не меньше... Ночевать, нѣтъ ужъ, спасибо, того-этого. Хо-хо-хо!

Засмѣялись; и всѣ трое вспомнили почему-то кроткаго Петрушу, но безъ обычной боли, а съ тихимъ умиленіемъ и отпускающей жалостью. Вдохнули—и еще рѣзвѣе заработали ногами.

— Саша! хорошо?

— Хорошо, Вася.

Радовало все: и то, что не идутъ по дѣлу и не уходятъ отъ погони, а какъ бы гуляютъ свободно; и то, что нѣтъ постороннихъ, одни въ дружбѣ и довѣріи и не чувствуютъ платья, какъ голые. Послѣ кривыхъ и узкихъ переулковъ, затемненныхъ огорожей и деревьями, большакъ удивилъ шириною и свѣтомъ, и щедрыми представились тѣ люди, что могли такъ много мѣста отвести подъ дорогу. Но и тутъ, какъ на деревнѣ, все казалось выбѣленнымъ, вытѣпленнымъ изъ сѣрой глины и навѣки въ ожиданіи застывшимъ. Застыла какъ будто и грозовая туча, въ безвѣтріи еле подвигаясь на своихъ невидимыхъ крылахъ: забеспокоился Колесниковъ:

— Да еще будетъ ли? Не прошло бы такъ!

— Будетъ!—увѣренно отвѣтилъ Саша, сѣрый, какъ все кругомъ. — Ну и безлюдье же!

— Стой!—подметка оборвалась,—крикнулъ Колесниковъ сердито и запрыгалъ на одной ногѣ, стараясь оторвать закруглившуюся, тон-

кую, отставшуюся кожу. Хохотали, на него глядя, и Андрей Ивапычъ сказать:

— Да вы сядьте, Василь Василичъ... ну и чудакъ!

— А вы лучше ножикъ дайте, чѣмъ... Эхъ!

Колесниковъ сѣлъ и, ругательски ругая сапоги, тѣ самые, что были гордостью когда-то, отрѣзалъ вьющійся кончикъ, и почувствовалъ удовольствіе, какъ настоящій операторъ: ловко!

Саша серьезно сказалъ:

— Надо новые, Василій: въ случаѣ бѣды бѣжать въ этихъ...

— Хороши и эти, я ихъ поправилъ. Ходу!

Быстро угасалъ свѣтъ, какъ подѣ чьею-то рукою; и уже въ полной темнотѣ, чернильномъ мракѣ, разразилась запоздавшая медленная гроза и хлынулъ потоками проливной теплый дождь: пречудесно! Мгновенно налились водою колдобины и колеи, подѣ ногами размокло, поползло, заплепало, до нитки промокло платье, и щекотали лицо и губы крѣпкія струи—трубою гудѣлъ дождь, теплѣйшій ливень. Зѣвали молніи, нагоняя одна другую, вѣтвясь дрожаще и тонко, ломаясь колѣнами—вверхъ и внизъ, поспѣшая, катался громъ, грохоталъ по лѣстницѣ, всю черную высь заполнилъ ревомъ. Если бы не молніи—не только не найти дороги, а и другъ друга потеряли бы въ плещущейся темнотѣ, изначальномъ хаосѣ. Колесниковъ не то пѣлъ, не то такъ, ревѣлъ отъ восторга, но при свѣтѣ былъ виденъ только открытый ротъ, а въ темнотѣ только голосъ слышенъ: раздѣлился надвое.

Въ промежуткахъ темноты весело пререкликались; долго стояли передъ мостикомъ, никакъ не могли понять при короткихъ ослѣпляющихъ вспышкахъ: вода ли это идетъ поверху, или блестятъ и маячатъ лужи. Въ темнотѣ, пугая и веселя, ревѣла вода; попробовалъ сунуться Колесниковъ, но сразу влѣзъ по колѣна—хоть назадъ возвращайся!

— Пройдемъ, ничего! — возбужденно говорилъ матросъ. — Перильца-то держатся!

— Снесетъ, того-этого, за ноги тащить!

— Идемъ!

Проскочили: шатались подѣ ногами мостовины и вода тащила коварно, сбивая подѣ ножку, и упалъ-таки Колесниковъ, поскользнувшись, но, по счастью, при выходѣ—только искупался.

Еще чудесный часъ шли они подѣ грозой, а потомъ въ типинаѣ и покоѣ прошли густо пахнущій лѣсъ, еще подышали сояной коноплею на задворкахъ невидимой деревни и къ двумъ часамъ ночи были въ становищѣ, въ своей теплой и почти сухой землянкѣ.

— Какое блаженство: культура: — гудѣль Колесниковъ, уклады-
ваясь спать.—Тебѣ нравится, Сашукъ?

— Я еще прошелся бы.

— Можно простудиться. Но какой чудный вечеръ!

И когда Сапа уже засыпалъ, вдругъ запѣлъ несноснымъ фаль-
цетомъ, подражая знаменитому тенору:

— Привѣтъ тебѣ, пріютъ невинный, привѣтъ тебѣ, пріютъ...

Было такъ глупо, что оба захохотали.

— Буде, того-этого. Спать!

13. Ярость.

— Что?—наработали?—злорадствовалъ, лежа, Еремѣй, съ пріятно-
стью встрѣчая возвращающихся, словно побитыхъ, мужиковъ:—ложись-
ка, братъ, да полежи, мнѣ земли не жалко!

Обманула земля. Еще уборка не отошла, а ужъ повалилъ къ
Жегулеву народъ, взамѣнъ надеждъ неся ярость и точно ослѣпи-
тый, ко всему равный и беспощадный гнѣвъ. Кончились дни зати-
шья и ненужности. Многіе изъ пришедшихъ точно стыдились, что
ихъ удалось обмануть, избѣгали взгляда и степенничали, смягчая
неудачу; но были и такіе, что яростно богохульствовали, орали, какъ
на сходкѣ, въ чемъ-то попрекая другъ друга:

— Я у тебя хлѣба прошу, а ты мнѣ что даешь? Ты мнѣ что
даешь, я тебя спрашиваю!

— Только и остается, что...

— Нѣтъ, ты мнѣ отвѣть: я у тебя чего прошу?...

Колыхнулось первое послѣ затишья зарево и вновь закружилъ
огонь, страшный и послушный богъ бездольнаго человѣчества. И
если раньше что-то разбиралось, одного жгли, а другого нѣтъ, дер-
жали какой-то свой порядокъ, намекающій на справедливость, то
теперь въ ярости обманутыхъ надеждъ палили все безъ разбора, безъ
вины и невинности; подняться къ небу и взглянуть—словно сотни и
тысячи костровъ огромныхъ раскинулись по темному лону русской
земли. И если раньше казалось Жегулеву, что онъ чѣмъ-то управ-
ляетъ, то теперь, подхваченный волной, онъ стремительно и слѣпо
несся въ огненную темноту—то ли на берегъ, то ли въ цучину.

Вначалѣ даже радостно было: зашумѣлъ въ становищѣ народъ,
явилось дѣло и забота, время побѣждало бездумно и быстро, но уже
вскорѣ закружилась по-пьяному голова, стало дико, почти безумно.
Жгли, убивали—кого, за что? Опять кого-то жгли и убивали; и уже

отказывалась память принимать новые образы убитыхъ, насытилась, жила старыми.

Разбивали винныя лавки, и мужики опивались до-смерти; и всѣ пили, и появилась въ стану водка, и всегда кто-нибудь валялся пьяный и безобразный; только характеромъ да отвращеніемъ къ памяти пьянаго отца удержался Саша отъ соблазнительнаго хмеля, порою болѣе необходимаго, чѣмъ дыханіе. Удержался и Колесниковъ, но Андрей Ивановичъ былъ два раза пьянъ, въ хмелю оказался несноснымъ задирой и подрался и нѣсколько дней, умирая отъ стыда, ходилъ съ синяками и опухлостями на чисто-выбритомъ лицѣ. Послѣ этого, впрочемъ, онъ больше не пилъ. Опился и сгорѣлъ на пожарѣ Иванъ Гпѣдыхъ, шутникъ, то ли мертвый уже, то ли крѣпко до самой смерти уснувшій.

Что-то дикое произошло при встрѣчѣ съ Васькой Соловьевымъ. Въ яростномъ и безумномъ, что теперь творилось, Соловьевъ плавалъ, какъ рыба въ водѣ, и шайка его росла не по днямъ, а по часамъ. Ушли къ нему отъ Жегулева многіе аграрники, недовольные мягкостью и тѣмъ, что ничего Жегулевъ не обѣщалъ; набѣжали изъ города какіе-то темные революціонеры, появились женщины. Разъ при нападеніи на поѣздъ, вообще кончившемся неудачею, Васькѣ удалось щегольнуть бомбами—доставилъ кто-то изъ городскихъ; и многіе плѣнились его удалею. Точно колеблясь, онъ именовалъ себя то Жегулевымъ, то по настоящему съ нѣкоторой робостью заявлялъ, что онъ Васька Соловьевъ, и вновь прятался за чужое, все еще завидное имя. Вообще же чувствовалъ себя великолѣпно, жилъ какъ въ завоеванной землѣ и въ пьяномъ видѣ требовалъ отъ мужиковъ, чтобы приводили дѣвокъ. Непослушныхъ таскалъ за бороды—осмѣлѣлъ. Черезъ Митрофана—„Не пори горячку“ завелъ сношенія съ полиціей, говоря великодушно: всѣмъ хватитъ! И сознавалъ себя благодѣтелемъ, о чемъ, пьяный, заявлялъ со слезами.

Встрѣтились обѣ шайки случайно, при разгромѣ одной и той же винной лавки, и вмѣсто того, чтобы вступить въ пререканія и борьбу, побратались за бутылкой. А обоихъ атамановъ, стоявшихъ на чеку съ небрежно опущенными маузерами, пьяные мужики, суя въ руки бутылки съ отбитыми горлышками, толкали другъ къ другу и убѣждали помириться. И Васька, также пьяный, вдругъ прослезился и отдалъ маузеръ Митрофану, говоря слезливо:

— Господи, да развѣ я что! Я понимаю. Александръ Ивановичъ, такъ Александръ Ивановичъ!

Онъ былъ уже не въ черной, а въ синей поддевкѣ съ серебряными цыганскими круглыми пуговицами, и уже вытиралъ ротъ для

поцѣлуя, когда вдругъ вскипѣвшій Колесниковъ кинулся впередъ и ударомъ кулака сбиль его съ ногъ. На землѣ Васька сразу позабылъ, гдѣ онъ и что съ нимъ, и показалось ему, что за нимъ гонятся казакъ—пьяно плача и крича отъ страха, на четверенькахъ поползъ въ толпу. И мужики смѣялись, поддавая жару, и уступками толкали его въ задъ—тѣмъ и кончилось столкновение.

— Успокойся, Саша! Тебѣ говорю, успокойся!—глухо говорилъ Колесниковъ, своей широкой ладонью закрывая дуло маузера и самъ весь дрожа отъ гнѣва.—Я... я его ударилъ, съ него довольно, успокойся, Саша!

— Онъ безъ оружія. Но если онъ еще...

— Нѣтъ, нѣтъ, успокойся, его убрали.

Странно во всѣхъ дѣлахъ велъ себя Еремѣй: созерцателемъ. Всюду таскался за шайкой, ничему не мѣшалъ, но и не содѣйствовалъ; и даже напивался какъ-то снисходительно. Но въ одномъ онъ всѣхъ опережалъ: смотрѣлъ, позѣвывалъ—и, не ожидая приказа, рискуя поджечь своихъ, тащилъ коробокъ со спичками и запаливалъ; и запаливалъ дѣловито, съ умомъ и расчетомъ, раньше принявшихъ къ вѣтру. Если былъ по близости народъ, то и пошучивалъ.

И захваченные волной, ослѣпшіе въ дыму пожаровъ, не замѣчали они, ни Саша, ни Колесниковъ, того, что уже видѣлось ясно, отовсюду выпирало своими острыми краями, въ себѣ самой истощалась явно народная ярость, лишенная надеждъ и смысла, до тла, вмѣстѣ съ пожарами, выгорала душа, и мертвый пепелъ, сѣрый и холодный, мертво глядѣлъ изъ глазъ, надъ которыми еще круглились яростные брови. И не видѣли они того, что уже другихъ путей ищетъ народная совѣсть, для которой всѣ эти ужасы были только мгновениемъ,—ищетъ другихъ путей и готовитъ проклятіе на голову тѣхъ, кто сдѣлалъ свое страшное дѣло.

Жертва уже принесена. А принята ли?—тому судьей будетъ самъ народъ.

14. В ъ л ѣ с у.

Кто-то выдалъ Сашку Жегулева.

Вечеромъ онъ, Колесниковъ и матросъ были опять въ гостяхъ въ Каменкѣ, у своего знакома, а на обратномъ пути попали подъ выстрѣлы стражниковъ, притаившихся въ засадѣ. Спасла ихъ только темнота да лѣсъ. Но Колесниковъ былъ смертельно раненъ: пуля прошла подъ правой лопаткой и остановилась по другую сторону,

подъ ребрами. Саша и матросъ рѣшили лучше самимъ погибнуть, но Василія не оставлять, и въ темнотѣ подъ слѣпыми пулями поволокли его, часто останавливаясь въ изнеможеніи. Тяжелъ былъ Колесниковъ, какъ мертвый, и Саша, державшій его подъ мышки и чувствовавшій на лѣвой рукѣ свинцовую, безвольно болтающуюся голову, пересталъ понимать, живого они несутъ или мертваго. Сомнѣвался и Андрей Ивановичъ, но говорить некогда было.

Въ верстѣ отъ дороги совсѣмъ остановились, и Андрей Ивановичъ сказалъ:

— Не могу больше! Положимъ.

Положили на землю тяжелое тѣло и замолчали, прислушиваясь назадъ, но ничего не могли понять сквозь свое шумное дыханіе. Наконецъ услышали тишину и ощутили всѣмъ тѣломъ, не только глазами, глухую, подвальную темноту лѣса, въ которой даже своей руки не видно было. Съ вечера ходили по небу дождевыя тучи, и ни единая звѣздочка не указывала выси: все одинаково черно и ровно.

— Какъ бы дождь не пошелъ, — сказалъ Саша, прислушиваясь.

— Лучше будетъ, слѣды закроетъ. Мнѣ все лицо вѣтками исцарапало, чуть глазъ не выкололъ. Бѣда, Александръ Ивановичъ!

— Бѣда. Какъ же мы теперь? Какъ вы думаете: онъ опасно?

Саша хотѣлъ сказать другое, но слишкомъ страшно и больно было выговорить. И думая то же, что и Саша, матросъ сказалъ:

— Надо посмотрѣть.

— Молчить.

— Это ничего. Эхъ!

— Что вы?

— Фопарикъ потерялъ, должно вѣткой съ пояса сорвало. Такая темень! Попробую со спичкой... Василь Василичъ!

— Молчить. Вася!

— И не стонетъ!—вдругъ испугался матросъ.—Ужъ не померъ ли, Господи помилуй!

Наконецъ, отлегло отъ сердца: Колесниковъ дышалъ, былъ безъ памяти, но живъ; и крови вышло мало, а теперь и совсѣмъ не шла. И когда переворачивали его, застоналъ и что-то какъ будто промолвилъ, но словъ не разобрали. Опять замолчалъ. И тутъ послѣ короткой радости наступило отчаяніе: куда идти въ этой темнотѣ?

— Ничего не понимаю! — говоритъ Саша, безнадежно ворочая головой:—я теперь и назадъ дороги не найду. Откуда мы пришли?

— Бѣда! До дому намъ далеко, надо къ лѣснику: до него версты четыре, а то и меньше.

— Къ лѣснику! А какъ его найти? — ничего не вижу, ничего не понимаю.

Оба замолчали въ отчаяніи и, не видя другъ друга, безнадежно ворочали головами. Матросъ сказалъ:

— А вы такъ попробуйте, Александръ Ивановичъ: ляжьте на земь и молчите, ничего про дорогу не думайте, она себя покажетъ.

Попробовалъ Саша и такъ, и какъ будто нашелъ: въ смутныхъ образахъ движенія явилось желаніе идти—и это желаніе и есть сама дорога. Нужно только не терять желанія, держаться за него крѣпко.

Пошли. Набравъ въ легкія воздуху, подняли молчащее тяжелое тѣло и двинулись въ томъ же порядкѣ: Андрей Ивановичъ, менѣе сильный, несъ ноги и продирался сквозь чащу, Саша несъ, задыхаясь, тяжелое, выскользающее туловище; и опять трепалась по лѣвой рукѣ безвольная и безпамятная, словно мертвая голова. Уже черезъ сотню саженой рѣшили, что заблудились, и круто повернули вправо, потомъ влѣво; а потомъ перестали соображать и доискиваться и кружились безъ мыслей. Зашуршаль по листьямъ рѣдкій теплый дождь и вмѣстѣ съ нимъ исчезла всякая надежда найти лѣсную сторожку: въ молчаливомъ лѣсу они шли одни, и было въ этомъ что-то похожее на дорогу и движеніе, а теперь въ шорохъ листы двинулся весь лѣсъ, наполнился звукомъ шаговъ, суетою. И казалось, что, уставая съ каждымъ новымъ шагомъ до изнеможенія, они не подвигаются съ мѣста. Мутилось въ головѣ. Нѣсколько разъ осматривали Колесникова, не умеръ ли, и кромѣ страха и жалости былъ въ этомъ расчетъ: если умеръ, то можно не нести.

Сильнѣе накрапывалъ дождь. Все ждали, когда почувствуется подъ ногами дорога, но дорога словно пропала или находилась гдѣ-нибудь далеко, въ сторонѣ. Вмѣсто дороги попали въ неглубокій лѣсной оврагъ и тутъ совсѣмъ лишились силъ, замучились до полусмерти—но все-таки выбрались. Отъ дождя и отъ боли, когда встаскивали наверхъ, Колесниковъ пришелъ въ себя и застоналъ. Забормоталъ что-то.

— Вася, ты что?

— Са... са... Я са...

Насилу разобрали, что онъ самъ хочетъ идти, и Андрей Ивановичъ, чувствовавшій неподвижность и полное безсиліе его ногъ, заплакалъ тихонько, пользуясь скрывающей темнотою. А Колесниковъ, оживая отъ дождя и боли, сталъ выворачиваться и мѣшать; и съ тоскою сказалъ Саша:

— Вася, милый, лежи тихо, очень трудно, когда шевелишься.

Покорно обвисъ, но сознаніе видимо, просвѣтлялось. Глухо сказалъ:

— Брось.

— Знаешь, что не брошу и лежи. Сейчасъ дойдемъ.

— Шапку.

Плакать или смѣяться? Должно быть и Колесниковъ сквозь туманъ сознанія и боль почувствовалъ смѣшное; и чтобы увеличить его, пробормоталъ нѣчто, имѣвшее, какъ ему казалось, ужасно смѣшной смыслъ:

— Того...-этого.

И былъ увѣренъ, что они смѣются, а они не поняли: отъ усталости сознавали чуть ли не меньше, чѣмъ онъ самъ. У Андрея Иваныча къ тому же разболѣлась гніющая ранка на ногѣ, про которую сперва и позабылъ—невыносимо становилось, лучше лечь и умереть. И не повѣрили даже, когда чуть не лбомъ стукнулись въ сарайчикъ—какимъ-то чудомъ миновали дорогу и сзади, черезъ отростокъ оврага, подошли къ сторожкѣ.

И только тутъ, въ сторожкѣ, когда обмытый и кое-какъ перевязанный Колесниковъ уже лежалъ на лавкѣ и не то дремалъ, не то снова впалъ въ забытіе—понялъ Жегулевъ ужасное значеніе происшедшаго. Возстановилось нарушенное равновѣсіе событій и то, что въ первыя полубезумныя минуты казалось пустяками: то, что ихъ несомнѣнно предали, то, что завтра же утромъ ихъ могутъ застигнуть въ сторожкѣ, то, наконецъ, что Колесниковъ умираетъ и умереть—встало передъ сознаніемъ, окружило и сознаніе и жизнь кольцомъ безысходности. Былъ тутъ одинъ такой моментъ, когда Жегулевъ просто почувствовалъ себя мертвымъ, не живущимъ, какъ повѣшенный въ тотъ короткій мигъ, когда табуретка уже выдернута изъ-подъ ногъ, а петля еще не стянула шеи—настолько очевидно было видѣніе замкнутаго круга. Жизнь, потерявъ надежду и смыслъ, отказывалась чувствовать себя жизнью.

„Этого не можетъ быть, чтобы онъ умеръ. Хотя я всегда ожидалъ и зналъ, что это будетъ, но этого не можетъ быть, чтобы онъ умеръ. Если онъ умереть, это это будетъ значить, что онъ и раньше не жилъ, и не жилъ и не живу я, и вообще ничего не существуетъ, кромѣ очень длиннаго, непопятнаго, зачѣмъ оно, и легкаго, какъ паутина, сна. А если это сонъ, то ничего не страшно и, слѣдовательно, онъ не умереть“—опоминаясь, подумалъ Сапа: чтобы снова стать собою, жизнь утверждала чудо, какъ естественное, признавала бессмыслицу, какъ истину, логически законченную. И вмѣстѣ съ жизнью вернулись къ юношѣ ея волненія, ея живыя заботы и страхъ, и томленіе

надежды, и безутѣшная скорбь. Боясь, что можетъ услыхать Колесниковъ, Саша вызвалъ матроса въ сѣнцы и шепотомъ спросилъ:

— Андрей Ивановичъ,—кто насъ выдалъ?

Въ шумѣ разошедшагося дожда не разслыхалъ отвѣта и переспросилъ:

— Я говорю: насъ выдали?

— Такъ точно, полагаю, что выдали.

— Кто?

Не увидѣлъ, но догадался, что матросъ пожимаетъ плечами. Молча думали оба и, не найдя лица, молча вернулись въ избу. Хозяинъ, одинъ изъ Гнѣдыхъ, равнодушный ко всему въ мірѣ, одинокій человѣкъ раздумчиво почесывался со сна и вопросительно смотрѣлъ на Жегулева. Тотъ спросилъ:

— Ты что?

— Уйтить бы мнѣ. Стражники не пришли бы.

— Боишься?

— Выходить, что боюсь. Уйтить бы мнѣ, а?

Жегулевъ и матросъ переглянулись: „выдать!“ , но какъ-то все равно стало, пусть уходитъ. Можетъ быть и не выдать.

— Ступай, только хлѣба да воды оставь.

Ушелъ, равнодушный къ темнотѣ и дождю, къ тому, кто умираетъ на его лавкѣ, пожалуй, и къ себѣ самому: скажи ему остаться, остался бы безъ спора и такъ же вяло укладывался бы спать на полу, какъ теперь покрывался отъ дождя рогожей. Нѣтъ, этотъ не выдать. Но когда остались вдвоемъ и попробовали заснуть—Саша на лавкѣ, матросъ на полу—стало совсѣмъ плохо: шумѣлъ въ дождѣ лѣсъ и въ жуткой жизни своей казался подстерегающимъ, полнымъ подкрадывающихся людей; похрипывалъ горломъ на лавкѣ Колесниковъ, можетъ быть умиралъ уже—и совсѣмъ близко вспомнились выстрѣлы изъ темноты, съ яркостью галлюцинаціи прозвучали въ ушахъ. Матросъ поднялъ голову.

— Что вы, Андрей Ивановичъ?—шепотомъ, пугаясь, спросилъ Саша.

— Стрѣляютъ гдѣ-то.

Долго слушали оба: нѣтъ, показалось.

— Вотъ что, Андрей Ивановичъ: вы спите, а я пойду караулить.

— Лучше я!

Оба встали: уже нельзя было безъ страха вспомнить, какъ это они чуть не заснули, не выставивъ караула. Отъ страха начинало биться сердце. Матросъ торопливо снаряжался и, уже у двери, шепнулъ:

— Огонь загасите!

Отъ самой постели начиналась темнота, отъ самой постели начинался страхъ и непонятное. Андрею Иванычу лучше наружи, онъ хоть что-нибудь да видитъ, а они какъ въ клѣткѣ и вдвоемъ—вдвоемъ. Подъ угломъ сходятся обѣ лавки, на которыхъ лежатъ, и становится невыносимо такъ близко чувствовать безпамятную голову и слышать короткое, частое, горячее и хриплое дыханіе. Страшенъ безпамятный человѣкъ—что онъ думаетъ, что видитъ онъ въ своей отрѣшенности отъ яви?

Темно и мокро шумить лѣсъ, шепчется, шушукается, постукиваетъ дробно по стеклу и по крышѣ. Почему-то представляются длинные, утопленническіе волосы, съ которыхъ стекаетъ вода, невѣдомыя страшныя лица шевелятъ толстыми губами... ужъ не бредитъ ли и онъ? Липы въ саду шумѣли иначе: онѣ гудѣли ровно и могуче, и сѣдой Авраамъ встрѣчалъ подъ дубомъ Господа, въ зеленомъ тѣнистомъ шатрѣ привѣтствовалъ Его. Праздничное солнце озаряло пустыню, и въ бѣлыхъ ангельскихъ одеждахъ свѣтло улыбался Господь: и Ему пріятно было, что тѣнь, что холодна ключевая вода...

— Пить,—просить Колесниковъ.

Напился, роняя капли съ почернѣвшихъ, сухихъ губъ, и снова хрипитъ, тускло бормочетъ: сколько ни слушать, словъ не разберешь. Это они двое въ темнотѣ: тѣ, что ходили весною стрѣлять изъ браунинга, а потомъ по шоссе, тѣ, что спокойно сидѣли въ спокойной комнатѣ и разговаривали. Кто этотъ, называемый Колесниковъ, Василій Васильевичъ, Вася? Гдѣ его близкіе и кто они?—кого извѣстить о его кончинѣ?—кому пожаловаться о его смерти: такому, чтобы понялъ и почувствовалъ горе? Не можетъ быть, чтобы такъ кончилось все: закопаютъ его въ лѣсу, и уйти навсегда изъ этого мѣста, и больше никогда и нигдѣ не будетъ никакого Колесникова, ни его словъ, ни его голоса, ни его любви.

Темнота кажется необычной: положительно нельзя повѣрить, что и прежде, дома, Саша видѣлъ такой же мракъ, могъ видѣть его въ любую ночь, стоило только погасить свѣчу—этотъ теперешній угольный мракъ, душный и смертельно тяжкій въ своей непроницаемости, есть смерть. Боже мой!—что такое жизнь? Почему онъ, Саша, вмѣсто того, чтобы лежать въ своей комнатѣ на своей постели, находится здѣсь въ какой-то сторожкѣ, слушаетъ хрипъ незнакомаго, умирающаго человѣка, ждетъ другихъ людей, которые придутъ сейчасъ и убьютъ его? Если онъ въ своей комнатѣ, то справа—протянуть руку—будетъ столикъ, спички и свѣча...

Пусто. Нѣтъ ни столика, ничего—пусто. Саша садится и, не въ

силахъ совладать со страхомъ, жжетъ одну за другою спички и старается смотрѣть въ самый огонь, боится увидѣть, что по сторонамъ. Пріотворяется дверь, и матросъ шепчетъ торопливо:

— Выйдите-ка, Александръ Ивановичъ!

Дождь сильнѣе: такъ же шуршитъ и шепчетъ листва, но уже гудятъ низкія, туго натянутыя басовыя струны, а въ деревянныя ступени крыльца льетъ и плещетъ тяжело. Мгновеніями въ лѣсу словно свѣтлѣетъ... или обманываетъ напряженный глазъ.

— Вслушайтесь-ка!— шепчетъ матросъ.

Какъ будто идутъ... или обманываетъ слухъ? Погодинъ говорить рѣшительно:

— Никого. Идите, Андрей Ивановичъ, въ избу, я подежурю.

— Измучился я тутъ,—незнакомымъ, робкимъ и довѣрчивымъ голосомъ отвѣчаетъ матросъ:—все чудится что-то. Должно, гроза идетъ, погромыхиваетъ будто.

— Скоро разсвѣтъ?

— Ой, нѣтъ: часа еще три ждать. Такъ я пойду... въ случаѣ, стукните въ дверь, я спать не буду. Какъ Василь Василичъ?

— Все такъ же. Плохо!

Тутъ дѣйствительно лучше: понятнѣе и проще все, пріятенъ влажный воздухъ, пахнуцій грозовымъ запахомъ и лѣснымъ гнильемъ. И все чаще безмолвныя голубыя вспышки, за которыми долго спустя весь шумъ лѣса покрывается ровнымъ, объединяющимъ гуломъ: либо вдалекѣ проходить сильная гроза, либо подвигается сюда. Погодинъ закуриваетъ папиросу и глубоко задумывается о тѣхъ, кто его предасть.

Все ближе надвигается гроза.

15. Бредъ Колесникова.

Къ утру Колесникову стало лучше. Онъ пришелъ въ себя и даже попросилъ-было ѣсть, но не могъ; все-таки выпилъ кружку теплаго чая. Отъ сильного жара лошадиные глаза его блестя, и лицо, покраснѣвъ, потеряло страшныя землистыя тѣни.

Открыли нижнія половинки обоихъ оконъ: послѣ отшумѣвшей на разсвѣтѣ грозы воздухъ былъ чистъ и пахучъ, свѣтило солнце. И хотя именно теперь и могли напасть стражники—при солнечномъ свѣтѣ не вѣрилось ни въ нападеніе, ни въ смерть. Повеселѣли даже.

Отъ жара у Колесникова путались мысли, и онъ не все пони-

малъ, всѣми интересами отошелъ куда-то въ сторону и пріятно гре-зилъ. Онъ даже не спросилъ, гдѣ они находятся, и видимо не дога-дывался о засадѣ, какъ-то иначе, по-своему, представлялъ вчерашнее. Насколько можно было догадаться, ему казалось, что вчера произошло нападеніе на какую-то экономію, пожаръ, потомъ удачная и счастли-вая перестрѣлка со стражниками; теперь же онъ считалъ себя нахо-дящимся дома, въ городской комнатѣ и почему-то полагалъ, что около него очень много народу. Такъ какъ говорилъ онъ при этомъ связно, глядѣлъ сознательно, то очень трудно было понять эти стран-ныя перемѣненія въ мозгу и освоиться съ ними. Нѣсколько разъ, начиная раздражаться, онъ спрашивалъ о какомъ-то сапожникѣ—на-силу уразумѣлъ Саша, что рѣчь идетъ о бывшемъ его хозяинѣ. Вдругъ спросилъ:

— А Петруша не раненъ?

Наклонившійся къ нему Андрей Ивановичъ—говорилъ онъ тихо и слабо, запинаясь—едва сумѣлъ не отшатнуться и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, Василь Василчъ, не раненъ.

Что-то очень долго соображалъ Колесниковъ, раздумчиво глядя прямо въ близкіе глаза матроса, и сказалъ:

— Надо ему балалайку подарить.

— Я... свою подарю.

— Ну?—обрадовался Колесниковъ и съ тихой насмѣшкой улыб-нулся одними глазами: интеллигентъ!

Къ этой балалайкѣ и все къ однимъ и тѣмъ же вопросамъ, за-бывая, онъ возвращался цѣлое утро и все повторялъ понравившееся: интеллигентъ; потомъ сразу забылъ и балалайку и Петрушу и на-чалъ хмуриться, въ какомъ-то безпокойствѣ угрюмо косился на По-година и избѣгалъ его взгляда. Наконецъ, подозвалъ его къ себѣ и заставилъ наклониться:

— Тебѣ больно, Вася?

— Да. Прогони тѣхъ, — указалъ на тѣхъ многочисленныхъ, ко-торые двигались, шумѣли, говорили громко до головной боли; созда-вали праздникъ, но очень утомительный и минутами страшный. — Прогони!

— Я ихъ прогналъ. Тебѣ дать воды?

— Нѣтъ. Наклонись. Отдай мои сапоги Андрею Ивановичу.

— Хорошо.

Видимо, онъ помнилъ прежніе сапоги, какими гордился, а не теперешнюю рвань.

— Наклонись. Саша! Иди къ матери, къ Еленѣ Петровнѣ. Какъ ее зовутъ?

— Елена Петровна. Хорошо, я пойду.

— Пойди. Непремѣнно.

— Да.

Колесниковъ улыбнулся. Снова появились на лицѣ землистыя тѣни, кто-то тяжелый сидѣлъ на груди и душилъ за горло—съ трудомъ прорывалось хриплое дыханіе и толчками, неровно дергалась грудь. Въ черномъ озареніи ужаса подходила смерть. Колесниковъ заметался и застоналъ, и склонившійся Саша увидѣлъ въ широко открытыхъ глазахъ мольбу о помощи и страхъ, наивный, почти дѣтскій.

— Вася!

Но умирающій уже забылъ о немъ и молча метался. Думали, что началась агонія, но къ удивленію Колесниковъ заснулъ и проснулся, хрипло и страшно дыша, только къ закату. Зажгли жестяную лампочку, и въ чернѣющій лѣсъ протянулась по-осеннему полоса свѣта. Вмѣстѣ съ людьми двигались и ихъ тѣни, странно ломаясь по бревенчатымъ стѣнамъ и потолку, шевелясь и корча рожи. Колесниковъ спросилъ:

— Ушли?

— Да, ушли.

— Пить!

Но немного выпилъ и, отказываясь, стиснулъ зубы; потомъ просилъ ѣсть и опять пить, и отъ всего отказывался. Волновался все сильнѣе и слабо перебиралъ пальцами—ему же казалось, что онъ бѣжитъ, прыгаетъ, вертится и падаетъ, сильно размахиваетъ руками. Бормоталъ еле слышно и непонятно,—а ему казалось, что онъ говоритъ громко и сильно, свободно спорить и смѣется надъ отвѣтами. Прислонился къ горячей печкѣ спиною, пріятно заложилъ ногу за ногу и говоритъ, тихо и красиво поводя рукою:

— Теперь зима и за окнами бѣгутъ сани, сани, сани...

Но подхватили сани и понесли по скользкому льду, и стало больно и нехорошо, раскатываетъ на поворотахъ, прыгаетъ по ухабамъ—больно!—больно!—заблудились совсѣмъ и три дня не могутъ найти дороги; ложатся на животъ лошади, карабкаясь на крутую и скользкую гору, сползаютъ назадъ и опять карабкаются, трудно дышать, останавливается дыханіе отъ натуги. Это и есть споръ, нелѣпныя возраженія, отъ которыхъ смѣшно и досадно. Прислонился спиной къ горячей печкѣ и говоритъ убѣдительно, тихо и красиво поводя легкою рукою:

— Если я умеръ, то это еще не доказательство.

Всѣ смѣются и больше всѣхъ онъ самъ. Саша наклонился и говоритъ:

— Тише! За нами гонятся. Бѣжимъ!

Все задыхаясь, побѣжало, запрыгало, и все по лѣстницамъ, все вверхъ, черезъ заборы и крыши. Съ крыши виденъ огонь, а внизу темнота, скользкіе мокрые камни, каменные углы и изъ водосточной трубы льетъ вода: надо скорѣе назадъ! Все шире разливается вода, и у берега покачивается бѣлая лодка. А на высокомъ берегу стоитъ село, и тамъ сегодня Пасха и въ бѣлой церкви звонить колоколь, много колоколовъ, всѣ колокола. Гладко, безъ единой морщинки, легла вода и не струится, не дышитъ; покойно и надолго свѣтитъ солнце. Саша съѣлъ на корточки и пьетъ прямо горстью, смѣется:

— Россія.

Елена Петровна, молодая и прекрасная, совсѣмъ не та, которая была по ошибкѣ, гладитъ Сашину голову и смѣется:

— Вы видите, какой онъ мальчикъ: пьетъ кровь и говоритъ, что это Россія.

Все замутилось кровью и дымомъ и въ ужасѣ заметалось. Необходимо пить, иначе умрешь, а пить нельзя, все кровь: въ стаканѣ, водопроводѣ, и во рту — кислая и пахнетъ краснымъ виномъ. Саша наклонился и кричитъ:

— Нѣтъ, ты пей!

И нельзя отвести головы, тычетъ прямо въ зубы, льетъ насильно и кричитъ:

— Пей, Вася!

Стихло. Прислонился спиной къ горячей печкѣ и говоритъ степенно, тихо и красиво поводя легкой рукою:

— Вы не такъ меня поняли, Елена Петровна,—и подумавъ, добавляетъ:—того-этого! Разъ я отдаю сапоги Андрею Ивановичу, то слѣдовательно онъ ходитъ, а я умираю. Я никогда ничего не имѣлъ, Елена Петровна, и вся моя душа, вся моя любовь, вся нѣжность моя...

Тутъ оба они плачутъ тихо и радостно, и Елена Петровна говоритъ:

— Позвольте, я васъ поцѣлую въ лобъ, какъ тогда.

— Пожалуйста, я буду очень радъ.

Цѣлуетъ, и губы у нея нѣжныя, молодыя прекрасныя, — даже стыдно. Но стыдиться не надо, такъ какъ она его невѣста и скоро будетъ свадьба, она и сейчасъ въ бѣлой фатѣ и съ цвѣтами.

— Надо ѣхать,—говоритъ онъ торопливо и безпокойно: — мы можемъ опоздать.

— Но вѣдь это вы умираете, а не Саша?

— Саша здоровехонекъ!

Оба смѣются и дышится такъ легко и глубоко... даже совсѣмъ не дышится, не надо.

— Спой мнѣ, мама. Я умираю.

Колесниковъ скончался, не приходя въ себя, около двухъ часовъ ночи. Саша и матросъ, работая по очереди, въ темнотѣ выкопали глубокую яму, засыпали въ ней мертвеца и ушли.

16. Пробужденіе.

Бываютъ такія полосы въ жизни, когда отъ сильнаго горя и усталости, либо отъ странности положенія здоровый и умный человѣкъ какъ бы теряетъ сознаніе. Для всѣхъ окружающихъ, да и для себя, онъ все тотъ же: такъ же и ѣсть, и пьетъ, и разговариваетъ, и дѣлаетъ свое дѣло, плачетъ или смѣется — ничего особеннаго и не замѣтишь; а внутри-то, въ разумѣ и совѣсти своей, онъ ничего и не помнитъ, ничего не сознаетъ, какъ бы совершенно отсутствуетъ. Такъ бываетъ со многими вдовами, съ женихами на свадьбѣ, съ полководцами во время отступленія; такъ же, пожалуй, бываетъ съ плохими, останавливающимися часами, которые нѣкоторое время надо подталкивать рукою, чтобы шли. Очень часто изъ этого опаснаго состоянія возвращаются къ жизни, даже не замѣтивъ его и не узнавъ, какъ не узнается опасность за спиною, но бываетъ, что и умираютъ, почти неслышно для себя переходятъ въ послѣдній мракъ.

Какъ разъ въ такомъ состояніи былъ Жегулевъ послѣ смерти Колесникова. Умеръ Колесниковъ второго августа, и съ этого дня почти цѣлый мѣсяцъ Саша жилъ и двигался въ бездумной пустотѣ, во всѣ стороны одинаково податливой и ровной, какъ море, покрытое первымъ гладкимъ ледкомъ. На видъ онъ былъ даже оживленнѣе прежняго и дѣятельность проявлялъ неутомимую; жегъ, что показывали жечь, шель, куда звали, убивалъ, на кого намекали — вѣтромъ двигался по уѣзду, словно и не слыша жалобъ измученной, усталой шайки. Но если кто-нибудь рѣшительно заявлялъ, что надо передохнуть, Жегулевъ отдавалъ приказаніе объ отдыхѣ, и дня три-четыре послушно отдыхалъ и самъ. Андрей Ивановичъ, матросъ, почувствовавшій смерть Колесникова, какъ смертельный ударъ всему ихнему дѣлу, недоумѣвалъ и смущался, не зная, какъ понимать этого Же-

гулева; и то въ радости и въ вѣрѣ пріободрялся, а то начиналъ безпокоиться положительно до ужаса.

Пугало его то, что Жегулевъ совсѣмъ какъ будто не видѣлъ и не понималъ перемѣнъ въ окружающемъ, а перемѣны были такъ широки и ощутительны, что и ненаблюдательный Андрей Ивановичъ не могъ не замѣтить ихъ и не встревожиться. Въ чемъ дѣло, трудно было сказать, но словно перемѣнился самъ воздухъ, которымъ дышитъ грудь.

Все еще много народу было въ шайкѣ, но съ каждымъ днемъ кто-нибудь отпадалъ, не всегда замѣняясь новымъ: только по прошествіи времени ясно видѣлась убыль; и одни уходили къ Соловью, другіе же просто отваливались, расходились по домамъ, въ городъ, Богъ вѣсть куда—были и нѣтъ. Тѣ безчисленные Гнѣдые, которые въ свое счастливое время путали всякое соображеніе, каждодневно сокращались въ числѣ, уже значились по пальцамъ наперечетъ—въ окружающемъ безразличіи или даже враждѣ, какъ въ холодной водѣ масло, рѣзко очерчивались контуры шайки, ея истинный объемъ. Случаевъ прямой вражды было еще мало, но словно ослѣпла и оглохла деревня: никто не слышитъ, никто не видитъ, какъ ни кричи. При рѣдкихъ встрѣчахъ „бывшіе“ не отвертываются, но бесѣдуютъ нехотя и нехотя подшучиваютъ: вотъ васъ скоро морозцемъ-то прихватитъ! а разумѣй эти слова такъ: а къ намъ въ тепло и не суйся, не зовемъ. И все чаще вмѣсто привычнаго наименованія „лѣсныхъ братьевъ“ бросаютъ рѣзкое и укорительное: разбойники—„эй, матросъ, долго еще разбойничать будете? бабы жалуются, что собакъ по ночамъ тревожите“.

Пока все это только шутки, но порой за ними уже видится злобно оскаленное мертвецкое лицо: и одному въ деревню, пожалуй, лучше не показываться: пошелъ Жучекъ одинъ, а его избили, придрались, будто онъ клѣтъ взломать хотѣлъ. Насилу ушелъ короткій шагомъ бродяга. И лавочникъ, все тотъ же Идолъ Ивановичъ, шайкѣ Соловья отпускаетъ товаръ даже въ кредитъ, чуть ли не по книжкѣ, а Жегулеву каждый разъ грозитъ доносомъ и, кажется, доносить.

— Не выдержи, одинъ пойду, у Александра Ивановича не спрошусь, а ужъ распорю ему животъ! — темнѣя отъ гнѣва, говоритъ Андрей Ивановичъ.

— Распори, матросъ, распори!—я тебѣ подмогу, за ноги держать буду!—иронически поддакиваетъ Еремѣй: онъ еще держится въ шайкѣ: но порою невыносимъ становится своей злобной ко всему ироніей и грубыми плевками. Плюетъ направо и налево.

— Ну и скотъ же ты, Ерема!—горько упрекаетъ его матросъ:— для кого стараемся, а?

Еремѣй съ трудомъ складываетъ въ смѣшливую гримасу свое дубовое лицо, подмигиваетъ выразительно и хлопаетъ его по колѣну:

— Андрюша! матросикъ! пинжачекъ ты мой хорошенкѣй—а съ кѣмъ ты намедни солому приминалъ, жмыхи выдавливалъ, а? Ну-ка, матросъ, кайся!

Андрей Ивановичъ краснѣетъ: по слабости человѣческой онъ завелъ было чувствительный романъ съ солдаткой, со вдовой, но разъ подсмотрѣли ихъ и не даютъ проходу насмѣшками. Не знаютъ, что со вдовой они больше плакали, чѣмъ цѣловались—и отбили дорогу, ожесточеніе и горечь заронили въ скромное, чистое безъ ропота одинокое сердце. До того дошло съ насмѣшками, что позвалъ его какъ-то къ себѣ самъ Жегулевъ и, стѣсняясь въ словахъ, попросилъ не ходить на деревню.

— Такъ точно, я не хожу. Еще чего не прикажете?

— Я ничего не приказываю, Андрей Ивановичъ... Голубчикъ мой, вспомните Василь Васильича... да я самъ...

Словно колоколъ церковный прозвучалъ въ отдаленіи и стихъ. Опустилъ голову и матросъ, слышитъ въ тишинѣ, какъ побаливаетъ на ногѣ гнѣющая ранка и беспокоится: не доходить ли тяжкій запахъ до Жегулева? И хочется ему не то чтобы умереть, а—не быть. Не быть.

И отъ осенняго ли похолодѣвшаго воздуха и темныхъ осеннихъ ночей, отъ вражды ли мужичьей и насмѣшекъ грубыхъ—всюду начинаютъ ему мерещиться волчьи острые морды. Правда, появились уже и волки въ окрестныхъ лѣсахъ, изрѣдка и воютъ тихонько, словно подучиваясь къ зимнему настоящему вою, изрѣдка и скотинку потаскиваютъ, но людей не трогаютъ—однако, боится ихъ матросъ, какъ никогда ничего не боялся. Свой страхъ онъ скрываетъ отъ всѣхъ, но уже новыми глазами смотреть въ темноту лѣса, боится его не только ночью, но и днемъ и далеко отходить отъ стана не рѣшается. И ночью, заслышавъ издали тихій неувѣренный вой, холодѣетъ онъ отъ смертельной тоски: что-то созвучное своей долѣ слышитъ онъ въ одинокомъ, зломъ и скорбномъ голосѣ лѣсного, несчастнаго, всѣми ненавидимаго звѣря. А утромъ, осторожно справившись о волкахъ, удивляется, что никто этого воя и не слыхалъ.

Все рѣзче съ каждымъ часомъ намѣчались зловѣщія перемѣны, но какъ въ морокъ живущій, ничего не видѣлъ и не понималъ Жегулевъ. Какъ море въ отливъ, отходилъ неслышно народъ, оставляя на песокъ легкіе отбросы да крохи своей жизни, и уже зіяла кругомъ

молчаливая пустота—а онъ все еще слѣпо жить въ отомедленномъ шумѣ и движеніи валовъ. До дна опустошенный, отдавшій все, что призванъ былъ отдать, выпитый до капли, какъ бокалъ съ драгоценнѣйшимъ виномъ—прозрачно свѣтлѣлъ онъ среди безпорядка пиршественнаго стола и все еще ждалъ жаждущихъ устъ, когда уже къ новымъ пирамъ и горько-радостнымъ отравамъ разошлись и званые и незваные. Съ жестокостью того, кто безсмертенъ и не чтитъ маленькихъ жизней, которыми насыщается, съ божественной справедливостью безликаго покидалъ его народъ и устремлялся къ новымъ судьбамъ и новыя призывалъ жертвы,—новые возжигалъ огни на невидимыхъ алтаряхъ своихъ.

Даже того какъ будто не замѣчалъ Жегулевъ, что подозрительно участились встрѣчи и перестрѣлки со стражниками и солдатами, и всегда была въ этихъ встрѣчахъ неожиданность, намекъ на засаду. Дѣйствительно выдавалъ ли ихъ кто, или естественно лишились они той незримой защиты, что давалъ народъ—но временами положеніе становилось угрожающимъ. Мало-по-малу, сами того не замѣчая, перешли они изъ нападающихъ въ бѣгущіе, и все еще не понимали, что это идетъ смертный копецъ, и все еще искали оправданія: осень идетъ, дороги трудны, войскъ прибавили—но завтра будетъ по старому, по-хорошему. Укрѣпляла еще въ надеждахъ шайка Васьки Щеголя, по-прежнему многолюдная, разгульная и удачливая: не понимали, что отъ другихъ корней питается кривое дерево, поганый сукъ, облѣпленный вороньемъ.

Но только мертвый не просыпается, а и за-живо похороненному дается одна минуточка для сознанія—наступилъ часъ горькаго пробужденія и для Сашки Жегулева. Произошло это въ первыхъ числахъ сентября при разгромѣ одной усадьбы, на границѣ уѣзда, вдали отъ прежняго, уже покинутаго, становища—уже съ недѣлю, ограниченные числомъ, жили братья въ потайномъ убѣжищѣ за Желтухинскимъ болотомъ.

Все шло по обычаю, только съ большею противъ обычнаго торопливостью, гамомъ и даже междуусобными драками—озлобленно тасили, что попало, незнакомые незнакомой деревни мужики, ругались и спорили. Вдругъ неизвестно откуда пробѣжала страшная вѣсть, что скачутъ стражники—въ паническомъ бѣгствѣ, ломая телѣги, валясь въ канавы, оравой понеслись назадъ. Напрасно кричалъ матросъ, знавшій доподлинно, что стражники далеко, грозилъ даже оружіемъ: большинство разбѣжалось, въ переполохъ чуть не до смерти придавивъ слабосильнаго, но по-прежнему яростнаго и вѣрнаго Федота. Не ушли только тѣ, у кого не было телѣгъ, да выли двѣ

бабы, у которыхъ угнали лошадей, пока не цыкнулъ на нихъ свирѣлый Еремѣй. Но все же осталось въ разгромленной усадьбѣ человѣкъ до тридцати, и было среди нихъ наполовину пьянаго народа; а вскорѣ вернулся кое-кто съ пустыми телѣгами, опомнились дорогой и постыдились возвращаться порожнякомъ.

— Время, Александръ Ивановичъ! — сказалъ матросъ, глядя на свои часики. И Жегулевъ привычно крикнулъ:

— Запаливай, ребята!

Но уже трудился Еремѣй, раздувая подтопку, на самый лобъ вздергивая брови и круглясь красными отъ огня надутыми щеками; и вскорѣ со всѣхъ концовъ запылала несчастная усадьба и освѣтилась осенняя мгlistая ночь, красными дымами поползли угрюмые тучи, верстъ на десять озаряя окрестность. Въ ту ночь былъ первый ранній заморозокъ, и всюду, куда палъ иней,—на огорожу, на доску, забытую среди помертвѣвшей садовой травы, на крышу дальняго сарая—легъ нѣжный розовый отсвѣтъ, словно сами свѣтились припущенные снѣгомъ предметы. Галдѣли и ругались не успѣвшіе нагрузиться, опоздавшіе мужики.

Уже уходили лѣсные братья, когда возлѣ огромнаго хлѣбнаго скирда, подобно часовнѣ возвышавшагося надъ притоптаннымъ жнивьемъ, въ тѣневой сторонѣ его замѣтили нѣсколькихъ словно притаившихся мужиковъ, точно игравшихъ со спичками. Вспыхнетъ и погаснетъ, не отойдя отъ коробки. Озабоченный голосъ Еремѣя говорилъ:

— Эхъ, куда сѣрнички способнѣй: тухнетъ, сволочь!

Саха въ изумленіи и гнѣвѣ остановился:

— Андрей Ивановичъ, что это? Неужели хлѣбъ хотятъ?

— Видно, что такъ. Не трогайте ихъ, Александръ Ивановичъ.

— Помутился разумъ человѣческій,—сказалъ Жучекъ, прячась на случай за матроса.

Слѣпень, кривой, глупо захохоталъ и сплюнулъ:

— Мужики!

Но захохотали и нѣкоторые изъ мужиковъ, то ли конфузиво, то ли равнодушно отходя отъ скирда и смѣшиваясь съ братьями; и только Еремѣй оглянулся на мгновенье, словно лякнулъ по-волчьи, и зажегъ новую спичку, наскоро бросивъ:

— Стань-ка отъ вѣтру, Егорка.

Жегулевъ шагнулъ впередъ и, коснувшись согнутой трудолюбиво спины, крикнулъ:

— Ты что дѣлаешь, Еремѣй! Хлѣбъ нельзя жечь, ты съума спятилъ! Отдай другимъ, если самому... голоднымъ! Тебѣ говорю!

Еремѣй не быстро оглянулся и коротко сказалъ:

— Не твой хлѣбъ. Отойди!

Коротокъ былъ и взглядъ запавшихъ голодныхъ глазъ, коротокъ былъ и отвѣтъ—но столько было въ немъ страшной правды, столько злобы, голода ненасытимаго, тысячелѣтнихъ слезъ, что молча отступилъ Сашка Жегулевъ. И бессознательнымъ движеніемъ прикрылъ рукою глаза — страшно показалось видѣть, какъ загорится хлѣбъ. А тамъ, либо не понявъ, либо понимая слишкомъ хорошо, смѣялись громко.

Жарко затрещало, и свѣтъ проникъ между пальцами—загорѣлся огромный скирдъ; смолкли голоса, отодвигаясь — притихли. И въ тишинѣ человѣческихъ голосовъ необыкновенный, поразительный въ своей необычности плачъ вернулъ зрѣніе Сашѣ, какъ слѣпому отъ рожденія. Сидѣлъ Еремѣй на землѣ, смотрѣлъ не мигая въ красную гущу огня и плакалъ, повторяя все одни и тѣ же слова:

— Хлѣбушка-батюшка!.. Хлѣбушка-батюшка!

Опустились головы и глаза то ли въ тяжкомъ раздумьи и своихъ слезахъ, то ли изъ желанія не стыдить плачущаго взглядами. Накаплились соломинки и млѣли, какъ проволока свѣтящаяся, плавилось золото хлѣбное и превращалось въ тлѣнъ.

Покачивался Еремѣй и, какъ тогда Елена Петровна съ губернаторомъ, плакалъ въ святой откровенности горя и повторялъ безконечно:

— Хлѣбушка-батюшка!.. Хлѣбушка-батюшка!.. Хлѣбушка...

Всею душою вздохнулъ Саша и, подойдя къ Еремѣю, нѣжно коснулся его рукою, нѣжно, какъ матери бы своей, сказалъ вздохами:

— Еремѣюшка... родной мой... Не плачь Еремѣюшка!

Точно не разслыхалъ Еремѣй всѣхъ словъ, но замолкъ, хлипнулъ носомъ и, обернувшись, съ ядовитой улыбкой четко и раздѣльно сказалъ слѣдующее.

— Подлизывается, баринъ?.. Много денегъ нагребилъ, разбойникъ?... Много христіанскихъ душъ загубилъ, злодѣй непрощенный?

... Такъ проснулся Саша. И ночью въ своей холодной землянкѣ, звѣриномъ нечистомъ логовѣ лежалъ онъ, дрожа отъ холода, и думалъ кровавыми мыслями о непонятности страшной судьбы своей. Нужна ли была его жертва?—кому во благо отдалъ онъ всю чистоту свою, радости юношескихъ лѣтъ, жизнь матери, всю свою безсмертную душу? Неужели все это—драгоценное и единственное, что есть у человѣка — такъ никому и не нужно, такъ никому и не пригоди-

лось?—брошено въ яму вмѣстѣ съ мусоромъ нечистымъ, сгибло втунѣ, обернулось волею Невѣдомаго въ бесплодное зло и безцѣльные страданія! Нѣтъ и не будетъ ему прощенія ни въ нынѣшнемъ днѣ, ни въ сонмѣ вѣковъ грядущихъ. Кто можетъ и смѣетъ простить его за убійство, за пролитую кровь? Господи! и Ты не можешь простить, иначе не всѣхъ Ты любишь равно. Кто же?

Мать?

Кто-то въ темнотѣ копошится въ ногахъ, чѣмъ-то тяжелымъ и теплымъ прикрываетъ озябшее: кто это?

— Спите, Александръ Ивановичъ, спите, это я ноги вамъ прикрылъ, холодно. Спите!

— Спасибо, Андрюша. Спасибо. Спасибо, голубчикъ.

Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ дому—заплакалъ Сашка Жегулевъ.

17. Любовь и смерть.

Великій покой — удѣлъ мертвыхъ и неимѣющихъ надеждъ. Великій и страшный покой ощутилъ въ душѣ Погодинъ, когда отошли вмѣстѣ съ темнотою ночи первые бурные часы.

Хорошо или плохо то, что онъ сдѣлалъ и чего не могъ не сдѣлать, нужно оно людямъ или нѣтъ—оно сдѣлано, оно свершилось и стоитъ сзади него во всей грозной неприкосновенности совершившагося: не измѣнить въ немъ ни единой черточки, ни одного слова не выкинуть, ни одной мысли не измѣнить. Приметь жизнь его жертву или съ гнѣвомъ отвергнетъ ее, какъ даръ жестокой и ужасной; простить его Всезнающій или, осудивъ, подвергнетъ карамъ, силу которыхъ знаетъ только Онъ одинъ; была ли добровольной жертва, или, какъ агнецъ обреченный, чужой волею приведенъ онъ на закланіе—все сдѣлано, все совершилось, все осталось позади, и ни единаго ничьей силою не вынуть камня. А впереди—только смерть.

Это была безнадежность, и ея великій, покорный и страшный покой ощутилъ Саша Погодинъ. Ощувивъ же, призналъ себя свободнымъ отъ всякихъ узъ, какъ передъ лицомъ неминуемой смерти свободенъ больной, когда ушли уже всѣ доктора и убраны склянки съ ненужными лекарствами и заглушенный плачь доносится изъ-за стѣны. Съ того самаго дня, какъ было возвращено Женѣ Эгмонтъ нераспечатаннымъ ея письмо и данъ былъ неподозрѣвавшей матери послѣдній прощальный поцѣлуй, Саша какъ бы закрылъ душу для всѣхъ образовъ прошлаго, монашески отрекся отъ любви и близкихъ.

„Если я буду любить и тосковать о любимых, то не всю душу принесъ я сюда, и не чиста моя чистота“,—думалъ Погодинъ съ пугливой совѣстливостью аскета; и даже въ самыя горькія минуты, когда мучительно просило сердце любви и отдыха хотя бы краткаго, крѣпко держалъ себя въ добровольномъ плѣну мыслей—твердая воля была у юноши. Теперь же, когда вмѣстѣ со смертью пришла свобода отъ узъ—съ горькой и пламенной страстностью отдался онъ грезамъ, въ самой безнадежности любви черпая для нея ненужное и послѣднее оправданіе. „Теперь я могу думать о чемъ хочу“,—строго рѣшилъ онъ, глядя прямо въ глаза своей совѣсти—и думалъ.

Какъ разъ въ эту пору, предвѣщая близкій конецъ, усилились преслѣдованія. Словно чья-то огромная лапа, не торопясь и даже поигрывая, ползала по уѣзду вдогонку за лѣсными братьями, шарилъ многими пальцами, неотвратимо проникала въ глубину лѣсовъ, въ темень овраговъ, заброшенныхъ кѣттей, нетопленныхъ, холодныхъ бань. Куда только ни прятались братья?—и отовсюду приходилось убѣгать; и снова прятаться и снова бѣжать дальше. Все короче становились опасные переходы, и все на меньшемъ мѣстѣ, незамѣтно сужая кругъ, кружилась шайка Жегулева, гонимая страхомъ, часто даже призракнымъ. Едва ли кто изъ нихъ боялся смерти, скорѣе жаждали ея, но въ самомъ обиходѣ прятанья и постоянного бѣгства было нѣчто устрашающее, ослаблявшее волю и мужество. Тревожнымъ сталъ слухъ, вообще склонный обманывать, и зрѣніе обострилось болѣзненно, и сонъ сдѣлался пугливъ и чутокъ, какъ у звѣря, и движенія порывисты—круты повороты, внезапны остановки, коротки и безслесны вскрики.

Осень была въ общемъ погожая, а имъ казалось, что царить непрестанный холодъ и ненастье: при дождѣ, безъ огня, прѣли въ сырости, утомлялись мокротою, дышали паромъ; не было дождя—отъ страха не разводили огня и осеннюю долгую ночь дрожали въ ознобѣ. Днемъ еще согрѣвало солнце, имѣвшее достаточно тепла, и тѣ, кто мирно проѣзжалъ по дорогамъ, думали: какая теплынь, совсѣмъ лѣто!—а съ вечера начиналось мученіе, неизвѣстное ни тѣмъ, кто, проѣхавъ сколько надо, добрался до теплаго жилья, ни звѣрю, защищенному природой. Скучно кормились, и не будь неизмѣнно и загадочно вѣрнаго, капляющаго Федота—пожалуй, и умерли бы съ голода или начали, какъ волки, потаскивать мужицкую скотину.

Къ ощущеніямъ холода, пустоты и постоянного ровнаго страха свелась жизнь шайки, и съ каждымъ днемъ таяла она въ огнѣ страданій: кто бѣжалъ къ богатому и сильному, знающемуся съ полиціей Соловью, кто уходилъ въ деревню, въ городъ, неизвѣстно куда. И

Сашка Жегулевъ, все еще оставаясь знаменемъ и волею шайки, внѣшне связанный съ нею узами вѣрности и братства, дрожа ея холодомъ и страхомъ — внутренно такъ далеко отошелъ отъ нея, какъ въ ту пору, когда сидѣлъ онъ въ тихой гимназической комнаткѣ своей. И чѣмъ несноснѣе становились страданія тѣла, чѣмъ изнеможеннѣе страдальческій видъ, способный потрясти до слезъ и нечувствительнаго человѣка, тѣмъ жарче пламенѣлъ огонь мечтаній безнадежныхъ, безплотныхъ грезъ: свѣтился въ огромныхъ очахъ, согрѣвалъ прозрачную блѣдность лица и всей его юношеской фигурѣ давалъ ту нѣжность и мягкую воздушность, какой художники надѣляютъ своихъ мучениковъ и святыхъ.

Старательно и добросовѣстно вслушиваясь, весьма плохо слышалъ онъ голоса окружающаго міра, и съ радостью понималъ только одно: конецъ приближается, смерть идетъ большими и звонкими шагами, весь золотистый лѣсъ осени звенить ея призывными голосами. Радовался же Сашка Жегулевъ потому, что имѣлъ свой планъ, нѣкую блаженную мечту, скудную, какъ сама безнадежность, радостную, какъ сонъ: въ тотъ день, когда не останется сомнѣній въ близости смерти и у самаго уха прозвучитъ ея зовъ—пойти въ городъ и проститься со своими.

Въ тѣ долгія ночи, когда всѣ дрожали въ мучительномъ ознобѣ, онъ подробно и строго обдумывалъ планъ: конечно, ни въ домъ онъ не войдетъ, ни на глаза онъ не покажется, но, подкравшись къ самымъ окнамъ, въ темнотѣ осенняго вечера, увидитъ мать и Линочку и будетъ смотрѣть на нихъ до тѣхъ поръ, пока не лягутъ спать и не потушатъ огонь. Очень возможно, что въ тотъ вечеръ будетъ у нихъ въ гостяхъ и Женья Эгмонтъ... но здѣсь думать становилось страшно. Страшно было и то, что занавѣски на окнахъ могутъ быть опущены... но неужели не догадается мать, не почувствуетъ за окнами его сыновнихъ глазъ, не услышитъ біенія его сердца? Оно и сейчасъ такъ бьется, что слышно, кажется, по ту сторону земли!

Пойметъ. Догадается. Откроетъ!

Тихо и красиво умираетъ лѣсъ. То, что вчера еще было зеленымъ, сегодня отъ краю золотится, желтѣетъ все прозрачнѣе и легче; то, что было золотымъ вчера, сегодня густо багровѣетъ; все такъ же, какъ будто, много листьевъ, но уже шуршитъ подъ ногою и лѣсныя дали прозрачно видятся;—и громко стучитъ дятель, далеко, за версту слышенъ его рабочій дробный постукъ. Вокругъ милые и печальные люди смотрятъ на него съ тоскою и жаждой: но чѣмъ ихъ напоить? Отдалъ бы, пожалуй, и мечту свою, но не нужна имъ чужая, далекая, даже обидная мечта. Даже стыдно временами: какой онъ богатъ.

Смутно проходить передъ глазами поблѣднѣвшее лицо матроса, словно издали слышится его спокойный, ласково-покорный голосъ.

— У васъ жива мать, Андрей Ивановичъ?

— Не могу знать.

Станный и словно укоризненный отвѣтъ, но дальше спрашивать нельзя... или можно, но не хочется?

— Плохи наши дѣла, Андрей Ивановичъ.

— Такъ точно, Александръ Ивановичъ, плохи. Одежи теплой нѣтъ, вотъ главное.

— Да, одежды нѣтъ. А что же Федотъ общалъ полушубковъ достать?

— Да не даютъ мужики, говорятъ, какіе были, всѣ Соловьевъ забралъ. Врутъ.

— Надо достать.

— Да надо ужъ.

Молчать и думать свое, и Саша убѣжденъ, что матросъ думаетъ о полушубкахъ, какъ ихъ достать.

— Что это вы послѣднее время хромаете, Андрей Ивановичъ? — ушиблись?

Матросъ, какъ будто конфузится и отвѣчаетъ виновато:

— Развѣ хромаю? Не замѣчаю что-то, показалось, вѣрно.

— Да нѣтъ же, замѣтно.

— А можетъ быть и ушибся, да ничего не почувствовалъ... надо будетъ ногу посмотреть. Ничего не прикажете, Александръ Ивановичъ?

И въ тотъ день матросъ дѣйствительно не хромалъ, очевидно ошибся Погодинъ. Многое замѣчалось одними глазами, и во многомъ ошибались глаза, и слабой болью отвѣчало на чужую боль въ мечтѣ живущее сердце. Все дальше уходила жизнь, и открывался молодой душѣ чудесный міръ любви, божественно чистой и прекрасной, какой не знаютъ живые въ надеждахъ люди. Какъ непужная, отпадала грубость и суета житейскихъ отношеній, томительность пустыхъ и усталыхъ дней, досадная и злая сытость тѣла, когда по-прежнему голодна душа—очищенная безнадежностью, обрѣтала любовь тѣ свои таинственнѣйшіе пути, гдѣ святостью и безсмертіемъ становится она. Почти не имѣла образа Женья Эгмонтъ: никогда въ грезахъ непрестанныхъ не видѣлъ ея лица, ни улыбки, ни даже глазъ: развѣ только услышитъ шелестъ платья, мелькнетъ на мгновеніе узкая рука, что-то теплое и душистое пройдетъ мимо въ слабомъ озареніи свѣта и тепла, коснется еле слышно... Но не видя образа, сквозь тлѣнныя его черты прозрѣвалъ онъ великое и таинственное, что есть настоящая безсмертная Женья, ея любовь и вѣчная красота, въ мірѣ безтѣлесномъ

обручался съ нею, какъ съ невѣстою—и сама вѣчность въ ея заколдованномъ кругѣ была тяжкимъ кольцомъ обрученія.

Но странно: не имѣла образа и мать, не имѣла живого образа и Тиночка — всю знаетъ. всю чувствуетъ, всю держитъ въ сердцѣ, а увидѣть ничего не можетъ... зачѣмъ большое мѣнять на маленькое, что имѣютъ всѣ? Такъ въ тихомъ шелестѣ платьевъ, почему-то черныхъ и шелестящихъ, жили призрачной и безсмертной жизнью три женщины, касались еле слышно, проходили мимо въ озареніи свѣта и душистаго тепла, любили, прощали и жалѣли—три женщины: мать—сестра—невѣста.

Но вотъ уже и надъ ухомъ прозвучалъ призывный голосъ смерти: ушелъ изъ шайки на свободу Андрей Ивановичъ, матрость.

Съ вечера онъ былъ гдѣ-то тутъ же и, какъ всегда, дѣлалъ какое-то свое дѣло; оставалось ихъ теперь всего четверо помимо Жегулева—матрость, Кузьма Жучекъ, Федотъ и невыносимо глупый и скучный, одноглазый Слѣпень. Потомъ развелъ костеръ матрость—уже и бояться перестали! и шутливо сказалъ Сашѣ:

— Теперь въ лѣсу волки, а огня они боятся.

— Въ этихъ мѣстахъ волковъ нѣтъ.—поправилъ Федотъ:—я знаю.

— Ты свое знаешь, а мы свое знаемъ: хворосту жалко?

— Жги, мнѣ-то что. Теплѣй спать будетъ. Ложился бы и ты съ нами, Александръ Ивановичъ, а то сыръ въ землянкѣ, захвораетъ.

Но Саша легъ въ землянкѣ: мѣшали люди тихой мечтѣ, а въ землянкѣ было нѣмѣ и одиноко, какъ въ гробу. Спалъ крѣпко— вмѣстѣ съ безнадежностью пришелъ и крѣпкій сонъ, ярко продолжавшій дневную мечту; и ничего не слыхалъ, а утромъ спохватились—Андрея Ивановича нѣтъ. На мѣстѣ и балалайка его съ раскрашенной декой, и платяная щеточка, и все его маленькое имущество, а самого нѣтъ.

Долго не знали, что думать и что предпринять, тѣмъ болѣе, что и артельныя деньги, оставшіеся пустяки, Андрей Ивановичъ унесъ съ собой, какъ и маузеръ. Терялись въ безпокойныхъ догадкахъ. Глупый Слѣпень захмыкалъ и ляпнулъ:

— Къ Соловью убѣгъ.

— Ну и дуракъ! — сказалъ Федотъ и нерѣшительно высказалъ свою догадку:—не объявляться ли пошелъ?

И странно было, что Саша также ничего не могъ придумать: точно совсѣмъ не зналъ человѣка и того, на что онъ способенъ—одно только ясно: къ Соловью уйти не могъ. Выждали до полудня, а потомъ, томясь бездѣятельностью, отправились въ поиски, безтолково бродили вокругъ стана и выкрикали:

— Андрюша! Матросъ!

Саша безнадежно бродилъ среди деревьевъ, смотря внизъ, точно грибы искалъ; и по завѣту матроса о мертвомъ тѣлѣ, которое всегда обнаружится—нашелъ-таки Андрея Ивановича. Боясь ли волковъ, или желаніе убить себя пришло внезапно и неотвратимо и не позволило далеко уйти — матросъ застрѣлся въ десяткѣ саженой отъ костра: странно, какъ не слышали выстрѣла. Лежалъ онъ на спинѣ, ногами къ открытому мѣсту, голову слегка запрятавъ въ кусты: будто, желая покрѣпче уснуть, прятался отъ солнца; отвелъ Саша вѣтку съ порѣдѣвшимъ желтымъ листомъ и увидѣлъ, что матросъ смотритъ остеклянѣло, а ротъ черенъ и залитъ кровью; тутъ же и браунингъ — почему-то предпочелъ браунингъ. И еще замѣтилъ Саша, что на щекѣ возлѣ уха и въ тѣхъ мѣстахъ подбородка, которыхъ не залила кровь, проступила щетинка бороды: никогда не видѣлъ па живомъ.

— Такъ-то, Андрей Ивановичъ! Ловко! — сказалъ Жегулевъ, по звуку голоса, совсѣмъ спокойно и отпустилъ вѣтку: качаясь, смахнула она мертвый листъ на плечо матроса.

Откуда-то подошли тѣ трое и изъ-за спины смотрѣли:

— Надо портмонетъ достать, — сказалъ Федотъ и укоризненно обратился къ Слѣпню:—а ты говоришь — къ Соловью! Къ этому Соловью и ты скоро пойдешь.

— Ты-то раньше пойдешь, у тебя изъ горла кровь идетъ.

— Ну и дуракъ!—удивился Жучекъ и сплюнулъ.

— Ничего онъ не понимаетъ. Помоги, Жучекъ!

Пока ворочали и обыскивали мертвеца, Жегулевъ находился тутъ же, удивляясь, что не чувствуетъ ни особенной жалости, ни тоски: немного страшно и до-нельзя убѣдительно, но неожиданного и необыкновеннаго ничего—такъ и нужно. Главное же, что завтра онъ пойдетъ въ городъ.

Но что-то досадное шевелилось въ мысляхъ и не давалось сознанию—иное, чѣмъ жалость, иное, чѣмъ собственная смерть, иное, чѣмъ та страшная ночь въ лѣсу, когда умеръ Колесниковъ... Но что? И только увидѣвъ матросовъ вывернутый карманъ, прежде чужой и скрытый, а теперь ничей, этотъ странный маленькій мѣшочекъ, свисшій у бока,—вдругъ понялъ, чего не понималъ: онъ, Жегулевъ, совершенно не знаетъ этого мертваго человѣка, словно только сегодня онъ пріѣхалъ въ этомъ своемъ неразгаданно-мертвецкомъ видѣ, съ открытыми глазами и чернымъ ртомъ. Потомъ, припоминая дальше, вдругъ слабо ужаснулся, горько усмѣхнулся надъ человѣческой слѣпотой своей: вѣдь онъ и совсѣмъ не знаетъ Андрея Ивановича, матроса, никогда и не видалъ его! Было возлѣ что-то услуж-

ливое. благородное, деликатное, говорило какія-то слова, которыя всѣ позабыты, укрывало, когда холодно, поддерживало подѣ руку, когда слабо,—а теперь взяло и застрѣлилось, самостоятельно, ни съ кѣмъ не посоветовавшись, безъ словъ ушло изъ жизни. Стараются Жегулевъ вспомнить прежнее его живое лицо — и не можетъ; даже то, что онъ брился аккуратно, вспоминается формально, недовѣрчиво: точно и всегда была теперешняя, неаккуратная щетинка. И все горше становится сознанію: оказывается, онъ даже фамиліи его не знаетъ, никогда ни о чемъ не спрашивалъ — былъ твердо убѣжденъ, что знаетъ все! А знаетъ только то, что видитъ сейчасъ: мало.

Уже зарыли мертвеца, когда удалось Жегулеву вызвать изъ памяти нѣчто до боли и слезъ живое: лицо и взглядъ Андрея Иваныча, когда игралъ онъ плясовую, тайно улыбающійся и степенный, какъ женихъ на смотринахъ. И вспомнилась тогдашняя весенняя луна съ ея надземнымъ покоемъ, ровный шумъ ручья, бѣгущаго къ далекому морю, готовый къ пляскѣ Колесниковъ въ его тогдашней дикой и сумасшедшей красотѣ. Потомъ разговоръ въ шалашикѣ, когда голоса звучали такъ близко, и въ маленькую щель крышки блестѣлъ серебряный, ослѣпительно яркій дискъ. Умеръ Петруша. Умеръ Колесниковъ, а сейчасъ зарыть и матросъ.

— Помнишь рябинушку, Федотъ?...—спросилъ Саша, умиленно улыбаясь; и съ такой же умиленной улыбкой на своихъ синихъ тонкихъ губахъ, тѣсно облипавшихъ желтые большіе зубы, отвѣтилъ Федотъ:

— Какъ же, Александръ Ивановичъ, помню.

„Ну и страшно же на свѣтѣ жить!“ — думаетъ Кузьма Жучекъ, глядя въ безпросвѣтно-темные, огромные, страдальческіе глаза Жегулева и не въ силахъ, по скромному уму своему, связать съ нимъ воедино улыбку блѣдныхъ устъ. Забеспокоился и одноглазый Стѣпень, но, не умѣя словами даже близко подойти къ своему чувству, сказалъ угрюмо:

— А балалайку матросову я себѣ возьму.

— Вотъ-то дуракъ! — удивился Федотъ и пересталъ улыбаться.

Поговоривъ съ Федотомъ о возможностяхъ, Жегулевъ рѣшилъ на слѣдующій же день идти въ городъ и проститься: дальше не хочетъ ждать смерти и требуетъ поспѣшности.

18. П р о щ а н і е.

Одѣтый въ валяный, мужицкаго сукна, коричневый армякъ, Жегулевъ съ утра прятался на базарѣ, а базаръ шумѣлъ торговой жизнью, пилъ

ругался, шатался по трактирамъ и укрывалъ приспособившагося. Какъ соломинка среди соломинокъ, втоптаннхъ въ грязь площади конями, колесами и тяжелыми мужицкими сапогами, терялся Саша въ однотонно галдящемъ, коричневомъ царствѣ, никому ненужный и никому невѣдомый. Постаивалъ около возовъ съ соломою, имѣя видъ что-то продающаго, помогать вводить чужихъ коней на вѣсовой помость для сѣна и всячески старался приобрести невидимость, а больше просиживалъ въ трактирахъ, гдѣ пьяный шумъ и сутолока вскорѣ отбивали слухъ и память у всякаго входящаго. Больше всего боялся онъ встрѣчи съ каменецкими мужиками и на одного наткнулся-таки, но тотъ поглядѣлъ равнодушно и, не признавъ, прошелъ дальше: мѣняла Жегулева и одежда его, и смолянистая отроспая борода. И ни въ комъ не возбуждалъ подозрѣній молодой высокій мужикъ, и развѣ только удивляла и трогала худоба и блѣдность его: но и тутъ для любопытныхъ и слишкомъ разговорчивыхъ было оправданіе: только что выписался изъ больницы и ждетъ земляка, вмѣстѣ поѣдутъ.

Былъ коротокъ и звонко-шумливъ осенній базарный день, но для Жегулева тянулся онъ долго и плоско, порою казался нѣмымъ и безгласнымъ: точно со всею суетою и шумомъ своимъ базарные были нарисованы на полотнѣ, густо намазаны краской и крикомъ, а позади полотна—тишина и безгласіе.

Скоро и солнце зашло за крыши и только съ минутку еще блестяло въ окнахъ высокаго въ три этажа трактира; и караваномъ тѣлѣтъ потянулись въ сумерки поля мужичьи-однодеревенцы, снимаясь гнѣздами, какъ грачи. Въ рядахъ, подъ сводами каменной галлерейки зазвенѣли желѣзные болты на дверяхъ и окнахъ, и всякій огонь окна становился теплѣе и ярче по мѣрѣ того, какъ сгущался на глазахъ быстрый и суровый сумракъ; какъ ряды пассажирскихъ вагоновъ, поставленныхъ одинъ на другой, свѣтился огнями высокій трактиръ, и въ открытое окно разорванно и непонятно, но зазывающе бубнилъ и вызывалъ органъ. Пустѣла площадь и уже неловко становилось бродить въ одиночку среди покинутыхъ задраенныхъ досками ларей—самъ себя чувствовалъ Жегулевъ похожимъ на вора и подозрительнаго человѣка.

И все острѣе становилась тревога: и пяти минутъ невозможно было просидѣть на мѣстѣ, только и отдыхала немного мысль, какъ двигались ноги хотя бы въ сторону противоположную. Набѣгали невыносимо страшныя мысли и предположенія, для далекаго путешественника отравляющія приближеніе къ дому: мало ли что могло случиться за эти четыре мѣсяца?—до сихъ поръ Жегулеву какъ-то совѣсть не приходило въ голову, что мать могла умереть отъ потря-

сепія и горя, и даже безъ всякаго потрясенія, просто отъ какой-нибудь болѣзни, несчастнаго случая. Въ дѣтствѣ даже часы, когда отсутствовала мать, тревожили сердце и воображеніе населяли призраками возможныхъ бѣдъ и несчастій, а теперь прошло цѣлыхъ четыре мѣсяца, долгій и опасный срокъ для непрочной человѣческой жизни.

Зажавъ въ кулакъ золотые часы, наслѣдство отъ отца-генерала, Погодинъ подъ фонаремъ разглядываетъ стрѣлки: всего только семь часовъ, и стрѣлки неподвижны, даже маленькая секундная словно стоитъ на мѣстѣ—заведены ли? Забылъ, что уже два раза заводилъ, и пробуетъ сдвинуть окаменѣвшій заводъ, пока догадывается, что съ нимъ. Одинъ только разъ, не желая подходить къ фонарю, нажалъ пружину, и старинные дорогіе съ репетиціей часы послушно зазвонили въ ухо—по такъ громокъ въ безлюднѣй площади показались ихъ пѣвучій робкій звонъ, что поскорѣе сунулъ въ карманъ и крѣпче, словно душа, зажалъ кулакъ.

Можно бы и сейчасъ идти, но держитъ принятое рѣшеніе и парализуетъ волю: возлѣ оконъ своихъ рѣшилъ быть ровно въ девять, когда пьютъ чай въ столовой—единственный часъ, въ который можетъ оказаться съ ними и Женя Эгмонтъ.

Наконецъ, возмущился противъ себя и своего рѣшенія Жегулевъ:

— Да что я: съ ума хочу сойти?—почему въ девять, а не сейчасъ? Тамъ подожду.

И круто, на полшагъ повернувъ, проплылъ какъ бы по воздуху пустынную площадь и окунулся въ темноту тихой, немощеной улицы, еле намѣчаемой въ перспективѣ нѣсколькими тусклыми фонарями. Далеко на серединѣ знакомо свѣтлѣло: тамъ уголь, гдѣ сворачивать на ихъ улицу, и на углу, свѣтя на обѣ улицы, помѣщается Самсонычева лавка. И при первыхъ же шагахъ, прямо ведущихъ къ цѣли, стихла тревога и явилась спокойная увѣренность, что мать жива и увидитъ ее, и не захотѣлось торопиться, а идти медленно и вдумчиво, капля за каплей пить драгоцѣннѣйшій напитокъ.

Какая радость: идти по знакомымъ и роднымъ мѣстамъ, гдѣ каждый столбикъ и канавка и каждая доска забора исписана воспоминаніями, какъ книга, и все хранить ненарушимо и все помнить, и обо всемъ можетъ рассказать! Пусть для другихъ невидимы слѣды его дѣтскихъ ногъ, но Саша ихъ чувствуетъ подъ своей подошвой, нѣжно прижимаетъ ихъ къ землѣ и новый, тѣнерешнѣй свой ставитъ слѣдъ. Идетъ Саша по хоженному, тихо присматриваясь и прислушиваясь,—сталъ онъ тѣмъ сложнымъ существомъ, въ которомъ исчезли призрачныя границы времени, и противное миганіе настоящаго смѣнилось ровнымъ, негаснущимъ свѣтомъ безвременности.

Вотъ и Самсонычева лавка: въ обѣ стороны прорѣзала осеннюю тѣму и стоитъ тихонько въ ожиданіи рѣдкаго вечерняго покупателя — если войти теперь, то услышишь всегдашній запахъ постнаго масла, хлѣба, простого мыла, керосина и того особеннаго, что есть самъ Самсонычъ и во всемъ мірѣ можетъ быть услышано только здѣсь, не повторяется нигдѣ. Дальше!—вдругъ идетъ за хлѣбомъ ихняя горничная и встрѣтитъ и узнаетъ!...

Уже съ противоположной стороны оглядывается на лавку Саши и прощается съ Самсонычемъ; потомъ снова въ темнотѣ перебирается на эту сторону улицы: всю жизнь ходилъ по ней и другую сторону съ дѣтства считаетъ чужой, невѣдомой, чѣмъ-то вродѣ иностраннаго государства.

Потомъ снова идетъ на чужую сторону—подошелъ ихній заборъ, придавленный гущиною высокаго и чернаго сада, и ихняя калитка: опасно, можно встрѣтитъ кого-нибудь изъ своихъ. И долго смотреть Саши на калитку, тысячекратно отвернутую его рукой, и ждать не дыша: вдругъ откроется!

Обойдя кругомъ, переулками, Саши добрался до того мѣста въ заборѣ, откуда въ дѣтствѣ онъ смотрѣлъ на дорогу съ двумя колеями, а потомъ перелѣзалъ къ ожидавшимъ Колесникову и Петрушѣ. Умерли и Колесниковъ и Петруша, а заборъ стоитъ все такъ же—не его это дѣло, человѣческая жизнь! Тогда лѣзъ человѣкъ сюда, а теперь лѣзетъ обратно и эту сторону царапаетъ носками, ища опоры—не его это дѣло, смутная и страшная человѣческая жизнь!

Въ недостроенномъ, безъ крыши каменномъ флигелькѣ, когда-то пугавшемъ дѣтей своими пустыми глазницами, Жегулевъ съ полчаса отдыхалъ—не могъ тронуться съ мѣста отъ волненія. То всколыхнуло сердце до удушья, что увидѣлъ между толстыми стволами свои окна—и свѣтъ въ окнахъ, значить дома, и рѣзокъ острый свѣтъ: значить не спущены занавѣски и можно смотрѣть. Такъ все близко, что невозможно подняться и сдѣлать шагъ: поднимется, а колѣна дрожать и подгибаются—сиди снова и жди!

— Ну!—улыбаясь, шепчетъ Саши и гладитъ колѣна:—ну!

Собрался наконецъ съ силами и, переставъ улыбаться, рѣшительно подошелъ къ тѣмъ окнамъ, что выходятъ изъ столовой: слава Богу! столъ, крытый скатертью, чайная посуда, хотя пока никого и нѣтъ, можетъ быть еще не пили, еще только собираются пить чай. Съ трудомъ разбирается глазъ отъ волненія, но что-то странное смущаетъ его, какіе-то пустяки: то ли поваленный стаканъ и что-то грязное, неряшливое, необычное для ихняго стола, то ли незнакомый узоръ скатерти...

Что-то здѣсь есть! Что-то страшное здѣсь есть!

И вдругъ, непонятный въ первую минуту до равнодушія, вступаетъ въ поле зрѣнія и медленно проходитъ черезъ комнату, никуда не глядя, незнакомый старикъ, бритый, грязный, въ турецкомъ съ большими цвѣтами халатѣ. Въ оттянутыхъ книзу губахъ его потухшая папираса въ толстомъ и короткомъ мундштукѣ, и идетъ онъ медленно, никуда не глядя, и на халатѣ его огромные съ завитушками узоры.

Уже догадываясь, но все еще не вѣря, Жегулевъ бросается за уголъ къ тому окну, что изъ его комнаты—и здѣсь все чужое, можетъ быть по-своему и хорошее, но ужасное тѣмъ, что заняло оно родное мѣсто и стоитъ, ничего объ этомъ не зная. И понимаетъ Жегулевъ, что ихъ здѣсь нѣтъ, ни матери, ни Линочки, и нѣтъ уже давно, и гдѣ онѣ—неизвѣстно.

Три часа сидѣлъ Саша въ каменномъ, недостроенномъ флигелькѣ.

Не его это дѣло, человѣческая жизнь: лѣзъ человѣкъ сюда, а теперь лѣзаетъ обратно и уходитъ въ темноту: навсегда.

Но что за странный характеръ у юноши! Тамъ, гдѣ раздавило бы всякаго безмѣрное горе, согнуло бы спину и голову пригнуло къ землѣ—тамъ открылся для него источникъ какъ бы новой силы и новой гордости. Правда, на лицо его лучше не глядѣть и сердца его лучше не касаться, но поступъ его тверда и гордо держится на плечахъ полумертвая голова.

Такъ и не простившись, обманутый, идетъ онъ по дорогѣ къ смерти и думаетъ:

— Вотъ и кончилось все: какъ просто и какъ необходимо! Да, соблазнился я, помутился умъ, я и думалъ: побуду еще прежнимъ Сашей, отдохну въ прежнемъ передъ смертью,—а кровь не пускаетъ. Это она стала стѣною и не пускаетъ: конечно, онѣ всѣ тамъ, и мать, и Женья, и всѣ ихъ видятъ, а я нѣтъ—стала стѣною кровь и заститъ. И долженъ я остаться Сашкой Жегулевымъ, Александромъ Ивановичемъ: не Николай у меня отецъ, а какой-то Иванъ, и матери нѣтъ совсѣмъ—я Сашка Жегулевъ, Александръ Ивановичъ. Что-жъ!—я принимаю: аминь! Помутился умъ, унизился я и попросилъ милостыни, а мнѣ и не дали милостыни: иди, Жегулевъ, откуда пришелъ. Вотъ я и иду, Жегулевъ, откуда пришелъ: аминь и во вѣки вѣковъ. И

ужь не хочу я быть Сапшей, и ужь не прошу я милостыни ни у кого: буду идти, какъ иду, хотя бы на миллионы и билліоны вѣковъ протянулся мой путь: сказано идти безъ отдыха Сапкѣ Жегулеву.

Легко идется по землѣ тому, кто полной мѣрой платитъ за содѣянное. Вотъ уже и шоссе, по которому когда-то такъ легко шагаль какой-то Сапа Погодинъ—чуть ли не съ улыбкой попираетъ его незримые отроческіе слѣды крѣпко шагающій Сапка Жегулевъ и въ темной дали упоенно и радостно прозрѣваетъ свѣтящійся знакъ смерти. Идетъ въ темноту, легкій и быстрый: лица его лучше не видѣть и сердца его лучше не касаться, но тверда молодая поступь и гордо держится на плечахъ полумертвая голова.

Съ пригорка, обернувшись, видитъ Жегулевъ то вѣчное зарево, которое по ночамъ уже стоитъ надъ всѣми городами земли. Онъ останавливается и долго смотритъ: внимательно и строго. И съ тою серьезностью и простотою въ обрядѣ, которой научился у простыхъ людей, Жегулевъ становится на колѣна и земно кланяется далекому.

19. Смерть Жегулева.

Завтра поплывутъ по небу синія холодныя тучи, и между ними и землю станетъ такъ темно, какъ въ сумерки: завтра придетъ съ сѣвера жестокій вѣтеръ и размететъ листь съ деревьевъ, окаменитъ землю, обезцвѣтитъ ее, какъ сѣрую глину, всѣ краски выжметъ и убьетъ холодомъ. Согнувшись зябко, подставитъ вѣтру спину и къ югу обернуть помертвѣлое лицо свое и человѣкъ и ломкіе стебли засохшихъ травъ, и вершины деревъ и мертвые въ лугахъ поблекшіе цвѣты. Согнется въ линію бѣга все, что можетъ согнуться, и затреплются по вѣтру конскія гривы, концы одеждъ, разорванные на ключья столбики обезцвѣченнаго дыма изъ низенькихъ и закоптѣлыхъ трубъ. Уныло и длительно заскрипятъ стволы и вѣтви деревъ, и на открытой опушкѣ тоскливо зашуршитъ сгорающій, свернувшійся дубовый листь—до новой весны всю долгую зиму онъ будетъ цѣпляться за ненужную жизнь, крѣпиться безнадежно и не падать. Закружатся въ темной высотѣ гонимые вѣтромъ рѣдкіе хлопья снѣга и все мимо будутъ летѣть, не опускаясь на землю—а уже забѣлѣли каменные слѣды колесъ, и въ каждой ямочкѣ, за каждымъ бугоркомъ и столбикомъ собираются сухіе, легкіе, какъ пухъ, снѣжинки.

Но сегодня въ высокомъ лѣсу, какъ въ храмѣ среди золотыхъ иконостасовъ и безчисленныхъ престоловъ—тихо, безтрепетно и величаво. Колоннами высятся старые стволы, и самъ изъ себя свѣтится

прозрачный листъ: на топкое зеленое стекло лампадокъ похожи пик-
ніе листья лапчатого рѣзного клена, а верхъ весь въ жидкомъ золотѣ
и багрецѣ. Стекаетъ золото на землю и у подножья большихъ деревь
круглится лучистый нимбъ, а маленькія деревца и кустики, какъ
дѣти лѣсныя, ужъ отряхнулись наполовину отъ тяжелого золота и
подтягиваютъ тоненько. Какъ подъ высокими гулкими сводами зво-
нокъ шагъ идущаго, а голосъ свѣжъ и крѣпокъ; отрывистъ и четокъ
каждый стукъ, случайный лязгъ желѣза, пѣвучій посвистъ то ли че-
ловѣка, то ли запоздалой птицы—и чудится, будто полонъ прозрач-
ный воздухъ рѣющихъ на крыльяхъ лишь до времени притаившихся
звуковъ.

И тѣ вооруженные, что подкрадываются къ убѣжищу Сашки
Жегулева, отбиваютъ дружный шагъ на крѣпкой дорогѣ. враз-
бродку подползаютъ по оврагу, гнутъ спину на тропинкахъ—себѣ
самимъ кажутся слишкомъ шумными и тяжелыми. Словно оттяги-
ваетъ руки смерть, которую несутъ къ обреченному, вотъ-вотъ уро-
нишь, и на шумитъ, побѣжитъ шорохами и лязгами, оброненная, и
спугнетъ. Тихе, тихе! А лѣсъ безтрепетенъ и величавъ, и вся въ
безчисленныхъ и скромныхъ огонькахъ стоитъ береза, матерински
темная, потрескавшаяся внизу, свѣчисто-бѣлая къ верхамъ своимъ,
въ сплетеніи кружевомъ вѣтвей и тонкихъ вѣточекъ.

Не поскупилась смерть на убранство для Сашки Жегулева.

Весь день и всю ночь до разсвѣта вспыхивала землянка огнями
выстрѣловъ, трещала, какъ сырой хворостъ на огнѣ. Стрѣляли изъ
землянки и залпами и въ одиночку, на страшный выборъ: уже много
было убитыхъ и раненыхъ, и самъ приставъ, командовавшій отрядомъ,
получилъ легкую рану въ плечо. Залпами и въ одиночку стрѣляли
и въ землянку, и все казалось, что промахиваются, и нельзя было
понять, сколько тамъ людей. Потомъ, на разсвѣтъ, сразу все смолкло
въ землянкѣ и долго молчало, не отвѣчая ни на выстрѣлы, ни на
предложеніе сдаться.

— Хитрятъ!—говорилъ приставъ, блѣдный отъ потери крови,
отъ боли въ ранѣ, отъ бессонной и мучительной ночи. Высокій,
костлявый, съ большой, но неровной по краямъ черной бородой, былъ
онъ похожъ на Колесникова и, несмотря на револьверъ въ рукѣ, и
на полувоенную форму, видъ имѣлъ мирный и разстроенный.

— Пожалуй, что и хитрятъ!—отвѣчалъ молодой, но водянисто-
толстый и равнодушный подпоручикъ въ лѣтнемъ, несмотря на
прохладу, кителѣ: жалко было портить болѣе дорогое сукно.

— Какъ же тогда быть?—недоумѣвалъ приставъ, морщась отъ боли.—Еще пострѣлять?—видно ужъ такъ. Пострѣляйте еще, голубчикъ!

— Павленковъ отошелъ, ваше благородіе, — доложилъ солдатъ.

— Ахъ негодяи!—возмущился приставъ:—жарьте ихъ въ хвостъ и гриву... негодяи!

Пострѣляли и еще, пока не стало совсѣмъ убѣдительнымъ ровное молчаніе; вошли, наконецъ, въ страшную землянку и нашли четверыхъ убитыхъ: остальные, видимо, успѣли скрыться въ ночной темнотѣ. Одинъ изъ четверыхъ, худой рыжеватый мужикъ съ тонкими губами, еще дышалъ, похрипывалъ, точно во снѣ, но тутъ же и отошелъ.

— Говорилъ, убѣгутъ, вотъ и убѣжали! Надо же было цѣлую ночь... эхъ!—страдальчески горячился приставъ, наступая на толстаго, равнодушно разводящаго руками офицера.—Выволоките ихъ сюда!

Трупы выволокли и разложили въ рядъ на мѣстѣ отъ давнишняго костра. Приставъ, наклонившись и придерживая здоровой рукой больную, близоруко осмотрѣлъ убитыхъ и, хоть уже достаточно свѣтло было, ничего не могъ понять.

— Ну, конечно,—бормоталъ онъ:—ну, конечно, Жегулева-то и нѣтъ! Благодарю, значитъ, покорно: опять бѣгай по уѣзду и ищи. Эхъ!

— А этотъ не подойдетъ?—спросилъ офицеръ и слегка ткнул ногой одинъ изъ труповъ.

— Вы полагаете? — усумнился приставъ. — Посмотримъ, посмотримъ!

Въ обезображенномъ лицѣ, съ выбитыми пулей передними зубами и разорванной щекой, трудно было признать Жегулева; но было что-то городское. чистоплотное въ одеждѣ и тонкихъ, хотя и черныхъ, но сохранившихся рукахъ, выдѣлявшее его изъ нѣмой компаніи другихъ мертвецовъ—да и просто, былъ онъ значительнѣе другихъ.

— Если не убѣжалъ, то, пожалуй, и этотъ,—соображалъ приставъ: переходя отъ надежды къ сомнѣнію.

Изъ разорванной щеки бѣлѣли уцѣлѣвшіе зубы, словно улыбался насмѣшливо убитый—и вдругъ вспыхнулъ мирный приставъ,

— Смѣешься, подлецъ? Посмѣйся, посмѣйся!—но было безцѣльно грозить мертвому и, обернувшись, приставъ закричалъ:—Егорку сюда! Гдѣ Егорка? Спрятался, сукинъ сынъ!

Пришелъ дѣйствительно прятавшійся Егорка и сталъ бокомъ, стараясь не глядѣть на трупы.

— Ты куда спрятался, а? Какъ до тебя дѣло, такъ ты въ кусты?

— Покойниковъ я боюсь.

— Покойниковъ боишься, а разбойничать не боишься?! Я-тъ тебя!.. Признавай, подлецъ, Жегулева.

Егорка наскоро, точно купаясь въ холодной водѣ, обѣжалъ глазами убитыхъ и ткнулъ пальцемъ на Жегулева:

— Этотъ самый.

— Врешь, подлецъ!

— То не вралъ, а то врать стану: говорю этотъ!

— Обыскать!

Обыскали мертваго, но ничего свидѣтельствующаго о личности не нашли: кожаный потертый портсигаръ съ одной сломанной папирсою, старую, порванную на сгибахъ карту уѣзда и кусокъ бинта для перевязки—можетъ быть и Жегулевъ, а можетъ и не онъ. Въ десяткѣ шаговъ отъ землянки набрали на золотые, старые съ репетиціей часы, но выбросилъ ли ихъ этотъ, или, убѣгая, обронилъ другой, болѣе настоящій Сашка Жегулевъ, рѣшить не могли.

Потомъ приставъ, совсѣмъ ослабѣвшій, уѣхалъ на перевязку: ушла и рота, захвативъ своихъ убитыхъ и раненыхъ, а разбойниковъ на самодѣльныхъ носилкахъ, а кое-гдѣ и волокомъ, доставили стражники въ Каменку для опознанія. Прибылъ туда другой приставъ, здоровый, молодой, сильно надушенный скверными духами, наѣхало большое и маленькое начальство, набрались любопытные—народу собралось, какъ на базаръ, и сразу вытоптали траву около убитыхъ. По предложенію пристава, во всемъ любившаго картинность, убитыхъ стоймя привязали къ вбитымъ въ землю четыремъ коламъ и придали имъ боевую позу: каждому въ опущенную руку насильно и съ трудомъ вложили револьверъ, предварительно разрядивъ его.

И издали дѣйствительно было похоже на живыхъ и страшныхъ разбойниковъ, глубоко задумавшихся надъ чѣмъ-то своимъ, разбойничьимъ, или разсматривавшихъ вытоптанную траву, или собирающихся плясать: колѣна все время сгибались подъ тяжестью тѣла, какъ ни старались ихъ выпрямить. Но вблизи страшно и невыносимо было смотрѣть, и уже никого не могли обмануть мертвецы притворной жизнью: безсильно, по-мертвому, клонились вялая, точно похудѣвшія и удлиннившіяся шеи, не держа тяжелой мертвой головы.

Трое сутокъ въ безсмѣнномъ дежурствѣ стояли надъ Каменкой мертвецы, угрожая незаряженными револьверами; и по ночамъ, когда свѣтъ костровъ уравнивалъ мертвыхъ съ живыми, боялись близко подходить къ нимъ и сами охранявшіе ихъ стражники. Но такъ и оставался нерѣшеннымъ вопросъ о личности убитаго предводителя:

одни изъ Гнѣдыхъ говорили, что Жегулевъ, другіе, изъ страха ли быть замѣшанными или вправду не узнавая, доказывали, что не онъ. Къ тому же, какъ разъ въ одну изъ этихъ ночей разлилось зарево за лѣсомъ и сразу распространился невѣдомо откуда слухъ, что это жжетъ новыя усадьбы Сашка Жегулевъ.

Собрались на горкѣ мужики безъ шапокъ и босикомъ, смотрѣли на далекій разгоравшійся пожаръ и, боясь и стражниковъ, и тѣхъ четырехъ, что неподалеку молчали и тоже, какъ будто, смотрѣли на пожаръ, тихо и зябко перешептывались:

— Вотъ тебѣ и поймали!

— Его поймаешь! Ты его здѣсь пригвоздилъ, а онъ на тебѣ: жгетъ.

— Чего-жъ не жечь, когда само горитъ... Эхъ, и сапожки хороши у разбойничка, то-то бы погрѣться. А то, пляши не пляши, нѣтъ тебѣ настоящаго ходу.

Говорившій зябко перебралъ и тоннулъ ногами, словно и вправду собирался плясать. Тихо засмѣялись.

— Поди да сыми.

— Самъ поди, а я и тутъ хорошъ. Надо быть, у Полыновыхъ горитъ.

— Сказалъ! Полыновы вонъ гдѣ, а онъ: у Полыновыхъ! Полыновыхъ еще погоди.

Засмѣялись тихо. Кто-то громко, чтобы слышали стражники, сказалъ:

— Самъ помѣщикъ и жгетъ, для страховки, а на другихъ только слава. Въ дубѣ ихъ надо!

Изъ молчаливой кучки стражниковъ, смотрѣвшихъ на пожаръ, донесся угрюмый окрикъ:

— Поговори тамъ! Храберъ ты, какъ темно, а ты днемъ мнѣ скажи, чтобы морду твою видѣть.

— Моя морда запечатанная, вѣкъ тебѣ ее не увидать!

Уже громко засмѣялись и другой насмѣшливый голосъ крикнулъ стражнику:

— То-то ты не трусь! Эй, гляди назадъ: Жегулевъ стрѣлять хочетъ!

Оглянулись.

Въ призрачномъ свѣтѣ, что бросали на землю красныя тучи, словно колыхались четыре столба съ привязанными мертвецами. Чернѣли тѣнью опущенныя лица тѣхъ трехъ, но голова Жегулева была слегка закинута назадъ, какъ у коренника, и призрачно свѣтлѣло лицо, и

улыбался слишкомъ большой, разорванный ротъ съ бѣлѣющими на сторонѣ зубами.

Такъ въ день, предназначенный тѣмъ, кто жилъ до него и грѣхами своими обременилъ русскую землю — умеръ позорной и страшной смертью Сапа Погодинъ, юноша благородный и несчастный.

20. Э п и л о г ъ.

На другое утро послѣ визита къ губернатору, обѣ женщины вмѣстѣ отправились искать по городу квартиру, и Елена Петровна, медленно переходя съ одной стороны на другую, сама читала билетики на окнахъ и воротахъ. И взяли квартирку въ центрѣ города, на одной изъ большихъ улицъ, нарочно тамъ, гдѣ ходитъ и ѣздитъ много народу — въ нижнемъ этажѣ трехэтажнаго стараго дома, три окна на улицу, остальные во дворъ. Темноватая была квартира, хотя не вѣшали ни драпри, ни занавѣсей и только на уличныхъ, квадратныхъ, глубокихъ въ толстой стѣнѣ окнахъ прoderнули на веревочкѣ короткія занавѣсочки отъ прохожихъ. У этихъ оконъ были почему-то мраморные, холодные подоконники, а въ одной комнатѣ находился сѣрый мраморный каминъ, больше похожій на умывальникъ: повидимому, предназначалась когда-то квартира для роскоши, или жилъ въ ней самъ владѣлецъ.

Переѣхавъ, начали было разставлять мебель, но на половинѣ бросили, и черезъ два мѣсяца комнаты имѣли такой же видъ, какъ и въ первый день переѣзда: въ передней стояли забитые ящики и сундуки, завернутые въ мочалу вѣшалки — платья вѣшали на гвоздикахъ въ стѣнѣ, оставшихся отъ кого-то прежняго; стоялъ одинъ сундукъ и въ столовой, и горничная составляла на него грязную посуду во время обѣда. Чай пили и обѣдали вдвоемъ только на кончикѣ большого стола, и только кончикъ этотъ и застилался скатертью—словно такъ великъ былъ Сапа, что одинъ занималъ всю ту большую голую половину стола. И часто весь день, не убирался, стоялъ холодный самоваръ и грязныя чашки: облѣнилась горничная, увлеченная жизнью большой и людной улицы со многими лавками, только потому и оставалась, что служить у генеральши.

Никто у Погодиныхъ не бывалъ: сперва и пріѣзжали, но Елена Петровна никого не принимала, и вскорѣ ихъ оставили въ покоѣ, и одиноко, только другъ съ другомъ, жили обѣ женщины, одѣтыя въ черное. Когда въ половинѣ августа наступило учебное время, Линочка не пошла въ гимназію, и такъ получилось, что она гимназію бросила,

хотя ни мать, ни она сама объ этомъ не говорили и не воспоминали: такъ вышло. За лѣто Линочка выросла до одного роста съ матерью, и такъ сильно похудѣла, что больше стала похожа на другого, новаго чело-вѣка, чѣмъ на себя. И исчезло куда-то сходство съ покойнымъ отцомъ, генераломъ, а вмѣсто того съ удивительною рѣзкостью неожиданно проступили и въ лицѣ, и въ манерахъ, и въ привычкахъ материнскія черты. Тотъ легкій, полудѣтскій сонъ, оставшійся отъ дѣтства, что даже плачущимъ глазамъ Линочки придавалъ скрытое выраженіе покоя и счастья, навсегда ушелъ: глаза раскрылись широко и блестяще, углубились и потемнѣли: и легъ вокругъ глазъ темный жуткій обводъ страданія, видимый знакъ печали и горькихъ думъ. Еще странность и новизна: русые волосы, особенно напоминавшіе генерала, въ одно лѣто потемнѣли почти до черноты и, вмѣсто мелкихъ и веселыхъ завитушекъ, легли на красивой и печальной головкѣ тяжелыми безъ блеска волнами.

Издѣдка, въ хорошую погоду и обычно въ тихій часъ сумерекъ объ женщины ходили гулять, выбирая безъ словъ и папоминапій тѣ мѣста, гдѣ когда-то гуляли съ Сашенькой; объ черныя и Елена Петровна приличная и важная, какъ старая генеральша,—ходили онѣ медленно и не спѣша, далеко и долго видѣлись гдѣ-нибудь на берегу среди маленькихъ мѣщанскихъ домишекъ въ мягкой обезцвѣченности тихихъ лѣтнихъ сумерекъ. Иногда Линочка предлагала присѣсть на крутомъ берегу и отдохнуть, но Елена Петровна отвѣчала:

— Ты знаешь, Линочка, что я люблю сидѣть только на лавочкѣ.

Нашлась одна такая старая безъ спинки лавочка, поставленная на берегу любителемъ природы, и тамъ иногда сидѣли, смотря на рѣку и проходящіе пароходы. И когда проходилъ пассажирскій пароходъ, спозаранку расцвѣтившійся огнями, Елена Петровна не спѣша разсматривала его въ очки, которые для дали, и говорила:

— Надо бы намъ, Линочка, поѣхать по рѣкѣ.

Линочка смотрѣла, дѣлая видъ, что ей тоже очень интересно, и думала молча: „отчего я теперь не умѣю говорить? Мнѣ надо бы сказать сейчасъ, что на пароходѣ очень интересно, и что надо бы поѣхать, а я знаю, что говорить, и молчу“.

Но гуляли женщины рѣдко, — и день и вечеръ проводили въ стѣнахъ, мало замѣчая, что дѣлается за окнами: все куда-то шли и все куда-то ѣхали люди, и сталъ привыченъ шумъ, какъ прежде тишина. И только въ дождливую погоду, когда въ мокрыхъ стеклахъ расплывался свѣтъ уличнаго фонаря и особеннымъ становился стукъ экипажей съ поднятыми верхами, Елена Петровна обнаруживала

безпокойство и говорила, что нужно купить термометръ, который показываетъ погоду.

— Барометръ, мамочка, — поправляла Линочка, и Елена Петровна соглашалась:

— Да, да, — барометръ.

Случалось, что съ утра обѣ онѣ начинали ходить по столовой, которая была больше другихъ комнатъ, и ходили до самой ночи, только на короткое время присаживаясь для обѣда и чая. Вносила горничная лампу — висячую лампу надъ столомъ все только собирались достать изъ ящика — и тогда ходили при свѣтѣ, а забывала горничная внести — ходили въ растущей темнотѣ, все болѣе приближавшейся къ цвѣту ихнихъ платьевъ, пока не становилось трудно различать предметы. И хотя обѣ все время только и думали, что о Сашѣ, но почти не говорили о немъ: сами мысли казались разговоромъ, и Линочка, забываясь, даже боялась думать страшное, чтобы не услышала мать. И по комнатѣ Елена Петровна ходила съ крайней медленностью, смотрѣла внизъ, слегка склонивъ голову, и перебирала прозрачными пальцами тоненькую домашнюю цѣпочку отъ часовъ, старушечьи заостривъ локти въ черномъ блестящемъ шелку. И однажды сказала, продолжая вслухъ свои мысли:

— Помнишь, Линочка, я говорила какъ-то, что у Сашеньки нѣтъ никакихъ талантовъ?

— Это я говорила, мамочка, ты ошибаешься.

— Нѣтъ, дружокъ, это ты ошибаешься и говорила я. Теперь ты видишь, какой у Сашеньки талантъ?

— Да.

— Очень, очень большой талантъ. Но только, конечно, совсѣмъ особенный, мужской, и намъ съ тобой никогда его не понять, Линочка.

Спали обѣ женщины въ одной комнатѣ, и мать никогда не узнала, какимъ это было ужасомъ для измученной, въ своемъ огнѣ горѣвшей Линочки. И ужасъ начинался съ той минуты, какъ тушилась свѣча, и Линочка знала, что мать не спитъ и не заснетъ, и думаетъ свое, и лежитъ тихонько, чтобы не мѣшать Линочкиному сну. Невыносимо было молчаніе и притворство, а въ немъ проходили часы — и вотъ начинала громче вздыхать Елена Петровна, думая, что заснула дочь и она теперь одна и никому не мѣшаетъ. И вздыхала не торопясь, надолго; потомъ, забывая окружающее, начинала тихонько, со вздохами, шептать, и шептала долго, неразборчиво, какъ скребущаяся мышъ. Минутъ на пять переставала шептать и вздыхать и неопредѣленно замолкала: и въ эти пять минутъ переставало биться

сердце у Линочки въ мучительномъ ожиданіи. И снова начинались въ постепенности вздохи и шопоть, велись какіе-то безконечные разговоры; видимо, Елена Петровна все-таки сознавала окружающее— вдругъ бѣлымъ призракомъ въ своей ночной кофточкѣ поднимется и поправитъ начавшую коптить лампадочку за зеленымъ стекломъ. Поднявъ голову, испуганно слѣдить за ней Линочка и безшумно прячется въ одѣяло: и тихонько поскрипываетъ постель, давая мѣсто старому тѣлу, и снова въ постепенности зарождаются вздохи и шопоть, точно какую-то стѣну прогрызаетъ осторожная и пугливая мышь. Иногда прозвучитъ и разборчивое слово, мало говорящая фраза, озабоченный вздохъ:

— Дождь-то какой... ай-ай-ай. Дождь-то какой...

И непремѣнно наступитъ послѣ этого пятиминутное молчаніе: словно испугалась мышь громкаго голоса и притаилась... и снова вздохи и шопоть. Но самое страшное было то, когда мать бѣлымъ призракомъ вставала съ постели и, ставъ на колѣни, начинала молиться и говорила громко, точно теперь никто уже не можетъ ее слышать: тутъ казалось, что Линочка сейчасъ потеряетъ рассудокъ или уже потеряла его.

— Сынъ мой, Сашенька!...

Такъ начиналась молитва, а дальше настолько безумное и неповторяемое, чего не воспринимали ни память, ни слухъ, обороняясь, какъ отъ кошмара, стараясь не понимать страшнаго смысла произносимыхъ словъ. Сжавшись въ боязливый комокъ, накрывала голову подушкой несчастная дѣвочка и тихо дрожала, не смѣя повернуться лицомъ къ спасительной, казалось, стѣнѣ; а въ просвѣтъ между подушками зеленоватымъ сумеркомъ безумно свѣтилась комната и что-то бѣлое, кланяясь, громко говорило страшныя слова.

Только къ разсвѣту засыпала мать, а утромъ, проснувшись поздно, надѣвала свое черное шелковое платье, чесалась аккуратно, шла въ столовую и, вынувъ изъ футляра очки, медленно прочитывала газету.

И чай наливала Линочка, печальная, красивая и спокойная дѣвушка въ черномъ платьѣ.

Эта газета, которую по утрамъ читала мать, была опять-таки мученіемъ для дочери: нужно было проснуться раньше и каждое утро взглянуть, нѣтъ ли такого, чего не можетъ и не должна читать Елена Петровна. И однажды утромъ — это было еще въ концѣ іюля мѣсяца — просматривая газету, Линочка нашла извѣстіе, что вчера убитъ въ перестрѣлкѣ знаменитый разбойникъ Сашка Жегулевъ. Такъ до самаго выхода Елены Петровны она и не рѣшила, что дѣ-

латъ ей съ собой и съ газетою и въ спальню поздороваться съ матерью, какъ обычно, не пошла и, держа въ груди всю буйную толпу задержанныхъ рыдавій, молча, не здороваясь, подала газету. Елена Петровна взглянула на дочь, потомъ на газету и, сразу заторошившись, не попадая за уши тонкой оправой очковъ, молча трясла головою, искала строки, еще не видя. Наконецъ прочла—и, не спѣша, сняла очки дрожащими пальцами и внимательно посмотрѣла на Линочку:

— Это не Сашенька... успокойся, не плачь, это не Сашенька.

Но уже вырвались на свободу рыданія; билась въ черныхъ колѣняхъ у матери плачущая дѣвушка и кричала:

— Откуда ты знаешь! Да родная же моя мамочка, я сейчасъ умру, умру, умру. Откуда ты знаешь?

Тихо плакала—за дочь, а не за себя—Елена Петровна, и успокаивала бережно:

— Успокойся, дѣточка. не плачь, это не Сашенька. Я знаю, не плачь, это не Сашенька, нѣтъ, нѣтъ...

И весь день въ тоскѣ, не довѣряя предчувствіямъ матери, провела Линочка, а слѣдующій номеръ газеты принесъ чудесное подтвержденіе: убить дѣйствительно не Сашка Жегулевъ, а кто-то другой. И снова безъ отмѣтъ и счета потянулись похожіе дни, и все тѣ же страшныя ночи, вспоминать которыя отказывались и слухъ и память, и утромъ, при дневномъ свѣтѣ, признавали за сонъ.

Къ концу, августа, что-то новое появилось въ мысляхъ Елены Петровны: медленно, какъ всегда, прохаживаясь съ дочерью по комнатамъ, она минутами пріостанавливалась и вопросительно глядѣла на Линочку; потомъ, качнувъ головою, шла дальше, все что-то думая и соображая. Наконецъ рѣшила:

— Ты замѣчаешь, Лина, что уже давно не слышно о Сашенькѣ? Ты, дѣвочка, должна была это замѣтить, это такъ замѣтно.

Линочка нерѣшительно возразила:

— Нѣтъ, мамочка, въ газетахъ пишутъ.

— Ахъ, мало ли что пишутъ въ этихъ газетахъ, какъ ты можешь этому вѣрить. И знаешь ли, что я думаю, Линочка?

И съ строгимъ достоинствомъ, точно поглубже стараясь скрыть тихую радость, Елена Петровна высказала догадку, скорѣе утвержденіе:

— Я думаю, Линочка... и не думаешь ли ты, что Сашенька могъ уѣхать въ Америку? Тише, тише, дѣвочка, не возражай, я знаю, что ты любишь возраженія. Америка достаточно хорошая страна, чтобы Сашенька могъ остановить на ней свой выборъ, я же хорошо

помню, онъ что-то рассказывалъ мнѣ очень, очень хорошее объ этой странѣ. Неужели ты не помнишь, Линочка?

Но больше къ этой мысли, на нѣкоторое по крайней мѣрѣ время, она не возвращалась: была ли обижена недовѣріемъ, или же сама еще недостаточно твердо рѣшила вопросъ. Когда въ концѣ октября появилось извѣстіе о смерти Сашки Жегулева, то и къ этому извѣстію Елена Петровна отнеслась съ тѣмъ же спокойнымъ недовѣріемъ, и на нѣсколько часовъ поколебала даже Линочку. Но было что-то неуволимо страшное въ черныхъ строкахъ, въ какихъ-то маленькихъ подробностяхъ — и, мучаясь неизвѣстностью, Линочка пошла въ городъ, къ Женѣ Эгмонтъ. Вернулась она довольно скоро, и глаза у нея были странные, но день прошелъ обычно; а на слѣдующее утро она снова уходила и такъ нѣсколько дней подрядъ, и глаза у нея были странные—но въ остальномъ все шло по-обычному.

Только обезпokoила Елену Петровну какъ разъ въ эти дни разразившаяся буря: гремѣло на вывѣскахъ желѣзо отъ ледяного сѣвернаго вѣтра, уныло сумраченъ былъ короткій день и хотя настоящаго снѣга не было—около троттуарныхъ тумбочекъ, и у стѣнъ, и въ колдобинахъ мостовой забѣлѣлось, намело откуда-то. Весь день Елена Петровна посылала смотрѣть на градусникъ, ужасаясь растущему холоду, а ночью, въ свистъ вѣтра, въ ударахъ по стеклу то ли сухихъ снѣжинокъ, то ли поднятаго вѣтромъ песку, зашептала раньше обыкновеннаго, потомъ стала кричать и съ крикомъ молиться.

Но буря пронеслась, наступилъ день, и Елена Петровна успокоилась и снова, останавливаясь, начала вопросительно поглядывать на Линочку. Уже давно никто не нарушалъ ихъ одиночества даже звонкомъ, и, когда въ прихожей среди тишины рѣзко звякнулъ звонокъ, Елена Петровна вздрогнула и, трясаясь, сразу заспѣшивъ съ очками, обратилась къ двери: молчала Линочка, не трогаясь съ мѣста, и кто-то тихо раздѣвался въ прихожей.

— Кто это?—воскликнула Елена Петровна:—зачѣмъ вы меня пугаете?

И въ высокой стройной дѣвушкѣ, одѣтой въ черное, не сразу узнала Женю Эгмонтъ, а та стояла въ дверяхъ и плакала, и плакала навзрыдь Линочка, и стало такъ страшно!...

Неслышно шагнула впередъ Женя и, склонившись на колѣна, припала къ прозрачнымъ, дрожащимъ рукамъ своей мокрой, холодной щекой; и говорила вздохами и слезами:

— Мамочка! Мамочка!

Но Елена Петровна отталкивалась и трясла головой:

— Саша умеръ? Саша умеръ?

— Да нѣтъ же!—кричала Линочка и кричала Женья:—онъ живъ, онъ живъ!

— А, живъ, такъ что же вы!—какъ будто даже со злобой говорила Елена Петровна и въ другое перенесла свою тоску, боль, мучительный испугъ—вцѣпилась обѣими руками въ худенькія податливыя плечи Жени, сильная и безжалостная, трясла ее и кричала:

— Нѣтъ, ты вѣришь! Ты пришла... нѣтъ, ты вѣришь, что онъ поступаетъ хорошо, хорошо? Говори же, ты вѣришь! Женья!

— Вѣрю, мамочка. Я его невѣста. Я съ тобою буду ждать его!

Съ этого дня три въ черномъ шелестомъ своихъ платьевъ будили тишину темныхъ комнатъ, тихо ходили, еле слышно касаясь другъ друга, говорили ласковыми словами. Мелькнетъ узкая рука, въ озареніи любви и душистаго тепла колыхнется что-то нѣжное: попотъ ли, слившійся съ шелестомъ платья, или заглушенная слеза: мать—сестра—невѣста.

Палъ на землю снѣгъ и посвѣтлѣло въ комнатахъ. И уже не тѣ стали комнаты: занялись обѣ дѣвушки уборкой и раскрыли ящики, разставили мебель, повѣсили драпир и гардины—при равнодушномъ вниманіи Елены Петровны. Одну комнату оставили для Саши.

По вечерамъ всѣ сидѣли вмѣстѣ, разговаривали о разномъ и много читали: теперь Елена Петровна совсѣмъ повѣрила, что Саша уѣхалъ въ Америку, и каждый вечеръ, надѣвая очки—она и слушала почему-то въ очкахъ—просила:

-- Ну-ка, Линочка, почитай мнѣ объ Америкѣ... ты ничего не имѣешь противъ, Женичка?—это очень хорошая страна.

— Я и сама буду читать, мама,—отвѣчала Женья весело:—мы будемъ по очереди.

— Вотъ все и устраивается прекрасно. Читай же, Линочка.

Читали по очереди дѣвушки: и пока ходила плакать одна, читала другая. И шутя утверждая безсмертіе жизни и безконечность страданія, Елена Петровна вытирала подъ очками глаза, потомъ снимала и прятала въ футляръ, говоря со вздохомъ:

— Теперь Сашенькѣ хорошо. Америка очень хорошая страна, очень!

Конецъ.

19 октября 1911 года.

Алексѣй Ремизовъ.

Пѣтушокъ.

Разсказъ.

Глава первая.

На Ильинъ день у Петьки корова пятиалтынный съѣла.

Послѣ всенощной, какъ спать ложиться, дала бабушка мальчонкѣ денежку серебряную—пятнадцать копѣекъ на гостинцы. Въ Ильинъ день изъ Кремля крестный ходъ къ Іліи Пророку ходитъ на Воронцово поле, большой съ корсунскими крестами, и жандармовъ на коняхъ много ѣдетъ, а за обѣдней на церковномъ дворѣ въ садикѣ, у церкви подъ хоругвями гулянье: квасъ клюквенный продаютъ, игрушки, ягоды всякія, кружовникъ, груши и мороженное. Петька до ягодъ охотникъ и мороженное страсть любить,—пятиалтынный ему на руку. Такъ съ пятиалтыннымъ и ночь спалъ.

Вернулась бабушка отъ ранней обѣдни отъ Николы Кобыльскаго, а Петька ужъ на ногахъ: и самоваръ приготовилъ и сапожонки себѣ ваксой начистилъ, принарядился,—въ пору хоть со двора сейчасъ. И сколько разъ, ждавши бабушку, юла картузъ себѣ примѣрялъ— картузъ у Петьки съ козырькомъ лаковымъ; раньше-то соломенную шляпу таскалъ, а какъ поступилъ въ городское училище, картузъ ему бабушка купила. И ремень подтянулъ до самой послѣдней дырочки, тоже лаковый, оправилъ свою черную суконную курточку съ двумя серебряными пуговками на воротѣ, только съ штанишками плохо—штанишки парусиновые, вымыты начисто, вымыла ихъ бабушка сама и выгладила, да коротеньки: голенища пальца на два видны,—ну, и Петька растетъ, и штанишки въ мойкѣ сѣли.

— Я, бабушка, тебѣ самоваръ въ одну минуту поставилъ!— встрѣтилъ Петька бабушку, на одной ножкѣ прискакиваетъ.

— Умникъ ты у меня, Пѣтушокъ!—заморилась за обѣдней бабушка и чаю попить ей хочется.

Бабушка сама самоваръ ставить долго, такъ Петькѣ всегда казалось, что долго: бабушка сперва золу вытряхнеть, наложить немного угля, на уголья лучинки, а потомъ, какъ уголья зашипятъ,

еще подложить, и такъ раза два подложить. А Петька прямо съ золой, не вытряхивая, полонъ самоваръ напихаетъ углями, зажжетъ лучинки-щепочки и на щепочки угольковъ еще положить, и самоваръ будто бы сразу гудѣть принимается.

— Умникъ ты!—повторяетъ бабушка: рада она, что самоваръ на столѣ шумить, и неспѣша попьетъ она чайку, отдохнетъ малость до крестнаго хода.

Бабушка богомольная, не пропускала она ни одной службы и, когда случался покойникъ у Николы Кобыльскаго, пойдетъ и за обѣдню и на панихиду со свѣчкой постоятъ, во всѣ крестные ходы съ Петькой ходила.

Сѣла бабушка за столъ чай пить, во и кусочка просвирки не прожевала, Петька ужъ торопить, тормошить бабушку идти крестный ходъ встрѣчать.

А куда ранъ такую! Крестный ходъ, поди, изъ Кремля не тронулся, крестный ходъ только-только что собирается, и у забора морозовскаго, поди, и дворники не стоятъ еще, сидятъ себѣ въ теплой дворницкой, чай пьютъ.

Бабушка съ Петькой обыкновенно встрѣчали крестный ходъ въ Введенскомъ переулкѣ на морозовскомъ рѣшетчатомъ заборѣ. Устраивались просто: сначала полѣзетъ Петька, а за Петькой и бабушка вскарабкается; лазала старуха на заборъ, и хоть трудно ей было, да зато виднѣе съ забора, и не раздавать.

— А то я, бабушка, одинъ пойду!—Петька надѣлъ свой картузъ съ козырькомъ лаковымъ и ужъ къ двери.

Бойтся бабушка Петьку одного безъ себя пускать, бойтся, раздавать ея Петьку.

— Тебя, Пѣтушокъ, еще раздавать!

— Не раздавать, бабушка, меня, мнѣ, бабушка, въ прошломъ году жандармъ конемъ на палецъ наступилъ, больно ка-къ! А ничего. Я пойду, бабушка.

Страшно бабушкѣ и ровно обидно: всякій годъ, вѣдь, вмѣстѣ ходили—впереди Петька, за Петькой бабушка въ своей старенькой тальмѣ и съ зонтикомъ, зонтикъ бабушка отъ солнца не раскрывала и носила его, держа не за ручку, а за кончикъ, такъ что ручка земли касалась. И отпустить ей безъ себя не хочется Петьку и передохнуть хочется, чаю неспѣша напиться!

Что подѣлаешь, не удержать мальчонку!

Пошелъ одинъ Петька.

Утро выдалось хорошее, свѣжее, будетъ нежаркій день. Петька ли намолилъ у Бога такой славный денекъ или самъ праздникъ—Илія

Пророкъ послалъ такую благодать, хорошо будетъ крестному ходу идти, заблестятъ всѣ хоругви золотыя, и батюшкамъ хорошо будетъ идти, сухо, и пѣвчимъ пѣть.

Петька вышелъ на крылечко, пятиалтынный у него въ кулачкѣ,—много онъ купить кружовнику краснаго волосатаго и мороженнаго съѣсть на пяточекъ шоколаднаго. Петька прислушивался: гдѣ-то далеко звонили, но очень далеко. Должно быть, вышелъ крестный ходъ изъ Кремля и въ тѣхъ церквахъ, мимо которыхъ шелъ крестный ходъ, звонили.

„На Ильинкѣ или на Маросейкѣ... у Николя — Красный звонъ!“—смекнулъ себѣ Петька и вдругъ увидалъ корову.

По двору ходила дяконова корова, постановная, сытая рыжая корова.

Петькѣ всегда было пріятно, когда встрѣчалъ онъ дяконову корову, молочную, буренушку, какъ называла бабушка корову.

— Здравствуй, буренушка!—Петька вприпрыжку подскочилъ къ коровѣ, протянулъ руку, чтобы погладить... денежка заиграла на солнцѣ, выскользнула пятиалтынный. а корова языкомъ денежку и слизнула, слизнула, отрыгнула и проглотила.

Туда-сюда—проглотила!

Покошался Петька въ травѣ, пошарилъ камушки, походилъ вокругъ коровы, постоялъ, подождалъ, не выйдетъ ли денежка... Нѣтъ. серебряной нѣтъ его денежки, съѣла буренушка, отняла она у Петьки его ильинскій пятиалтынный.

Съ пустыми руками пошелъ Петька къ Илиіи Пророку.

Вернуться ему, сказать бабушкѣ? Бабушка скажетъ: „Вотъ не послушался, пошелъ одинъ, корова и съѣла!“ Да и не дастъ ужъ никогда серебряную денежку. „Куда, скажетъ, такому давать,—все одно, корова съѣстъ!“ Нѣтъ, лучше не говорить бабушкѣ. А какъ же кружовникъ и мороженное? Да такъ ужъ, придется обойтись безъ кружовника и мороженнаго... А замѣтитъ бабушка? Ну, не замѣтитъ. Онъ скажетъ бабушкѣ, что цѣлый пудъ кружовнику съѣлъ и мороженнаго сто стаканчиковъ... А не повѣритъ бабушка? Повѣритъ! Кружовникъ дешевый—дешевка, такъ сама бабушка говоритъ, и что-жъ тутъ такого: купилъ пудъ и съѣлъ. И денегъ у него не мало, серебряная вѣдь денежка, не пяточекъ,—пятиалтынный! Да нѣтъ у него никакого пятиалтыннаго, корова съѣла!

„Экая корова,—упрекалъ Петька свою любимую буренушку,—зачѣмъ ты у меня денежку съѣла! А какой кружовникъ красный, волосатый, мороженное шоколадное вкусное... сто стаканчиковъ!“

Шелъ Петька и все думалъ о своемъ пятиалтынномъ, который

нельзя вернуть. И былъ одинъ способъ: признаться бабушкѣ и чтобы бабушка новый дала. Но откуда взять бабушкѣ? Деньги не растутъ, говорить сама бабушка, серебряныхъ у ней наперечетъ, копѣекъ вотъ, тѣхъ много... Петька шелъ мимо Курскаго вокзала, мимо Рябовскаго дома дикаго, въ которомъ, думалъ Петька, никто никогда не живетъ, а стоятъ однѣ золотыя комнаты, шелъ на Воронцово поле къ Илѣи Пророку.

Весь Введенскій переулокъ травой устлалъ, всю мостовую покрыли свѣжей накошенной травой. тутъ была и Хлудовская трава и отъ Найденовыхъ и отъ Мыслипа, все прихожанъ богатыхъ. Ноги скользили по травѣ, и Петька ухитрился озеленить штанишки. Въ травѣ попадались цвѣты, и отъ цвѣтовъ пахло полемъ, напоминало о богомольѣ—Петька съ бабушкой всякое лѣто ходилъ на богомолье. Петька вдругъ забылъ о своемъ сѣдѣнномъ пятиалтынномъ, зажмурился: такъ чутко, такъ ясно почувствовалъ онъ землю-траву подъ ногами и перенесся подъ Звенигородъ на дорогу полемъ—тамъ цвѣты-колокольчики, и лѣсомъ—тамъ кукуетъ кукушка, къ Саввинскому монастырю, а отъ Звенигорода, отъ Саввы Преподобнаго къ Николо-Угрѣшъ, а отъ Николо-Угрѣшъ къ Троице-Сергію.

По переулку ужъ спѣшплъ народъ въ перковы, задерживались на тротуарѣ, выбирали поудобнѣе, повиднѣе мѣстечко стать. Звонили ближе, кажется, совсѣмъ близко: у Троицы на Грязяхъ. Нѣтъ, Петька ошибся, еще далеко: это звонили у Космы и Демьяна.

На морозовскомъ заборѣ еще никого не было, никто не сидѣлъ. Только дворники у воротъ стояли, да кучеръ морозовскій въ плисовой безрукавкѣ, черный, волоса коровьимъ масломъ смазаны. Петька тоже когда-нибудь, когда будетъ большой, смажется коровьимъ масломъ, и у него волоса такіе же будутъ черные, какъ у кучера, а пока ему бабушка, послѣ бани только, смачиваетъ ихъ квасомъ.

Петька взобрался на морозовскій заборъ и сталъ глазѣть, дожидаться и крестнаго хода и бабушки.

„Гдѣ-нибудь на дворѣ сыщу,—нѣтъ-нѣтъ да и вспоминалась Петькѣ его несчастная денежка,—не пропадетъ!“

Отъ денежки къ крестному ходу—гдѣ, въ какой церкви звонятъ, все прислушивался Петька, отъ крестнаго хода къ морозовскому кучеру, отъ кучера къ травѣ и богомолью, такъ переходили коротенькія мысли маленькаго Петьки, Пѣтушка, какъ звала мальчонку бабушка.

Пришла бабушка съ своимъ зонтикомъ, вскарабкалась къ Петькѣ на морозовскій заборъ, ударили у Введенія въ Барапахъ, показался

крестный ходъ, загорѣлись золотымъ огнемъ тяжелыя хоругви, зазвонили у Ильи Пророка, и утѣшился Петька.

„Дастъ ему бабушка новую денежку, а не дастъ, и безъ кружовника и безъ мороженнаго сытъ будетъ!“

Глава вторая.

У бабушки никого нѣтъ, кромѣ Петьки. Петька—сынъ племянника ея, внученокъ. Племянникъ—пропащій, былъ въ полотерахъ, въ чемъ-то попался, долго ходилъ по Москвѣ безъ мѣста, нашелъ наконецъ, должность въ пивной у Николы на Ямахъ, прослужилъ зиму въ пивной, отошелъ отъ мѣста, поступилъ на заводъ къ Гужону и отъ Гужона ушелъ и, должно быть, въ золоторотцы попалъ на Хитровку, а тамъ и пропалъ. Хотя изрѣдка, заходилъ онъ къ бабушкѣ, заходилъ денегъ просить, хмельной. Бабушка племянника боялась и называла его разбойникомъ.

Петька съ бабушкой жили на Земляномъ валу у Николы Кобыльскаго, комнату снимали въ подвалѣ. Прежде, когда силы были, бабушка безъ дѣла не сидѣла и не могла пожаловаться, безъ булки за столъ не садилась, какъ говорили сосѣди, а теперь глаза ослабѣли, работать больше не можетъ, да и годы большіе—бабушкѣ шесть лѣтъ было, когда Александра Павловича государя черезъ Москву проводили изъ Таганрога, вотъ ужъ ей сколько! Поддерживали бабушку добрые люди, изъ попечительства выдавали ей всякій мѣсяцъ, и Петьку ея въ городское опредѣлили. Бабушку Ильинишну Сундукову на Земляномъ валу всѣ знали, знали и на Воронцовомъ полѣ и въ Сыромятникахъ. Кое-какъ перебивалась бабушка съ Петькой.

Комнатенка ихъ тѣсная. До Сундуковыхъ жили въ ней двѣ старушки Сметанины, богомольные, какъ бабушка, померли Сметанины, на ихъ мѣсто и перебралась бабушка съ Петькой. А прежде занимала бабушка комнату попросторнѣе, теперь тамъ маляры живутъ.

Комнатенка бабушкина вся заставлена. Стоитъ у бабушки комодъ, отъ ветхости вродѣ секретнаго — средній ящикъ никакъ не отворить, только съ праваго бока и то на палецъ, а про это знаетъ одна бабушка. спрятаны въ ящикъ серебряный подстаканикъ съ виноградами, двѣ серебряныя ложки—на ручкахъ цвѣты выгравлены мелкіе съ чернью, все добро Петькино, будетъ ему послѣ бабушки. Есть у бабушки гардеробъ и тоже не безъ секрета: открыть дверцу отворишь, но тутъ и попался, дверца такъ и отвалится,—одна ба-

бушка умѣетъ какъ-то такъ въ дырку какую-то шпынекъ вставить, и дверца на мѣсто станетъ и гардеробъ запрется. Есть у бабушки сундучокъ дубовый, желѣзомъ обитый, смертный, хранить въ немъ бабушка сорочку, саванъ, туфли безъ задниковъ, холстинку, на смерть себя приготовила; въ этотъ самый сундучокъ какъ-то осенью, когда на дворѣ капусту рубили, складывалъ Петька тайкомъ капустныя кочерыжки: думалъ, пострѣль, бабушкѣ угодить—полакомить ее на томъ свѣтѣ кочерыжкой. Ну диванчикъ стоитъ, съ виду совсѣмъ еще ничего, только если неосторожно сядешь, о деревяжку такъ и стукнешься. Въ углу кіотъ, три образа: верхній—маленькія иконки отъ святыхъ мѣстъ и всякіе мѣдныя крестики и образки, пониже образъ Московскіе чудотворцы, Максимъ блаженный, Василиій блаженный, Іоанпъ юродивый, стоятъ одинъ за другимъ, Василиій нагъ, Максимъ съ опояскою, Іоаннъ въ бѣломъ хитонѣ, руки такъ—передъ Кремлемъ московскимъ, надъ Кремлемъ Святая Троица, а надъ блаженными дубрава—мать-пустыня—пещерныя горы, горы языками, огненные, какъ думалъ Петька, икона древняя, и другая икона, по золоту писанная, Четыре праздника, четыре Богородицы — Покровъ, Всѣмъ Скорбящимъ Радости, Ахтырскія, Знаменіе, еле держится, тоже древняя. Подъ кіотомъ три клубка веревокъ: клубокъ толстой веревки, тонкой и разноцвѣтныхъ шнурочковъ, за многіе годы собранныя бабушкой. Наконецъ, индюшка,—вотъ и все добро.

Бабушка Петьку накормить и индюшку не забудетъ. Индюшка жила на дворѣ въ сараѣ, сарай рядомъ съ коровникомъ, чахла индюшка и ужъ такая старая, какъ бабушка, и только за бабушкой повторять не можетъ бабушкино „Господи Іисусе!“—а такъ, кажется, все понимаетъ, жизнью своей дошла, старостью.

Петька, когда былъ совсѣмъ маленькій, индюшку боялся, но съ годами привыкъ и любилъ ее разсматривать: сидеть въ сараѣ на корточкахъ передъ индюшкой и смотреть—занимала Петьку голова индюшки, розовая въ мелкихъ розовыхъ бородавкахъ. А индюшка стоитъ-стоитъ, наежится и тоже присядетъ. И сидятъ такъ оба: Петька и индюшка.

„У куръ дьяконовыхъ цыплята, у Пушка котятки, а у индюшки нѣтъ ничего,—почему?“—не разъ задумывался Петька.

И не разъ, сама съ собою раздумывая, говорила бабушка:

— Хоть бы послалъ Богъ яичко нашей индюшкѣ, вышли бы пѣтушки-индюшонки!

„Все отъ яичка, пошлетъ Богъ индюшкѣ яичко, выйдутъ пѣтушки!“—смекнулъ себя Петька.

- Бабушка, а если Богъ пошлетъ индюшкѣ яичко?
- Дай Богъ!
- А дальше что?—провѣрялъ бабушку мудреный Петька.
- Сядетъ.
- Какъ, бабушка, сядетъ?

— На яйцо, Пѣтушокъ, сядетъ, вотъ такъ,—бабушка присѣла, а у точъ-въ-точъ, какъ сама индюшка,—двадцать одинъ день сидитъ, три недѣли, только поѣсть встанетъ и то черезъ день, а то и черезъ два, потомъ куранъ-пѣтушокъ выйдетъ.

— Бабушка, а куда же мы пѣтушка дѣваемъ?

— Съ нами жить будетъ.

— Бабушка, мы его въ клѣтку посадимъ, онъ пѣть будетъ? Какъ соловей, бабушка, да?

— Да, Пѣтушокъ, маленькій такой, желтенькій съ хохолкомъ...

— Бабушка, мы воздушный шаръ сдѣлаемъ, полетимъ, бабушка!

— Что ты, Пѣтушокъ!

— Полетимъ, бабушка, тамъ съ пѣтушкомъ поселимся на шарѣ, мы въ шарѣ будемъ жить. Хорошо?

Бабушка долго молчала. А Петька, тараща глаза, смотрѣлъ куда-то черезъ бабушку, ужъ видя, должно быть, тотъ шаръ воздушный, на которомъ жить будутъ: онъ, пѣтушокъ и бабушка.

— Не согласна,—сказала бабушка,—я ужъ тутъ помру, на шарѣ не согласна.

— Бабушка,—Петька о своемъ думалъ, не слыжалъ бабушку,—все отъ яичка?

— Пошли ей Господи!—бабушкѣ страсть хотѣлось, чтобы снеслась индюшка, и о пѣтушкѣ она замечтала не меньше, чѣмъ самъ Петька.

Забывъ Петька о ильинской денежкѣ, не пенялъ коровѣ, что сѣла его денежку, не надо ему никакой денежки, надо ему пѣтушка индѣйскаго. Но какъ достать яичко, какъ устроить, чтобы Богъ послалъ индюшкѣ яичко, изъ котораго все выйдетъ, пѣтушокъ выйдетъ?

„У дьякона взять, дьяконово, подложить его подъ индюшку,—ломалъ себѣ голову Петька,—у дьякона куръ много, яицъ куры кладутъ много... И всего-то, вѣдь, одно, только одно и падо! А ну какъ хватится дьяконъ, мѣченныя они у него, — Петька ужъ и въ ларь дьяконовъ лазалъ! — съ мѣткою: число и день написаны, поймають, и сдѣлаюсь воромъ. Придется воромъ на Хитровку идти. А бабушка? Какъ она одна жить будетъ? „Я только для тебя и живу, Пѣтушокъ, а то помирать давно бы пора!“—вспоминались слова ба-

бушки,—нѣтъ, у дьякона не надо брать. Но гдѣ же, гдѣ добыть яйцо? И всего-то вѣдь одно, только одно яичко!“

Случай вывелъ Петьку на путь. Задумала бабушка побаловать своего Пѣтушка, угостить его яичницей-глазуньей, послала Петьку въ лавочку за яйцами, три яйца купить. Петька два яйца бабушкѣ принесъ, а третье утаилъ, сказалъ, что яйцо разбилось.

— Вотъ, Пѣтушокъ, корова у тебя денежку съѣла, и яйцо ты разбилъ!—жалко было бабушкѣ разбитаго яйца.

А Петькѣ... да въ другое время онъ къ яичницѣ не притронулся бы отъ досады, но теперь, когда въ карманѣ у него лежало яйцо, изъ котораго все выйдетъ, пѣтушокъ выйдетъ, ему горя мало: пускай бабушка что хочетъ, то и говоритъ про него. Наскоро съѣлъ онъ свою яичницу, губъ не обтеръ, прямо въ сарай къ индюшкѣ. Подложилъ ей яйцо подъ хвостъ, ждетъ, что будетъ, а индюшка и не смотреть, будто и яйца никакого нѣтъ, не садится.

„Что же это значитъ? А ну какъ не сядетъ?“

— Садись, индюшка, садись, пожалуйста!—Петька присѣлъ на корточки, уставился въ индюшачьи розовыя бородавки и такъ замеръ весь на корточкахъ, не дыша, не шевелясь съ одной упорною мыслью, съ однимъ жаркимъ желаніемъ, съ одной просьбою: „садись, индюшка, садись, пожалуйста!“

Индюшка наежилась и присѣла, прямо на яйцо, такъ на самое яйцо и сѣла.

И Петька долго еще сидѣлъ, не сводилъ глазъ съ индюшки съ одной упорною мыслью, съ однимъ жаркимъ желаніемъ...

Индюшка сидѣла спокойно, крѣпко на яйцѣ куриномъ.

Тихонько поднялся Петька, тихонько вышелъ изъ сарая, забѣжалъ за сарай, прилипъ къ щелкѣ: индюшка сидѣла спокойно, крѣпко на яйцѣ куриномъ.

Бабушкѣ сказать? Нѣтъ, пускай бабушка сама увидитъ. А какъ бабушка обрадуется, когда увидитъ на яйцѣ индюшку!

Весь день Петька караулилъ за сараемъ у щелки: слѣдилъ за индюшкой, поджидалъ бабушку. Пришла бабушка въ сарай, принесла корму дать индюшкѣ.

— Слава Тебѣ, Создателю!—шептала старуха, крестилась, тычась по сараю, не вѣря глазамъ, пичего не понимая: индюшка снесла яйцо, индюшка на яйцѣ сидѣла!

Вечеромъ, послѣ долгаго дня, чудеснаго, легъ спать Петька, легла и бабушка. Вертѣлся, не спалъ Петька, все ждалъ, когда начнетъ бабушка о индюшкѣ. Съ бока-на-бокъ поворачивалась бабушка: и хотѣлось ей новость сказать и боялась, не сглазить бы.

Крѣпилась, крѣпилась старуха, не вытерпѣла:

— Пѣтушокъ!—покликала бабушка.

— Бабушка!—догадался пострѣль, въ чемъ дѣло, и будто со сна откликнулся.

— Ты не спишь, Пѣтушокъ?

— Что тебѣ, бабушка?

— Богъ милости послалъ!—бабушка даже засмѣялась, задохнулась отъ радости,—яичко, индюшка сѣла...

— Сѣла, бабушка?

— Сѣла, Пѣтушокъ, сидить...—бабушка тоненько протянула и закашлялась.

— Что-жъ, бабушка, куранъ у насъ будетъ, пѣтушокъ?

— Куранъ-пѣтушокъ, онъ самый индѣйскій,—шептала бабушка, словно въ куранъ-пѣтушкѣ индѣйскомъ заключалась вся тайна, все счастье жизни ея и Петьки.

— Онъ у насъ жить будетъ?

— Съ нами, Пѣтушокъ, гдѣ-жъ еще?

— А мы его, бабушка, не съѣдимъ?

Бабушка не подала голоса, заснула бабушка, обласканная, обрадованная милостію Божіею—кураномъ-пѣтушкомъ индѣйскимъ, который черезъ двадцать одинъ день выйдетъ изъ яйца куриного.

Чуть потрескивалъ огонекъ лампадки передъ образками и крестиками, передъ Ч е т ы р ь м я п р а з д н и к а м и—Покровомъ, Всѣмъ Скорбящимъ Радости, Ахтырской, Знаменіемъ, передъ М о с к о в с к и м и ч у д о т в о р ц а м и—Максимомъ блаженнымъ, Василиемъ блаженнымъ, Іоанномъ юродивымъ. Горы матери-пустыни, огненные отъ огонька ночного, пламенными языками врѣзались въ Кремль московскій.

— Я, бабушка, пѣтушка любить буду!—и заснулъ Петька, Пѣтушокъ бабушкинъ.

Всякій день, и надо и не надо, навѣдывалась бабушка въ сарай къ индюшкѣ, всякій разъ благодарила она Бога за милость, ей ниспосланную, считала дни. И Петька дни считалъ и безпокоился не меньше бабушки, забылъ онъ запускать змѣевъ своихъ, забросилъ змѣиные трещетки, забылъ онъ, что яйцо имъ самимъ подложено, и вѣрилъ въ него, куриное, какъ въ настоящее, индюшкой самой кладеное.

А индюшка, вопреки всякимъ индюшинымъ обычаямъ, безъ поры, какъ сѣла, такъ и сидѣла на яйцѣ куриномъ спокойно и крѣпко, и не думала вставать съ яйца, погулять по сараю. Оттого ли, что сроду никогда до старости своей глубокой не неслась она и понятія не

имѣла ни о какихъ яйцахъ ни о своихъ, ни окуриныхъ, или Петька тутъ дѣйствовалъ желаніемъ своимъ, или бабушкино терпѣніе услышано, жаръ насѣдочный загорѣлся у ней, какъ у заправской насѣдки, и розовыя бородавки на головѣ ея поблѣднѣли.

И прошло двадцать дней и одинъ день.

Петька почти не спалъ, — „а ну-какъ пѣтушка не выйдетъ, болтунъ выйдетъ?“ — куда тамъ спать! И чуть свѣтъ, прямо въ сарай смотрѣть къ индюшкѣ.

— Пѣтушокъ идетъ, красно солнышко несетъ! — подскакивалъ Петька на одной ножкѣ, грѣя, дыша на пѣтушка и тамъ, въ сараѣ, и тамъ, въ бабушкиной комнатенкѣ подвальной, словно въ пѣтушкѣ хранилась вся тайна, все счастье жизни его и бабушки.

— Слава Тебѣ, Создателю! Слава долготерпѣнію Твоему!—обезножила бабушка отъ радости.

Глава третья.

Осень въ тотъ годъ выдалась сухая и теплая. Солнце, хоть и короткое, оперило пѣтушка индѣйскаго: росъ. хрипло покрикивалъ пѣтушокъ, хорохорился, насакивалъ на вешнихъ дьяконовыхъ пѣтуховъ, дрался, какъ пѣтухъ заправскій. Все сулило въ немъ пунцовый острый гребень, крѣпкія шпоры, голосистый голосъ—куранъ-пѣтушокъ индѣйскій!

Не индюшка, куда ей?—индюшка чахла, околѣвала,—бабушка ходила за пѣтушкомъ, и, когда тепло повернуло на стужу, взяли пѣтушка изъ сарая въ комнату. Сбережетъ бабушка Петькино счастье—выходить пѣтушка, какъ выходила Петьку—сберегла свое счастье на старость себѣ.

Съ холодомъ и октябрьской слякотью наступило тревожное время, памятные дни жертвъ народныхъ и вольности.

То, что на большихъ улицахъ въ городѣ погасло электричество, а подъ бокомъ на Курскомъ вокзалѣ стояли и мерзли блестящіе, начищенные паровозы, а за Покровской заставой у Гужона не дымили страшныя красныя трубы, не пыhalo зарево за Андроніевымъ монастыремъ, все это, казалось бы, мимо шло бабушкиной подвальной комнаты: не нуждалась бабушка въ электричествѣ, по ночамъ не выходила за ворота, и въ дорогу ей некуда было собираться, и съ Гужономъ она никакихъ дѣлъ не водила. Но бабушка не одна въ подвалѣ: сосѣди, такіе же, какъ она, подвальные, простой рабочій народъ. туго крѣпкою цѣпью были связаны и съ гужоновскими крас-

ными трубами и съ блестящими курскими паровозами, и то, что трубы не дымили и паровозы стояли, вышибло ихъ изъ рабочей ихъ колен, перевернуло укладъ ихъ трудовой жизни, зашатало землю, стало въ ихъ жизни свѣтопреставленіемъ. И чувство, обуявшее улицы, ворвавшись въ будничные дни и мысли свѣтопреставленіемъ, переносясь отъ заставы до заставы, съ улицы на улицу, изъ переулка въ переулокъ, изъ тупика въ тупикъ, съ фабрики на фабрику, изъ подвала въ подвалъ смутнымъ предчувствіемъ бѣды какой-то, напасти неминуемой, охватило старую душу бабушки у порога ея смерти.

Пропадавшій гдѣ-то на Хитровкѣ, стигнувшій было совсѣмъ племянникъ бабушкинъ, Разбойникъ, вдругъ появился у Николы Кобыльскаго въ бабушкиной подвальной комнатенкѣ.

Сведенная ревматизмомъ рука, носъ будто въ три носа одинъ на другомъ—слоновая болѣзнь, черный потрепанный плащъ, а подъ плащемъ—ничего, одно еле-еле поддерживающееся немывое, зако-рузлое бѣлье, рвань и тряпки, навели на бабушку страхъ и трепетъ. И не того стало страшно бабушкѣ, что Разбойникъ будетъ денегъ просить, съ ножомъ къ горлу пристанетъ, дастъ ему бабушка послѣднія, хоть и трудно ей, наголодаются они съ Петькой послѣ, стало ей страшно въ предчувствіи какомъ-то, будто племянникъ, отецъ Петьки, Разбойникъ, съ Петькой что-то сдѣлаетъ. А что такое сдѣлаетъ и что можетъ Разбойникъ сдѣлать съ Петькою, бабушка не умѣла себѣ сказать, и только гдѣ-то, въ ея старой душѣ, ясно сказалось, что Петькѣ грозитъ бѣда, ужъ вышла бѣда изъ своего бѣдоваго костяного царства, идетъ, близится, подкрадывается къ маленькому немудренному пѣтушину сердцу, безпощадная, неумолимая, немилосердная.

Племянникъ не пивши, не ѣвши, голодный,—самоваръ ему бабушка поставила. Вернулся изъ училища Петька, сѣли къ столу чаинничать.

Петька, наслушавшись отъ странниковъ на богомольѣ о жизни подвижниковъ, какъ дошли угодники до своей святости, мечталъ когда-то поступить въ разбойники, грѣхъ принять на душу, а потомъ и къ Богу отойти, въ монастырѣ—въ пещерѣ жить. И вотъ онъ сѣлъ за однимъ столомъ съ разбойникомъ, изъ одного самовара чай пилъ, и этотъ разбойникъ, племянникъ бабушки, самъ отецъ его. Петька не отрывалъ глазъ отъ отца, смотрѣлъ на его трехступенный носъ и такъ, съ тѣмъ пожирающимъ любопытствомъ, съ какимъ смотрѣлъ въ сараѣ на розовыя индюшачьи бородавки. И не зная, чѣмъ угодить отцу, передъ разбойникомъ удалъ свою показать, со-скокчилъ онъ со стула, поймалъ забившагося подъ диванчикъ пѣтушка, поднесъ его за крылышки.

— Вотъ опъ какой,—сказалъ Петька,—индѣйскій!

— Намъ съ Петькой только бы пѣтушокъ цѣль быть, намъ съ Петькой больше ничего не надо!—словно бы оправдывалась въ чемъ-то бабушка, руки ея тряслись и голова потряхивалась.

Разбойникъ подмигнулъ пѣтушку—славный пѣтушокъ!—Разбойникъ утолялъ голодь, торопился, заѣдалъ проголодь свою,—отъ рябчика-то какъ подведетъ!—ѣлъ, весь Петькинъ обѣдъ съѣлъ и бабушкинъ, принялся за чай. Горячій чай распарилъ его, разморилъ, развязалъ языкъ. И онъ принялся что-то путанно рассказывать, смотря куда-то черезъ Петьку и бабушку, какъ смотрѣлъ Петька, рассказывая о своемъ воздушномъ шарѣ, на которомъ поселятся онъ, пѣтушокъ и бабушка. По словамъ Разбойника выходило, что ужъ чуть ли не все стало можно, не стало никакихъ законовъ, нѣтъ больше закона, и не сегодня, такъ завтра капиталы всѣ перейдутъ въ его руки, и тогда начнется расправа, бой кровавый...

— Интелигенщина... революція...—повторялъ Разбойникъ непонятное, мудреные слова и пальцемъ крутилъ себѣ около шеи,—я на графинъ женюсь!

И чѣмъ больше Разбойникъ разогрѣвался, тѣмъ мудренѣе становились рассказы его и неподобнѣе. Петька съ разинутымъ ртомъ, смотря въ трехступенный разбойничій носъ, слушалъ отца. Бабушка головой потряхивала.

— Намъ съ Петькой только бы пѣтушокъ цѣль быть, намъ съ Петькой больше ничего не надо!—шамкала бабушка, словно бы оправдывалась въ чемъ-то и за себя и за Петьку.

Опрокинувъ послѣднюю чашку, ушелъ Разбойникъ съ бабушкиной послѣдней мелочью въ кулакѣ. Осталась бабушка съ Петькой и пѣтушкомъ индѣйскимъ. Прибрались,—прибрали самоваръ, вымыли чашки, смели крылышкомъ въ мѣшечекъ крошки, выучилъ Петька урокъ, посидѣли, позѣвали, поиграли въ молчанки и скоротали вечеръ. Потомъ, помолясь Богу, заглянули подъ диванчикъ къ пѣтушку: спать или не спать?—пѣтушокъ ужъ давно спалъ, и сами легли спать.

Вертѣлся, не спалъ Петька. Съ бока-на-бокъ поворачивалась бабушка: беспокойство гнело ее и страхъ

— Пѣтушокъ!—покликала бабушка: стало ей не въ мочь терпѣть свой страхъ.

А Петька, ворочаясь съ открытыми глазами, разбойникомъ себя видѣлъ, и изъ слышанныхъ мудреныхъ отцовскихъ разбойничьихъ словъ городилъ себѣ разбойничьи дѣла, разбойную жизнь.

— Пѣтушокъ, а Пѣтушокъ!—еще тише, еще ласковѣе покликала бабушка.

— Что тебѣ, бабушка? — вскочилъ Петька, онъ услышалъ бабушку: показалось ему, бабушка окрикнула его голосомъ.

— Это я, Пѣтушокъ, не бойся.—бабушка со страха едва голосъ переводила,—ты. Пѣтушокъ, не уходи никуда...

— Въ разбойники, бабушка,—живо отвѣтилъ Петька,—разбойникомъ буду жить! И ты, бабушка, тоже... въ разбойники!

— Не уходи, Пѣтушокъ! — тоненько, чуть слышно пропищала бабушка, не слышно для Петьки, и лежала такъ пластомъ въ страхѣ смертномъ: всякій стукъ, всякій трескъ былъ ей теперь угрожающимъ, лай собачій грознымъ, словно ужъ подкрадывался кто-то къ дому ихъ. пробирался къ крылечку подвальному, воръ — недобрый чело-вѣкъ, за Петькой, за Пѣтушкомъ ея.

Съ открытыми глазами лежалъ Петька, не Петька, разбойникъ настоящій, черный, голова смазана коровьимъ масломъ, какъ у морозовскаго кучера, носъ — три поса, одинъ на другомъ, рука скрючена, онъ заберетъ съ собою бабушку, пѣтушка индѣйскаго, полетятъ они на Хитровку въ воздушномъ шарѣ, будутъ тамъ разбойничать, будетъ тамъ бой кровавый...

Чуть потрескивалъ огонекъ лампадки передъ образками и крестиками, передъ Четырьмя праздни ка ми—Нокровомъ, Всѣмъ Скорбящимъ Радости, Ахтырской, Знаменіемъ, передъ Моско-вскими чудотворца ми—Максимомъ блаженнымъ, Василиемъ блаженнымъ, Іоанномъ юродивымъ. Горы матери-пустыни, огненные отъ огонька ночного, пламенными языками врѣзались въ Кремль мос-ковскій.

— Я, бабушка, въ разбойники поступилъ! --- бормоталъ сквозь сонъ Петька.

Неспокойная кончилась осень, наступила зима. Не улеглась тре-вога у бабушки, а Петька просто отъ рукъ отбился: нападетъ на со-рванца икота, и онъ, — что бы Отче нашъ читать, прежде всегда Отче нашъ читалъ, помогало,—К а л е ч и н у-М а л е ч и н у считаетъ! Не успокоилась бабушка, не утишились улицы, холодомъ, лютю не остудилась Москва, не вошла жизнь въ свою полосу будень съ ихъ трудомъ день-деньскимъ и заботами.

По невѣдомымъ путямъ, нечуемымъ, шла, наступала бѣда на рус-скій народъ, беспощадная, неумолимая, немилосердная, загнала его въ чужія дальнія земли къ чужому народу и тамъ разметала на по-зоръ и глумленіе, вывела въ неродной Океанъ и тамъ лотонила гроз-

нѣе бури, непроносной грозы, и темная, ненасытная изъ чужой желтой земли шла, подступала къ самому сердцу въ облихованную горегорькую землю, на Москва-рѣку. По грѣхамъ ли напимъ, какъ любила говорить бабушка, въ вразумленіе ли неразумію, какъ говаривалъ братецъ босой изъ чайной съ Запѣпы отъ Фрола и Лавра, или за всего міра безумное молчаніе свое, русская земля, русскій народъ, онѣмѣвшій, безгласный, некрѣпкій, еще и еще разъ караемый, отбывъ три бѣды, отдавался на новую напастьную.

И вотъ ровно горы пещерныя огненныя Московскихъ чудотворцевъ, и въ явѣ огненныя, огненными языками плапулина Кремль московскій, и въ ночи дымящее зарево разлилось надъ Москвою.

Послѣ николина дня, въ субботу сѣла бабушка съ Петькой за столъ, время было обѣденное, принялись за ѣду, что Богъ послалъ—не до бабушки, видно, стало въ такіе дни, забывали старуху, и нерѣдко ужъ по цѣлымъ недѣлямъ сидѣла бабушка съ Петькой впроголодь.

— Бабушка,—Петька вскочилъ изъ-за стола,—слышишь?

Бабушка положила ложку, пощипала корочку.

— Бабушка...—Петька просунулся къ форточкѣ.

Бабушка не шевелилась, только голова тряслась у ней, какъ тряслась при Разбойникѣ.

— Стрѣляютъ, бабушка!—и Петька выскочилъ за дверь.

Стрѣляли въ городъ далеко, стрѣляли на Тверской гдѣ-то, и ровно изъ-подъ земли доносило на Земляной валъ глухой ахающій гулъ, дрожали стекла.

Бабушка не слышала. Петька услышалъ. И теперь бабушка слышала и крестилась, какъ при громѣ.

Наступили мятежные дни. Каждый уголъ, каждый перекрестокъ сталъ обѣдованъ: ненасытная, темная, карающая, поджидала лихая бѣда и ночью и днемъ, и на безлюдьѣ и на людяхъ.

Страшно бабушкѣ Петьку отъ себя отпускать. Долго ли до грѣха: ужъ одни разбойники видѣлись бабушкѣ и въ съемщикахъ, снимающихъ съ работы по фабрикамъ и заводамъ рабочихъ, и въ дружинникахъ, и въ драгунахъ, и въ казакахъ, проѣзжающихъ по Садовой къ Курскому вокзалу. И все палать, бабушка ужъ ясно слышитъ, на Тверской гдѣ-то, въ Кудринѣ, на Прѣснѣ и тутъ, два шага, на Мѣщанской гдѣ-то, все палать и палать, и съ каждымъ часомъ все громче доносится гулъ до подвала и словно хлопаютъ бичъ, ломаютъ сухія вѣтки.

Съ Николина дня бабушка noci не спала, караулила Петьку, какъ караулила въ первыя недѣли пѣтушковой жизни пѣтушка индѣйскаго, какъ караулилъ однажды самъ Петька за сараемъ у щелки индюшку на куриномъ яйцѣ.

Рвется на волю мальчонка, не сидится ему въ комнатѣ, не поспѣда.

Побѣждалъ Петька съ мальчишками на Сухаревку и бабушка за нимъ.

То-то Петькѣ развлеченіе: въ прежнее время такъ ребятишки горку на льду строили, а теперь улицу загораживали.

Петька схватился за телеграфный столбъ.

— Тащи!—кричитъ неугомонъ бабушкѣ.

То-то горе бабушкѣ: отъ страха руки трясутся, какіе тамъ столбы таскать! лучинка въ рукахъ не держится, — подняла бабушка щепочекъ, такъ стружекъ всякихъ, понесла за ребятишками щепочки и положила ихъ, даръ свой, въ мірекую заставу—въ грудку нагроможденнаго добра къ ящикамъ, рѣшоткамъ, телеграфнымъ столбамъ, вывѣскамъ.

— Ай-да бабка!—подтрунивали надъ старухой, и какой-то „разбойникъ“ изъ дворниковъ зубоскалилъ, поколачивая сапогъ-о-сапогъ.

— По грѣхамъ нашимъ! — шептала бабушка, уморилаcь она ѳъ своимъ щепочками, а отстать не отставала отъ Петьки.

Экій, вѣдь, молодецъ онъ у ней, взобрался куда, на самую-то вышку подъ кумачный флагъ, заломилъ картузъ, какъ лихой казакъ, козырекъ лаковый, а флагъ надъ нимъ кумачный, какъ вѣздухи...

— Залѣзай, бабушка!—кричитъ Петька своей бабушкѣ, пѣтушокъ-пѣвунъ.

Ну и какъ тутъ отстать, на самое Сухареву на башню полѣзешь!

Вечеромъ, когда зазвонили ко всенощной и жутко, на перебой со звономъ, врываясь въ колокола, разносилась пальба, бабушка стала собираться ко всенощной. Петька впередъ побѣждалъ и на дворѣ съ ребятишками возился у дьяконова коровника: въ казаковъ затѣяли игру и въ забастовщиковъ.

Бабушка, ужъ одѣтая въ свою ватопную стеганую кофту, связанная угломъ, въ своемъ черномъ шерстяномъ платкѣ, заглянула подъ диванчикъ къ голодному пѣтушку: спитъ или не спитъ?—спаль пѣтушокъ. Поправила лампадку, —глядѣли на нее изъ сумерекъ праведные лики: Чудотворцы, Божія Матерь,—и смутно ей стало.

Потужила она, что бѣдно у нихъ, очень ужъ бѣдно стало, праздники подходятъ, нечѣмъ праздникъ встрѣтить!... трудно ей и въ

могилу пора и Петьку жалко... маленькій, дѣтенышъ, хоть бы на ноги сталъ! несмышленный дѣтенышъ.

— Пресвятая Богородица, Всепѣтая, Господи, Заступница... — бабушка сложила пальцы крестъ сдѣлать...

— Кончайте!—сказалъ кто-то за стѣнкой не то у маляровъ, не то у шапочниковъ, должно быть, съемщикъ какой.

Бабушка вздрогнула, обернулась, а въ дверяхъ племянникъ— Разбойникъ стоитъ.

— Давай, старуха, денегъ!—наступаетъ.

Бабушка затрясла головой: хоть голову рѣжь, нѣтъ у ней ничего.

— Нѣтъ, говоришь?—наступалъ Разбойникъ.

— Истинный Богъ... нѣтъ.

Разбойникъ бабушку за шиворотъ, носомъ ткнулъ въ комодъ.

— Ищи, говорю!

Бабушка пошарила подъ кіотомъ и молча,—языкъ отъ страха не слушался,—подала Разбойнику три клубка веревокъ: клубокъ толстой веревки, тонкой и разноцвѣтныхъ шнурочковъ, скопленное добро за много лѣтъ... Разбойникъ стукнулъ кулакомъ старуху, покатился клубокъ, присѣла бабушка, какъ индюшка передъ Петькой, и такъ застыла на корточкахъ.

Разбойникъ расправлялся: опрокинулъ онъ бабушкинъ дубовый, желѣзомъ обитый, смертный сундучокъ, повыбрасывалъ смертное добро—сорочку, саванъ, туфли, холстинку, полѣзъ въ гардеробъ, оторвалъ дверцу, и тамъ пѣтъ ничего, схватился за комодъ, всѣ ящики перерылъ, все вывернулъ, нѣтъ ничего! Одинъ средній ящикъ не открывается, возился, возился, не открывается...

Подкатившійся клубокъ разбудилъ пѣтушка, вышелъ пѣтушокъ изъ-подъ диванчика и, захлопавъ крыльями, хрипло запѣлъ, запѣлъ, какъ въ полночь, на свою голову, маленькій такой, желтенькій, съ хохломъ...

Разбойникъ поймалъ пѣтушка, свернулъ ему шею, шваркнулъ бабушкѣ:

— Подавись!—и пошелъ.

А тамъ, на дворѣ у коровника, содомъ, стоялъ разыгрались ребята. Съ крикомъ выскочилъ Петька со двора на улицу — одна ватага другую преслѣдовала,—перебѣгалъ черезъ улицу. Проѣзжавшій патруль отъ Сухаревки, миновавъ Хишинскую фабрику, расчищая путь, открылъ огонь по улицѣ. Петька кувькнулся носомъ въ снѣгъ, схватился за картузъ и больше ужъ не всталъ.

Съ разорванной грудью, пробитымъ сердцемъ, оконченълаго вер-

нули Петьку въ полваль къ бабушкѣ, и картузъ Петькинъ съ козырькомъ лаковымъ.

Вотъ какъ, вотъ гдѣ, вотъ откуда бѣда пришла, принимай бѣду!

Все приняла бабушка. Какая она старая, а все въ комнатенкѣ своей подвальной живетъ, живетъ себѣ, не пропускаетъ ни одной службы и, когда случится покойникъ у Николы Кобыльскаго, пойдеть и за обѣдню и на панихиду со свѣчкой постоять. Нѣтъ никого у бабушки. Отдала она племяннику подстаканникъ серебряный съ виноградами и двѣ ложки серебряныя, для Петьки берегла, ну, теперь ему ничего не надо! Пропалъ племянникъ съ подстаканникомъ и ложками, не заходилъ ужъ къ бабушкѣ, околѣла индюшка.

Пѣтушокъ идетъ, красно солнышко несетъ!—вспоминается бабушкѣ, какъ Петька пѣлъ, часто-часто вспоминаетъ она Петьку, Пѣтушка своего. И тихо рассказываетъ, такъ тихо, будто спать въ комнатѣ или боленъ кто и боится она разбудить, потревожить голосомъ своимъ, все рассказываетъ и о индюшкѣ и о яйцѣ чудесномъ, о пѣтушкѣ индѣйскомъ, о Разбойникѣ, и какъ строила она съ Петькой заставу на Сухаревкѣ, и какъ вернули ей Петьку съ разорванной грудью, пробитымъ сердцемъ, очоженълаго, и картузъ Петькинъ съ козырькомъ лаковымъ...

— Пошла я, батюшка,—тихо, еще тише, рассказывала бабушка,—пошла я свѣчку поставить Ивану Осляничеку обидящему, хочу поставить, а рука не подымается,—и подымала бабушка свою трясущуюся, руку, но опускалась рука, это обида безвинная, горькая, смертельная опускала ей руку, горечью темнила глаза ей, и рука тряслась, все подняться хотѣла и не давалась, а синія пустыя жилы крѣпко напруживались, крѣпко сжимались сухіе пальцы, это сжимала она свѣчку Ивану Осляничеку обидящему, угоднику Божію, который обиды припимаетъ безвинныя, горькія, смертельныя, всѣ...—и поставила!—бабушка кивала головой и ужъ легко подымала руку такъ... у Чудотворцевъ московскихъ, у Максима блаженнаго, Василя блаженнаго, Іоанна юродиваго такъ руки подняты, и рука не тряслась, это свѣчку держала она, свой горящій, неугасимый огонекъ, сжигающій въ сердцѣ послѣднюю, безвинную, горькую, смертельную обиду, и глаза ея тихо теплились, это вѣра свѣтилась въ глазахъ ея крѣпкая, нерушимая, доносящая до послѣднихъ дней свѣчку, огонекъ святой черезъ всѣ бѣды, черезъ всякую напасть, черезъ всѣ лишенія, когда ужъ все отнято: пѣтушокъ индѣйскій, Петька, Пѣтушокъ.

Ю. Жулавскій.

Конецъ мессіи.

Драма въ 4 актахъ.

ДѢЙСТВУЮЩЕ:

Саббатай Ц'ви, еврейскій мессія.

Сара, его жена.

Самуилъ Примо, придворный писецъ мессіи.

Натанъ Леви, пророкъ мессіи.

Іосифъ Халеви, сарафъ-паша при султанѣ, казначей мессіи.

Хакимъ-паша Дидонъ, еврей-вѣроотступникъ, приближенный
врачъ султана.

Неэмія Когенъ, польскій еврей, мужъ праведной жизни.

Мохамедъ IV, султанъ оттоманскій, калифъ.

Ахмедъ Кеприли, великій визирь.

Ванни, муфтій и каимъ-макамъ въ Адрианополѣ.

Кизларъ-паша, евнухъ, начальникъ султанскаго двора.

Гассанъ-ага, начальникъ янычаръ.

Хаджи-бей, управитель замка Дамиръ-Ташъ.

Амстердамскій еврей.

Испанскій еврей.

Нищій еврей.

Старый еврей.

Дѣвушка.

Талмудистъ.

Три каббалиста.

Еврейскіе ученые, свита Мессіи и Сары, евреи изъ разныхъ
частей свѣта, толпа женщинъ и дѣтей, свита султана, янычары,
стрѣлки изъ лука, евнухи, черные невольники, слуги, танцовщицы.

Дѣйствіе происходитъ въ Адрианополѣ, въ городѣ, называющемся
у мусульманъ Эдредехъ, въ году отъ сотворенія міра 5408, а отъ
Р. Х. 1666.

А К Т Ъ I.

Комната въ башнѣ замка Дамиръ-Ташъ, возлѣ Адрианополя. Стѣны голыя, каменные. Три двери съ мавританскими арками: двѣ въ глубинѣ и одна въ лѣвой боковой стѣнѣ. Передъ одной дверью въ глубинѣ на полу изъ каменныхъ плитъ — узорчатый коверъ. Направо широкое окно.

Залъ полонъ людей. Евреи въ одеждахъ самыхъ различныхъ странъ стоятъ группами, либо расхаживаютъ; нѣкоторые сидятъ по восточному обычаю на принесенныхъ съ собою коврикахъ или цыновкахъ. У дверей съ лѣвой стороны на стражѣ два неподвижныхъ янычара. Тутъ — мѣсто заключенія еврейскаго мессіи Саббатая Цви, котораго привезли изъ замка Абыдось, чтобы представить его на судъ самого султана Мохамеда IV.

Присутствующіе держатся, однако, вполне свободно. Входятъ и выходятъ черезъ открытую дверь, мимо стоящихъ янычаръ. Царитъ непрерывный шумъ. Нѣкоторые поглядываютъ на дверь въ глубинѣ, ведущую въ помѣщеніе Мессіи, какъ бы ожидая съ минуты на минуту его выхода. Другіе, увлеченные споромъ, по-просту забыли, гдѣ находятся: кричатъ и ожесточенно жестикулируютъ. Когда шумъ слишкомъ возрастаетъ, янычары молча ударяютъ прикладами длинныхъ своихъ карабиновъ о каменный полъ, вознаставляя на мгновенье тишину. Впереди нѣсколько каббалистовъ ведутъ между собою жаркій споръ.

I каббалистъ. Написано въ книгѣ Раціель: „десять есть Сефировъ, десять, а не девять, десять, а не одиннадцать“.

II каббалистъ. Но если бы захотѣлъ Всемогушій—да будетъ благословенно имя Его!—то было бы ихъ одиннадцать, а можетъ быть даже двадцать.

III каббалистъ. Не правда. Столько есть Сефировъ, сколько святыхъ именъ у Всемогущаго. А написано: „если человѣкъ захочетъ просить Господа, долженъ всегда называть всѣ Его имена, ибо число ихъ —десять: Хай, Ио, Йегова, Эль, Элогимъ, Йедудъ, Элога, Сабаотъ, Шаддай, Адонай“.

II каббалистъ. Но Сефиры—и есть выраженіе божественной сущности, для которой не можетъ быть другихъ ограниченій, кромѣ ея собственной воли. Слѣдовательно, если бы захотѣлъ Всемогущій...

I каббалистъ (перебиваетъ). Воля Всемогущаго —да будетъ благословенно имя Его!—по происхожденію не старше Сефировъ и, значитъ, не можетъ быть причиной ихъ возникновенія и количества.

II каббалистъ. Сказано вѣдь: „конецъ Сефировъ сопрягается съ ихъ началомъ, какъ огонь со своимъ тепломъ, ибо Господь есть единый Господь, и нѣтъ Бога иного“. Какое же значеніе имѣютъ передъ Единымъ имена и числа?

III каббалистъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и говорится: „Всемогущій—да будетъ свято имя Его!—сотворилъ душу всего, что существуетъ и будетъ существовать, при помощи двадцати двухъ буквъ“... Слѣдовательно, если созданіе міра есть выраженіе Его сущности—ибо иначе оно не было бы тѣмъ, что есть—то тѣмъ болѣе числа и буквы, черезъ посредство которыхъ создавалось...

II каббалистъ (перебиваетъ). Это ничего не значитъ! Вѣдь и Законъ зависитъ отъ Всевышняго, между тѣмъ написано: „безъ человѣка и безъ Закона было бы бытіе Божіе подобно нищему, у котораго нѣтъ одежды, чтобы прикрыть наготу свою“...

Амстердамскій еврей (приближается къ каббалистамъ). Не знаете ли, ученые, скоро ли придетъ Мессія?

I каббалистъ. Мессія—да будетъ благословенно имя его!—уже пришелъ и находится среди насъ.

Амстерд. еврей. Я знаю; только спрашиваю, скоро ли выйдетъ онъ сюда, чтобы глаза мои увидѣли его?

II каббалистъ. Выйдетъ, когда пожелаетъ.

III каббалистъ. Выйдетъ, когда наступитъ урочный часъ, назначенный Всемогущимъ.

Амстерд. еврей. Мы уже очень давно ожидаемъ. Насъ прислали сюда представители нашей общины въ Амстердамъ, дабы мы извѣстили Мессію, что уже распродали дома наши и ждемъ только его знака, чтобы идти за нимъ...

Старый еврей (рыдаетъ). Что же стало съ Мессіей? Сыны Эдома, необрѣзанные, поклоняющіеся богу, который совсѣмъ не Богъ, захватили Мессію и наложили оковы на руки его... о, горе, горе!

II каббалистъ (поворачивается къ собесѣдникамъ). Итакъ, я говорю вамъ, что если бы захотѣлъ Всемогущій, то могло-бы быть двадцать Сефировъ, а не десять...

III каббалистъ. Невѣрно! Десять—это святое число. Оно содержитъ въ себѣ семь и три... А если мы еще обратимъ вниманіе на знакъ его...

Амстерд. еврей (слѣдуя за каббалистами). Скажите, ученые, не могу ли я войти теперь къ Мессіи?

II каббалистъ. Не мѣшай! Чего ты хочешь отъ насъ?

Амстерд. еврей. Я хотѣлъ бы... къ Мессіи... Ужъ слишкомъ долго мы ожидаемъ... А прибыли мы издалека...

I каббалистъ. У Мессіи нѣтъ времени...

Испанскій еврей (съ горячностью). Нѣтъ времени для нуждъ нашихъ! для жалобъ нашихъ и слезъ!

II каббалистъ. Что ему—ваши нужды! Въ одиночествѣ бесѣдуетъ онъ теперь съ небесными духами, которые поучаютъ его тайнамъ творенія (Отходитъ немного въ сторону съ другими каббалистами).

Старый еврей (рыдаетъ). Показанъ свѣтъ очамъ нашимъ, дабы тѣмъ горше познали мы нынѣ тьму, напоены уста наши медомъ, дабы тѣмъ больнѣе горечь мирры ихъ жгла!

Амстерд. еврей (безпомощно озирается). Что же теперь будетъ?

Испанскій еврей. Я тоже давно ожидаю. Я изъ Испаніи... далеко...

Старый еврей (сидя все время на полу). Отступились отъ меня, говоритъ Господь, и за то въ руки врага вашего предалъ я васъ. О горе, горе! Наложили узы на Мессію, и погасъ свѣтъ очей нашихъ!

Амстерд. еврей. Что же теперь будетъ? Мы распродали дома наши и выбрали уже всѣ деньги изъ торговли, чтобы идти за Мессіей...

Испанскій еврей. Видно, не пришелъ еще часъ нашего избавленія... А тамъ радуются уже, въ странѣ неволи... Взоры ихъ оттуда направлены на Мессію...

Талмудистъ. А я говорю, что этотъ мессія совсѣмъ не мессія. Закона онъ не блюдетъ, позволяетъ ѣсть мясо нечистое, и хотя взялъ жену, но дѣтей съ нею не плодитъ. Онъ грѣшникъ...

III каббалистъ (подскакиваетъ къ нему съ кулаками). Не богохульствуй, ты, собака!

Талмудистъ. Не я богохульствую, а онъ. Извѣстно вѣдь хорошо, что онъ произноситъ громко запрещенное имя Божье...

Нѣкоторые изъ евреевъ (недавно только прибывшихъ къ Мессіи, повторяють въ священномъ ужасѣ). Имя Божье... произносить...

Голосъ (громкій и сильный доносится вдругъ изъ глубины). И не умираетъ!

Амстерд. еврей (оглядывается). Кто это сказалъ?

Испанскій еврей. Это пророкъ Мессіи.

Другой еврей. Это Натанъ, въ котораго вселилась душа Иліи.

Другіе. Слушайте, что онъ говоритъ!

Натанъ (молодой съ горящими глазами еврей, приближается быстро къ группѣ говорящихъ). Кто тутъ осмѣливается изрыгать хулу противъ Мессіи? Кто отвращаетъ лицо отъ свѣта, ниспосланнаго нашимъ очамъ?

III каббалистъ (указываетъ пальцами обѣихъ рукъ на ученаго талмудиста). Это онъ! это онъ! Приспѣшникъ вавилонскаго талмуда!

Талмудистъ (вызывающе). Нѣтъ никакихъ доказательствъ тому, что Саббатай Ц'ви и есть мессія!

I каббалистъ (къ Натану, дрожа отъ негодованія). Онъ говоритъ, что нѣтъ доказательствъ! Эта собака говоритъ, что нѣтъ доказательствъ!

Крикъ возмущенія.

Натанъ. Развѣ ничего не говорятъ вамъ чудеса, которые онъ совершилъ, и ничего не значатъ всѣ откровенія и пророчества?

Талмудистъ. Но кто сказалъ, что онъ относится къ нему?

I каббалистъ. Онъ спрашиваетъ, кто сказалъ! Онъ спрашиваетъ... (Отъ ярости прерывается у него голосъ).

Натанъ. Если бы онъ не былъ воистину помазанникомъ Божіимъ, какъ бы могъ онъ поднять народъ, разбросанный по всей землѣ и стонущій въ неволѣ! Если бы онъ не былъ воистину помазанникомъ Божіимъ, развѣ сумѣлъ бы онъ уйти изъ силковъ вашихъ, проклятые талмудическіе слѣпцы, пзъ силковъ, которые вы наставили для него въ Смирнѣ и въ Іерусалимѣ и на египетскихъ берегахъ, вплоть до здѣшнихъ мѣстъ преслѣдуя его ненавистью своею? II имя его само говоритъ за себя. Развѣ Саббатай не означаетъ: „рожденный въ день Господень“ и развѣ Ц'ви не выражаетъ собою „краса“ и „слава“ и „мощь“ и все, что только есть свѣтлаго и великаго на землѣ?

III каббалистъ. Онъ вѣрно говорить!

Талмудистъ. Гдѣ-жъ это слыхано, чтобы Мессіа позволилъ себя связать и ввергнуть въ темницу, а Богъ не послалъ бы ему семь сонмовъ ангельскихъ для защиты? Псы языческіе могутъ вѣрить въ такого мессію, но не мы...

Волненіе среди присутствующихъ.

Натанъ. Кто сказалъ, что Мессіа въ заключеніи?

Испанск. еврей (указывая на двери). А развѣ не стоитъ стражъ у дверей? развѣ не по приказу султана привезенъ сюда Мессіа?

Натанъ. Но развѣ вамъ кто-нибудь запретилъ сюда войти, или васъ задержать кто-нибудь, когда вы будете выходить отсюда?

Амстерд. еврей. Это правда...

Натанъ. Развѣ Саббатай Ц'ви—пусть во вѣки святится имя его!—мессіа и царь надъ царями земли, не имѣетъ здѣсь слугъ своихъ и своего двора и не дѣлаетъ здѣсь, что захочетъ?

Амстерд. еврей. Это правда! это правда!

Группа слушателей образуется вокругъ молодого пророка.

Натанъ. Падаютъ ницъ предъ нимъ враги его и дрожатъ слуги невѣрнаго царя, когда онъ смотритъ на нихъ. Молнія въ очахъ его, а въ устахъ его мечъ, которымъ поразить онъ всѣхъ враговъ Израіля.

Голоса (сначала немногочисленные). Слава Мессіи!

Натанъ. Что же значать для него оковы и темницы? По своей волѣ прибылъ онъ сюда и вошелъ въ эти стѣны, чтобы тѣмъ яснѣе мощь свою проявить, когда онъ ихъ предастъ разрушенію—царь нашъ и господинъ, избранникъ Бога живого, повелитель всѣхъ Сефировъ!

I каббалистъ. Всѣхъ десяти Сефировъ!

II каббалистъ. Всѣхъ Сефировъ, сколько ихъ есть и можетъ быть!

Натанъ. Ибо говорю вамъ: въ день, когда онъ встанетъ предъ лицомъ султана, султанъ ницъ падетъ предъ нимъ, а онъ сниметъ съ головы его корону, чтобы ею украсить главу свою для вѣчнаго царствованія надъ міромъ.

Голоса. Слава Мессіи!

Другіе. Илія такъ говорить!

Натанъ. Близокъ уже день и близится часъ. Не тревожьтесь больше о добрѣ своемъ, что—покинутое вами—приходитъ въ упадокъ, и не озирайтесь назадъ и ни о чемъ не жалѣйте. Радуйтесь, говорю я, и воздымайте руки, ибо поистинѣ насталъ великій день избавленія!

Голоса. Радуйся, Израиль! Слава Мессіи! Слава Мессіи!

Общее движеніе, радостные крики и восклицанія. Нѣкоторые начинаютъ приплясывать, другіе въ восторгѣ обнимаются другъ съ другомъ.

За дверьми между тѣмъ слышится какой-то шумъ и движеніе. Доносятся стоны и рыданія женщѣнъ, которые постепенно заглушаются нарастающими звуками пѣнопѣнія, исполненнаго скорби и отчаянія.

Янычары поворачиваютъ головы, вглядываются въ глубину корридора. Евреи, предавшіеся радости, понемногу смолкаютъ, застываютъ на своихъ мѣстахъ, прислушиваются... Голоса доносятся изнутри въ тягучихъ звукахъ Давидова псалма:

„Пришли невѣрные во владѣнія Господа и осквернили храмъ твой, о Боже!“

„Бросили трупы слугъ твоихъ на сѣдѣніе птицамъ небеснымъ, бросили дикимъ звѣрямъ тѣхъ, кто былъ святъ предъ Тобою. О, горе!“

„Разлили кровь ихъ, какъ воду, и нѣтъ никого, кто-бъ ихъ предалъ погребенію. О, горе! О, горе!“

„Доколѣ-жъ Ты гнѣваться будешь, о, Боже! Или подобенъ огню сталъ твой пылающій гнѣвъ?“

Народъ (въ сѣняхъ взываетъ и стонетъ). Гдѣ же Мессія? гдѣ избавитель? О горе! О горе!

Волненіе среди присутствующихъ. Бѣгутъ къ дверямъ... Съ лѣвой стороны, недовѣрчиво поглядывая на стоящихъ у входа янычаръ, входитъ группа польскихъ евреевъ: мужчины, женщѣны, дѣти и старики. Нищенски одѣтые, измученные дальней дорогой, загнанные... Ведетъ ихъ благочестивый старецъ Неамія Когенъ, мужъ праведный передъ Господомъ.

Натанъ (быстро приближается къ прибывшимъ). Кто вы такіе? откуда держите путь? И почему вы рыдаете здѣсь, подъ дверьми, въ эту радостную минуту?

Неэмія (оперся на посохъ; дрожащею рукою прикрываетъ отъ свѣта глаза подъ широкою мѣховою шапкою, вглядываясь въ лицо молодого пророка). Не ты ли тотъ, кто обѣщаетъ освободить Израиля, называя себя излюбленнымъ чадомъ Бога живого?

Натанъ. Я слуга его и предвѣстникъ, недостойный развязать ремень у ноги его пречистой.

Нѣкоторые изъ присутствующихъ окружаютъ Неэмію.

Амстерд. еврей. Ты говоришь съ Иліей! Съ Иліей, возродившимся вновь.

Неэмія. Я говорю съ молодымъ человѣкомъ, у котораго цвѣтушій и прекрасный видъ, но зато самъ я совсѣмъ согнулся за долгій свой вѣкъ и едва двигаюсь подъ тяжестью лѣтъ и несчастій, которыя Богу угодно было возложить на плечи народа своего.

Плачь среди прибывшихъ.

Голоса. Къ Мессіи!... Мы хотимъ къ Мессіи!

Натанъ (повторяетъ). Откуда вы пришли?

Неэмія. Изъ Польши идемъ мы уже сорокъ дней, изъ страны позора и крови.

Голоса. Изъ Польши... Они идутъ изъ Польши... Что слышно у васъ? Говорите.

Неэмія (поднимаетъ руку). Горятъ города, и дивно, что не гаснетъ пламя отъ крови, вылитой уже на пожаръ. Снова крѣпчаетъ буря казацкая, а мы угнетены, мы брошены подъ конскія копыта и снова у нашего горла—ножи. Разбойники Дороша рѣжутъ святыхъ мужей, грабятъ имущества купцовъ, собранныя въ потъ лица, насилуютъ нашихъ женщинъ и оскверняютъ чрева юныхъ дѣвъ.

Плачь.

Старый еврей (рыдаетъ). О горе, горе! Въ руки врага предалъ насъ Богъ за грѣхи наши.

Испанскій еврей. И у насъ въ городахъ пылаютъ костры. И проклятые инквизиторы жгутъ на нихъ тѣхъ, кто смѣетъ призывать истиннаго Бога.

Другіе. А сколько стонетъ въ темницахъ и сколько пошло по свѣту съ нищенской сумой!

Третьи. А другіе, скрываясь, живутъ въ вѣчной тревогѣ, не увѣренные ни въ днѣ своемъ, ни въ часѣ, или вынуждены жить вмѣстѣ съ нечистыми.

Старый еврей (снова рыдает). Слишком рано вы радуетесь, говорить Господь, когда я не выпустилъ еще всѣхъ стрѣлъ изъ колчана гнѣва Моего. Кто же спасетъ меня отъ руки Господней, кто защититъ меня, когда Онъ разгнѣвался? О горе! горе!

Общій плачь.

Натанъ. Мессія—среди насъ! Мессія поразитъ враговъ нашихъ и приведетъ Израиля къ славѣ, еще невѣдомой на землѣ!

Неэмія. Если бы были правдой тѣ слова, которыя ты произносишь! Услышали мы о Мессіи и идемъ издалека, дабы собственными глазами убѣдиться, тотъ ли онъ самый, о которомъ вѣщали пророки? Вы говорите, что онъ явился для спасенія народа... Но я старъ и знаю изъ книгъ, что уже полторы тысячи лѣтъ тому назадъ Баръ-Кохба назвалъ себя Сыномъ Звѣзды и помазанникомъ Божиимъ и поднялъ свой мечъ на враговъ Израиля, но палъ.

Испанскій еврей. Вѣрно! И разрушили святой градъ Іерусалимъ и избили мужей... О, горе!

Неэмія. И сколько разъ еще послѣ него въ теченіе долгихъ вѣковъ являлись такіе ложные избавители и сколько разъ уже радовался народъ и вѣрилъ напрасно!

Испанскій еврей. И съ каждымъ днемъ намъ все хуже, все хуже намъ съ каждымъ годомъ!

Голоса. О, горе! горе!

Натанъ (мощно). Не будьте подобны человѣку въ пустынѣ. Теряя жажду, такъ часто выходилъ онъ съ кувшиномъ за водой, покуда вѣтеръ вздымалъ только тучи песку, — что пересталъ вѣрить и остался дома, когда пришло истинное облако и упалъ жизнедарный дождь. Не будьте слѣпы, говорю вамъ, и не ропщите!

Неэмія. Мы готовы принять истину, но пусть же истина придетъ къ намъ, наконецъ. Пусть Саббатай докажетъ, пусть убѣдитъ насъ, что онъ—тотъ, кого мы ждемъ: мессія и избавитель народа.

Голоса. Мы ждемъ Мессію! Хотимъ Мессію!

Неэмія. Такъ если онъ воистину нашъ избавитель, пусть встанетъ и подниметъ руку, чтобы окончились уже всѣ наши бѣды! Пусть удержитъ бичъ сыновъ Эдома, которымъ они ранятъ наши плечи. Пусть позволитъ намъ самимъ ѣсть хлѣбъ, заработанный нами! Пусть вспять обратитъ разбойничьи орды, которыя сжигаютъ наши дома и попеременно съ собаками вѣшаютъ нашихъ братьевъ!

Амстердамскій еврей (горячо). Да! Пусть сдѣлаетъ, чтобы мы какъ можно скорѣе устроились въ землѣ отцовъ нашихъ. Мы

вѣдь продали все наше имущество и не знаемъ, что дѣлать теперь...

Испанскій еврей. Пусть изломаетъ въ куски орудія Инквизиціи! Пусть погаситъ костры, которые пылаютъ на всѣхъ углахъ!

Другой еврей. Пусть возвратитъ честь оскорбленнымъ, униженнымъ, отданнымъ на посмѣшище и потѣху всѣмъ народамъ!

Другой. Пусть воскреситъ зарѣзанныхъ дѣтей, пусть очиститъ вновь дѣвушекъ, оскверненныхъ разбойниками.

Неэмія (съ крикомъ). Пусть насъ спасетъ!

Восклищанія. Мессія! Мессія! Спаси насъ!

На высокомъ порогѣ среднихъ дверей появляется Самуилъ Примо, придворный писецъ Мессии. Человѣкъ лѣтъ 40 съ лишнимъ, представительной наружности, съ большой черной бородой, одѣтый богато. Задержался на порогѣ—рука на затворѣ двери — и глядитъ сверху на толпу, сдвинувъ брови. Изъ-за его плеча выглядываетъ обитая чалмой голова Хакимъ-паши Дидона, еврейскаго вѣроотступника, занимающаго при султанѣ должность приближеннаго врача и алхимика. За ними, въ глубинѣ, Іосифъ Халеви, еврей, казнохранитель султана.

Въ толпѣ замѣтили Самуила. Шумъ голосовъ сразу обращается въ его сторону, и люди волною устремляются къ дверямъ.

Голоса. Совѣтникъ Мессии... Самуилъ... Впусти насъ! впусти насъ! Мы хотимъ къ Мессии. Пусть онъ спасетъ насъ! Пусть положить конецъ нашимъ страданіямъ!

Шумъ, крики, сутолока.

Самуилъ (поднявъ руку, вдругъ сильнымъ голосомъ произносить). Молчаніе! Развѣ вы не знаете, что находитесь въ преддверіи Мессіева дома? Или я долженъ призвать сюда отъ дверей янычаръ, чтобы они успокоили васъ?

Неэмія. О-о! Мы пришли къ Мессии съ жалобой на разбойниковъ, которые не даютъ намъ жить, а здѣсь, у дверей его, намъ снова угрожаютъ головорѣзами.

Голоса. Впусти насъ къ Мессии. Мы хотимъ съ нимъ говорить. Очень давно уже ждемъ. Мы ослабѣли уже отъ голода. Впусти насъ къ Мессии!

Самуилъ. Невозможно. Мессія въ молитвѣ бесѣдуетъ теперь съ духами своихъ предковъ Авраама, Исаака, Давида и Соломона. (Оглядываетъ залъ). Кстати, онъ зоветъ ученыхъ къ себѣ на совѣтъ.

Три каббалиста и другіе (свѣдущіе въ Писаніи, съ первой торопливостью бросаются къ дверямъ съ крикомъ). Это я! это я! я!

Самуиль (нѣсколько отступилъ отъ порога, чтобы они прошли. Толпѣ, стремящейся протиснуться вслѣдъ за ними, преграждаетъ рукою доступъ). Довольно! Вы тутъ ожидайте.

Неэмія. Для ученыхъ тамъ нашлось мѣсто, а для насъ, которые пришли со своей нуждой, со слезами и съ кровью...

Испанскій еврей. Пусти къ Мессіи!

Амстерд. еврей. Пусти насъ къ Мессіи!

Натанъ (остановился противъ Самуила, который распростеръ предъ дверьми руки). Впусти! По какому праву отнимаешь ты у народа свѣтъ его очей? Какъ смѣете вы вставать между нимъ и тѣмъ, что жаждутъ узрѣть его и утѣшиться? Впусти народъ.

Голоса. Пусти насъ къ Мессіи!

Самуиль (грознымъ голосомъ). Упрямый сбродъ! Молчать здѣсь и ждать! Развѣ Мессія, Саббатай Ц'ви, Хадомъ Кадмонъ, Малка Кадиша, избранникъ Бога живого—слуга вашъ, или вы слуги его, въ день сотворенія отданные во власть ему Всемогущимъ? Молчать здѣсь и ждать, пока ему благоугодно будетъ къ вамъ снизойти!

Закрываетъ за собою дверь и входитъ вмѣстѣ съ Хакимъ-пашею и Иосифомъ Халеви въ толпу, которая молча разступается передъ ними. Вышелъ на передній планъ и медленно направляется съ товарищами къ выходу, охраняемому янычарами. Толпа размѣстилась въ глубинѣ подъ стѣнами, шопотомъ продолжая разговоръ.

Хакимъ-паша (низенькій, нѣсколько сгорбленный, съ большой свѣдой бородой съ круглыми красноватыми глазами). Будьте здоровы, Самуиль, и вы, Сарафъ-паша...

Самуиль. Вы спѣшите?

Хакимъ-паша. Я не хочу, чтобы во дворцѣ замѣтили мое отсутствіе.

Халеви. Развѣ васъ тамъ подозрѣваютъ?

Хакимъ-паша. Еще нѣтъ. Султанъ мнѣ довѣряетъ съ тѣхъ поръ, какъ я надѣлъ турбанъ, не догадываясь, что сердце мое по-прежнему бьется для моего народа. Наконецъ, слабое здоровье его постоянно требуетъ моего лекарскаго искусства.

Самуиль (удерживая еще его). Значитъ, неизвѣстно...

Хакимъ-паша (разводитъ руками). Мохамедъ подъ вліяніемъ моихъ словъ боится встрѣчи съ Саббатаемъ, да святится имя его! Но онъ можетъ въ любой день и часъ... (Говоритъ это, понизивъ голосъ, чтобы не было слышно въ глубинѣ).

Халеви (точно такъ же). Что же тогда будетъ?

Самуилъ. Будемъ вѣрить въ силу Предвѣчнаго и въ могущество слова Мессіи.

Халеви. Развѣ не лучше было бы... (Дѣлаетъ пояснительное движеніе рукою. Поворачивается къ лекарю). Вы имѣете доступъ къ султану, подаете ему лекарства. ...

Хакимъ-паша (отрицательно качаетъ головой). Нѣтъ! Мохамедъ слабъ, трусливъ и суевѣренъ: на него можно повліять. Неизвѣстно, каковъ былъ бы его преемникъ... Богъ нашъ намѣтилъ подходящую минуту, чтобы послать на землю своего избранника. Царство османское, несмотря на видимое величіе, колеблется и близко къ развалу. Если только Саббатай сумѣетъ подчинить себѣ султана, мы станемъ господами Турціи и всего міра.

Самуилъ (смотреть въ глубину на евреевъ, разговоръ которыхъ становится все громче). Я не довѣряю этому народу. Долгое рабство испортило его. Одинаково не знаетъ онъ мѣры ни въ своихъ надеждахъ, ни въ своемъ отчаяніи.

Хакимъ-паша. Есть въ немъ живая сила!

Самуилъ (въ раздумьи). Онъ разбросанъ по всей землѣ.

Хакимъ-паша. Такъ угодно было Предвѣчному, чтобы мы всю землю оплели сѣтью нашихъ жилъ. На зовъ Мессіи эхомъ откликнулись Италія и нѣмцы, Испанія, Голландія и Польша, не говоря уже объ азіатскихъ странахъ. Побѣда наша будетъ торжествомъ нашимъ сразу надъ всѣмъ міромъ.

Халеви (воздымая кверху руки). Сдѣлай это, Богъ Израиля, сдѣлай это, Богъ великій и единый! Если игра будетъ проиграна, я погибну окончательно. Я отдалъ все свое состояніе.

Самуилъ (усмѣхается). Вѣдь вы не свои деньги отдали въ распоряженіе Мессіи, а тѣ, что вы, какъ сборщики податей, собирали для султана.

Халеви. Знаю, знаю; но, вѣдь, я могъ обратить ихъ въ собственную пользу.

Хакимъ-паша (уже въ дверяхъ оборачивается). Что-жъ, жалѣете объ этомъ?

Халеви (поспѣшно). Пусть Богъ хранить меня отъ такого грѣха! Для меня большая честь, что Мессія соблаговолилъ принять ничтожныя деньги своего слуги, но я безпокоюсь съ того времени, какъ его держать въ заключеніи, чтобы не погибли всѣ наши надежды.

Самуилъ. Что касается насъ, мы сдѣлали все. Остальное предоставимъ Всемогущему.

Хакимъ-паша. Но надо быть насторожѣ. Если будетъ что-нибудь новое, я немедленно дамъ знать — вы будьте готовы. (Выходить).

Самуилъ и Халеви медленно идутъ къ дверямъ, черезъ которыя вошли въ комнату. Оба задумались...

Вдругъ Самуилъ преклоняетъ колѣна, Халеви слѣдуетъ его примѣру. Евреи падаютъ ницъ, другіе же, поднявшись, воздымаютъ кверху руки.

Въ дверяхъ, открывшихся въ глубинѣ, стоитъ еврейскій мессія — Саббатай Ц'ви. На немъ длинная домашняя одежда изъ чернаго шелка съ тонкой золотой вышивкой вокругъ шеи и на концахъ широкихъ рукавовъ. Голова его не покрыта, и длинные, не знающіе ножницъ, волосы черными кудрями спадаютъ на его плечи. Надъ алыми юношескими губами — маленькіе усы; мягкая растительность окаймляетъ его лицо, блѣдное, необычайно прекрасное, освѣщенное парой огромныхъ темно-голубыхъ глазъ. Высокій, тонкій и стройный, стоитъ онъ съ доброй улыбкой на устахъ, медленно поднимая надъ народомъ тонкія и бѣлыя руки. За нимъ толпится его свита и среди нея ученые и каббалисты.

Евреи (разражаются громкими криками). Мессія! Мессія! Хадамъ Кадмонъ, Малка Кадипша! Мессія!

Саббатай. Дѣти мои! (Переступилъ порогъ и остановился на узорчатомъ коврѣ. Евреи тѣснятся вокругъ него, цѣлуютъ края его одежды, склоняются къ его ногамъ. Даже янычары въ дверяхъ скрестили на груди руки и наклонили головы).

Голоса. О, господи! Избавитель! Царь! Избранникъ Бога живого!

Испанскій еврей. Выслушай наши жалобы! Осуши наши слезы!

Амстерд. еврей. Верни славу Израиля! Мы давно ждемъ...

Неэмія (охваченный общимъ экстазомъ). Сокруши враговъ нашихъ! Вырви насъ изъ рукъ недруговъ! Покажи свою мощь!

Саббатай (голосомъ кроткимъ и яснымъ). Дѣти, я приношу вамъ добрую вѣсть. Богъ всемогущій, Отецъ мой и вашъ, Іегова...

Неэмія (отпатывается въ ужасъ). Имя Божье произнесъ!

Саббатай (поворачивается къ нему, поднявъ голову, съ улыбкой). Дозволяется дѣтямъ называть Отца по имени, вопреки всѣмъ запрещеніямъ — отнынѣ и навсегда. Это право приношу я съ собою

въ знакъ того, что завершился уже гнѣвъ Господень и настала для Израиля пора любви.

Голоса. Осанна! Осанна! Слава Мессіи!

Неэмія. Господинъ, наша кровь тамъ льется и мы приносимъ свои жалобы къ престолу твоему. Осыпанные пепломъ и въ слезахъ пришли мы къ тебѣ...

Саббатай. Надѣньте радостныя одежды! Кто плачетъ о ночи, когда она уже побѣждена зарею наступающаго дня? Вотъ вдохновилъ меня Господь и возвѣстилъ мнѣ черезъ души предковъ моихъ, царей и патриарховъ, что исчерпана уже воля Закона и кругъ временъ завершенъ. Отнынѣ не будетъ больше ни постовъ, ни дней покаянія и кары: радость должна воцариться вездѣ въ знакъ того, что я, вашъ Мессія, вступилъ на землю.

Группа талмудистовъ. Не можетъ этого быть! Не можетъ быть! Въ Писаніи сказано...

Первый каббалистъ. Тише! Мессія такъ сказалъ. Писаніе передъ словомъ его—ничто.

Саббатай. Нѣтъ больше слова о чистомъ и нечистомъ, о томъ что дозволено и что запрещено. Окончились дни отреченія и казни и слезъ. Разрѣшается вамъ ѣсть всякое мясо, разрѣшается сердца ваши веселить...

Каббалисты. Все разрѣшается! Такъ сказалъ Мессія!

Талмудистъ. Соблазнъ! Злодѣяніе и грѣхъ!

Саббатай. Доколѣ вы были дѣтьми—черезъ меня говоритъ вамъ Богъ—я приказывалъ вамъ, какъ отецъ дѣтямъ, и налагалъ запреты, дабы вы не довѣряли излишне своимъ силамъ. Нынѣ же прихожу къ дѣтямъ своимъ, которымъ Богъ за страданія великую радость черезъ меня посылаетъ...

Неэмія (съ крикомъ). Господинъ, гдѣ же эта радость, о которой ты говоришь намъ? Тамъ льется кровь, позорятъ нашихъ женъ и убиваютъ сыновей. Надо намъ каяться и посыпать головы пепломъ. дабы умиловить гнѣвъ Божій, а не пѣть и плясать...

Талмудистъ. Богъ мститъ за поруганный Законъ, за оскверненіе имени Своего святого!

Старый еврей. О, горе, горе!

Саббатай. Почему вы не вѣрите, когда я говорю вамъ, что день веселья уже наступилъ? Зачѣмъ оглядываетесь назадъ и жалѣете мертвыхъ взамѣнъ того, чтобы готовиться войти вмѣстѣ со мной въ царство Божіе на землѣ? Вѣрьте слову моему и обѣщаніямъ. Еще немного, и упадутъ предъ вами народы, и скоро забудете о всѣхъ испытаніяхъ среди радости, которая засіяетъ въ день побѣды.

Неэмія (протягиваетъ руки). Чѣмъ же мы побѣдимъ? Голыми руками...

Саббатай (съ силой). Побѣждаетъ тотъ, кто вѣритъ въ свою мощь. Царствуетъ тотъ, кто умѣетъ вознести голову высоко надъ другими. Избранникомъ Божиимъ становится на землѣ тотъ, кто умѣетъ этого захотѣть. (Возноситъ кверху руки). Вотъ руки мои обнимаютъ міръ; я держу тебя, народъ мой, и не отпущу тебя отъ рукъ моихъ. Не потому, что сердце сурово во мнѣ, не плачу я съ вами теперь, но потому, что видно мнѣ многое, что пока еще сокрыто отъ вашихъ очей. Ваши головы еще опущены, но я уже высоко къ солнцу поднялъ свою. Отбросьте печаль и утрите слезы. Завтра, великое завтра наступаетъ... Закройте глаза на бѣды, заглядѣвши на славу свою! Донинѣ въ слезахъ и въ прахѣ просили вы Бога и не далъ Онъ вамъ ничего. Теперь я самъ добуду отъ Бога ваше счастье...

Талмудистъ (закрываетъ глаза) Что онъ сказалъ! Чѣмъ онъ говорить!

Неэмія (отступаетъ пораженный). Какъ это? Я не понимаю...

Мгновеніе молчанія.

Голоса (безпокойные, испуганные). Это грѣхъ! грѣхъ!

Саббатай (слегка поблѣднѣлъ, словно мгновенный испугъ охватилъ его на головокружительной высотѣ его мощи. Овладевъ собой, голосъ его крѣпнѣетъ и становится подобнымъ грому). Развѣ Іаковъ, мой предокъ, не вступилъ въ борьбу съ Богомъ Израіля и развѣ не одолѣлъ его, добывъ отъ него благодать?

Талмудистъ. Іаковъ былъ святъ!

Саббатай (громкимъ голосомъ). Святъ также и я!

Возгласъ. Слава Мессіи!

Натанъ. Слава Мессіи! Онъ святой! Онъ святой!

Голоса каббалистовъ. Онъ намѣстникъ Божій на землѣ!

Талмудистъ (подбѣгаетъ къ Саббатаю). Слышишь, что говорятъ? Запрети! Накажи ихъ. Не позволяй богохульствовать!

Саббатай (стоитъ недвижимый, серьезный, блѣдный; говоритъ какъ бы про себя). Пусть Предвѣчный самъ разрѣшитъ, дана ли мнѣ власть отъ Него на землѣ... Пусть онъ разсудитъ! (Прижимаетъ къ груди сложенные руки).

Каббалисты кричатъ. Онъ господинъ нашъ! онъ святъ!

Талмудистъ (разрываетъ одежды и закрываетъ глаза). О!

идолопоклонники! О преступленіе! О грѣхъ! (Въ негодованіи быстро убѣгаетъ вмѣстѣ со своими единомышленниками).

Голоса. Слава Мессіи! Слава Мессіи!

Молодая дѣвушка (вдругъ въ изступленіи бросается навзничъ на землю и начинаетъ кричать). Вижу его! Вижу на колесницѣ славы съ колесами изъ четырехъ солнцъ. Надъ головой его шатеръ изъ звѣзднаго неба. И волнистое море набросилъ, какъ плащъ, на плечи свои!

Натанъ. Слушайте! Слушайте! Духъ говоритъ черезъ нее.

Голоса. Духъ говоритъ! (Обступаютъ ее кругомъ).

Испанскій еврей (схватываетъ ее за плечи). Что видишь? говори!

Дѣвушка. Огненные драконы влекутъ колесницу черезъ весь міръ отъ востока на западъ...

И каббалистъ. Драконы—это херувимы!

І каббалистъ. Неправда. Херувимы это совсѣмъ другое...

Голоса. Тихе! не прерывайте. Говори, говори.

Дѣвушка. Молніи кружатся вокругъ его головы, вѣтры смиренно легли подъ колеса его колесницы и всѣ падаютъ ницъ!

Саббатай (который поднялъ глаза и слушалъ напряженно). Видитъ славу Израіля!

Еврей (схватываютъ другъ друга за руки и начинаютъ плясать съ криками). Слава Израілю! Слава Израілю!

Старый еврей громко плачетъ.

Испанскій еврей. Послѣ угнетенія, послѣ столькихъ бѣдъ наступаетъ день славы. Да будетъ благословенъ Богъ!

Голоса. Слава Мессіи!

Саббатай. Тебѣ эта слава, народъ мой, народъ!

Амстерд. еврей (дѣвушка). Что видишь? Что видишь еще?

Дѣвушка. Какая-то золотая птица на плечѣ Мессіи, какая-то бѣлая птица...

Натанъ. То духъ, ниспосланный Богомъ.

Дѣвушка (издаетъ страшный крикъ ужаса). Ахъ!

Евреи (подбѣгаютъ къ ней). Что такое? Что видишь? Говори, говори!

Занятые дѣвушкой не замѣчаютъ, какъ въ глубинѣ медленно отворяются двери и появляется въ нихъ Сара, мистическая жена

Мессіи. Въ драгоцѣнныхъ царственныхъ одеждахъ, подобная бѣлой лиліи, покрытой росой, юная и прекрасная, какъ ранняя заря, стоитъ она на высокому порогу дверей, возвышаясь надъ мужемъ. Ее окружаютъ нѣсколько прислужницъ, покорно склонившихся подъ ея распростертыми руками.

Дѣвушка (бьется и вытягивается на землѣ). Ничего уже не вижу. Темно въ глазахъ у меня. Крылья черной птицы... Не вижу!.. не вижу!.. Проклятіе! (Истерическій смѣхъ овладѣваетъ ею).

Саббатай (шепчетъ про себя). Неужели духъ Божій уже противъ меня? (Снова закрывъ глаза).

Натанъ. Дьяволъ сошелъ на нее, чтобы смутить ея видѣнія!

Крикъ ужаса.

Старый еврей. О горе, горе!

Каббалистъ (поднимаетъ глаза на Саббатая). Господи, дьяволъ ее.. (Обрываетъ. Увидѣлъ жену Мессіи, говоритъ изумленно). Что это? Что это за видѣнія?

Евреи (поворачиваются, увидѣли Сару. Пораженные чудомъ ея красоты, затихаютъ, отступаютъ, склоняются. Какая-то женщина шепчетъ въ экстазѣ). Грядетъ слава Израиля!

Другой голосъ (гдѣ-то со стороны, тихій, молитвенный). Заря утрення, смотрите, смотрите!

Другой. Звѣзда морей!

Другой. Какъ прекрасна! какъ прекрасна!

Другой. Золотая птица!

Натанъ (откликается вдругъ громко). Народъ, воздай хвалу царицѣ!

Общій крикъ. Да здравствуетъ царица Сіона! Да здравствуетъ жена Мессіи... Слава ей, слава!

Сара (сдѣлала шагъ и склоняется къ ногамъ мужа). Господи, моему слава, а не мнѣ!

Саббатай (вдругъ вздрогнулъ, какъ бы пробужденный отъ забытья. Замѣтилъ жену, смотритъ мгновеніе въ молчаніи на нее, на народъ и вдругъ радостно восклицаетъ). Возлюбленная! Какъ добрый знакъ, привѣтствую тебя въ эту минуту, когда душа моя бесѣдуетъ съ Богомъ. Твое появленіе разсѣяло недобрыя предсказанія.

Сара. Я твоя слуга...

Саббатай (поднимаетъ ее). Встань, подруга. (Поворачивается къ народу). Нынѣ говорю вамъ, что Богъ не противъ меня. Подобно

тому, какъ она, свѣтъ очей моихъ, жена, въ день сотворенія избранная для меня Предвѣчнымъ, неожиданно сошла сюда въ эту минуту, — такъ и, вопреки усиліямъ дьявола, царство Божіе украситъ землю въ день, когда позову васъ на пиръ. Будьте готовы, говорю вамъ, будьте готовы!

Возгласы. Слава Мессіи! Слава жепѣ его!

Нишій (бросается къ его ногамъ). Будь благословенъ, о, Мессія! Всю жизнь я умиралъ съ голоду, бродя вмѣстѣ съ собаками по улицамъ города и радуюсь теперь, что буду наконецъ ѣсть досыта. Вознагради меня за нужду мою и дай мнѣ въ царствѣ Сіона должность хорошую и почетную.

І каббалистъ (отталкиваетъ его). Не надоѣдай Мессіи. Должности предназначены для ученыхъ! (Поворачивается къ Саббатая). Господинъ, вѣдь, правда, что я буду начальникомъ области? Я хотѣлъ бы очень получить Смирну.

ІІ каббалистъ. Смирна моя! Я, вѣдь, оттуда родомъ!

Саббатая (улыбаясь). Не ссорьтесь, дѣти мои. Понстинъ скажу вамъ, что у матери вашей, Сіона, достаточно будетъ добра для всѣхъ ея сыновъ. Никто не уйдетъ тамъ съ пустыми руками. Нѣтъ слезы, которая не была бы тамъ осушена, нѣтъ раны, которая не залечилась бы тамъ, и нѣтъ нужды, которая не получила бы тамъ даянія. (Ищетъ глазами евреевъ, прибывшихъ изъ Польши, и поворачивается къ нимъ). А теперь привѣтствую васъ, посланцы дѣтей моихъ изъ далекой страны. Съ жалобами пришли вы ко мнѣ, но я, еще и не выслушавъ ихъ, приношу вамъ добрую вѣсть. Выберите же среди себя пословъ: пусть вернутся къ моему народу и расскажутъ, что видѣли и слышали здѣсь. Пусть никто не отчаивается, пусть никто не вѣритъ, будто Мессія въ темницѣ, пусть никто не страшится, что не насталъ еще срокъ царству Израильскому на землѣ... Ибо раньше, чѣмъ склонится къ вечеру этотъ день, можетъ взойти и засіять оно надъ вашими поникшими головами.

Неэмія (въ замѣшательствѣ). О, господинъ! Я не знаю, что думать, на что рѣшиться... Мои глаза полны слезъ, а сердце полно сомнѣнія и страха...

Испанскій еврей (воскликаетъ). Благословенны очи наши, узрѣвшія Мессію. Благословенны день и часъ и чрево матери, которые произвели его на свѣтъ!

Мать (подводитъ двухъ подростковъ). Господинъ, благослови этихъ дѣтей. Это сынъ мой и дочь моего брата, которыхъ я хочу обручить предъ лицомъ твоимъ, дабы уже, какъ мужъ и жена, вошли въ царство Сіона.

Саббатай (кладетъ руки на головы дѣтей). Вы поступаете разумно, ибо сказано: „Присутствуетъ Богъ, когда соединяются въ союзъ мужчина и женщина, и только двоимъ, связаннымъ воедино, имя дается человѣка“.

Мать (добавляетъ невольно). Говорятъ тоже, что только жена-тымъ будутъ раздавать земли...

Саббатай. Но большій даръ есть даръ духа, и этимъ даромъ воистину всѣхъ благословлю и надѣлю любовью своею. Пусть радостью будетъ каждая ваша мысль и каждое слово—пѣсней.

Амстерд. еврей (послѣ минутнаго колебанія бросаетъ кошелькъ съ золотомъ къ ногамъ Саббатая). Господинъ, вотъ золото, которое мы получили отъ продажи нашего имущества. Возьми его и распорядись имъ по своему усмотрѣнiю. Намъ не нужно оно, когда близится царство Израиля!

Саббатай. Не будетъ забыта ваша жертва. (Поворачивается къ Самуилу). Писецъ, возьми этотъ кошелькъ и раздай золото нуждающимся. Я вижу здѣсь много нищихъ. Помни также о прибывшихъ изъ Польши, которые, видно, утомились въ пути и. можетъ быть, голодны...

Самуиль (поднимая деньги). Господинъ, согласно приказанiю твоему столы уже приготовлены.

Саббатай. Идите же туда подкрѣпитесь, возлюбленные дѣти мои. Тѣмъ, кто нуждается въ одеждѣ, мой казначей Иосифъ Халеви раздастъ необходимое платье, дабы никто не былъ голоденъ или нагъ переступивъ порогъ дома Мессii, гдѣ бы онъ ни находился: во дворцѣ, въ пустынѣ или даже въ заключенiи.

Халеви (склоняется передъ Саббатаемъ). Все будетъ согласно слову твоему, царь нашъ.

Еврей (тѣсняется у рукъ и ногъ Саббатая). Слава и честь Мессii! Онъ воистину избранныкъ Божii! Нашъ избавитель и царь!

Всѣ выходятъ въ другiя двери въ глубинѣ; остаются только Саббатай и его жена Сара. Пока не закрылись тяжелыя дубовыя, желѣзомъ обитыя, двери, доносятся еще:

Голоса каббалистовъ. Здѣсь мнѣ принадлежитъ первое мѣсто!.. Пѣть мнѣ! Мнѣ! Мнѣ!

Саббатай даетъ рукой знакъ янычарамъ, какъ если бы они не стражами, а слугами его были, и тѣ съ поклономъ скрываются въ корридоръ, прикрывая за собою дверь.

Самуилъ (возвращается отъ двери и приближается къ Мессіи). Господинъ!

Саббатай, который сидѣлъ въ раздумьи, вздрогнулъ при неожиданномъ звукѣ голоса. Смотритъ вопросительно въ глаза своему писцу.

Оперся рукой на плечо рядомъ стоящей Сары.

Самуилъ (послѣ минутнаго молчанія). Не смѣю, царь мой, судить твоихъ поступковъ и приказовъ, но кажется мнѣ, что слишкомъ неосторожно раздаешь ты золото этой черни. Запасы Іосифа уже исчерпаны. Султанъ каждый день можетъ потребовать отъ него возврата податей, собранныхъ въ Египтѣ.

Саббатай. Развѣ Іосифъ не мой казначей?

Самуилъ. Да, да, несомнѣнно... Но султану кажется, что онъ его казначей, а султанъ еще царствуетъ.

Саббатай. Дни его сочтены.

Самуилъ. Я знаю объ этомъ, но пока можетъ быть плохо... Даръ этого амстердамскаго кушца достался намъ въ самую пору, чтобы пополнить нашу истощенную казну, а ты, царь Израиля, приказалъ раздать деньги нищимъ.

Саббатай. Такъ и будетъ.

Самуилъ. Такъ будетъ, ибо такъ сказалъ Мессія. Но я очень тревожусь, хотя и не высказываю этого ни передъ кѣмъ. Изъ султанскаго дворца доходятъ несовсѣмъ благопріятныя вѣсти.

Саббатай (встаетъ). Что мнѣ до султанскаго дворца, и вѣстей, и всей вашей напрасной людской суеты! Единнымъ словомъ и силой Божіей, которая бодрствуетъ во мнѣ, я повергну султана къ ногамъ своимъ, и вы увѣруете тогда, что исполнилось мое слово.

Самуилъ (молча низко кланяется).

Сара (замѣтивъ утомленіе въ глазахъ мужа). Отойди, писецъ: ты видишь, что царь хочетъ покоя.

Самуилъ (послушно отступаетъ къ дверямъ).

Саббатай (ему вслѣдъ). И помни, чтобы никто не вышелъ отсюда голоднымъ или безъ одежды. Вся казна для моего народа.

Самуилъ (клапается). Такъ тебѣ угодно и такъ ты приказалъ, господинъ. (Медленно въ раздумьи идетъ къ двери, черезъ которую вышли всѣ евреи, и скрывается за нею).

Саббатай сѣлъ снова вблизи окна и, опершись головой на руку, смотритъ куда-то вдаль. Другая рука, которою онъ сжималъ руку

Сары, теперь безсильно упала на колѣни.

Сара (смотреть нѣкоторое время въ молчаніи на него, потомъ слегка прикасается къ его волосамъ). Ты утомился, мужъ?

Саббатай. Грустно мнѣ.

Сара. Какой ты удивительный, какой чудесный, мой обожаемый возлюбленный! Щедрыми руками раздаешь ты радость вокругъ, и порою кажется—не останется ужъ радости для тебя самого!

Саббатай (говорить тихо). Развѣ я не вижу этой страшной нужды вокругъ? развѣ я не вижу этого униженія, этихъ бѣдъ и гоненій, этой крови и слезъ, среди которыхъ живетъ мой народъ?

Сара. Ты спасенъ его!

Саббатай. Да, я его спасу. Но прежде, чѣмъ это наступить, я хочу хотя бы поддержать духъ его радостью, хочу снять тяжести, которыя онъ носить на плечахъ. А между тѣмъ я самъ исполненъ скорби за него, такой смертельной скорби... (обрываетъ). О, когда же я, наконецъ, предстану предъ султаномъ... я ждать не могу, не могу! Я хочу ужъ увидѣть день моего торжества. День, въ который я вознесу Израиля, дабы утвердить уже на вѣки царство Сіона!

Сара. Султанъ, кажется, очень страшный...

Саббатай. Но сильнѣе Богъ!

Сара. Султанъ, кажется, жестокий... Говорятъ, когда онъ улыбается, чудится кровь вокругъ. Онъ создаетъ себѣ забавы изъ людскихъ страданій, а когда имъ самимъ овладѣваетъ страхъ, то умираетъ тотъ, на кого упадетъ его взоръ.

Саббатай. Здрожитъ предо мною, и однимъ словомъ я его повергну въ прахъ. Вся мощь Израиля во мнѣ, вся судьба его, гоненія, темницы, пытки и страданія. Каждая слеза, пролитая моимъ народомъ, въ душѣ моей претворяется въ молнію, каждая капля крови—въ громъ!

Сара (смотреть на него въ упоеніи). О, ты побѣдишь! Ты посланецъ Божій! Ты!

Саббатай (почти со стономъ). Тише! (Запнулся. Рукой схватился за косякъ окна, другой рукой проводитъ по лбу).

Сара (подбѣгаетъ). Что съ тобой?

Саббатай. Въ глазахъ у меня потемнѣло...

Сара (встревоженная). Ты ослабѣлъ... Ничего не ѣлъ еще сегодня... Постился?..

Саббатай (дѣлаетъ отрицательный жестъ). Ты знаешь, что до захода солнца я никогда не принимаю пищи... Это не то...

Сара (ведетъ его на середину и усаживаетъ въ кресло, затѣмъ

опускается у его ногъ). Слишкомъ суровъ ты къ себѣ. Я знаю, духъ въ тебѣ божественный и сильный, но тѣло не можетъ спести уже лишеній и многихъ твоихъ испытаній. Пощади себя.

Саббатай (говорить, не смотря на нее). Не искушай меня. Мною иногда овладѣваетъ страхъ, что слишкомъ мало я себя смиряю и терплю.

Сара (обняла его колѣна руками. Восхищенно смотритъ на него). О, какой ты свѣтлый и невыразимо-прекрасный! Такая святость въ тебѣ, что порою я не осмѣливаюсь коснуться устами твоихъ ногъ, и радостное безуміе овладѣваетъ мною отъ того, что я избранница твоя, что могу быть возлѣ тебя, служить тебѣ и обнимать руками твою голову.

Саббатай (смотреть съ улыбкой). Возлюбленная!

Сара (закрываетъ глаза). О говори мнѣ такъ, говори.

Саббатай. Возлюбленная...

Сара (вдругъ открываетъ глаза, взглянула на него и закрыла свое лицо руками). Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! Я не возлюбленная твоя... я не жена.

Саббатай. Я обручился съ тобой предъ лицомъ Господа.

Сара шопотомъ. Я дѣвушка...

Саббатай. Развѣ не довольно того, что я избралъ тебя и тебя люблю?

Сара. Гибну отъ муки!

Саббатай (твердо). Ты жена Мессіи. Въ день обрученія я сказалъ тебѣ, что беру тебя въ жены, ибо таковъ законъ... Какъ первый человѣкъ въ раю получилъ подругу изъ рукъ Бога, такъ и человѣкъ возродившійся, Хадамъ Кадмонъ, не долженъ быть безъ жены, — но тѣла твоего не коснусь и не познаю въ тебѣ женщины... И ты согласилась...

Сара (все время шопотомъ, закрывъ лицо руками). Я слишкомъ довѣрилась своимъ силамъ. Не знала, что это значить—каждый день смотрѣть въ твои глаза, видѣть твою красоту неземную, чувствовать тебя такъ близко возлѣ себя... и тосковать напрасно... извиваться отъ муки... (Припадаетъ къ ногамъ его, рыдаетъ).

Саббатай. Богу отдай это пламя, что сжигаетъ твое юное тѣло. и благоуханіе этого цвѣтка истинно будетъ слаще для Него, чѣмъ благоволеніе ѳиміама. (Наклоняется надъ нею). Ты думаешь, что не страдаю и я? Среди всѣхъ испытаній, вѣдомыхъ только Всевышнему, которыя я на себя принимаю, воистину самое тяжкое то, что каждую ночь дѣлю съ тобой ложе, но остаюсь чистъ.

Сара (подняла на него глаза). Сабба, зачѣмъ же тогда? зачѣмъ? Вѣдь это дозволено. Я твоя жена!

Саббатай (всталъ, отошелъ къ окну). Для всякаго человѣка достаточно не дѣлать того, что запрещено, но избранный долженъ уметь отказаться и отъ дозволенной улады.

Сара. Другимъ ты все разрѣшаешь.

Саббатай (повернулся къ ней съ поднятой головой). Потому что я святы среди нихъ!

Сара (тянется къ нему на коѣняхъ). О, Сабба! Я знаю, ты избранникъ Божій, ты самый святой, ты Мессія, ты выше всѣхъ херувимовъ и серафимовъ, но... развѣ ты не можешь для меня, на одинъ хотя бы день стать человѣкомъ! только человѣкомъ!

Саббатай (ласково кладетъ ей руки на голову). Не знаешь, что говоришь, женщина. Кто сдѣлаетъ хотя шагъ съ высоты, тотъ неминуемо упадетъ внизъ безъ возврата, какъ камень, брошенный съ вершинъ Ливана ногою быстрой серны.

Сара. Хочу имѣть дѣтей съ тобою, какъ велитъ законъ.

Саббатай (поднимаетъ ее). Дитя мое и твое — это счастье и торжество нашего народа. Развѣ не довольно этого для тебя? Развѣ не дрожишь при мысли о мгновѣніи, когда я введу тебя, какъ царицу, въ ворота возрожденнаго Іерусалима, среди радостныхъ криковъ и благословеній, вмѣстѣ съ цвѣтами бросаемыхъ къ твоимъ ногамъ.

Сара. О да! Но любовь побѣждаетъ меня, и я невольно гляжу на тебя, какъ на возлюбленнаго. Потому что я не божественнаго происхожденія, какъ ты, и падаютъ мои слабыя силы...

Саббатай. Обопрись на меня. (Заключаетъ ее въ объятія).

Сара (освобождается изъ его объятій, спустя мгновѣніе). Нѣтъ! не могу! Еще ни одной женщины на землѣ не даю было такое испытаніе, какъ мнѣ, бѣдной, которая смотритъ въ твои глаза, чувствуетъ запахъ твоихъ кудрей, прикасается къ сладчайшему тѣлу... Пожалѣй!

Саббатай (опечаленный, помолчалъ съ минуту). Можетъ быть, я не правъ, можетъ быть не долженъ требовать отъ тебя того, что я самъ съ трудомъ только могу преодолѣть. Отойди тогда съ миромъ. Я развяжу узы, которыми связалъ тебя съ собою.

Сара (съ крикомъ). О нѣтъ! жалости! Не отталкивай меня, не прогоняй. Нѣтъ ужъ для меня жизни безъ тебя, нѣтъ свѣта для очей моихъ, кромѣ сіянія твоего лица. Если не вынесу моихъ мукъ, предпочитаю умереть у ногъ твоихъ, чѣмъ потерять тебя.

Саббатай. Не обо мнѣ рѣчь, не обо мнѣ, но о спасеніи народа моего, ради котораго я долженъ быть чистъ. Не камнемъ должна

ты быть для меня, но крыльями, не искусителемъ, но добрымъ ангеломъ моимъ!

Сара. Господинъ. мой. господинъ! Какой ты непостижимо свѣтлый! Душа моя замираетъ отъ любви, но знаю, что я только слуга твоя, и пусть все будетъ по слову твоему. Радостно исполню все, чего ты потребуешь отъ меня. Въ томъ приношу тебѣ клятву.

Саббатай (поднимаетъ склонившуюся). Вотъ ты—истинная жена Мессіи, ты возлюбленная. въ первыхъ помыслахъ Бога предназначенная мнѣ, ты, о которой царственный мой прадѣдъ, объятый пророческимъ духомъ, пѣлъ ужъ много лѣтъ назадъ: „садъ запретный и источникъ, закрытый отъ всѣхъ“. Встань, дочь Израиля, которой дано спасти свой народъ. Встань, царица Сіона, величіемъ затмившая небо и солнце, восходящее надъ моремъ. Болѣе прекрасная, чѣмъ все, что есть прекраснаго въ этомъ мірѣ: чѣмъ розы и лиліи долинъ, чѣмъ кедры и мипдальныя деревья. Ароматъ твоей чистоты— словно запахъ мирры, алоэ и цвѣтущихъ кустовъ граната. Среди всѣхъ милостей, какими одарилъ меня Господь, Отецъ нашъ, постигнѣй величайшая та, что ты, какъ голубь, сѣла на моемъ плечѣ. Пусть прославлено будетъ имя Господне нынѣ и во вѣки и благословенна воля его! (Держить жену въ объятіяхъ).

Сара (шопотомъ). Ты благословенъ, мой царь!

Входныя двери отворяются и въ нихъ стоитъ Хаджи-бей, управитель замка Дамиръ-Ташъ, въ которомъ заключенъ Саббатай Цви. За нимъ слѣдуетъ немногочисленная стража. Саббатай, стоящій спиною, не замѣтилъ входящихъ. Прижимая къ груди голову Сары, онъ поднялъ лицо къ окну, какъ бы въ тихой молитвѣ.

Хаджи-бей (помолчавъ съ минуту, подходитъ ближе и кланяется). Господинъ!

Саббатай (обернувшись, смотритъ вопросительно). Что нужно вамъ?

Хаджи-бей (почтительно и даже съ боязнью въ голосѣ). Аллахъ, — единый Богъ. много же нѣтъ Бога, — оказалъ мнѣ, псу своему, такую милость, что эти стѣны предназначены для твоего пребыванія, пророкъ. Я никогда не давалъ тебѣ почувствовать суровости заключенія и, наоборотъ, исполнялъ все, чего ты желалъ. Не гнѣвайся же на меня теперь, если тебѣ не понравится вѣсть, которую я приношу.

Саббатай. Говори смѣло.

Хаджи-бей. Скажу, что мнѣ приказано. Султанъ Мохамедъ.

нашъ господинъ и повелитель, пожелалъ, чтобы ты сегодня предсталъ передъ его лицо.

Саббатай (издаетъ невольно короткій радостный крикъ). А!

Сара (съ крикомъ ужаса бросается къ мужу). Султанъ! О, Сабба!

Саббатай. Это твоя жертва вызвала Божью милость. (Быстро направляется къ дверямъ въ глубинѣ, открываетъ ихъ настежь и зоветъ). Идите сюда всѣ!

Хаджи-бей (смутившись). Господинъ, не смущай меня... Мнѣ приказано употребить силу въ случаѣ сопротивленія...

Волна евреевъ въ одно мгновеніе заливаютъ всю комнату. Движеніе шумъ. Нѣкоторые вошли еще съ кусками мяса въ рукѣ, повидимому прямо отъ стола, у другихъ въ рукахъ кубки. Среди говора видѣются тревожные голоса.

Голоса. Мессія зоветъ. Что это значить? Что случилось? Управитель замка!..

Хаджи-бей оглянулся на свою стражу и даетъ знакъ ставшимъ снова у дверей янычарамъ, чтобы они приблизились.

Саббатай (стоитъ на высокомъ порогѣ первыхъ дверей, блѣдный, съ необычайно свѣтлымъ лицомъ. Подождаль минуту, пока шумъ утихъ; руки сложилъ на груди). Народъ! Я сегодня предстану предъ султаномъ. Вотъ его посолъ!

Крикъ ужаса вырывается со всѣхъ сторонъ. Люди тѣснятся вокругъ Мессіи, хватаютъ его руки и одежду, съ плачемъ падаютъ къ его ногамъ. Нѣкоторые раздираютъ на себѣ одежды и рвутъ волосы, громко рыдая. Общее смятеніе, среди котораго отдѣльныхъ словъ разобрать нельзя.

Натанъ (кричитъ такъ, чтобы покрыть своимъ голосомъ шумъ). Эй, люди, слезы напрасны. Своею грудью мы защитимъ Мессію! (Выстукаетъ впередъ съ горстью молодыхъ евреевъ).

Хаджи-бей даетъ знакъ. Янычары взяли въ зубы ятаганы и хватаются за пистолеты.

Саббатай (поднялъ руку надъ головами испуганной толпы, давая знакъ, чтобы умолкли. Начинаетъ говорить, сдерживая голосъ, который дрожитъ у него, однако, отъ какой-то внутренней радости и скрытой силы). Гдѣ же ваше довѣріе? гдѣ вѣра въ вѣковѣчную

Господню мощь? Зачѣмъ эти слезы? о чемъ этотъ крикъ? Пойте вмѣстѣ со мной радостный гимнъ. Хвалу Богу! Во славу Бога и святого имени Его, свѣтлый благодарственный гимнъ.

Евреи (онѣмѣли, смотря на Мессію остановившимся взглядомъ.

Саббатай (поворачивается къ управителю замка). Благословенны уста твои, добрый вѣстникъ! Приносишь мнѣ вѣсть о побѣдѣ. Не будетъ забыто о тебѣ, когда сяду на тронъ Сіона.

Хаджи-бей отступаетъ недоумѣвая, неувѣренно. Янычары смотрятъ другъ на друга. Евреи заслушались неподвижные, застывши на своихъ мѣстахъ.

Саббатай (собравъ всю свою силу). Народъ, давно ожидаемый день нынѣ наступилъ. Раньше, чѣмъ солнце зайдетъ, я повергну султана къ своимъ ногамъ. завершу побѣдой борьбу за тебя и воздвигну тронъ Израиля—такъ хочетъ Богъ!

Общіе возгласы. Мессія такъ сказалъ! Это сказалъ Мессія!

Саббатай (какъ бы охваченный радостнымъ безуміемъ). Эй, слуги! Дайте мнѣ царскія одежды, золотой короной увѣнчайте мое чело, виссонъ и багряницу на мои плечи! Такъ я пойду...

Возгласъ. Дайте царскую одежду.

Саббатай (поднявъ обѣ руки, вознесъ кверху лицо и начинаетъ псаломъ Давидовъ). „Бейте въ ладоши, народы земли, прославляя Бога звуками веселья“...

Народъ (охваченный порывомъ радости, начинаетъ приплясывать, подпѣвая Мессіи). „Ибо высокъ и страшенъ Богъ, царь великій надъ всей землей. Аллилуія!“

Саббатай. „Отдать Онъ намъ народы міра и повергъ ихъ къ ногамъ нашимъ. Аллилуія!“

Народъ. „Пойте же Богу нашему, пойте! Пойте царю нашему, пойте! Пойте славу. Аллилуія!“

Саббатай. „И воцарится Господь надъ народами“...

Предъ нимъ склоняются слуги съ багрянымъ плащомъ и золотой короной въ рукахъ. Саббатай протягиваетъ къ нимъ руки.

Хаджи-бей, кланаясь, отступаетъ къ дверямъ. Янычары наклонили головы.

Евреи—одни падаютъ ницъ, другіе пляшутъ, хлопая въ ладоши. Крики:

Аллилуія! Аллилуія!

А К Т Ъ II.

Султанскіе сады въ городѣ Эдредехъ, который невѣрные называютъ также по-гречески—Адріанополь. Среди всякаго рода деревьевъ—рѣдкостныя растенія, цвѣтущіе миндальныя кусты, цѣлыя кущи розъ и другихъ разнообразныхъ цвѣтовъ, яркихъ и благоухающихъ. На фонѣ зелени многочисленныя фонтаны, вода которыхъ стекаетъ съ серебрянымъ звономъ въ маленькіе, обложенные розовымъ греческимъ мраморомъ бассейны. Въ глубинѣ—за густыми аллеями деревьевъ—види́ются мавританскія бесѣлки, а за ними поднимающіеся къ небу минареты.

Впередѣ съ лѣвой стороны, подъ растянутымъ на разукрашенныхъ древкахъ шелковымъ балдахинномъ—зеленымъ и золотымъ—сидятъ съ подогнутыми ногами на мягкомъ, убранномъ подушками и узорчатыми коврами, тронѣ, могущественный повелитель, султанъ, падишахъ и калифъ Мохамедъ IV. Это—юноша двадцати съ чѣмъ-то лѣтъ, съ блѣднымъ болѣзненнымъ цвѣтомъ лица и тонкими синими губами. Рѣдкая черная растительность окаймляетъ его лицо; голова кажется безсильно склоненной подъ тяжестью огромнаго тюрбана, сколотатаго на серединѣ брилліантомъ. Лобъ его выдается впередъ двумя подвижными выпуклостями, изъ-подъ которыхъ сверкаютъ глаза—большіе, круглые, неподвижно устремленные впередъ, какъ бы съ испугомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мрачной какой-то жестокостью. Въ эту минуту, однако, вѣки его опущены; погруженный въ раздумье, онъ словно слушаетъ въ полусвѣтѣ звуки скрытой среди деревьевъ музыки, подъ которую пляшутъ передъ нимъ на травѣ греческія и африканскія танцовщицы...

Владыка міра не удостоиваетъ ихъ взглядомъ. Пальцы безсильной руки придерживаютъ длинный, осыпанный драгоцѣнными камнями

янтарь, извилистой трубкой соединяющійся съ стоящимъ внизу кальяномъ. Сбоку колѣнопреклоненный невольникъ, слѣдя, чтобы табакъ не потухъ, поднялъ на султана безпокойные глаза; въ одной рукѣ онъ держитъ серебряные щипцы, въ другой у него серебряный сосудъ, полный горящихъ углей.

Черные невольники стоятъ за тропомъ со страусовыми вѣерами и подушками въ рукахъ. Сбоку Гассанъ-ага, — начальникъ стражи янычаръ, виднѣющейся въ глубинѣ, — неподвижный, зоркій, съ длиннымъ обнаженнымъ ятагапомъ въ рукѣ.

Немного впереди Хакимъ-паша Дидонъ разговариваетъ шопотомъ съ евнухомъ Кизларъ-пашею, начальникомъ всей дворцовой службы. Возлѣ нихъ стоитъ въ молчаливѣмъ сѣдой и почтенный старикъ Муфтіи Ванни, исполняющій кромѣ духовныхъ обязанностей также должность каимъ-макама въ Эдредехъ. Съ правой стороны подъ деревьями робко тѣснятся еврейскіе талмудисты, которые прибыли изъ замка Дамиръ-Ташъ просить владыку о наказаніи ложнаго мессіи, и покорно ждутъ милостиваго султанскаго взгляда. Танцовщицы въ роскошныхъ развѣвающихся одеждахъ пляшутъ на травѣ, извиваясь гибкими, молодыми тѣлами; и сверкаютъ ихъ горячіе глаза и сверкаютъ за полуоткрытыми устами ихъ бѣлые зубы. Напрасно бросаютъ онѣ на задумавшагося султана манящія, жадные взгляды...

Кизларъ-паша (вполголоса). Падишахъ уснулъ.

Хакимъ-паша (кинувъ взглядомъ). Нѣтъ, не спитъ владыка міра. Сегодня снова былъ у него приступъ болѣзни, и теперь отдыхаетъ.

Кизларъ-паша. Да хранить насъ великій духъ пророка. Не одна голова упадетъ сегодня, быть можетъ...

Муфтіи Ванни (приблизился къ разговаривающимъ, услышавъ послѣднія слова). Вѣрно, султанъ прикажетъ утопить сегодня Саббатая. Слишкомъ долго ждалъ его раскаянья...

Хакимъ-паша (пожалъ плечами). Не знаю. Говорятъ, будто онъ безсмертенъ.

Муфтіи Ванни. Грѣхъ такъ говорить. Даже пророкъ нашъ умеръ.

Кизларъ-паша (съ суевѣрнымъ страхомъ). Не знаю, правда ли, но говорятъ также, что этотъ Саббатай можетъ воскрешать мертвыхъ и убивать людей однимъ взглядомъ... Будто бы каждую ночь

онъ выходитъ, минуя стражу, изъ заключенія и облетаетъ всю землю на огненной колесницѣ.

Х а к и м ѣ - п а ш а (изображая испугъ). Единъ Аллахъ!

Продолжаютъ шептаться, поглядывая на султана. Слышны еще громкія слова.

К и з л а р ѣ - п а ш а. Страшно подумать...

Въ глубинѣ на аллеѣ показался великій визирь А х м е д ѣ К е п р и л и. Человѣкъ сорока съ лишнимъ лѣтъ, съ суровымъ, но умнымъ взглядомъ. Во всей фигурѣ чувствуется непреклонная воля. Одежда на немъ военная: низкая чалма съ птичьими перьями, кривая сабля у бедра. Въ рукѣ держитъ свертокъ пергамента. Идетъ быстрымъ шагомъ и останавливается предъ султаномъ. Въ это же время прѣкращается музыка. Т а н ц о в щ и ц ы останавливаются.

С у л т а н ѣ (открылъ глаза, словно очнулся. Спрашиваетъ торопливо). Что? Онъ уже здѣсь?

К е п р и л и (склоняется до земли). Владыка, вотъ я принесъ фирманъ.

С у л т а н ѣ (съ неохотой). А, это ты, великій визирь! (Снова закрываетъ глаза).

К е п р и л и (протягиваетъ руку съ пергаментомъ). Соблаговоли подписать, владыка, твое имя.

С у л т а н ѣ (едва взглянувъ, дѣлаетъ оборонительный жестъ рукою). Позже! Какъ-нибудь... Можетъ быть завтра! Я теперь усталъ! (Опускаетъ вѣки).

К е п р и л и. Ты, вѣдь, сказалъ, повелитель... Это дѣло не терпитъ отлагательства.

С у л т а н ѣ (открылъ глаза). И все же оно потерпѣть, потому что я такъ хочу. Клянусь пророкомъ, нѣтъ такого дѣла на свѣтѣ, которое не могло бы ждать, если мнѣ такъ угодно. (Поворачивается къ начальнику евнуховъ). Не правда ли, Кизларъ-паша? (Посмотрѣлъ встревоженнымъ взглядомъ на склонившагося до земли придворнаго. Потираетъ рукою лобъ). Что я хотѣлъ сказать... Дайте мнѣ кальянъ. (Вдругъ заволновался, словно припомнилъ). Да, сегодня я долженъ видѣть этого... Саббатая...

М у ф т і й В а н н и (склоняетъ голову). Ты такъ приказалъ, повелитель вѣрныхъ, чтобы твой узникъ явился предъ тобою.

С у л т а н ѣ (потянулъ дымъ изъ трубки; говоритъ какъ бы

про себя). Это странный человекъ, странный... Такой удивительно дерзкій!.. (Обрываетъ. Легкая дрожь овладѣваетъ имъ).

Кеприли (съ видимымъ нетерпѣніемъ). Владыка міра, ты господинъ и дѣлаешь, что тебѣ угодно. Но столько важнѣйшихъ дѣлъ ждутъ рѣшенія... я бы на этого еврея не обратилъ теперь никакого вниманія!

Султанъ (задѣтый). Ты бы не обратилъ вниманія! Всѣ евреи у меня взбунтовались, провозглашаютъ царя тамъ, гдѣ царствую я по волѣ пророка, и я знаю отлично, что... Да, правители мои ходятъ къ нему на поклонъ!.. Вы всѣ поглядываете въ его сторону!.. (Обрываетъ). Что я хотѣлъ сказать... Я окруженъ одними измѣнниками!

Кеприли. Служу тебѣ, повелитель, вѣрно, какъ мой отецъ...

Султанъ. Твой отецъ! отецъ! Старый Мехмедъ... Жалко, что умеръ. Онъ мнѣ былъ дѣйствительно вѣренъ, хотя въ Египтѣ слишкомъ много крови пролилъ... Твой отецъ былъ все же великій воинъ. Онъ бы никогда не далъ себя разбить этому псу Монтекукули...

Кеприли (задѣтый). Повелитель, я также бросилъ къ твоимъ ногамъ покоренный Критъ и добылъ тебѣ Каменець у Ляховъ.

Султанъ (пренебрежительно). Что мнѣ Каменець! Монтекукули разбилъ тебя, и я долженъ былъ заключить миръ съ королемъ на цѣлыхъ двадцать лѣтъ... Тяжело! Твой отецъ не выдержалъ бы. Онъ бы сказалъ: султанъ заключилъ миръ, а я воюю и побѣждаю...

Кеприли (съ силой). Я не умѣю нарушать договоры...

Султанъ (смотреть на него съ злой усмѣшкой). Да... вѣрно. Если бы ты проигралъ, я приказалъ бы удавить тебя шелковымъ шнуромъ, какъ измѣнника... Но твой отецъ былъ великій воинъ... (Умолкъ; снова потираетъ рукою лобъ). Однако... хуже всего то, что я не знаю, какъ поступить съ этимъ еврейскимъ пророкомъ...

Кеприли. Я совѣтую...

Султанъ. Совѣтуешь, совѣтуешь... вы всѣ совѣтуете, а онъ живетъ между тѣмъ на мою бѣду!

Кеприли. Отдай только приказъ, повелитель.

Султанъ. Твой отецъ, старый Мехмедъ, не ждалъ бы приказа, а прислалъ бы мнѣ въ шелковомъ платкѣ его отрубленную голову... Хотя и зналъ бы, навѣрное, что ему достанется отъ меня, потому что я не выношу... но Мехмедъ былъ человекъ вѣрный и рѣшительный!

Кеприли (поворачивается къ начальнику япычаръ). Эй! Гасанъ ага!

Султанъ (тревожно). Что ты дѣлаешь?

Кеприли. Посылаю за головой Саббатая.

Султанъ (быстро). Нельзя! нельзя! Я не хочу! И самъ послать за нимъ, чтобы онъ пришелъ сюда. Живымъ я долженъ его увидѣть и доказать вамъ, что я его ничуть не боюсь... Упадетъ ницъ предомною и признаетъ, что я единственный владыка! (Задумался. Добавляетъ съ отѣнкомъ суевѣрнаго страха). Впрочемъ, это похоже на чародѣйство, а можетъ быть и... пророкъ... Что?

Муфтіи Ванни (съ силой). Нѣтъ пророка, кромѣ пророка, имя котораго Магометъ—свято для вѣрныхъ во вѣки вѣковъ!

Султанъ (посмотрѣлъ на него; начинаетъ говорить упрямо и озлобленно). Я знаю... Магометъ одинъ. Но въ Коранѣ написано, что сначала былъ пророкъ Моисей, которому поклонялись вѣрующіе, пока не пришелъ пророкъ Иисусъ, и псами стали тѣ, что вѣрили въ Моисея, Потомъ пришелъ пророкъ Магометъ, и псами сдѣлались франки. А если Саббатай также пророкъ и завтра будутъ собаками тѣ, что останутся при Магометѣ? Ничего нельзя знать навѣрное...

Муфти Ванни (возбужденно). Милость пророка, повелитель сдѣлала тебя царемъ!

Султанъ (сдвинувъ брови). А моя милость можетъ сдѣлать пророкомъ, кого захочетъ!

Муфтіи Ванни. Ты султанъ и падишахъ, калифъ всѣхъ вѣрныхъ, а я ничтожный прахъ передъ твоимъ лицомъ, но Аллахъ надъ тобою и слышитъ, какъ богохульствуютъ уста твои въ эту минуту. Помни, въ Стамбулѣ сидятъ смиренные служители Бога, и Шейкъ-уль-исламъ вмѣстѣ съ ними издаетъ фетвы, которыя не разъ уже разрушали троны...

Султанъ. Вы только грозите!.. Вы только грозить умѣете! Одни измѣнники возлѣ меня и враги... (Обрываетъ. Смотритъ на присутствующихъ, усмѣхаясь зловѣще-синими углами губъ). А забавяе всего то, что я могъ бы сейчасъ приказать моимъ вѣрнымъ янычарамъ зашить васъ въ мѣшки... Гассанъ-ага ожидаетъ только моего знака... Утопили бы васъ въ рѣкѣ, потому что тутъ въ Эдредехъ нѣтъ моря... А жаль: я больше люблю въ морѣ топить, чѣмъ въ рѣкѣ... (Оттираетъ потъ со лба). Что я хотѣлъ?.. Жарко здѣсь... Когда же этотъ еврейскій мессія явится ко мнѣ? (Окинулъ взглядомъ садъ замѣчаетъ прижавшихся подъ деревьями талмудистовъ. Наморщилъ брови). Что нужно этимъ евреямъ? Кто позволилъ впустить ихъ сюда?

Хакимъ-паша (узнавъ враговъ Саббатая. Говоритъ обезпокоенный). Да, кто же ихъ сюда пустил?

Кизларъ-паша оглядывается, нища виновныхъ. Талмудисты надаютъ ницъ передъ султаномъ.

Гассанъ-ага (послѣ минутнаго молчанія). Ты самъ разрѣшилъ, владыка. Если желаешь, я ихъ сейчасъ же уберу.

Султанъ (къ евреямъ). Чего вы хотите?

Талмудистъ (не поднимая головы отъ земли). Могущественный повелитель, да охранить тебя рука Всевышняго! Это мы, псы твои, пришли возблагодарить тебя за то, что хочешь наказать богохульника, который выдаетъ себя за обѣщаннаго намъ мессію.

Султанъ (обращается къ лекарю). Что это за люди?

Хакимъ-паша. Это еврейскіе талмудисты, сторонники книгъ вавилонскихъ, которые послѣдователей Пророка называютъ нечистыми животными... Твои враги!

Талмудистъ (поднимаетъ голову). Владыка, лжеть эта собака, этотъ подлый отступникъ!

Хакимъ-паша. Ты самъ, повелитель, видишь. Меня, за то, что я надѣлъ тюбанъ и служу тебѣ, они такъ проклинаятъ!

Талмудистъ (съ крикомъ). Неправда! Онъ съ Саббатаемъ...

Султанъ (кивнувъ головой). Гассанъ-ага, слишкомъ громко лаетъ эта собака.

Гассанъ-ага, молча, дѣлаетъ шагъ впередъ и замахивается ятаганомъ.

Талмудистъ (взвизгиваетъ въ смертельномъ страхѣ, заслоняясь рукою). Смилуйся!

Султанъ (смѣется). Чего же ты хотѣлъ? Говори теперь.

Талмудистъ (стуча зубами, смотритъ на все еще поднятое надъ его головой лезвіе). Не могу, владыка, не могу...

Хакимъ-паша. Повелитель, не обращай вниманія на этихъ псовъ. Они только утомляютъ тебя, а драгоценное здоровье твое, отъ котораго зависитъ счастье всего міра, требуетъ покоя.

Гассанъ-ага опустилъ ятаганъ и вернувшись на мѣсто. Талмудистъ продолжаетъ лежать, не смѣя поднять головы.

Кеприли (подноситъ пергаментъ). Сблагослови только, владыка, подписать этотъ фирманъ.

Султанъ (вдругъ встрепенувшись). Прочь! Не подпишу никакихъ фирмановъ. Не хочу ничего знать...

Кеприли. Это важное и спѣшное дѣло. Если онъ теперь же, въ ближайшіе дни, не будетъ изданъ, арнауты снова грозятъ возстаніемъ, быть можетъ болѣе страшнымъ, чѣмъ то, которое усмирилъ мой отецъ.

Султанъ. Вырѣзать ихъ! Уничтожить! Пусть не останется ни одного человѣка! Никакой не дамъ свободы!

Кебрили. Повелитель, я съ моимъ отцомъ повергъ къ стопамъ твоимъ эту страну, но соизволь вспомнить, что я самъ арнаутской крови...

Султанъ. Значить, и ты измѣнникъ! Значить, и ты бунтовщикъ! Прочь съ глазъ моихъ!

Кебрили рѣшительнымъ движеніемъ разрываетъ пергаментъ и быстро выходитъ. Муфти Ванни наклоняется и подбираетъ куски пергамента, испуганно поглядывая на султана.

Султанъ (спустя минуту закрываетъ глаза). Пусть танцовщицы... (Даетъ знакъ рукой).

Танцовщицы снова начинаютъ плясать подъ тихіе плѣнительные звуки музыки.

Султанъ (курить кальянъ; раздумчиво). Затѣмъ онъ ушелъ? Я подписалъ бы. Я совсѣмъ не врагъ арнаутовъ. (Обращается къ Хакимъ-пашѣ). А можетъ быть, послать шнуръ Кебрили? Зеленый шелковый шнуръ.. и избавиться отъ него ужъ навсегда. Ему кажется, что я безъ него не обойдусь, что онъ... руководитель!..

Хакимъ-паша (обезпокоившись). Ты самъ знаешь, повелитель..

Муфти Ванни (вмѣшивается). Великій визирь всею душою преданъ тебѣ, владыка. Онъ человѣкъ мужественный и справедливый.

Султанъ. Но я—монархъ, могущественнѣйшій изъ царей, и не нуждаюсь ни въ комъ. Вы всѣ псы предо мною. Я убѣжденъ, что Саббатай, лишь только меня увидитъ, склонится ницъ и признаетъ мою власть... что? (Посмотрѣлъ на окружающихъ).

Кизларъ-паша (съ низкимъ поклономъ). Развѣ можетъ кто-нибудь не признать ея, могучій повелитель?

Муфти Ванни. Ты—единственный!.. ты—намѣстникъ пророка Хакимъ-паша. Ты свѣтъ земли! ты сіянье небесъ!

Султанъ (съ улыбкой удовлетворенія). Да, онъ не сможетъ поднять глазъ на мое величіе... Припадетъ къ моимъ ногамъ... (Вдругъ встревожившись). Но отчего же онъ не приходитъ? Скоро зайдетъ солнце.

Кизларъ-паша. Сейчасъ приведутъ его, владыка. Отъ замка Дамиръ-Ташъ дорога не малая...

Султанъ. А, да, дорога не малая... Что я хотѣлъ сказать... Не думаете ли вы, что въ этомъ Саббатаѣ дѣйствительно есть нечеловѣческія силы?

Муфтіи Ванни. Развѣ только... колдовство.

Кизларъ-паша (съ суевѣрнымъ страхомъ). Пусть хранитъ насъ Пророкъ!

Султанъ (безпокойно). Я совсѣмъ не желаю зла Саббатаю... Наоборотъ, если онъ покорится, я готовъ оказать ему много милостей... (Вздрогнулъ). Холодно! Покройте мнѣ колѣна... и эту подушку... такъ. Гдѣ кальянъ? Прекратите эту пляску.

Кизларъ-паша прислуживаетъ ему. Танцовщицы перестаютъ плясать.

Султанъ (втягивая и затѣмъ выпуская кольцами дымъ). А можетъ быть, на завтра отложить принятіе покорности и почета отъ Саббатая? (Посмотрѣлъ на евреевъ, лежащихъ все время передъ трономъ). Отчего эти евреи лежатъ еще здѣсь? Развѣ я не велѣлъ ихъ убрать?

Гассанъ-ага далъ знакъ двумъ янычарамъ, которые тотчасъ же приближаются.

Талмудистъ (поспѣшно). Владыка, благоволи еще выслушать насъ. Мы—вѣрные псы твои, вѣрные подданные... Окажи намъ милость и снизойди къ нашей просьбѣ, судья праведный!

Султанъ. Чего же вы хотите?

Талмудистъ. Убей Саббатая! Покарай его! утопи! посади на колы!

Султанъ (смотря на него подозрительно). Вѣдь, онъ вашей крови... еврей, какъ и вы.

Талмудистъ (съ страшной ненавистью). Саббатай не сынъ Израіля! Братья наши отлучили его отъ синагоги въ Смирнѣ, гдѣ онъ родился, и въ Іерусалимѣ, куда онъ приходилъ... Вышвырнули какъ паршивую овцу изъ стада. Понистія лучше волкъ... (Спохватился, испугавшись, не сказалъ ли ужъ слишкомъ много).

Султанъ (съ презрительной усмѣшкой). Онъ вамъ, кажется, обѣщаетъ избавленіе?

Талмудистъ. Лучше неволя! Нѣтъ иного спасенія, какъ только въ Законѣ, нѣтъ правды, какъ только въ словахъ Писанія, которое онъ оскверняетъ. Онъ изрыгаетъ хулу на нашего Бога!

Султанъ (пожалъ плечами). Что мнѣ до вашего Бога! Не надѣждайте мнѣ. (Отворачивается).

Талмудистъ (торопливо). Онъ твой врагъ, повелитель, онъ

борется противъ тебя. Онъ попошить также и твое величіе. Мы не можемъ этого перенести.

Хакимъ-паша (вмѣшивается, встревоженный). Владыка...

Султанъ (дѣлаетъ рукою знакъ, чтобы онъ молчалъ. Смотрить на евреевъ). И что же онъ говоритъ?

Талмудистъ (собравъ всю смѣлость, поднялся на половину туловища). Говоритъ, что съ головы твоей сниметъ корону!

Наступаетъ страшное молчаніе. Тѣ что стояли ближе къ трону, невольно пятятся назадъ.

Султанъ (поблѣднѣлъ, оглядѣлъ окружающихъ. Губы его начинаютъ кривиться въ страшную судорожную усмѣлку злобщей жестокости, бѣшенства и страха). Ха-ха! сниметъ... съ моей головы... корону... Рабъ мой! Прахъ моихъ ногъ! (Говоритъ это вѣшне спокойно. Но вдругъ лицо его все перекашивается, глаза останавливаются, пѣна выступаетъ на углахъ губъ... Хриплымъ голосомъ). Гассанъ-ага, бери ихъ! Камень на шею!

Янычары по знаку своего начальника мгновенно окружаютъ талмудистовъ.

Талмудистъ (воеетъ отъ ужаса). За что? за что? Смилуйся!

Султанъ. И еще содрать съ нихъ кожу за то, что кричать. Потомъ утопить, чтобы знали, что лгутъ! что нѣтъ никого въ цѣломъ мірѣ, кто осмѣлился бы посягнуть на мою корону!

Талмудисты, помертвѣвшіе отъ ужаса, молча даютъ себя связать.

Хакимъ-паша (смотря на нихъ, говоритъ вполголоса, съ чувствомъ). Такъ воздастъ Господь врагамъ помазанника Своего!

Муфтіи Ванни. Великъ Аллахъ!

Янычары увели евреевъ.

Султанъ (дышитъ возбужденно). Подлые псы, которые смѣютъ лаять...

Хакимъ-паша. Ихъ постигла заслуженная кара.

Кпзларъ-паша. И остался невредимъ, какъ былъ, надъ челою твоимъ знакъ Пророка, о, владыка.

Султанъ (говоритъ хмуро, бросая вокругъ злобные взгляды). Да, я величайшій властитель міра, и никто не осмѣлится... Если захочу, буду царствовать надъ всей землей. Не боюсь никого. Съ ко-

ролемъ заключенъ миръ, но это ничего... (Широко раскрылъ глаза. Пятна выступили у него на блѣдномъ лицѣ. Шипитъ). Московскаго царя сдѣлаю своимъ псаремъ... Гдѣ Кеприли! На ляховъ его пошлю съ цѣлою ордой... пусть мнѣ сейчасъ притащить короля варшавскаго на веревкѣ! Однимъ пальцемъ ницѣ повергну Египетъ, Азію и Крымъ. Поднимутся вѣрные отъ Урала до Гибралтара! Съ Волги, съ Дуная, съ Евфрата и Нила! (Возбуждается все сильнѣе). Разрушу Венецію. Разобью пушками Римъ! Въ стойла превращу вѣнскіе костелы! Самъ сяду на коня... и, какъ новый Османъ, подъ знаменемъ пророка... Самъ на короля, самъ поведу на папу! Все обращаю въ прахъ! А за Саббатаемъ—сейчасъ янычаръ пусть мнѣ голову его... охъ! (Его схватываютъ нервныя судороги).

Х а к и м ъ-п а ш а (подбѣгаетъ, подаетъ напитокъ, чтобы привести въ чувство). Успокойся, повелитель.

С у л т а н ъ (отпилъ, дрожащей рукой отстраняетъ кубокъ). Да! Уже лучше... Жарко здѣсь, очень жарко. Почему не вѣютъ на меня? (Задрожалъ). Нѣтъ не хочу вѣровъ. Покройте меня... Лучше... Колѣни... (Вдругъ обрываетъ, прислушивается).

Издалека доносятся крики, смѣшанные съ звуками трубъ, свирѣлей, варгановъ, бубенъ, арфъ и цимбаловъ. Среди присутствующихъ движеніе: всѣ вглядываются въ глубину. Янычары невольно наклоняются, прислушиваясь. Х а к и м ъ-п а ш а опустилъ руку, которой набрасывалъ пеструю шаль на колѣни султана.

Муфтіѣ Ванни. Что это?

С у л т а н ъ (съ тревожнымъ недоумѣніемъ). Что это значитъ? Что это?

Х а к и м ъ-п а ш а. Еврейскій мессія!

Удивительное шествіе приближается. Впереди бѣгутъ евреи въ праздничныхъ одеждахъ, приплясывая, и поднятыми руками бьютъ въ бубны; другіе трубятъ въ изогнутые, похожіе на козлиные, рога или издаютъ иные звуки при помощи разныхъ музыкальных инструментовъ. Толпа женщинъ и дѣтей съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ, съ вѣнками цвѣтовъ на головахъ, тѣснится густой массой по дорожкамъ и зеленому дерну султанскаго сада, выкрикивая востройно: „Слава Мессіи! Слава Мессіи!“ Видны нищіе и богачи, идущіе вмѣстѣ, почтенные представители оттоманскаго еврейства и уличная чернь, безпашная, вѣрная себѣ, почти обезумѣвшая... А за толпой словно засіяла луна среди позолоченныхъ вѣтвей. На высокомъ и пышномъ тронѣ несутъ еврейскаго мессію Саббатая Цви

въ царскомъ убранствѣ и великолѣпіи... На кудряхъ его золотая корона изъ пятиконечныхъ соломоновыхъ звѣздъ, а въ серединѣ каждой звѣзды сверкаетъ огромный драгоцѣнный камень. Пурпуровый плащъ, съ вышитыми золотомъ птицами и сказочными грифами на плечахъ и по краямъ, спадая, прикрываетъ его колѣни и одѣтыя въ сандаліи ноги. Въ рукѣ, украшенной перстнями на всѣхъ пальцахъ, онъ держитъ скипетръ, искусно сдѣланный изъ драгоцѣннаго металла, вѣтвь Іакова, завѣщанную новому царству Сіона. По лѣвую руку Мессіи сидитъ жена его Сара, также въ царской одеждѣ изъ бѣлаго шелка, расшитаго жемчугомъ вокругъ шеи, на груди, на широкихъ рукавахъ и внизу длиннаго платья. Въ ушахъ ея огромныя серьги. Голова ея, маленькая и стройная, какъ бы склоняется подъ тяжестью пышной повязки съ драгоцѣнными камнями, поверхъ которыхъ выступаютъ золотыя листья, словно зубы короны. На лицѣ легкое покрывало, сквозь которое сверкаютъ ея блестящіе глаза. Тутъ же передъ трономъ, съ непокрытой головой и разметавшимися длинными кудрями, съ разорваннымъ воротомъ, въ развѣвающимся плащѣ, танцующимъ шагомъ выступаетъ объятый радостнымъ безуміемъ пророкъ Натанъ Левви. Возлѣ него и позади трона идутъ со знаками царской власти и достоинства придворныя Мессіи. Писецъ Самуиль Примо, держась поднятой рукой за перила трона, въ другой рукѣ сжимаетъ свитки пергамента. Казначей Іосифъ Халеви тоже идетъ за Мессіей, стараясь остаться незамѣтнымъ для султана. Присутствуютъ также всѣ евреи, которые были въ замкѣ Дамиръ-Ташъ: испанскіе, голландскіе, польскіе, итальянскіе, нѣмецкіе и азіатскіе. Каббалисты въ черныхъ шелковыхъ одеждахъ тѣсняются за трономъ, толкая другъ друга и испуская крики. Танцовщицы, выглядывающія изъ-за султанскаго трона, исполнены изумленія. Муфтіи Ванни поднялъ руку.

Султанъ (шепчетъ ошеломленный). Это такъ... рабъ мой... ко мнѣ!.. Мой рабъ...

Натанъ начинаетъ псаломъ Давидовъ, который подхватываетъ весь народъ:

„Славьте имя царя, воспѣвая его всѣ разомъ... Бейте въ бубны во славу его и играйте на арфѣ. Аллилуія! Аллилуія!“

Султанъ. Велите имъ замолчать! Прекратить это пѣніе!

Толпа евреевъ поетъ:

„Ибо возлюбилъ себя Богъ въ народѣ своемъ
и привелъ его нынѣ къ спасенію.

Аллилуія! аллилуія!

„Свершитъ Господь судъ надъ язычниками
и карой воздѣстъ народамъ...“

Султанъ (закрываетъ глаза). Прочь отсюда!

Толпа евреевъ поетъ:

„Царя враговъ свяжетъ путами,
вождей ихъ закуетъ въ желѣзо,
дабы исполнилось слово Господне.

Аллилуія! аллилуія!“

Пѣніе сразу смолкаетъ. Тронъ Мессіи опустили на землю передъ
султаномъ. Саббатай поднялся съ трона: стоитъ — стройный,
царственный, спокойный.

Молчаніе.

Среди султанскаго двора недоумѣніе и растерянность, похожіе на
испугъ. Евреи, затанувъ дыханіе и дрожа отъ волненія, ожидаютъ
слова Мессіи, которымъ онъ повергнетъ противника въ прахъ.

Султанъ (вытянулъ руку, точно заслоняясь отъ призрака). Кто
ты такой? Кто ты, что осмѣливаешься...

Саббатай (говоритъ спокойно и гордо). Я тотъ, предъ которымъ
задрожалъ теперь царь земли. Я избранникъ Бога.

Султанъ. Отойди! отойди отъ меня! Я подарю тебѣ жизнь...
только уйди отсюда.

Саббатай. Вѣдь, ты самъ пожелалъ взглянуть въ мое лицо.

Султанъ. Чего ты хочешь?

Саббатай. Отдай мнѣ народъ мой. Отдай мою царскую, мою
Давидову корону. Поклонись мнѣ и признай мою, Богомъ мнѣ
данную, власть.

Султанъ (медленно поднимается. Синія губы его дрожатъ.
Лицо его дѣлается страшнымъ, какъ у трупа. Вытянулъ руку. Голосъ
точно застрялъ у него въ горлѣ, и онъ шепчетъ сквозь стиснутые
зубы). Ты смѣешь... ты! Я царь! На колѣни! Пади ницъ! Ты — песъ!

Саббатай стоитъ недвижимый, спокойный, свѣтлый. Наступило зло-
вѣщее молчаніе. Евреи нервно поворачиваютъ головы то на
Мессію, то въ сторону султана. Женщины испуганно присѣли
на землю. Гдѣ-то заплакалъ ребенокъ... Сара спустилась съ

трона. лицомъ и руками прижалась къ ногамъ мужа и замороженнымъ взоромъ смотритъ въ лицо султану. Самуилъ стоитъ неподвижно: блѣдный, глаза закрыты, губы что-то шепчуть беззвучно.

Султанъ (обвелъ вокругъ себя рукою). Янычары!

Свистъ мгновенно выхваченныхъ ятагановъ, короткій обрывистый крикъ Гассана-аги. Янычары двинулись съ мѣста, Сара съ крикомъ ужаса обнимаетъ ноги мужа. Среди евреевъ переполохъ. Саббатай, спокойный, не двигаясь съ мѣста, поднялъ руку, посмотрѣлъ на янычаръ, на султана, на толпу своихъ... Янычары остановились. Они готовы, но заколебались на мгновеніе. Смотрятъ на владыку. Среди евреевъ радостный шопотъ; однако, они боятся громко воздать хвалу Мессіи: еще не увѣрены. Слышны обрывистыя восклицанія: „Удержалъ ихъ!... Не осмѣливаются! Смотрите!... Онъ мессія! Онъ посланъ Богомъ!“

Саббатай (сдѣлалъ шагъ и говоритъ, словно ничего не произошло). Я ожидаю твоего отвѣта, султанъ.

Султанъ (смотритъ съ недоумѣніемъ на Саббатая. На лицѣ его выраженіе высокомерія и гнѣва и вмѣстѣ съ тѣмъ признаки невольнаго какого-то любопытства, удивленія и страха). Развѣ ты не знаешь, безумецъ, что достаточно мнѣ поднять палецъ, достаточно подать малѣйшій знакъ, и по ключьямъ твоего тѣла никто не узнаетъ даже, что это былъ ты?...

Саббатай. Такъ почему же ты не даешь этого знака? Стою я, твой плѣнникъ, передъ тобою—безоружный, а у людей моихъ, кромѣ пальмовыхъ вѣтвей, въ рукахъ только ихъ музыкальныя игрушки... Ты же, властелинъ міра, ограждаешься отъ меня цѣлой сѣтью обнаженныхъ ятагановъ и, несмотря на это, дрожишь!

Султанъ (съ дѣланной презрительной усмѣшкой) Я?... Я дрожу?

Саббатай. Да. Ибо вонистину по одному знаку твоему, какъ говоришь, устремятся эти острія въ грудь мою... Но ты чувствуешь, султанъ, что одно мое движеніе можетъ выбить ихъ изъ омертвѣлыхъ рукъ и разметать, какъ вихрь мететъ сухой тростникъ.

Легкое волненіе среди янычаръ.

Султанъ (скрывая овладѣвающій имъ суевѣрный ужасъ). Я знаю, что не сдѣлаешь этого, и совѣмъ не сумѣлъ бы этого сдѣлать, а за одну похвалбу уже слѣдовало бы тебя казнить... Но я

сегодня добръ и отпущу тебя на волю, если покорисья и упадешъ къ моимъ ногамъ.

Саббатай. Помазалъ меня Господь, дабы я высоко носилъ голову надъ народами и царями, а не для того, чтобы я склонялся къ погамъ человѣческимъ.

Султанъ. Ты, дѣйствительно, сумасшедшій... Однако, мнѣ жаль тебя и твоей юности. Я готовъ тебя простить. Покаянись мнѣ только, что никогда отнынѣ не пойдешъ противъ меня и моей власти, и отпущу тебя съ миромъ.

Саббатай. Не для того ждалъ я этого мига изъ дня въ день, цѣлые годы, чтобы теперь отойти съ пустыми обманутыми руками. Не для того собиралъ я въ себѣ столько лѣтъ великую божескую силу, чтобы она, какъ неразразившійся громъ, томила и разрывала мнѣ грудь.

Султанъ. Но... чего же ты хочешь?

Саббатай. Я ужъ сказалъ. Я пришелъ за своимъ народомъ и готовъ бороться за него, какъ Моисей съ фараоновой властью.

Султанъ. Не вызывай гнѣва моего. Мнѣ отдалъ Аллахъ всѣ народы.

Саббатай. За грѣхи отдалъ Господь Израиля подъ иго османское, какъ нѣкогда подъ египетское, вавилонское и римское. Но Египетъ самъ теперь въ неволѣ, и прахъ башенъ вавилонскихъ вѣтеръ разноситъ по пустынѣ, а народъ мой живетъ! Воистину, воистину это послѣднія пути, которыя дано ему нести! Сбросить градъ Іерусалимъ траурныя одежды—печаль о царяхъ своихъ... И новый воздвигнется храмъ на вершинѣ Моріахъ, и новый дворецъ на сіонскомъ холмѣ. Я вызвалъ народъ мой изъ жилищъ, оскверненныхъ врагами. Я поднялъ руки къ востоку, сѣверу и югу, и встрепенулись души сыновъ израильскихъ въ самыхъ дальнихъ концахъ земли; поднялись изъ праха головы въ странахъ, куда уже не достигаетъ власть твоя, султанъ; ожили сердца тѣхъ, что были уже подобны мертвымъ! На вѣчную жизнь зову я и отодвигаю могильные камни отъ гробового входа..

Султанъ. Мертвые не встаютъ, особенно тѣ, на чей гробъ я поставилъ ногу!

Саббатай. Кто же ты такой, чтобы я не одолѣлъ тебя духомъ Божиимъ и не повергъ во прахъ, если ты всталъ на моемъ пути? Ты увѣренъ, что мощь османская разрослась, какъ дерево въ слишкомъ тѣсномъ саду, когда вѣтвями оно ложится на стѣны сосѣдей? Да, быть можетъ, не хватитъ мечей польскихъ или венеціанскихъ, чтобы

рубить вѣтви, пускающія все новые ростки, но я — одинъ — сразу паду въ корень и первымъ ударомъ сокрушу дубовый стволъ.

Султанъ (поднимается). Силой Пророка держится могущество мое и по волѣ Пророка я здѣсь — единый царь и повелитель.

Саббатай (громовымъ голосомъ). Я силенъ своей и Божіей волей и поставленъ надъ всѣми царями и пророками земли.

Муфтіи Ванны. Владыка! не позволяй ему богохульствовать... Не только надъ твоимъ величіемъ глумится онъ, но и имя Пророка оскорбляетъ!

Саббатай. Ха-ха! Имя Пророка! И вы повторяете то же, что слышалъ я вчера изъ устъ отверженцевъ моего народа. Они корчились отъ ужаса и негодованія, когда я, словно громъ, обрушилъ на нихъ имя Іеговы!

Евреи склоняютъ головы. Трелетъ среди султанскихъ придворныхъ.

Саббатай (продолжаетъ громовымъ голосомъ). Вотъ, и надъ вашими головами прогремѣлъ я именемъ Его. Ниспосланный Его волей, великую мощь принесъ я съ собой, ту мощь, которою поразили онъ передъ глазами матеріей первородныхъ сыновъ Египта, разверзъ бездны морскія, затмилъ солнце и сжегъ Содомъ и Гоморру. Ту силу, которою потрясаетъ онъ пылающія пѣдра земли и обрушиваетъ города на головы спящихъ, которою онъ гонитъ морской приливъ на цвѣтущіе берега и велитъ пожарамъ уничтожить потомъ все, чего не поглотила волна.

Шопотъ волненія среди янычаръ и султанской свиты. „О, Алла! о, Алла акбаръ!“.

Саббатай (поднялъ обѣ руки). И вотъ возношу я руки, исполненные этой мощи, чтобы защитить мой народъ. За всѣ лишенія, и оковы, и слезы, и страданья я уготовилъ славу ему. Я всталъ, какъ лъвица, отдающая жизнь за своихъ дѣтенышей... Кто же нынѣ противъ меня?

Возгласы въ толпѣ евреевъ внезапно раздаются послѣ короткаго молчанія: „Слава Мессіи! Слава Мессіи!“

Саббатай, вдохновенный и грозный, оглянулся вокругъ. Придворные султана невольно попятились. Даже янычары опустили головы.

Султанъ (задумчиво). Выглядишь ты, поистинѣ, какъ ангелъ Азраилъ, о которомъ говорятъ, будто съ огненнымъ мечомъ стоитъ онъ передъ престоломъ Аллаха... Но гдѣ же доказательство, что ты, дѣйствительно, посланецъ Божій и что въ тебѣ нечеловѣческая сила?

Саббатай. Не искушай во мнѣ этой силы, чтобы не пришлось тебѣ слишкомъ скоро убѣдиться въ ней.

Муфтіѣй Ванни. Владыка, не позволяй ему запугивать тебя такими словами. Онъ смертный человѣкъ, какъ и всѣ.

Хакимъ-паша (приблизившись съ другой стороны). Небезопасно было бы все же поднять на него руку...

Муфтіѣй Ванни. Прикажи только вырвать у него языкъ, которымъ онъ богохульствуетъ. Прикажи-ка разыскать сердце въ его груди...

Султанъ. Да, да. Я долженъ получить доказательство... Я хочу убѣдиться... (Умолкъ; смотритъ на Саббатая). Ты красивъ. Красивѣ индійскихъ баядерокъ, которыя пляшутъ предо мною, красивѣ сирійскихъ невольницъ... Если бы ты покорился, я взялъ бы тебя къ своему двору и осыпалъ бы царскими милостями, какъ своего любимца... Но ты гордъ, ты безуменъ... Ты грозилъ мнѣ и хочешь устрашить своимъ Богомъ меня—владыку земли и морей, намѣстника Пророка! (Приходить въ возбужденіе: губы его дрожатъ въ порывѣ сладострастной жестокости). Хорошо же! Если я раскаленное желѣзо приложу къ твоимъ сверкающимъ глазамъ, и они не потухнутъ; если я крѣпкой веревкой сожму твою бѣлую шею, и подъ ней не прервется дыханіе; если грудь твою пронжу ядовитыми стрѣлами, а ты будешь жить, — тогда ты поистинѣ мужъ божій, и я поклонюсь тебѣ, я—повелитель міра. Но если ты погибнешь, я трупъ твой прикажу бросить на съѣденіе псамъ!..

Смятеніе среди евреевъ. Муфтіѣй Ванни поощрительно киваетъ головою.

Султанъ (взглянулъ, губы его искривляются усмѣшкой). А! Ты колеблешься! Колеблешься... что?

Саббатай (отвѣчаетъ спокойно среди гробовой тишины). Принимаю вызовъ.

Халеви (который, стоя за Саббатаемъ, съ возрастающимъ волненіемъ наблюдалъ послѣднюю сцену, вздрогнулъ и поспѣшно трогаетъ Мессію за рукавъ). Господинъ! о, господинъ! Если ты не выдержишь, мы всѣ погибли...

Натанъ (вполголоса). Всемогуцій Богъ! Всемогуцій!..

Хакимъ-паша (взволнованно султану). Не играй, владыка, съ силами Предвѣчнаго, ибо Его мѣщеніе... Это святой человѣкъ!

Саббатай (услыпалъ; дѣлаетъ рукою знакъ; улыбка расцвѣла на его губахъ). О чемъ ты тревожишься, старикъ? Понистигъ, если бы захотѣлъ я, Богъ послалъ бы семь сонмовъ ангельскихъ на защиту избранника своего. И палъ бы трупомъ палачъ раньше, чѣмъ поднялъ бы на меня руку. Но я добровольно за народъ свой подставляю грудь! (Повернувшись къ сунтанской стражѣ). Не бойтесь, султановы стражи! Скорѣе! скорѣе! Принесите раскаленное желѣзо. Принесите веревки и стрѣлы: помѣряйтесь силой съ Богомъ Израиля.

Муфтіѣ Ванни. Безумный человѣкъ, покорись, пока не поздно. Пади ницъ передъ трономъ и поклонись Пророку...

Саббатай. Скорѣй! скорѣй! Слишкомъ долго ждалъ я этого часа побѣды! Султанъ, почему же ты еще медлишь?

Султанъ (говоритъ медленно, не спуская съ него глазъ). Принесите три стрѣлы.

Сара (съ невольнымъ сдвоеннымъ крикомъ обнимаетъ ноги мужа). Ахъ, господинъ, мой господинъ!..

Саббатай незамѣтнымъ движеніемъ кладетъ лѣвую руку на ея голову. Гассанъ-ага подаетъ султану на подушкѣ три стрѣлы.

Султанъ (беретъ ихъ, поднимаетъ кверху). Вотъ три змѣи, которыя разыщутъ твое сердце, чтобы убѣдиться, людское ли и смертно ли оно? А чтобы имъ не ошибиться, я жала ихъ напитаю ядомъ, и, право же, отличнымъ, вѣрнымъ ядомъ, который мнѣ изъ Индіи былъ присланъ вмѣстѣ съ данью... (Открываетъ перстень на пальцѣ, медленно и старательно пропитываетъ ядомъ острія, глядя исподлобья на Саббатая). Не дрожишь? Если только для славы ищешь смерти, то говорю тебѣ, что никакая слава не стоитъ того. Это ядъ чудесный, онъ не убиваетъ сразу, но огнемъ разливается по жиламъ, пожираетъ, сжигаетъ, скрючиваетъ члены чудовищной мукой... И въ то же время такъ сжимаетъ глотку, что даже крика не издашь, и эти безумцы, что пришли сюда съ тобой, только по корчамъ твоего лица и по твоимъ глазамъ, застилающимся мутью и кровью, узнаютъ, въ какихъ мученіяхъ ты погибаешь...

Саббатай. Не трать напрасныхъ словъ. Я жду.

Султанъ. Хорошо же. Пусть здѣсь станутъ три вѣрныхъ стрѣлка...

Волненіе среди евреевъ.

Неэмія (поднялъ руки и глаза къ небу). Неисповѣдимы пути твои, Господь, испытывающій помазанника Своего предъ очами народа!

Испанскій еврей (стараясь громкимъ голосомъ заглушить страхъ). Онъ святой, ничего съ нимъ не будетъ... Навѣрное не будетъ ничего!

Султанъ (услышалъ и усмѣхнулся). Это мы сейчасъ увидимъ. (Смотритъ на острія, высохъ ли уже ядъ).

Хакимъ-паша (пониженнымъ и дрожащимъ голосомъ). Повелитель, а если онъ выйдетъ невредимымъ... развѣ не боишься?

Султанъ. Хочу только правды. Я не жестокъ и не кровожаденъ. Вы знаете меня. Правды хочу! Видитъ Аллахъ! (Отдаетъ стрѣлы Гассану-агѣ, который распределяетъ ихъ между тремя стоящими передъ трономъ египетскими стрѣлками).

Одинъ изъ стрѣлковъ, принявъ стрѣлу, незамѣтно склоняется передъ Саббатаемъ и говоритъ быстро сдвленнымъ голосомъ: „Святой человѣкъ, прости насъ... мы должны...“

Саббатай. Не бойтесь, друзья мои. Вы, вѣдь, вмѣстѣ съ султаномъ—только орудіе Бога, который хочетъ показать всѣмъ торжество избранника своего.

Султанъ. Раздѣть его.

Невольники выступаютъ впередъ.

Саббатай (удерживаетъ ихъ движеніемъ руки). Прочь! Никто не коснется меня. Но не хочу, чтобъ эти стрѣлы, ударивъ въ грудь мою, словно въ алмазную твердь, разорвали священныя царскія одежды Израіля. Я самъ сброшу этотъ плащъ и сниму соломонову корону, дабы слушя мгновеніе еще съ большимъ торжествомъ и уже на вѣки возложить ее на себя. (Сбрасываетъ плащъ на руки Самуила, а корону отдаетъ Натану, который беретъ ее въ руки, покрывъ ихъ предварительно сложенной вдвое шалью).

Султанъ смотритъ на стройную фигуру Саббатая, облаченную теперь въ простую черную шелковую одежду съ золотымъ ободкомъ, и на кудри, свободно разсыпавшіяся вокругъ его головы. Плачь среди евреевъ.

Саббатай (повернувъ къ плачущимъ голову). Маловѣрные!

Почему же вы плачете, словно и вы дерзаете сомнѣваться, что во мнѣ божественная моцъ, которая, какъ щить, встанетъ предъ отравленной стрѣлою.

Султанъ. А самъ ты такъ увѣренъ?

Саббатай (обернувшись съ поднятой головой). Кому изъ васъ вѣдомъ мой грѣхъ? Если явится сюда хоть одинъ человѣкъ, другъ или врагъ, и скажетъ, что я чѣмъ-либо осквернилъ свою жизнь—я упаду во прахъ, и пусть топчутъ меня, пусть плюютъ на меня мои недруги. Но если нѣтъ на мнѣ пятна человѣческаго, то знаю, что я—посланецъ Божій и не могу погибнуть, пока не избавлю народа своего. И не для тебя говорю я объ этомъ, султанъ, а для дѣтей моихъ, дабы они не сомнѣвались больше.

Натанъ. Онъ избранникъ Божій! Онъ Мессія! Онъ царь нашъ!

Сара (все время у ногъ мужа—заглядѣвшись въ лицо его, повторяетъ, чтобы заглушить свою тревогу). Онъ святой! Святой и безгрѣшный!

Голоса среди евреевъ. Онъ святой! онъ святой! онъ святой!

Султанъ. И святыя также погибаютъ. Спроси у Гассана-аги. Не разъ подъ ятаганомъ его умирали, корчась передъ смертью точно такъ же, какъ и грѣшники. Откажись лучше отъ испытанія. Я дѣйствительно готовъ дать тебѣ мѣсто при дворѣ. Жалкимъ кажется твое призрачное царство предъ тѣми благами, какія можешь получить отъ меня...

Саббатай. Довольно. Кончай скорѣе!

Султанъ. Сдѣлаю тебя своимъ приближеннымъ, подарю тебѣ шелка и замокъ и наложницъ... (Рукою вызываетъ изъ-за трона танцовщицъ).

Саббатай. Что мнѣ твои шелка! что мнѣ твои гурин!— мнѣ, который не позналъ еще женщины. Смотри, что мнѣ всѣ твои блага! (Быстрымъ движеніемъ руки раскрываетъ сверху до низу свою шелковую одежду и сбрасываетъ ее. Подъ нею жестокая власяница, облекающая его тѣло, опоясанное также желѣзною цѣпью. Кровавыя слѣды бичеванья на обнаженныхъ плечахъ).

Волненіе среди евреевъ.

Халеви (отступилъ въ ужасъ предъ неожиданнымъ зрѣлищемъ; шепчетъ изумленно). Во власяницѣ!..

Амстердамскій еврей. Смотрите! Во власяницѣ! Мессія во власяницѣ!

Испанскій еврей. На груди его цѣпы! Знаки бича на его тѣлѣ!

Неемія. Онъ, который запрещалъ другимъ испытанія!

Каббалисты. Мессія! Во власяницѣ! Слышите!

Натанъ. (падаетъ къ его ногамъ). О, господинъ, а намъ ты позволялъ все, всѣ радости намъ разрѣшалъ!

Саббатай. Развѣ не довольно того, что я самъ страдалъ за васъ всѣхъ?

Евреи устремляются къ Мессіи.

Султанъ (изумленный). Непостижимый человѣкъ! Во власяницѣ—на такомъ прекрасномъ бѣломъ тѣлѣ!

Саббатай. Ты видѣлъ меня, султанъ, въ царскомъ убранствѣ: это сила, величіе и слава народа моего, ибо въ томъ—единая любовь моя и единая цѣль. Моя же острая волосяная рубашка соткана изъ нужды и слезъ, страданій и униженія моихъ дѣтей: это—мой собственный жребій. Не соблазнять меня богатства твои, а стрѣлы твои не утраивать, ибо я добровольно принялъ на себя боль всего моего народа. Смотри, вотъ, цѣпь, что заржавѣлыми отъ крови и пота звеньями врѣзалась въ мое тѣло подъ царскою одеждой. Такова и неволя народа моего, которой отнынѣ наступаетъ конецъ. Разрываю ее и бросаю прочь, дабы очистить мѣсто твоимъ стрѣламъ. (Сорванную цѣпь со звономъ бросаетъ на землю и раздираетъ на груди власяницу). Я готовъ.

Султанъ. Самъ желаешь... Если самъ хочешь, то конечно... (Даетъ знакъ).

Стрѣлки положили стрѣлы на тетивы, поднимаютъ луки на высоту плеча.

Натанъ. Богъ Израиля! покажи свою мощь!

Евреи—нѣкоторые закрываютъ глаза, другіе слѣдятъ, наоборотъ, со спертымъ дыханіемъ.

Халсви (снова дотрагивается до плеча Мессіи, тревожно шепча). Господинъ, развѣ не лучше было бы...

Шумъ среди солдатъ, слугъ и придворныхъ султанскихъ возрастаетъ.

Голоса. Дѣлалъ добро! Всѣмъ одинаково! Кормилъ голодныхъ! одѣвалъ немущихъ! Утѣпалъ скорбящихъ! Узниковъ выкупалъ! Помогалъ несчастнымъ! Исцѣлялъ больныхъ! Онъ чудотворецъ! Онъ святой человѣкъ! Воистину святой! Смилуйся! Милости! Милосердія!

Султанъ (повернулъ голову). Что такое? Вы осмѣливаетесь... вы псы! Когда я... (Безпокойство зарождается въ его взорѣ).

Муфтіѣ Вани. Пора кончить, владыка, Не позволяй, чтобы этотъ чернокнижникъ своимъ взглядомъ смущалъ и бунтовалъ твоихъ вѣрныхъ слугъ... Стрѣлки ждутъ.

Султанъ (уловилъ взглядъ стрѣлковъ, которые глазами спрашиваютъ повелителя, должны ли они уже стрѣлять. Внезапная тревога овладѣваетъ имъ). Они на меня смотрѣли! Они цѣлятся тутъ своими стрѣлами!.. Среди двора своего я не въ безопасности. Эй! Трехъ черныхъ евнуховъ съ саблями поставить возлѣ нихъ, и если кто изъ нихъ вздрогнетъ или отвернетъ свой лукъ, пусть отрубятъ руку!

Три черныхъ невольника выступаютъ по знаку Кизлараша.

Султанъ (взглянулъ на нихъ). Нѣтъ! Евнухамъ не довѣряю... Лучше янычаръ... Пусть янычары...

Черные невольники отступаютъ назадъ. Гассанъ-ага отдаетъ распоряженіе. Три янычара становятся возлѣ стрѣлковъ съ обнаженными ятаганами. Ожидаютъ.

Хакимъ-паша (уловивъ моментъ, наклоняется къ султану и говоритъ быстро, но убѣдительно). Не довѣрай, владыка, и янычарамъ. Вспомни объ отцѣ твоемъ, султанъ Ибрагимъ, котораго они шелковымъ шнуромъ...

Султанъ (срывается съ мѣста). Одними измѣнниками я окруженъ! И эти янычары тоже смотрѣли... Гассанъ-ага! на смерть ихъ! всѣхъ шестерыхъ на смерть! Они замышляютъ противъ меня!..

Муфтіѣ Вани. Повелитель!

Султанъ. Молчи! молчи!

По знаку Гассана-аги янычары окружаютъ трехъ своихъ товарищей и стрѣлковъ, изъ которыхъ одинъ, унавши передъ трономъ, молить:

Смилуйся! Мы невинны...

Султанъ. Уберите ихъ скорѣй! У меня жалостливое сердце, я не могу смотрѣть на людей, осужденныхъ на смерть... Дайте мнѣ сюда стрѣлы и лукъ... Кизларъ-паша... да! Я самъ, я самъ... Никому нельзя вѣрить. (Взялъ лукъ и стрѣлы изъ рукъ испуганнаго Кизларъ-паши; кладетъ ихъ передъ собою).

Янычары уводятъ осужденныхъ.

Хаки мъ-паша (шепчетъ взволнованно). Великъ Богъ, да святится имя Его...

Саббатай. Переполнилась мѣра злодѣйства. Кровь этихъ невинныхъ падетъ на тебя!

Султанъ. Молчи! Ты уже трупъ! (Кладетъ стрѣлу на тетиву: слабой рукой пробуетъ натянуть лукъ...Взглянулъ на небо). О, какъ здѣсь темно! Едва вижу посинѣвшее отъ яда острие... Развѣ солнце уже зашло? Всѣ меня оставляютъ... и солнце тоже...

Кизларъ-паша. Грозныя тучи, владыка, собираются надъ городомъ.

Султанъ (опустилъ стрѣлу: отираетъ рукою лобъ). Какъ здѣсь жарко и душно... Что я хотѣлъ сказать? Я—султанъ, калифъ и падишахъ, а нѣтъ у меня вѣрныхъ слугъ, и я долженъ самъ... (Снова натягиваетъ тетиву).

Далекій глухой раскатъ. Среди евреевъ волненіе.

Натанъ (воздымаетъ руки). Глядите! Сонмы ангельскіе среди тучъ! Богъ шлетъ ихъ на защиту своего избраника!

Испанскій еврей (вполголоса). Богъ опрокинетъ громъ на голову султана!

Какой-то голосъ вдругъ восклицаетъ въ глубинѣ: „Аллилуія! Аллилуія!“ Прервался... Минута молчанья.

Саббатай (въ нетерпѣніи). Скорѣй же! Выпускай стрѣлу.

Султанъ (съ внезапной рѣшимостью). Пусть же сбудется! (Поднялъ лукъ, натянулъ тетиву. Яркая молнія прорѣзываетъ небо).

Сара (срывается въ то же мгновеніе; съ открытымъ лицомъ и залитая свѣтомъ, стоитъ, заслоняя руками мужа, и кричитъ). Нѣтъ! нѣтъ! (Исчезла въ темнотѣ, наступившей вдругъ вслѣдъ за молніей).

Султанъ (опустилъ руку, пораженный). Что это такое? Ангелъ какой-то прикрылъ его отъ меня...

Муфтіи Ванны. Владыка, это женщина...

Дальнѣйшія его слова заглушаетъ раскатъ грома—длительный, близкій и мощный.

Самуилъ (впервые послѣ своего прихода возносить кверху руки и взываетъ громкимъ голосомъ). Великъ Іегова!

Отвѣтный возгласъ. Великъ Іегова!

Кизларъ-паша (замѣтилъ людей, бѣгущихъ по аллеѣ сада).
Какіе-то гонцы!

Хакимъ-паша (вскрикиваетъ невольно). Наконецъ-то!

Голоса. Что это? что это?

Первый гонецъ (бросается ницъ передъ султаномъ). Повелитель! Арнауты возстали и перерѣзали твою стражу!

Другой гонецъ. Венеціанскія галеры плывутъ на Критъ!

Третій. Владыка, взбунтовавшіеся арабы, не желая признавать твоего калифата, посягаютъ на Медину и на Мекку!

Четвертый—Дикими Полями завладѣли казаки...

Пятый—Въ Египтѣ пожаръ...

Натанъ. Вотъ исполнилось слово Господне!

Молнія и громъ. Переполохъ среди придворныхъ султана.

Евреи (взываютъ). Іегова, Іегова!

Кизларъ-паша. Великъ Аллахъ!

Султанъ (словно теряя сознание). Что это? Что это значитъ?

Первый гонецъ. Рушится твое царство!

Султанъ (срывается въ страшномъ испугѣ). Неправда! На смерть гонца! Я живъ! На коня! на коня! Снарядить корабли! Гдѣ Кеприлы? На коня! Уничтожить! Вырѣзать! Разбить въ пухъ и прахъ!

Натанъ. Напрасно ты мечешься. Богъ Израиля противъ тебя! Богъ нашего Мессіи!

Султанъ (заколебался). Вашего Мессіи...

Молнія, громъ.

Евреи кричатъ. Іегова! Іегова!

Хакимъ-паша (указываетъ на Саббатаю). Владыка, онъ можетъ тебя спасти!

Султанъ (смотритъ на Мессію). Ты... спасти? А?..

Муфтіи Ванни. Не вѣрь, не вѣрь ему, владыка!

Султанъ (поднялъ руку на стараго священнослужителя). Вы всѣ измѣнники! Прочь! (Къ Саббатаю). Завтра на разсвѣтъ испытаю тебя... Если Аллахъ воистину сдѣлалъ тебя пророкомъ...

Саббатай (открываетъ грудь). Не жди... Сегодня, сейчасъ выпускай стрѣлу!

Молнія, громъ; начинаетъ сыпать стремительный градъ. Сильное волненіе среди султанскаго двора.

Голоса. Бѣжать! Гроза! Бѣжать!

Муфтіѣ Ваппи. Аллахъ мститъ за себя!

Евреи (восклицають). Хвала Іеговъ! Хвала Іеговъ! Слава Мессіи! Слава громовержцу!

Сара (обнимаетъ мужа). Мужъ мой! Господи! Ты великій! ты всемогущій!

Саббатаи (стоитъ одиноко и грустно—съ обнаженной головой, въ волосахъ, развѣвающихся по вѣтру, съ раскрытой на груди власяницей. Опустилъ руки и говоритъ про себя съ печалью). Еще одинъ день...

А К Т Ъ III.

Башенная комната въ замкѣ Дамиръ-Танъ, та же, что вначалѣ. Ночь. Направо, вблизи окна, зажженный свѣтильникъ. На голомъ каменномъ полу—склоненная фигура мессіи Саббата я съ подогнутыми и скрещенными по восточному обычаю ногами. Одѣтъ онъ только во власяницу; ноги его босы; волосы непокрыты. Повернувшись лицомъ къ востоку, къ окну, онъ припалъ челомъ къ каменнымъ плитамъ. Лунные лучи, проникшіе черезъ круглыя, свинцомъ оправленные окна, падаютъ прямо на него... Спустя немного съ лѣвой стороны отворяется входная дверь. Вошла Сара въ царскихъ одеждахъ, какъ вернулась изъ султанскихъ садовъ, только безъ питаго жемчугомъ головного убора и безъ покрывала на лицѣ. Идетъ подлѣ нея, разговаривая полу-шопотомъ, Самуиль, а за ними сарафъ-папа Халеви. Сзади тѣспятся, несмѣло переступая порогъ, пророкъ Натанъ, старшій Неэмія, испанскій еврей и амстердамскій еврей.

Сара (входя, говоритъ со смущеніемъ). Вотъ, посмотрите. Хакимъ-папа уже былъ здѣсь, но онъ не захотѣлъ съ нимъ говорить. Молится непрерывно съ тѣхъ поръ, какъ вернулся сюда. Не принималъ даже обычной пищи послѣ захода солнца...

Самуиль (шепчетъ съ удивленіемъ, качая головой). Не знаю... не понимаю... Никогда не могъ допустить... Госпожа ничего не говорила мнѣ объ этомъ.

Сара. Господинъ мой запретилъ говорить народу объ его испытаніяхъ.

Самуиль. Народу — да, по мнѣ!.. (Поворачивается къ евреямъ, топчущимся позади). Чего вамъ здѣсь надо? Никто васъ не звалъ.

Неэмія. Намъ послали сюда, чтобы мы своими глазами убѣдились во всемъ, что здѣсь совершается...

Евреи киваютъ въ знакъ согласія головами.

Самуилъ. Тогда ждите завтрашняго дня. Сегодня вы здѣсь не нужны.

Сара (съ невольной тревогой). А завтра... вы увѣрены, что ничего дурного случиться не можетъ?

Самуилъ (угрюмо). Отъ этого зависить вся наша судьба.

Натапъ (придвинулся ближе). Кто же сомѣвается? Развѣ не явился сегодня Іегова съ градомъ и громомъ, чтобы его защитить?

Испанскій еврей. Да, великъ Богъ!

Халеви (ронеетъ невольно). Но завтра можетъ быть хорошая погода...

Самуилъ (посмотрѣлъ на него сурово). Что-жъ изъ этого?

Халеви (быстро). Я понимаю. Я вѣрю въ мощь нашего Бога, но... подумайте: развѣ не лучше, не безопаснѣе было бы, если бы Мессія — да будетъ благословенно имя его! — принялъ предложенное ему мѣсто при султанѣ... Все бы уже было кончено, и онъ могъ бы тогда для насъ...

Самуилъ (твердо). Нѣтъ, игра должна быть доиграна. Завтра мы можемъ овладѣть міромъ!

Натапъ (горячо). Завтра день славы для Израиля! Завтра семнадцатый день мѣсяца Элуль, о которомъ сказано: „узрять избавленіе сыны неволіи“.

Испанскій еврей (взглядываетъ въ окно). Охъ, еще такъ далеко до свѣта!

Амстерд. еврей. Ночь только начинается.

Саббатай (увлеченный молитвою, ронеетъ громко). О, Богъ! Мой Богъ!

Испанскій еврей (показываетъ головой). Молится все время...

Неэмія (шопотомъ). Тише. Вѣрно, просить Предвѣчнаго о дарованіи силы...

Натапъ (тоже шопотомъ). Мессія ни о чемъ не просить, потому что Богъ далъ ему все. Должно быть, благодарить Отца своего...

Неэмія (съ отбѣикомъ огорченія въ голосъ). Только... молится съ непокрытой головой...

Амстердамскій еврей (улыбается). Какъ пріятно подумать, что завтра мы уже будемъ свободны и ни о чемъ уже не надо беспокоиться!

Испанскій еврей. Почти невозможно повѣрить, что все это правда. Столько лѣтъ ожидать народъ царства Божія, что теперь,

когда оно наступаетъ, изумленіе и страхъ даже овладѣвають: никто не думалъ, что это будетъ такъ просто!

Амстердамскій еврей. Это правда. У насъ въ Амстердамѣ говорили, что сонмы ангеловъ сойдутъ съ небесъ и потрясутъ землю. Если для Мессіи, господина нашего, это безразлично, то надо было бы ему выбрать уже болѣе подходящий способъ освобожденія своего народа. Вѣдь Богъ бы ему не отказалъ и въ нѣсколькихъ сонмахъ небесныхъ, разъ уже Онъ послалъ бурю по его желанію. Было бы гораздо пріятнѣе, если бы палъ на нихъ огонь съ сѣрой, показались бы драконы, или, вообще, случилось бы что-нибудь такое, чего еще никогда не было... Было бы больше величія.

Неэмія (медленно киваетъ головой, широко раскрывая слезящіяся красноватая вѣки. Говорить тихо). А я боюсь именно того, что слишкомъ много тутъ пышности, слишкомъ много шума.

Натанъ. Какъ это такъ?

Неэмія. Написано въ третьей книгѣ Царства, что когда Ілія ожидалъ на горѣ Хоревъ въ пещерѣ пришествія Бога, поднялась буря, ломавшая скалы и деревья, но пророкъ не вышелъ, ибо въ бурѣ не было Бога. Потомъ затряслась вся земля, но и въ дрожаніи земли не было Бога. И упалъ огонь, но Ілія и тогда не двинулся съ мѣста, зная, что не въ огнѣ грядетъ Богъ... Но повѣялъ тихій вѣтеръ, и тогда пророкъ, закрывши лицо полою своего плаща и выйдя наружу, сталъ у входа пещеры, ибо въ дыханіи тихаго вѣтра былъ Богъ.

Натанъ (послѣ минутнаго молчанія). Богъ приходитъ, какъ угодно Его волѣ.

Неэмія. Знаю, знаю. Только бы Онъ пожелалъ придти, ибо Онъ одинъ великъ и только въ Его рукѣ побѣда.

Саббатай повернулся, посмотрѣлъ.

Испанскій еврей. Мессія сюда смотреть!

Амстерд. еврей (шопотомъ). Онъ увидѣлъ насъ!

Стоять, затаивъ дыханіе, въ ожиданіи.

Самуилъ (который въ глубинѣ тихо разговаривалъ съ Сарой и Халеви, быстро подбѣгаетъ къ Мессіи). Ты хотѣлъ чего-нибудь, господинъ? Мы здѣсь.

Саббатай, молча, дѣлаетъ знакъ рукою и снова возвращается къ прежней неподвижности.

Самуилъ (къ евреямъ). Уходите, уходите! Вы разговариваете, а царь нашъ и господинъ хочетъ покоя. Идите отсюда, скорѣй! (Выпроваживаетъ ихъ и закрываетъ за ними дверь; потомъ возвращается на середину комнаты, гдѣ стоятъ Сара и Халеви).

Халеви (указывая головой на Мессію). Я хотѣлъ бы все-таки поговорить...

Сара (взглянула). Это будетъ трудно. (Идетъ къ мужу).

Самуилъ (говорить, понизивъ голосъ, какъ и всѣ). Лучше не мѣшать... Теперь уже, вѣдь, все равно... (Быстро оборачивается къ Халеви). Что сказалъ Хакимъ-паша?

Халеви. Говорить, что все хорошо, но...

Самуилъ. Что?

Халеви (мѣшкая). Тѣ, которые изображали пословъ...

Самуилъ. Тихе... чтобы не слышать... Что же?

Халеви. Требуютъ добавочной платы... грозятъ выдать...

Самуилъ. Заплатить, или, по крайней мѣрѣ, обѣщать... Развѣ не было ни одного среди нихъ настоящаго?

Халеви. Былъ. Отъ арнаутовъ изъ Ускюба. Подоспѣлъ случайно. Его-то и приказалъ султанъ казнить.

Самуилъ. Отлично. А тѣмъ будутъ вѣрить... И раньше, чѣмъ откроется, все будетъ уже сдѣлано...

Сара (подошла къ нимъ, указываетъ на мужа). Сказалъ, что не можетъ теперь говорить съ вами и ни съ кѣмъ...

Самуилъ. Пойдемъ тогда и мы. Пусть отдохнетъ, дѣйствительно. Благоволи, госпожа, уговорить Мессію, чтобы онъ прилегъ и отдохнулъ. Пусть оставитъ уже молитву; на завтра нужны ему силы. (Выходятъ вмѣстѣ съ Халеви).

Сара (подошла къ мужу, наклонилась надъ нимъ). Господинъ мой!

Саббатай поднялъ голову, смотреть на нее.

Сара. Отдохни. Нѣсколько часовъ сна подкрѣпятъ тебя. Сяду у ложа твоего и буду охранять твой сонъ...

Саббатай. Нѣтъ, нѣтъ. Весь народъ проводитъ эту ночь безъ сна, ожидая завтрашняго дня избавленія. Я не могу спать сегодня... (Вдругъ оборачивается, какъ бы вспомнивъ). Эти люди уже ушли?

Сара. Да. Ушли.

Саббатай. Это хорошо. Они мѣшали мнѣ сосредоточиться. Иди и ты усни.

Сара. А ты, господинъ мой?

Саббатай. Я сказалъ. Буду молиться до утра. Оставь меня одного.

Сара (смотря на него съ тревогой). Никогда еще не казался ты такимъ изможденнымъ, какъ сегодня... Только глаза твои пылаютъ. Ты не ѣлъ ничего со вчерашняго вечера. Губы твои запеклись... вѣрно, ты и не пилъ также?

Саббатай. Я не чувствую жажды.

Сара. Принесу тебѣ кувшинъ... позволь мнѣ.

Саббатай. Нѣтъ, нѣтъ. Оставь меня. Я долженъ молиться.

Сара. Ты не хочешь, чтобы я бодрствовала вмѣстѣ съ тобой?

Саббатай (твердо). Нѣтъ!

Сара закрываетъ руками глаза; повидимому, она плачетъ.

Саббатай (посмотрѣвъ на нее; ему стало жаль ея: положилъ руку на ея голову). Я долженъ быть одинъ. Понимаешь? Наединѣ съ Богомъ.

Сара. О, твой Богъ! Твой Богъ отнимаетъ тебя у меня...

Саббатай (съ силой). Наніъ Богъ, Сара, великій Богъ Израиля, который...

Сара. Я ужъ ничего не знаю... Для меня ты сталъ богомъ, ты одинъ! А я такъ страшно боюсь за тебя... Ахъ!

Саббатай (нахмурился). Это нехорошо. Ты должна вѣрить, какъ я... Если бы ты явилась вчера увѣренной и спокойной и не отдала бы исполненія чуда, въ ненужномъ страхѣ вставъ между мною и султанскими стрѣлами, царство Израиля утвердилось бы уже на землѣ.

Сара. Стрѣлы были отравлены!

Саббатай. Что же изъ того?

Сара. Развѣ ты знаешь навѣрное... Слушай, Сабба, мы здѣсь одни, и никто насъ не слышитъ, даже Богъ, который тамъ гдѣ-то, высоко... Скажи мнѣ, развѣ ты такъ непоколебимо увѣренъ, что выступишь бы... невредимъ?

Саббатай (спокойно). А ты развѣ сомнѣвалась въ этомъ хотя бы мгновеніе? Развѣ твой порывъ въ султанскомъ саду не былъ просто невольнымъ тревожнымъ движеніемъ, не былъ только несчастнымъ случаемъ?

Сара (въ раздумьи). Несчастливымъ случаемъ... А Самуилъ, наоборотъ, говоритъ, что это было хорошо...

Саббатай (съ усмѣшкой). Кто же такой Самуилъ? Человѣкъ,

который о дѣлахъ надземныхъ судить по земному, ибо иначе не умѣть. Я вижу всѣ его старанія и приемы, искусно сплетенную сѣть, въ которую, ему кажется, можно царство Божіе уловить... Тягость судьбы я одинъ несу, я одинъ... Никогда еще я не чувствовалъ своей мощи такъ ясно, такъ очевидно, никогда еще не былъ такъ увѣренъ въ побѣдѣ... Все должно было уже завершиться. Напрасно ты помѣшала, напрасно по роковому стеченію обстоятельствъ прибѣжали эти гонцы... Теперь еще эта долгая, страшная ночь предо мною—до самой зари. до самой зари! (Закрывъ лицо руками).

Сара (взволнованно). Господинъ мой, и все же ты словно не увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ!.. Ты обманываешь себя...

Саббатай (открылъ глаза; рѣшительно). Нѣтъ! Знаю, что завтра—моя побѣда, какъ была бы она и сегодня. Нѣтъ грѣха на мнѣ и, значить, должно быть исполнено Богомъ то, чего пожелаю. Но, видишь ли, сила моя, какъ натянутый лукъ, заряженный нетерпѣливой стрѣлой... Слабѣетъ рука, слишкомъ долго сжимающая тетиву... (Прервалъ на мгновеніе; отстраняетъ рукою жену). Иди, иди уже... Я долженъ остаться одинъ. Быть можетъ, Богъ передъ моей побѣдой умышленно сберегъ еще эту ночь, дабы я могъ провести ее съ Нимъ въ бесѣдѣ... Быть можетъ, есть еще такія дѣла между мною и Небомъ, которыя надобно выяснить, разрѣшить... (Задумался).

Сара (не спуская съ него глазъ, спустя мгновеніе). Сабба!..

Саббатай (какъ бы пробудившись). Что?

Сара (съ невольнымъ порывомъ радостной надежды въ голосѣ). Нѣтъ! Ты не увѣренъ. Признайся, ты не совѣмъ увѣренъ? И въ тебѣ таится боязнь? И вижу!

Саббатай (взглянулъ на нее пылливо). Ты рада была бы этому?

Сара. Да, да. Потому что я не хочу, чтобы ты подвергалъ себя опасности. Я дѣлаю то, что ты приказываешь, повторяю то, чему ты научилъ меня... по довольно этого! Я не вѣрю въ это! не вѣрю!

Саббатай (грозынымъ голосомъ). Женщина! подумай! Вѣдь дѣло идетъ не обо мнѣ и не о тебѣ.

Сара (испуганно замолкаетъ. Спустя минуту опускается къ его колѣнамъ). Прости меня! Я сама не знаю уже, что говорю... Мнѣ такъ страшно...

Саббатай. Тогда не произноси ничего. Путей, которыми я иду, никто не можетъ уразумѣть: надо, чтобы я шелъ одинъ.

Сара. Сабба!

Саббатай. Не мѣшай мнѣ больше. (Взглянулъ въ окно). Луна взошла высоко. Черезъ нѣсколько часовъ разсвѣтетъ. Время бѣжить.

Сара. О, Сабба!

Саббатай. Уйди же и спи. (Взялъ ее за руку и проводилъ къ дверямъ, которыя закрываетъ за нею).

Сара вышла съ опущенной головой, съ лицомъ, закрытымъ руками.

Саббатай (приблизился къ окну, говорить медленно и тихо). Да, я долженъ идти одинъ... Противъ врага, противъ себя и толпы, для которой непостижимъ мой подвигъ. можетъ быть даже противъ... (Вздрыгнувъ, поднялъ голову). Богъ! Богъ! зачѣмъ ты разишь мое сердце, зачѣмъ страхомъ поинишь мою душу въ эту послѣднюю ночь? Ты знаешь: я не врага боюсь. ибо онъ безсиленъ предо мною, но Тебя... Ты страшный, непонятный. молчащій Богъ Израиля, быть можетъ только тучей отдѣленный въ это мгновенье отъ меня, близкій и недостижимый. (Вытянулъ руку). Я одинъ и громко буду говорить съ Тобой. Богъ народовъ! Буду звать къ Тебѣ изъ самой глубины сердца моего, которое вѣдомо Тебѣ. Ты знаешь, вѣдь, что не сразу и не скоро рѣшился я поднять то бремя посланничества Твоего, которое почти сломило нынѣ мои плечи.

Развѣ Ты не хотѣлъ этого? Скажи. Взываю къ Тебѣ, какъ столько разъ уже зывалъ въ одиночествѣ и въ тишинѣ ночей, но Ты не отвѣчаешь. Страшнѣе мнѣ молчаніе Твое, нежели громы! Въ теченіе столькихъ лѣтъ Ты видѣлъ меня простертымъ ницъ передъ Собою и слышалъ мой голосъ, но Ты не желалъ мнѣ отвѣтить!

Ты, который говорилъ, вѣдь. прежде съ пророками своими и подавалъ знаки избранникамъ своимъ...

Что же долженъ былъ я дѣлать?..

Я звалъ Тебя изъ пустыни своей, звалъ ночью съ береговъ шумящаго моря и съ древнихъ царскихъ гробницъ, гдѣ бродятъ одни только шакалы, и съ горныхъ кражей надъ пропастями.

Но Ты молчалъ.

Я говорилъ Тебѣ о горѣ народа, который Ты самъ, вѣдь, называлъ народомъ Своимъ; о тѣлахъ, избиваемыхъ кольями, о крови, свертывающейся на кострахъ въ живыхъ еще людяхъ; о цѣлыхъ семьяхъ, бросаемыхъ въ ямы или въ рѣчную глубину. О мечѣ врага говорилъ я Тебѣ и о ножѣ разбойника, объ униженіяхъ, обидахъ. и позорѣ: но Ты молчалъ.

И снова говорилъ я Тебѣ о кровавой тоскѣ, о слезахъ, что выѣдаютъ всегда отверстыя очи, о завѣтной надеждѣ, хранимой изъ поколѣнія въ поколѣніе, но такъ долго не сбывающейся, что уже невыносимой становится мука:

и Ты все еще молчалъ.

Что же я долженъ былъ дѣлать? Скажи.

Опускается на колѣни; склоняется до земли.

Каюсь предъ Тобою...

Прости, что я самъ избралъ себя избавителемъ, ибо не могъ дожидаться знака Твоего... Прости, что самъ я принялъ на себя высшую власть и силу...

Господь, Господь, я каюсь предъ Тобой...

Не могъ ужъ больше ждать народъ, который — словно въ на-смѣшку—былъ названъ пародомъ, избраннымъ Тобою... Слишкомъ много было страданій, слишкомъ много слезъ и крови, слишкомъ много грѣха...

Господь, каюсь предъ Тобою...

Униженія и скверны исполнился народъ Твой въ неволѣ, и вотъ царскую показать я ему порфиру и всю роскошь Сіона и повѣдалъ ему, что онъ—солнце земли и надъ солнцами—солнце, дабы высоко кверху поднялъ онъ опущенную голову свою.

Каюсь...

Принимаю на себя боль всѣхъ страданій и вину всѣхъ грѣховъ и предстану за нихъ предъ Тобою. Еще немного и предамъ себя въ руки Твои, дабы покаралъ Ты меня по разумѣнію Твоему...

Но еще одинъ день, одинъ только день!

Я не о моцѣ прошу Тебя. ибо столько взять ея на себя, что уже разрываетъ она грудь мнѣ смертельною раной. Не о сверженіи враговъ, ибо самъ повергну ихъ въ борьбѣ, но о томъ, чтобы не всталъ Ты нынѣ противъ дѣла моего, куда оно не свершится.

Минута молчанія.

Ты страшный и мстительный, Богъ Израиля!

Съ кровавой бурей поднялся Ты вчера надо мною, и знаю, что не противъ враговъ были Твои громы, но противъ меня. Ливнемъ и градомъ, молніеноснымъ огнемъ и ревомъ громовымъ вырвалъ Ты у меня побѣду и отдалилъ часъ избавленія.

Зачѣмъ же творишь такъ, о, Господь Адонай?

Быть можетъ, царское мое смутило Тебя убранство!

Но Ты, вѣдь, смотришь сквозь порфиру мою и видишь для глазъ людскихъ незримыя раны на тѣлѣ моемъ—отъ власяницы острой, отъ бича и отъ цѣпи...

Ты знаешь печаль моихъ неснящихъ глазъ, муки почей моихъ, когда я не касался избранницы и подруги моей, хотя она была возлѣ меня... Знаешь дрожь тѣла моего въ зимней ледяной водѣ, и голодъ мой и жажду, сжигающую меня, какъ пламя...

Но для Тебя еще не довольно?

Я знаю, Ты Богъ—страшный и мстительный.

Ты убилъ Моисея на горѣ высокой за то, что осмѣлился силою своею возрасти до Тебя. Ты преломилъ бедро Іакова за то, что въ борьбѣ съ Тобой онъ побѣдилъ...

И я жребіи свой принимаю... но завтра, завтра, только не сегодня!

Отстрани грозную руку Твою отъ меня, подари мнѣ еще одинъ день!

Припадаетъ челомъ къ землѣ.

О, Адонай, Адонай! Сабаотъ!

Позволь же мнѣ сначала спасти мой народъ.

О, Богъ, о которомъ написано, что можетъ облекаться, какъ плащемъ, и указываетъ путь молніямъ, рукъ Твоей послушнымъ!

О, Богъ, имя которому Элогимъ, ибо соединены въ Тебѣ всѣ боги, какіе были, будутъ и есть, и все же Ты Богъ Единый.

О, Богъ, имя котораго — тайное, святое, страшное и могущественное—далъ я народу, дабы, подобно щиту и мечу, несъ онъ его предъ собою!.. Но самъ я смыкаю уста и, въ одиночествѣ вызывая къ Тебѣ, ликогда его не произношу въ знакъ того, что ты—мой Господь.

Сдержи, какъ обѣщано въ имени Твоемъ, что отнынѣ не хозяиномъ строгимъ, не судьей, но отцомъ Ты будешь народу Своему. Прими его изъ рукъ моихъ, какъ хозяинъ принимаетъ овцу, которую приносить ему смѣлый пастухъ, вырвавъ ее изъ волчьей пасти. И если я, не дождавшись срока, неправедно поступилъ, то знаю, что обильно искуплю грѣхъ карой своею...

Но завтра, завтра—молю тебя—не сегодня!

Долгое молчаніе. Затѣмъ тихо, словно жалуясь, продолжаетъ:

Боже!

Вотъ уже исчерпана мѣра моя и истощено тѣло: господинъ для людей—черезъ мощь духа, похищенную у Тебя—предъ Тобою я прахъ: пощади! Не борись со мною нынѣ, дабы не утратилъ я и малаго остатка силъ.

Оставаясь все время колѣнопреклоненнымъ, вытягивается кверху
всѣмъ тѣломъ и руками. Кричитъ:

Я не хочу! Я и помыслить не хочу о томъ, что могъ бы и я
быть счастливъ. Не хочу помнить, что молодость свою провелъ среди
борьбы и испытаній, а въ грядущемъ ждетъ меня одно возмездіе отъ
руки Твоей. Не хочу знать, что есть въ мірѣ отрада и любовь, и покой,
и сладкіе часы въ кругу родной семьи!

Я самъ избралъ свой жребій и понесу его до конца. Прочь!
Прочь! И этимъ оружіемъ не сломишь меня!

Богъ! Будь милосердъ! Развѣ столь виноватъ я предъ Тобою?

Быстрымъ движеніемъ раздираетъ на себѣ власяницу. Остается
нагъ до поясицы. обвязанный кускомъ темной шерстяной матеріи,
спадающей ниже колѣнъ.

Ты страшный и мстительный Богъ!

Вотъ съ пезажившихъ ранъ срываю острую власяницу, чтобы
видъ крови моей умилоствовалъ Тебя.

А если не довольно этого, вотъ твердымъ ремнемъ, раскрою
новые рубцы, вотъ снова разобью чело свое о камни.

Беретъ связку узлами завязанныхъ ремней и бьется головой о камен-
ный полъ.

О, Богъ! Смотри на мою кровь!

Свистящимъ ремнемъ ударилъ себя по обнаженнымъ плечамъ.

Понстинѣ, никогда еще болѣе чистая кровь не струилась въ
жилахъ человѣческихъ, чѣмъ та, которую приношу Тебѣ, вырывая ее
ремнемъ изъ своего тѣла.

Снова ударяетъ себя.

За грѣхи народа моего, если были еще и не искупленные имъ,
я заплатилъ мукой всей жизни: нынѣ чистою кровью моей плачу
Тебѣ за свою непорочность.

Бичуетъ себя.

Одинъ день! Одинъ день! На одинъ только день!

Бичуетъ себя все упоеннѣе.

Пусть больше, больше будет расплата моя... Но зато подари мнѣ еще пѣсколько часовъ, раньше, чѣмъ рука Твоя опустится на меня.

Не мнѣ, не мнѣ славу, но избавленіе народу моему!
Не мнѣ, не мнѣ счастье, но жизнь моему народу!

Бичуетъ себя непрерывно свистящими ремнями.

Для меня же эта боль. Для меня-же эти терніи,
что рвутъ насквозь мое тѣло, для меня эта жажда,
что палящимъ зноемъ обжигаетъ уста, для меня бессонныя
ночи, отъ которыхъ мутятся уже мои мысли...
О, Господь, Господь! Изнываю отъ муки предъ Тобою!

Продолжая покрывать себя кровавыми рубцами.

Но зачѣмъ же Ты къ боли прибавляешь наслажденіе?
Зачѣмъ, подобно врагу, ищешь слабости моей?
Я хочу терпѣть! терпѣть! Я силенъ. Сумѣю побѣдить.
Я вынесу!
Хочу страдать. Еще!.. О, еще!..

Тяжко дышитъ, бичуя себя до самозабвенія... Не можетъ уже говорить, и только изъ-за полу-раскрытыхъ губъ блестятъ его бѣлые зубы...

Въ дверяхъ,—въ глубинѣ,—привлеченная свистомъ бича и гулкими ударами головы о каменный полъ—появляется Сара. Волосы ея распущены. Она въ легкой бѣлой ночной одеждѣ. Широкіе рукава оставляютъ обнаженными руки. На ногахъ только маленькія серебряныя туфли. Въ рукѣ—надъ головой—держитъ пылающій свѣтильникъ: другою рукою прикрываетъ отъ свѣта глаза. Увидѣвъ мужа, покрытаго кровавыми рубцами, издаетъ пронзительный крикъ. Свѣтильникъ выпалъ изъ ея рукъ, и она, однимъ движеніемъ очутившись подлѣ мужа, вырываетъ ремни изъ его рукъ и отбрасываетъ далеко, въ уголь...

Саббатай (посмотрѣлъ на нее безсознательно, покорно). Что это? Что это?

Сара (обнимаетъ его, повторяя). Ты мой! мой! Я не хочу!

Саббатай (все такъ же безсознательно). О, Боже... Ты... ангела мнѣ послалъ!

Сара. Это я, Сабба, это я!

Саббатай (смотреть на нее, не узнавая). Кто ты? (Внезапная дрожь овладѣваетъ имъ, настолько сильная, что Сара не удерживаетъ его въ рукахъ).

Сара. Ты изнемогъ. О, Боже! Уста твои запеклись... Весь въ крови...

Саббатай. Такъ надо... Богъ отмщаетъ...

Сара (увидѣла на ящикѣ въ углу кувшинъ. Схватываетъ его и наклоняется къ мужу). Выпей!

Саббатай (пьетъ безсознательно. Вдругъ отодвигаетъ кувшинъ... Потираетъ рукою лобъ, смотритъ на Сару широко раскрытыми глазами. Говоритъ слабымъ голосомъ). Что же это случилось? (Снова задрожалъ, такъ, что зубы его застучали).

Сара (сѣла на полу возлѣ него и положила его голову къ себѣ на колѣни). Тихе, тихе! отдохни! О, какъ ты весь израненъ... (Наклонилась, словно устами стираетъ кровь съ его груди. Ея распущенные волосы волною спадаютъ на измученную голову Мессин. Саббатай закрылъ глаза; не въ силахъ приподняться, тяжело только дышитъ).

Сара (обнимаетъ его, горячо прижимая къ себѣ). Вотъ такъ! такъ! Теперь ты со мной... Не отдамъ тебя... Уже не позволю...

Саббатай (шепчетъ, какъ сквозь сонъ). Ахъ, хорошо... сладостно... Или Ты, Боже, смилостивился надо мною... (Вдругъ опомнися, приподнялся на рукъ, посмотрѣлъ Сарѣ въ глаза).

Сара (обезпокоенная). Сабба!

Саббатай (срывается). Прочь! прочь! (Оттолкнулъ жену, такъ что она упала). Я долженъ... до свѣта... пока разсвѣтетъ... (Озирается: разыскалъ брошенный бичъ, поднять его).

Сара (подскочила къ нему, схватила бичъ, стараясь вырвать его изъ рукъ). Нельзя! не надо!

Саббатай. Пусти! Это мнѣ надо!

Сара (вырываетъ ремни). Неправда! Ты мой! Довольно этого безумія. Можешь себѣ быть святымъ, но... я не позволю, чтобы ты бичевалъ себя! Я не хочу... понимаешь?

Саббатай. Женщина! Царство Сіона...

Сара. Что мнѣ всѣ царства! Пора уже кончить это представление! Довольно изстрадалась я, глядя на тебя.. Ты готовъ замучить себя и на вѣрную смерть отдать изъ-за призрачнаго сна, ради смѣшного обмана...

Саббатай. Молчи!

Сара. Не замолчу! Султанъ можетъ покориться тебѣ, но я не султанъ... Я говорю...

Саббатай. Уйди прочь отъ меня. Отдай бичъ!

Сара. Не отдамъ!

Саббатай. Дай! Или я задушу тебя своими руками...

Сара (бросаетъ бичъ прямо въ грудь ему). Вотъ! Бери! Бичуй себя! Я буду смотрѣть...

Саббатай (остановился въ изумленіи). Сара! Сара...

Сара. Ну! Чего же ты ждешь? Начинай. Ты—мужъ божій! мессія! избавитель! Рви тѣло въ клочья, а я буду смѣяться... Что мнѣ до твоего безумія! Вѣдь, я тебѣ даже не жена!

Саббатай (смотритъ на нее). О, какъ ты прекрасна!

Сара. Ты увидѣлъ, наконецъ! Я красива, правда? Я запретный садъ? Я лилія Сарона, которая должна увядать подъ ласковымъ сіяніемъ Мессіи? Отчего же ты смотришь на меня? Ты—чистый! ты—непорочный!

Саббатай (сдавленнымъ голосомъ). Не насмѣхайся... не оскорбляй...

Сара (внезапнымъ движеніемъ бросается къ нему и прижимается лицомъ къ его груди). О, Сабба, если бы ты зналъ мою любовь! Не слушай, что я говорю... Ты прекрасный! ты мой! ты высокій!.. О, какой же ты ясный! Дай, я устами омою твои раны... Ты мой! ты мой!

Саббатай (задрожавъ) Отойди... Слабо (отталкиваетъ ее).

Сара. Нѣтъ, нѣтъ! Ты весь дрожишь... Холодно? Я согрѣю тебя въ своихъ рукахъ, волосами прикрою тебя...

Саббатай. Сара!

Сара. Ты возлюбленный. О, какъ горитъ твое тѣло!

Саббатай (шепчетъ полу-сознательно). Ты сладкая, сладкая...

Сара (горячимъ шопотомъ). Да... да...

Саббатай (взявъ ее за руки, отодвигаетъ немного отъ себя и смотритъ ей въ лицо). Вѣдь ты — жена, которую мнѣ рокъ, духъ жизни, еще въ день рожденія предназначилъ...

Сара. Это я, это я, это я... Я твоя... Жена Мессіи... Невинная... жаждущая...

Саббатай. О, Боже... Нѣтъ, нѣтъ...

Сара. Тише! Такъ хочетъ Богъ.

Саббатай. Хочетъ... Богъ... Жена... ты...

Сара (протягиваетъ къ нему уста). Дай губы... поцѣлуй... Ты...
Ты... свѣтлый мой. О, ты нѣжный, божественный!
Саббатай. Моя! моя!

Принявъ ее въ объятія и, слабѣя, опускается съ ней вмѣстѣ на твер-
дый каменный полъ.

АКТЪ IV.

К а р т и н а I.

Спальная комната въ замкѣ Дамиръ-Ташъ. Стѣны увѣшаны коврами. На серединѣ низкое, широкое восточное ложе, похожее на диванъ. Лежить на немъ уснувшій Саббатай Ц'ви; колѣни его прикрыты шалью. Подлѣ ложа на подушкѣ сидитъ Сара, обнимая руками мужа.

Первый свѣтъ забрежилъ черезъ окно.

Саббатай (медленно приподнялъ вѣки. Сонно шепчетъ).
Свѣтъ...

Сара. Нѣтъ, нѣтъ! Спи еще. Это только волосы мои золотые такъ блестятъ... волосы, что упали на твои глаза...

Саббатай. Волосы... твои волосы... (Снова закрываетъ глаза).

Сара. Хорошо тебѣ?

Саббатай (шепчетъ). Хорошо... сладко... спокойно...

Сара. Такъ будетъ ужъ всегда. О, ты измученный, ты бѣдный мой мессія!

Саббатай (поднялся на ложѣ). Сонъ... былъ у меня... странный... какая-то тяжесть и боль... А потомъ тихо... Огонь... Странная, странная дрожь... Въ глазахъ у меня темно... Гдѣ ты?

Сара. Я съ тобою.

Саббатай (снова падаетъ на ложе). Ты со мной...

Сара. Посмотри, какъ горячи мои губы. (Цѣлуетъ его). О, ты сладчайшій! Какъ бѣло твое тѣло! И эти рубцы, какъ уста кровавые, что хотятъ моихъ поцѣлуевъ... Скажи же: ты любишь меня?

Саббатай. Люблю тебя...

Сара. Хорошо, хорошо. Теперь ужъ всегда будемъ вмѣстѣ. Всѣ

ночи... вотъ такъ... въ моихъ объятіяхъ... Уста твои на моихъ устахъ... Ты чувствуешь, какъ дрожу еще отъ радости... я вся еще горю. Да! ты не уйдешь отъ меня. Скажи, уже не уйдешь?

Саббатай. Уже не уйд... (Обрываетъ на половинѣ слова. Смотритъ на Сару изумленными, широко открытыми глазами).

Сара (встревожившись). Сабба!..

Саббатай (взглянулъ въ окно). Утро... Вѣдь, это?.. (Третъ лобъ, собираетъ мысли). Подожди, подожди... Я долженъ... что-то.. (Прервалъ себя, снова смотритъ на жену: глаза его раскрываются, словно въ кошмарномъ видѣніи). Слушай! Это былъ сонъ! это былъ только сонъ?..

Сара. Не смотри такъ... Ты мой, ты мой!..

Саббатай (срывается съ ложа и однимъ движеніемъ становится на ноги. Страшный крикъ ужаса, отчаянія и смятенія). Великій. Богъ!

Сара. Сабба!

Саббатай. Что ты сдѣлала со мной? (Бросается съ рыданіемъ на землю).

Сара (испугалась; издаетъ невольный крикъ изумленія). Что? Что... я съ тобой?..

Саббатай. О, пусть уйдетъ эта страшная ночь! Пусть кто-нибудь вырветъ изъ меня воспоминаніе объ этомъ безуміи! Пусть мнѣ отдастъ мою чистоту, непорочную душу мою. Пусть уничтожитъ мое тѣло! О! о! (Со стономъ бьется по землѣ).

Сара (обвиняетъ его). Почему ты отчаяваешься? Что же случилось съ тобою? Развѣ тебѣ плохо со мной?

Саббатай (вырывается). Прочь! Прочь отъ меня! Дай мнѣ одежду. (Схватываетъ лежащее подлѣ черное домашнее свое одѣяніе и быстро надѣваетъ его).

Сара. Что ты хочешь дѣлать?

Саббатай. Иду къ султану...

Сара. Для чего?

Саббатай. Народъ ожидаетъ меня. Пусси. Я долженъ...

Сара. Ты обезумѣлъ! Что тебѣ теперь до народа? Что тебѣ до султана? Сабба, вѣдь я съ тобою. Вѣдь въ твоихъ жилахъ течетъ еще кровь, зажженная моими поцѣлуями, а глаза твои затуманены еще счастьемъ... Развѣ ты оставишь меня теперь? Оттолкнешь?

Саббатай. О! (Бьется головой о стѣну).

Сара. Успокойся. Намъ хорошо будетъ. Не жалѣй!

Саббатай. Богъ! Богъ! зачѣмъ Ты оставилъ меня?

Сара (пытаясь прижаться къ нему). Не отпущу тебя. Я ласко-

вѣе для тебя, чѣмъ Богъ. Онъ тебѣ муку далъ, а я тебѣ дамъ счастье, радость... Ужъ навсегда...

Саббатай (отстраняетъ ее). Нѣтъ, нѣтъ! Я исполню... Я иду туда... О, что я сдѣлалъ!

Сара. Вѣдь ты человѣкъ и имѣешь право, какъ и другіе...

Саббатай. Нѣтъ! Я не имѣю права. Я могъ нѣкогда выбирать и избралъ горную дорогу, но потомъ палъ... Проклятье мнѣ! Проклятье на голову мою во вѣки! Проклятье!

Сара. Сабба, Сабба! Опомнись!

Саббатай. Я былъ мессіей! былъ святъ и могучъ!

Сара. Но теперь ты уже не мессія. Видишь самъ, что уже не мессія. Такъ лучше. Ты человѣкъ и будешь счастливъ... Ты погибъ бы изъ-за призрака... Богъ направилъ меня, чтобы я спасла тебя...

Саббатай (вдругъ). Тихе! Слышишь? Уже идутъ...

Сара. Что же теперь?

Саббатай. Идутъ уже... за мной.

Сара (услышала шаги. Бросается къ дверямъ, запираетъ). Молчи! Скажу, что тебя нѣтъ... что ты еще спишь...

Саббатай. Меня нѣтъ... Да. Меня уже нѣтъ. (Съ внезапнымъ волненіемъ). О, шаги... Они все ближе... черезъ минуту... уже... сейчасъ... позовутъ меня...

Сара. Скройся. Я имъ отвѣчу. (Слышенъ стукъ).

Голосъ Натана. Мессія! Мессія!

Сара (у дверей). Кто здѣсь?

Голосъ Неэмин. Это мы. Народъ еврейскій.

Сара. Тихе! Спитъ еще Мессія.

Голосъ Натана. Разбуди его, госпожа.

Голосъ Неэмин. Уже разсвѣло!

Голосъ испанск. еврея. Блеститъ роса подъ первыми лучами.

Голосъ Натана. Встань, цари! Ждетъ народъ, твой народъ!

Голосъ амстерд. еврея. Ждемъ освобожденія.

Саббатай (извиваясь отъ муки). О-о!

Сара. Не будите его. Онъ долженъ спать.

Голосъ Натана. А мы не спали...

Голосъ Неэмин. Мы всѣ Богу молились...

Голосъ амстерд. еврея. Мессія! Мессія!

Голосъ испанск. еврея. Встань. Сокруши султана!

Голосъ Натана. Встань! Насталъ урочный день.

Голосъ Неэмин. Встань и съ помощью Божьей освободи народъ!

Сара (взволнованно). Сейчас... сейчас...

Саббатай (съ внезапной рѣшимостью отталкиваетъ ее отъ дверей). Отойди! (Положилъ руку на затворъ... Отступаетъ). Нѣтъ! не умѣю, не могу, не долженъ!

Голоса смѣшанные. Мессія! Мессія!

Саббатай (борясь съ собою). О, Боже! одна минута, одинъ часъ той мощи, какая была вчера во мнѣ!

Сара. Ты погибъ бы!

Саббатай. И такъ погибну.

Голоса (все болѣе настойчивые). Мессія! Мессія!

Саббатай. Они еще вѣрятъ въ меня...

Сара. Что тебѣ до нихъ! Оставь ихъ!

Голоса (раздающіеся теперь вмѣстѣ со стукомъ). Мессія!

Саббатай (увѣряя себя). Нѣтъ, еще не все погибло. Мощь народа моего, которая была во мнѣ... Мощь Израиля! Его страданія, его слезы и кровь... Пойду съ этой силой! Народъ зоветъ меня...

Сара. Не пойдешь! Силы ужъ нѣтъ. Не лги себѣ самому!

Саббатай. Пойду. Пусти меня. Съ дороги! (Оттолкнулъ ее).

Однимъ движеніемъ распахнулъ двери... Зашатался. Стоитъ. Видитъ Натана, Неэмію, евреевъ испанскаго и амстердамскаго. Вошли всѣ четверо. За ними, въ первой комнатѣ, толпа.

Натанъ (склоняется къ ногамъ Саббатая). Поздравляемъ тебя, царь нашъ!

Испанскій еврей. Твой народъ привѣтствуетъ тебя!

Саббатай (стоитъ блѣдный. Дѣлаетъ знакъ рукою). Тише! Тише! Подождите... (Спусти мгновеніе). Я теперь...

Неэмія. Господинъ, судьбу всего народа отдаемъ въ твои руки!

Саббатай (зашатался). Нѣтъ... нѣтъ...

Сара. Оставьте его. Видите, онъ боленъ.

Безпокойство среди евреевъ.

Амстерд. еврей. Можетъ быть... лекаря? Пошлю за Хакимъ-пашей...

Саббатай (махнулъ рукою). Нѣтъ. Я сейчасъ...

Испанск. еврей. Господинъ нашъ, ты самъ — здоровье, ты самъ—спасенье народа...

Возгласы (нетерпѣливо раздаются въ корридоръ и за окнами). Мессія! Мессія!

Натанъ. Народъ зоветъ Мессію. Пойдемъ!

Саббатай (охваченный внутренней борьбой). Идите... идите..
одни... Я потомъ...

Неэмія. Что же мы скажемъ народу? Что скажемъ султану,
когда онъ спроситъ о нашемъ мессіи?

Вдругъ толпа разступается. Въ дверяхъ стоитъ Самуиль, скло-
нивъ голову и сложивъ на груди руки.

Самуиль. Посланные султана уже здѣсь, внизу.

Саббатай задрожалъ. Поднялъ руку, словно бы хотѣлъ закрыть
ею глаза. Съ минутой стоитъ въ нерѣшительности.

Слуги по знаку Самуила подходятъ къ Мессіи, набрасываютъ
пурпуровый плащъ на его плечи и возлагаютъ на голову его золотую
корону.

Саббатай (отступаетъ въ ужасѣ). Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!

Еврей (разражается радостными криками). Мессія! Мессія! Да
здравствуетъ царь еврейскій! Осанна побѣдителю! Осанна избавителю!

Саббатай наклонилъ голову и позволяетъ себя увести, — уже не
сопротивляясь,—среди ликующихъ возгласовъ народа.

Сара (бросается за нимъ). Сабба! Сабба!

Картина II.

Утро въ султанскихъ садахъ, пасмурное, туманное. На деревьяхъ и
кустахъ слѣды вчерашней бури. На землѣ среди побитыхъ градомъ
цвѣтовъ изломанныя вѣтки, которыхъ не успѣли еще убрать садовники.

Султанъ сидитъ на тронѣ, какъ наканунѣ. Возлѣ него неизмѣнные
Муфтій Ванни, завѣдующій дворомъ Кизларъ-паша, Ха-
кимъ-паша и другіе изъ постоянной свиты. Во главѣ янычаръ—
Гассанъ-ага. Передъ владыкой на шелковой подушкѣ лежатъ три
стрѣлы и лукъ...

Напротивъ—подъ деревомъ—Саббатай. Поднялся съ тропа; царская
багряница спустилась съ его плечъ; медленнымъ, усталымъ движе-

ніемъ снялъ съ головы соломонову корону; взглядъ его опущенъ книзу; стоитъ печальный, блѣдный.

Сара въ пышномъ плащѣ, наброшенномъ на бѣлую простую одежду, сѣла немного поодаль и слѣдитъ за мужемъ встревоженнымъ взоромъ.

Въ глубинѣ и съ правой стороны тѣснятся сторонники Мессіи. Среди толпы, еще увеличившейся со вчерашняго дня, видны Самуиль, Натанъ, Неэмія и всѣ, что были въ замкѣ Дамиръ-Ташъ. Только сарафъ-паша Халевъ и приблизился теперь къ султанскому двору и шопотомъ разговариваетъ съ лекаремъ.

Султанъ, молча, махнулъ рукой.

Муфтіи Ванни (поворачивается къ Мессіи). Отъ имени владыки объявляю тебѣ. Ты не хотѣлъ покориться вчера, когда онъ предлагалъ тебѣ милость; сегодня же ты долженъ подвергнуться испытанію. Знаю, что погибнешь, но все же повторяю тебѣ слова, которыя мнѣ повелѣлъ передать владыка. Вѣсти, омрачившія вчера его сердце, не оправдались, кромѣ той, что подняли бунтъ арнауты... Для нихъ достаточно одного отряда вѣрныхъ нашихъ войскъ, и ты повелителю ни на что не нуженъ, если бы даже и обладалъ какой-нибудь чародѣйской силой. Однако же, султанъ — да продлитъ Богъ безконечно его дни!—рѣшилъ слово свое сдержать, и если выйдешь изъ испытанія невредимымъ, обѣщаетъ признать тебя новымъ пророкомъ Аллаха и сдѣлать первымъ въ государствѣ... Богъ и Пророкъ нашъ единый простятъ мнѣ эти слова, ибо видятъ, что говорю ихъ тебѣ, который умретъ черезъ минуту,—и знаю, что иначе не будетъ!

Саббатай поднялъ на мгновеніе голову, взглянулъ на говорящаго старика и снова опустилъ глаза.

Амстерд. еврей (обеспокоившись). Отчего онъ не отвѣчаетъ? отчего не отвѣчаетъ?

Иснанск. еврей. Тише! Онъ собираетъ въ себѣ божественную силу. Можетъ быть даже сразу взглядомъ убьетъ султана.

Муфтіи Ванни (къ Саббатаю). Готовъ ли ты подвергнуться испытанію? Говори.

Натанъ (вызывающе, указывая обѣими руками на Мессію). Вѣдь, онъ сказалъ вчера,—для чего вы еще спрашиваете? Если только вы

сами осмѣлитесь—на свое посрамленіе — пускать стрѣлы въ священную грудь мессіи...

Самуиль (приближается къ молчащему Саббатаю и шепчетъ).
Господинъ, рѣшительная минута наступила...

Муфтіѣй Ванны. Отвѣчай!

Саббатай поднялъ голову, посмотрѣлъ на Муфтія, на султана...

Каббалистъ. Вотъ! Сейчасъ, сейчасъ откроетъ уста, съ султаномъ случится что-то ужасное...

Голоса среди евреевъ. Слушайте! слушайте!

Саббатай встрѣтился взглядомъ съ глазами Сары; печально опускаетъ голову.

Неэмія. Да смилуется Богъ надъ Израилемъ!

Амстерд. еврей. Я хотѣлъ бы, чтобы было, какъ вчера...

Натанъ. Еще минута... подождите!

Султанъ (тревожно къ Хакиму-пашѣ). Отчего онъ молчитъ? Лицо у него еще страшнѣе, чѣмъ вчера... О чемъ онъ думаетъ?

Хакимъ - паша. Не знаю, повелитель. Вѣрно. бесѣдуетъ съ Богомъ.

Кизларъ-паша (вполголоса, испуганно). Только бы не накликали на насъ бѣды...

Султанъ. Вѣдь, не я хотѣлъ его крови. Самъ добивался...

Халеви (пользуется случаемъ вмѣшаться). Можетъ быть, лучше отказаться отъ испытанія...

Султанъ (съ отгнкомъ испуга). Я не настаиваю... Еще и теперь, если только онъ покорится и признаетъ мою власть, я готовъ его сдѣлать канімъ-макамомъ, или предоставить ему какой-нибудь дальній санджакъ...

Хакимъ-паша (надменно). Сомнѣваюсь, чтобы онъ согласился на это!

Халеви (торопливо). Онъ согласится, согласится... (Хочетъ идти къ Саббатаю).

Хакимъ-паша придержалъ его за плащъ. Самъ незамѣтно приближается къ Саббатаю.

Султанъ. Скажите ему...

Муфтіѣй Ванны. Дерзкій человѣкъ! Владыка и теперь мило-

стивъ. Если страшишься отравленныхъ стрѣлъ, достаточно тебѣ склониться предъ именемъ Пророка и падѣть турбанъ...

Крикъ возмущенія и насмѣшливые возгласы среди евреевъ.

Каббалистъ. Что онъ говоритъ! что онъ говоритъ! Онъ съ ума сошелъ!

Натанъ. Какъ смѣешь предлагать Мессіи...

Испанск. еврей (къ Саббатаю). Господинъ, ударъ же въ нихъ громомъ!

Амстерд. еврей. Или спусти на нихъ огненныхъ драконовъ!

Самуилъ (вполголоса). Царь! царь! соберись съ духомъ...

Неэмія. Богъ да поможетъ тебѣ, господинъ! Богъ, которому ты принесъ столько жертвъ...

Саббатай весь задрожалъ, поднялъ голову.

Голоса. Слушайте, слушайте! Будетъ говорить...

Мгновеніе выжидательнаго молчанія.

Султанъ. Отчего ты смотришь такъ на меня? Если хочешь что-нибудь сказать...

Саббатай со стономъ закрываетъ глаза.

Волненіе среди евреевъ.

Голоса. Что это? Что это значить?

Султанъ (изумленный). Что съ нимъ случилось?

Нищій еврей (цѣпляясь за ноги Мессіи). Поспѣши, Мессія! Я хотѣлъ бы еще передъ смертью быть сытымъ, хотѣлъ бы еще собственными глазами увидѣть избавленіе народа...

Саббатай (вдругъ, громкимъ голосомъ). Избавленіе! избавленіе народа!.. Народа моего мощь!

Сара (вскрикиваетъ). Сабба!

Саббатай умолкъ, стоитъ блѣдный.

Султанъ, который при словахъ Саббатая испуганно откинулся, озирается теперь на своихъ придворныхъ.

Кизларъ-паша (въ суевѣрномъ страхѣ). Владыка! Онъ хо-

четь обрушить на насъ всѣхъ проклятіе или поразить насъ своимъ взглядомъ.

Самуилъ (къ Саббатаю). Смѣлѣ, господинъ... смѣлѣ! Смотри, султанъ уже дрожитъ.

Сара не спускаетъ глазъ съ мужа.

Саббатай (разражается тихимъ смѣхомъ, похожимъ на рыданіе). Ха-ха-ха...

Голоса (среди евреевъ). Что это?

Амстерд. еврей. Султанъ такъ страшно смотритъ на насъ... Онъ готовъ сейчасъ выпустить янычаръ...

Голоса (среди евреевъ). Мессія! Мессія! Спаси насъ! Будь намъ защитой! Ты могучій!

Другіе. Онъ молчитъ! Почему онъ молчитъ?

Натанъ. Не бойтесь! Нашъ Богъ надъ нами!

Другіе. Не бойтесь! Нашъ Богъ надъ нами! Мессія израильскій не можетъ пасть!

Саббатай (повторяетъ). Мессія израильскій не можетъ пасть.. (Задрожалъ).

Муфтій Ванны. Значитъ, согласенъ на испытаніе?

Саббатай (поднялъ голову — блѣдный, какъ трупъ: смотритъ на султана мгновеніе, потомъ говоритъ глухо, преодолевая себя). Да.

Сара (срывается съ мѣста). Сабба! Что ты говоришь! Вспомни! Я буду кричать...

Саббатай (твердо, повелительно). Молчи!

Султанъ медленно поднялъ лукъ, стрѣлой натягиваетъ тетиву.

Неэмія (среди общей тишины). Великъ Богъ!

Саббатай недвижимъ: смертельный потъ выступилъ у него на вискахъ.

Сара (кричитъ). Владыка! Не стрѣляй! Онъ уже не...

Самуилъ, схвативъ ее за руку, прервалъ ея крикъ.

Султанъ (положилъ руку на натянутую тетиву). Ты готовъ?

Саббатай (послѣ минутной внутренней борьбы, поднялъ руку). Погоди... Еще мгновеніе... подожди. Сейчасъ я буду готовъ. Я долженъ... сказать...

Султанъ опустилъ руку; смотреть съ разочарованіемъ.

Хакимъ-паша (наклонился къ уху Мессіи). Не бойся, господинъ.... Это уже другія стрѣлы... Я подмѣнилъ. У этихъ концы пропитаны цѣлительной смолой... И рука у султана слабая, дрожащая... не сильно ударить...

Саббатай (отрицательно махнулъ рукою). Нѣтъ, нѣтъ! Дѣло не въ этомъ...

Сара (ухватясь за него). Пожалѣй!..

Саббатай (отстраняетъ ее). Отойди! Слушай меня ты, султанъ. Слушай, Израиль...

Натанъ. Тише! Мессія говоритъ...

Испанскій еврей. Сейчасъ поразить враговъ!

Саббатай. Всѣ слушайте меня! Черезъ минуту эти стрѣлы пронзятъ мою грудь, и, хотя бы изъ мягкой мочалы были сдѣланы ихъ концы, они пройдутъ сквозь мое сердце, и отъ нихъ я погибну.

Ужасъ среди евреевъ.

Голоса. Что? Что онъ сказалъ! Мессія погибнетъ...

Саббатай. Мессія не погибнетъ! Знайте, что нескрушима Божья мощь. Знайте, что никогда не упадетъ, тотъ, кого помазалъ Богъ. Что когда, вознесенный рукою Всемогущаго, явится мессія народа израильскаго,—въ прахъ повергнутся передъ нимъ народы и царства, и склонятся челомъ передъ нимъ гордые властители земли, и не будетъ оружія, которое поразить его могло бы, и не будетъ силы, которая одолѣла бы его. Царство Божье—не сонъ, и не призракъ—царство Израиля... (Прерываетъ, какъ бы теряя силы).

Голоса. Слушайте! слушайте!

Саббатай (поворачивается къ султану). И ты дрожи, султанъ! Ибо въ день, когда станетъ передъ тобою намѣстникъ Божій и потребуетъ отвѣта отъ тебя, не оградятъ тебя отъ суда его и гнѣва ни ядовитыя стрѣлы, ни отряды янычаръ, ни вся твоя власть, охватившая полъ-міра, и падешь—какъ молніей—однимъ его словомъ сраженный! (Загорѣлся прежнимъ огнемъ; подвѣялъ руку). Среди двора своего падешь и среди войскъ своихъ—въ знакъ того, что могучъ и непобѣдимъ Господь, отдавшій власть свою мессіи для избавленія народа израильскаго, для утвержденія царства Сіона!

Султанъ (пятится назадъ). Чего ты хочешь отъ меня? Вѣдь я тебѣ зла не сдѣлалъ... Я готовъ съ почетомъ встрѣтить мессію...

Голоса (вдругъ нарастающіе среди евреевъ). Слава Мессіи! Слава Мессіи!

Саббатай (закрывъ лицо). Слишкомъ рано! Слишкомъ рано!
Замолчите!

Нѣчто вродѣ короткаго рыданья вырывается изъ его груди. Волненіе среди евреевъ.

Голоса. Что это? Онъ плачетъ! Что это можетъ означать?

Саббатай (опустилъ руки; говоритъ наружно спокойнымъ, но болѣзненно-чуждымъ голосомъ). Я—не мессія.

Послѣ минутной гробовой тишины среди евреевъ

Крикъ. Что онъ сказалъ? Что говоритъ!

Самуилъ. Господинъ!

Халеви (тревожно нагнулся). Что? что?

Натанъ стоитъ въ оцѣненіи.

Неэмія. Какъ онъ сказалъ?

Сара (поднялась. Повторяетъ). Развѣ вы не слышали? Господинъ мой говоритъ, что онъ—не мессія.

Исианскій еврей (кричитъ). Она съ ума сошла!

Амстерд. еврей. Развѣ возможны такіа шутки!

Натанъ (схвативъ Саббатаю за плечо). Запрети, запрети ей, пока не поздно...

Хакимъ-паша. Все поставлено на эту игру...

Самуилъ. Не время отступать... Кости уже брошены...

Саббатай (повторяетъ). Я не мессія.

Халеви (въ отчаяніи всплескиваетъ руками). Ну что? Я не говорилъ?...

Амстерд. еврей. Что-жъ это будетъ?

Нищій (бормочетъ). Ну какъ же... какъ?

І каббалистъ. Не вѣрьте! Онъ только притаился... нарочно... Онъ сейчасъ...

Самуилъ. Проклятіе! (Грубо схватываетъ Саббатаю за руку). Тутъ дѣло идетъ о цѣломъ народѣ!

Саббатай. Именно потому... (Поднять голову). Слушай меня, народъ! Да не подумалъ бы ты, когда я погибну, что мессія твой палъ! Да не переставалъ бы вѣрить въ свою силу и въ избавленіе свое!.. (Голосъ прервался, словно сдавлено горло. Умолкъ на мгновеніе). Нѣтъ, я не Мессія!

Голоса. Онъ обезумѣлъ! Обезумѣлъ! Онъ боленъ!

II каббалистъ. Это отъ страха!
Старый еврей. О, горе! Горе!

Стоны, плачь, испуганность среди евреевъ.

Амстерд. еврей. Мы всё погибли!

Халеви (къ султану). О, владыка, будь милостивъ ко мнѣ! Я всегда былъ твоимъ вѣрнымъ слугой...

Испанск. еврей. Значить, опять надо отдавать свою кровь. Значить, опять неволя!

I каббалистъ. Всѣ признаки были, очевидно, фальшивые!

II каббалистъ. Неправда! Это дѣло злого духа!

III каббалистъ. Шебирать ха-келимъ! Шебирать ха-келимъ!

Ниций (къ Саббатау). О, избавитель! избавитель! вѣдь я уже радовался...

Старый еврей (рыдаетъ). Разобью васъ, говоритъ Богъ, какъ сосудъ изъ глины... Какъ игрушку гнѣва Моего, уничтожу васъ предъ свѣтомъ. О, горе!

Голоса. Несчастье! Что же намъ теперь дѣлать?

Другіе. Мессія! Мессія! Пожалѣй насъ! Не оставляй! Мы безъ тебя погибнемъ!

Саббатай (широко раскрываетъ руки). Ничѣмъ я вамъ уже не помогу, о народъ мой, народъ! (Ударяетъ себя въ грудь). Покаралъ меня Богъ Израіля. Показалъ мнѣ, что я—ничто предъ лицомъ Его. Заставилъ узрѣть воочию всю слабость мою человѣческую. Поднялся на меня Богъ молній и громовъ, твой Богъ, о народъ! И повергъ меня въ прахъ. Запятналъ меня грѣхомъ человѣческимъ, кровавыми огнями ослѣпилъ мои глаза, моцъ духа своего промѣнялъ я на подлую радость наслажденія!...

Голоса. Что съ нимъ? Что съ нимъ случилось?

Испанск. еврей. Погибъ мессія! Погибъ народъ еврейскій!

Саббатай (собралъ всѣ силы). Нѣтъ, одинъ я погибъ! не народъ! не народъ! Никогда не былъ я мессіей, не слышалъ голоса Божія, не помазалъ меня Богъ. Вотъ весь открываюсь я теперь передъ вами... Я свершилъ все, что могъ свершить человѣкъ... Я поднялся за васъ... и до послѣдней минуты боролся за васъ... Богъ одинъ знаетъ, въ какой кровавой борьбѣ—вѣря, что жертвою жизни непорочной своей я достигну божественной силы... Что я Бога заставляю признать во мнѣ избранника своего для освобожденія народа... Не вынесли силъ мои человѣческія... Вашъ мессія можетъ только по-

бѣдить, но я—не мессія! И вотъ теперь пришелъ я сюда, чтобы бремя судьбы вашей снять съ своихъ плечъ... и умереть.

Самуилъ. Что намъ въ твоей смерти, лжецъ!

Халеви (съ протянутыми кулаками). Ты обокралъ насъ! ты воръ!

Голоса (словно буря, налетающая сразу). Обманщикъ! Притворщикъ! Совратитель! Собака!

Натанъ (кричить). Нѣтъ, вы не понимаете! Вѣдь написано...

Его заглушаютъ.

Крики. Побить камнями! Богохульникъ! Лжецъ и воръ!

Толпою тѣснятся вокругъ него съ угрожающе поднятыми руками.

Сара (заслоняя его отъ нихъ). Отойдите! Какъ смѣете! Кто изъ васъ лучше его? Султанъ, защити...

Султанъ (усмѣхается). Что мнѣ за дѣло до этого?...

Саббатай. Нѣтъ! не хочу султанской защиты. Мнѣ моя жизнь не дорога...

Голоса (прерываютъ его). Погубилъ насъ! Искалѣчилъ! На смерть обрекъ! Похоронилъ!

Саббатай. Живите! Вѣрьте въ свою мощь! Вѣрьте въ безсмертіе Израіля!

Самуилъ. Молчи, песь! Какъ смѣешь произносить имя народа!

Крики. Мы погибли! Мы гибнемъ!

Саббатай. Только душа моя гибнетъ. Черная смерть обвиняетъ мою голову, и для глазъ моихъ гаснетъ дневной свѣтъ... Богъ справедливъ!

Старый еврей. Богъ справедливъ и грозенъ! О, горе! о горе!

Сара. Мужъ! мужъ мой...

Саббатай. Молчи! Не знаю я тебя. За грѣхъ свой не увижу я спасенія, не услышу радостныхъ гимновъ... Какъ смѣлъ, растаяла сила моя и, какъ пепель, истлѣла моя жизнь... Каюсь предъ тобою, Богъ, каюсь предъ тобою, народъ, который будетъ счастливъ нѣкогда—но безъ меня. (Короткое рыданіе вырывается изъ его груди. Овладевъ собою; поднялъ голову; говоритъ со страннымъ какимъ-то спокойствіемъ). Султанъ, я кончилъ все, что хотѣлъ сказать. Не думай и ты, что побѣдилъ еврейскаго мессію. Только человѣкъ ничтожный и слабый, палъ передъ тобою,—не твоей, но Божьей повергнутый десницей! Даже не сынъ Израіля, но грѣшникъ и вѣроотступникъ. Саббатай больше нѣтъ!.. (Сбрасываетъ съ себя шапку и, судорожно схвативъ

турбанъ съ головы Кизляръ-паши, возлагаетъ его на себя). Великъ Аллахъ, и Магометъ его пророкъ!

Крикъ ужаса среди евреевъ.

Султанъ (усмѣхается). Ха-ха...

Саббатай. Теперь выпускай свои стрѣлы, теперь убей меня... (Зашатался; упалъ ницъ).

Султанъ (пожалъ плечами. Говорить съ горделивой усмѣшкой). Зачѣмъ мнѣ теперь убивать тебя?... Напротивъ... Ты призналъ Пророка, а я общалъ... Дайте ему соболій плащъ!... И замокъ назначьте ему для жительства...

Саббатай. Убей!

Султанъ. Будешь жить! Только... не хочу смотрѣть я на тебя больше! Ничтожный, какъ и всѣ... (Поворачивается къ придворнымъ). Это грязный, противный еврей. Тѣло его искалѣчено бичомъ и покрыто ранами и струпьями... Я видѣлъ вчера... Идемъ отсюда. Гассанъ потомъ все приведетъ въ порядокъ. (Уходитъ въ сопровожденіи всего двора. Изъ евреевъ сопутствуютъ ему Хакимъ-паша и Халеви).

Толпа, сопровождавшая мессію, также растаяла уже, ибо большая часть разбѣжалась въ ужасѣ отъ случившагося и въ страхѣ передъ побѣдителемъ-султаномъ. Въ опустѣломъ саду осталась только горсть людей надъ лежащимъ на землѣ Саббатаемъ, котораго слуги султанскіе прикрыли зеленымъ соболіимъ плащемъ.

Самуилъ. Ты трусъ! Ты подлый трусъ! И изъ-за глупости такой... Никто не требовалъ, вѣдь, твоей святости, если она тебѣ надобна! Надо было только выдержать до конца. Я бы уже сдѣлалъ все! А теперь, изъ-за тебя, все, что я строилъ... О, ты собака! собака! (Ударяетъ ногой лежащаго на землѣ).

Сара (съ крикомъ). Оставьте его!

Амстерд. еврей. Пусть отдастъ мои деньги! Пусть отдастъ все, что забралъ, этотъ злодѣй! (Плюетъ на него).

Испанск. еврей (стонетъ, рветъ на себѣ волосы). О-о! Что же я скажу въ краю слезъ и неволи? Что я имъ скажу, когда они спросятъ...

Амстерд. еврей. Паскудный вѣроотступникъ! измѣнникъ! предатели!

Крики. Продалъ насъ за соболій плащъ! Предатели!

Натанъ (кричитъ). Нѣтъ! Слушайте: написано у пророка Исаи...

Голоса (заглушаютъ его). Ты и самъ лжець! Ты пророчествовалъ, что онъ мессія!

Натанъ. Да! Онъ мессія! Вѣдь, написано у пророка Исаи: „сопричисленъ будетъ къ преступившимъ законъ, и грѣхи многихъ падутъ на него, и будетъ онъ среди злодѣевъ“... Погодите! погодите, онъ встанетъ...

I каббалистъ. Это вѣрно! Дѣйствительно, есть у Исаи...

II каббалистъ. Неправда, это относится не къ отступничеству! Онъ погубилъ Израиля...

Крики. Воръ! Воръ! Собака! Лжець! Богохульникъ! Висѣльникъ! (Топчутъ его и плюютъ на него, вопреки всѣмъ усиліямъ Сары защитить мужа).

Неэмія (горестно качаетъ головой). Бѣдняга! бѣдняга! Противъ Бога хотѣлъ ты пойти, но... побѣждаетъ только Богъ.

Старый еврей. Побѣждаетъ Богъ!

Неэмія. (Поднимаетъ руку, взволнованно). Слушайте меня, братья! Не грумитесь надъ бѣднымъ человѣкомъ, который палъ. Его поразила уже рука Божья. Мы же пойдемъ, глядя только впередъ, пока кровавыми очами не увидимъ избавленія!

Голоса (стонущихъ и плачущихъ). Избавленія! спасенія!

Неэмія. Ибо говорю вамъ, что засіяетъ день, и явится намъ истинный мессія...

Возгласъ. Явится мессія!

Неэмія... и если не наши очи, то очи дѣтей нашихъ и внуковъ узрятъ его...

Стопъ. О, Боже! Боже!

Крикъ (въ глубинѣ). Янычары!

На средней аллеѣ показывается Гассанъ-ага съ отрядомъ янычаръ.

Неэмія (увлеченный, не замѣчаетъ ничего). И побѣждено будетъ зло! Ибо высшаго достигло оно предѣла. Значить, надо было и такое испытать паденіе, чтобы воистину увѣровалъ Богъ въ народъ свой...

Гассанъ-ага. Прочь отсюда, собачій сбродъ! Прочь отсюда! прочь!

Янычары разгоняютъ евреевъ; смѣясь и забавляясь, преслѣдуютъ убѣгающихъ, ударяя ихъ рукоятками кинжаловъ.

Неэмія (остается впереди, повернувшись лицомъ къ Гассану-

агѣ). Не страшенъ намъ бичъ и не страшенъ намъ мечъ! Ибо знаемъ мы: мы терпѣли донинѣ и терпѣть будемъ еще... Но придетъ день... но придетъ день...

Вышли всѣ.

Сара (наклонившись надъ мужемъ, шепчетъ). Сабба! Сабба! уже ушли...

Саббатай остается недвижимъ.

Сара (съ внезапнымъ порывомъ). Возлюбленный!

Саббатай поднялъ голову, смотреть блуждающимъ взоромъ, закрываетъ глаза.

Сара (вглядывается въ его лицо и, все сильнѣе охватываемая безумной, страстной радостью, кричитъ). Ты мой! Возлюбленный... Ты мой мессія! мой святой! мой избавитель! Мой! уже мой! и только мой! (Поднимаетъ его голову и къ устамъ его припадаетъ устами).